ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2006 Том 12

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 1

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

4 **Наумов А. Р., Рассадин Н. М., Чекмарев В. В.**
Классические университеты – основа инновационного развития России

13 **Басов Н. Ф., Куприянов Б. В., Тимонин А. И.**
Система университетской подготовки будущих специалистов по социальной работе (к 15-и летию открытия специальности)

18 **Алексеева М. А.**
Современное состояние и перспективы художественно-педагогического образования (к 45-летию художественно-графического факультета)

21 **Шевелев А. Н.**
Школа и вуз в дореволюционном Петербурге: к проблеме взаимодействия

НАУКА: ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ

27 **Геворкян Э. В., Ларионов А. Н., Мелихов Ю. Ф., Тиняков О. А.**
Вращательная вязкость и динамика ориетационных процессов в жидких кристаллах в меняющихся магнитных полях

33 **Савельева И. Е.**
Показатели реологии крови у постинсультных больных при занятиях лечебной физкультурой

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

34 **Калмыков В. В.**
Методология исследования кооперативного уклада: многообразие подходов к исследованию

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

44 Шемет И. С.
Концепция интегративного развития психики

49 Ромм Т. А.
Методологические аспекты исследования социального воспитания

ИСТОРИЯ

55 Волкова Е. Ю.
Подготовка женских квалифицированных кадров в годы Великой Отечественной войны: достижения и проблемы

59 Мельников М. В.
Формирование концепции реформы денежного обращения в России в конце XIX века

62 Аннин А. Г.
Социалисты в Советах рабочих и солдатских депутатов Центральной России в период подготовки II Всероссийского съезда Советов

66 Османов А. И.
Крестьяне в купеческих гильдиях Петербурга в конце XIX – начале XX в.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

73 Цуриков В. И.
К вопросу о рациональном выборе налогоплательщика

80 Машков С. В., Брагина З. В.
Исторический опыт и современные проблемы противодействия антиконкурентным соглашениям в России

84 Пятницкий Д. В.
Применение теоретического подхода к оценке стоимости привлечения капитала с целью оптимизации инвестиционного плана в условиях асимметричности информации

88 Каравайков В. М., Кожурин С. И., Куликов А. В.
О системной взаимосвязи эколого-экономических факторов в процессе природопользования

91 Бабаев Д. Б.
Деньги и их роль в экономике

102 Киреева С. А.
Функция межгосударственной интеграции РФ и некоторые тенденции экономического развития мирового сообщества

ФИЛОЛОГИЯ

109 Тихова В. В.
Вопросы общеязыкового и психолингвистического характера в элективном курсе «Обучение рецензированию»

114 Фокина М. А.
Фразеологизмы в традиционном нарративе русской прозы XIX века

123 Шубина Э. Л.
К вопросу о вариантности субстантивных словосочетаний в произведениях немецких авторов XVII века

129 Коптелова Н. Г.
А. П. Чехов в восприятии Д. С. Мережковского (1908–1914 гг.)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

134 Шалумов М. С.
Формирование конституционного механизма защиты гражданских прав и свобод

137 Каравайкова Е. В.
Системное изучение правозаконности в современном российском обществе

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

141 Скоробогатько А. В.
Общественный идеал в русской социальной философии и принципы его исследования

145 Рязанова Н. В.
Социологический метод Н. К. Михайловского в познании общественного развития

150 Семенов В. А.
«Социальная и культурная динамика» П. Сорокина как метатеория социокультурного конфликта

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

162 Секованов В. С.
Сценарий удвоения периода в рамках спецкурсов для студентов университетов

170 Дулин Ю. Н.
Цели профессиональной подготовки менеджеров как становление профессиональной компетентности

МОЛОДО – НЕ ЗЕЛЕНО

180 Красовская Ю. П.
Грамматические и функциональные ошибки, вызванные употреблением обособленных обстоятельств (на примере итоговых сочинений учащихся 11 классов)

184 Неганова Г. Д.
Творчество Е. Честнякова и христианская словесность: интертекстуальные связи

190 Морозов Д. В.
Иронический хронотоп в романе В. Набокова «Дар»

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

194 Кирпичник А. Г.
Психология и педагогика социального воспитания в творческом наследии А. Н. Лутошкина

200 Чекмарев В. В.
Человек как институт (о книге М. И. Скаржинского «Избранные труды»)

ЧТО. ГДЕ. КОГДА.

201 Фокина М. А.
Международный форум лингвистов в Костроме

203 Баженов В. М.
Проблемы и перспективы развития технологического образования

205 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

207 ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Редколлегия журнала приглашает авторов для публикации работ в **основном выпуске** (4 номера в год) и следующих сериях:

Экономические науки:	«**Проблемы новой политической экономии**» (4 номера в год);
	«**Экономика образования**» (4 номера в год);
Культурология:	«**Энтелехия**» (2 номера в год);
Исторические науки:	«**Волжский рубеж**» (2 номера в год);
Технические и естественные науки:	«**Системный анализ. Теория и практика**» (2 номера в год);
	«**Квалиметрия образования и науки**» (2 номера в год);
Гуманитарные науки:	«**Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика**» (2 номера в год);
Философские науки:	«**Вопросы системогенетики**» (2 номера в год).

ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

А. Р. Наумов, Н. М. Рассадин, В. В. Чекмарев

КЛАССИЧЕСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ – ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Нужно ли образование обществу? Нужно ли образование государству? Нужно ли образование личности?

Развитие самой системы образования осложнено противоречивостью процессов, институционализируемых программой реформ. Причины этих процессов скрываются как в объективном разрастании хозяйственной системы страны до предела неуправляемости, так и в разделении интересов государственного аппарата и государства как социального института.

Очевидно, что именно университет как организационная форма высшей школы может стать для личности всенаправленным транслятором знаний окружающего диапазона, формирующим широкое информационное поле и, тем самым, обеспечивающим более адекватное восприятие в рамках социализации всеми сословиями и иными социальными группами и социальными сетями процессов формирования постиндустриального общества. *Обоснованную тревогу вызывают попытки разделения образования на «элитное» и «массовое» путем создания 25–30 так называемых «исследовательских» или «инновационных» университетов с соответствующим перераспределением в их пользу ресурсного обеспечения.*

Уровень научной работы является одном из ведущих показателей статуса современного вуза. Это справедливо как для России, так и для зарубежных вузов. Исследовательский университет – этот статус в американской модели высшей школы и науки принадлежит только тем вузам, которые проводят значительную научно-исследовательскую работу. Именно исследовательские университеты получают львиную долю финансирования из государственных и негосударственных источников за счет грантов и исследовательских программ, привлекают лучших преподавателей, имеют самый высокий уровень платы за обучение. При этом получение статуса исследовательского университета не зависит от его места расположения. Среди российских вузов лишь некоторые могут с известной долей натяжки претендовать на статус исследовательского университета. Как правило, это столичные вузы, располагающие хорошими лоббистскими возможностями на самом высоком уровне.

Вообще заметим, что исследовательский университет – это плеоназм наподобие «взрослого мужчины», *поскольку не может быть университет не исследовательским в силу того, что без исследований это и не университет вовсе.* Поясним свою мысль примером из военного искусства… Если образовавшийся за счет усилий какой-либо армейской единицы плацдарм не будет занят основными воинскими частями, то усилия отвоевания плацдарма напрасны и для многих – гибельны. *Попытка создать прорыв в научном обеспечении развития страны за счет создания инновационных университетов объективно обречена на провал с далеко идущими для страны последствиями.*

На наш взгляд, роль и функции – вот те критерии, отличающие классический университет от любых других видов университетов. Его функциональные профили – подготовка научных кадров и преподавателей для высшей школы. Идея не нова, но сверхактуальна. «В само понятие “университет” должен входить критерий занятия наукой профессоров, преподавателей и студентов. Вот это и есть университет, все остальное – от лукавого», – отмечает В. А. Садовничий.

Планирование и организация научно-исследовательской работы (НИР) в вузе представляют в современных российских условиях достаточную трудность. С одной стороны, проведение НИР является необходимым условием деятельности современной высшей школы, с другой – из-за отсутствия должного финансирования и недостаточной востребованности результатов представляется ненужным довеском к основной сфере деятельности – организации учебного процесса. Принимая во внимание последние официальные тенденции, вторая точка зрения на вузовскую НИР становится достаточно популярной.

© А. Р. Наумов, Н. М. Рассадин, В. В. Чекмарев, 2006

Однако на самом деле не все так просто… Научно-исследовательская работа в вузе значима не только и столько своими непосредственными результатами, то есть отдачей в виде конкретных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР). Высшая школа, основной целью деятельности которой является подготовка кадров высшей квалификации, для обеспечения надлежащего качества этой подготовки обязана привлекать будущих специалистов к НИР. Участие в НИР – обязательное условие достижения высокого уровня качества высшего образования. Таким образом, с точки зрения высшего профессионального образования, основное назначение НИР состоит в реализации обучающей функции научной деятельности. Участие в проведении реальных НИОКР обеспечивает высокое качество высшего образования. Данный тезис достаточно убедительно подтверждается при сравнении качества подготовки выпускников различными вузами: чем выше уровень НИР, тем выше качество обучения. Вузы, в которых организация НИР находится не на должном уровне, не в состоянии обеспечить требуемое сегодня качество подготовки своих студентов. Это может быть подтверждено при сравнении качества подготовки в большинстве негосударственных вузов, где основной контингент преподавателей составляют приглашенные со стороны, но собственной НИР, как правило, не проводится, либо она осуществляется лишь формально, и качества подготовки в лучших государственных университетах и институтах. Тем не менее в условиях современной российской действительности организация НИР в вузе представляет значительную сложность. Уровень сложности заметно вырастает в условиях российского провинциального вуза, не располагающего значительным лоббистским ресурсом и, как следствие, не имеющего возможности за этот счет получать дополнительное финансирование, ссылаясь на свою историю, высокие традиции, статус «ведущего» и т. д. и т. п.

О миссии университета

Размещение вузов на территории России исторически обусловило их концентрацию в столичных городах. Поэтому попытка ранжировать имеющиеся в стране вузы по их образовательному потенциалу и на этой основе выделение и сохранение вузовской элиты («исследовательских», «национальных», «ведущих» и т. п. вузов) означает нарушение принципа распределения производительных сил по территории страны. Применительно к образованию это означает факт интеллектуального обескровливания малых городов и прилегающих территорий.

Сущность новой государственной политики в области высшего профессионального образования заключается в постепенном переходе от преимущественно отраслевого к региональному управлению. Забота о высшем профессиональном образовании дает субъектам федерации, муниципальным образованиям серьезный выигрыш в научно-техническом, социально-экономическом и культурном развитии, повышает их конкурентоспособность на рынках труда и инвестиций.

Реформирование образовательной системы России происходит на фоне общих тенденций перераспределения функций управления и усиления роли органов местного самоуправления, которые в наибольшей степени приближены к проблемам местного сообщества и призваны их решать. Вузы могут стать серьезным ресурсным фактором, влияющим на развитие регионов, которое, в свою очередь, не может рассматриваться вне связи с изменениями в сфере образования. *Высшие учебные заведения являются необходимым элементом инфраструктуры современного крупного города, любого сколько-нибудь серьезного регионально-административного образования.* Количество и развитость высших учебных заведений являются индикаторами научно-технического, социально-культурного развития урбанизированной среды, ее миграционной привлекательности для населения, одним из основных показателей качества жизни населения. Города и регионы, имеющие развитые высшие учебные заведения, всегда были и будут более конкурентоспособными, притягивая к себе новые инвестиции, производства, предприимчивых людей, одаренную молодежь. Без сомнения, чем выше развитие высшей школы в регионе, тем большие возможности при прочих равных условиях они имеют для своего ускоренного демографического, социально-экономического и культурного развития.

Особую значимость приобретает состояние высшего образования при реформировании экономики. Вузы имеют возможность в больших масштабах вести переподготовку и повышение квалификации специалистов, что позволяет снизить структурную безработицу. Ряд вузов являются своего рода инкубаторами для наукоемких технологий, обеспечивают хорошие стар-

товые возможности для внедрения современных, в первую очередь информационно-насыщенных технологий, научного и кадрового обеспечения инвестиционных проектов. Темпы проведения экономических реформ по регионам страны соотносятся с показателями развития в них высшей школы, удельным весом лиц с высшим профессиональным образованием и количеством студентов. Все эти тенденции приводят к тому, что власти регионов, муниципальных образований уделяют все большее внимание развитию высшего образования, идут на разграничение полномочий по управлению высшим профессиональным образованием с федеральным центром, создают специальные органы управления, обеспечивают серьезную финансовую поддержку вузам. Все это объективно ведет к формированию университетов с региональной спецификой, которую участники совещаний ректоров ЦФО в Костромском ГУ им. Н. А. Некрасова (2001, 2002, 2003 годы) обозначили как модель регионального университета.

Общие направления организационной перестройки университетов в региональных центрах выражаются в переходе к многоступенчатой, гибкой, открытой, территориально рассредоточенной и самодостаточной модели высшего учебного заведения. В первую очередь это касается классических университетов, как признанных центров образования, науки и культуры региональных сообществ.

Большинство региональных университетов, используя новые возможности российского федерализма, значительно большую степень автономности, формирующиеся рыночные отношения, пошли на значительную диверсификацию основных направлений деятельности, освоили стратегический менеджмент, маркетинг рынка труда и образовательных запросов различных демографических, профессиональных и социальных групп регионального сообщества, научились лоббировать свои интересы в органах законодательной и исполнительной власти. Вновь образованные четверть века назад новые университеты располагались в административных центрах, что было единственно возможным вариантом при неразвитости системы расселения региона, его транспортных связей, телекоммуникаций, невысокой востребованности университетского образования и науки. Сегодня региональный университет не может сосредоточить свою учебную и научную деятельность только в центральном городе региона, ибо тогда он может стать, по сути, городским университетом. Региональный университет призван обеспечить необходимые условия для получения высшего образования на всей территории региона, отбирать одаренную молодежь, привлекать финансовые ресурсы органов власти, предприятий и организаций, населения.

Имеющийся потенциал университетов может быть в значительной мере увеличен за счет развития партнерства с местными органами власти, бизнесом и институтами гражданского общества в целях их взаимной интеграции и наращивания ресурсной базы, что, несомненно, окажет положительное влияние на процесс «выравнивания» развития регионов. Последнее, в свою очередь, невозможно без развития горизонтальных связей между университетами России и без активизации обмена опытом проектной деятельности университетов. Актуальность этой проблемы диктуется как внешними, так и внутренними факторами, связанными с процессами структурных преобразований в системе высшего образования России. Реформа высшей школы, направленная на повышение роли вузов как ресурсных центров в регионах страны, несомненно, актуализирует развитие профессиональных исследований формирования и осуществления региональной социально-целесообразной образовательной политики.

Институционализация университетского образования

Попытка описать специфику университетов лишь колонкой цифр объективно направлена не на реформирование системы образования, а на разрушение образования как социального института. *Полагаем значимость замены большинства имеющихся аккредитационных показателей «классических» университетов в их цифровой оболочке на такие, которые отразят качество и динамику развития вуза.* Для всех иных видов университетов аккредитация осуществляется на основе показателей, отражающих реализацию трех функций – научной, образовательной, инновационной. *Интеграция образования и науки может быть осуществлена только через инновационную функцию университета.* Поэтому исключительную озабоченность по вопросу интеграции науки и образования вызывает, *с одной стороны, голое декларирование позиции Минобрнауки РФ, а с другой – непринятие каких-либо практических шагов. Противоречивость законодательной базы разрешается всегда не*

в пользу образования. Согласно нормативной базе вузы не являются субъектами Закона РФ «О науке и государственной научно-технической политике», а требования Гражданского кодекса РФ выдавливают НИИ из университетского научно-учебного комплекса. Это уже не просто сокращение финансирования научных исследований, а, что более серьезно, фактически запрет университетам на право организации фундаментальных научных исследований[1]. Кто как не Минобрнауки РФ должен проявить законодательную инициативу по изменению ситуации?

В каждой стране существуют свои институциональные особенности по поводу возможностей объединения исследований. Американские и европейские ученые традиционно проводят их в рамках университетов, а российские – в рамках РАН и отраслевых академий. Сложно сказать, почему была выбрана та или иная модель, важно, что так сложилось.

Объем финансирования науки в институтах РАН и других государственных академий вчетверо выше, чем в вузах и подведомственных организациях Минобрнауки. Но если сравнить количество работников, занятых в системе вузовской и академической науки, то окажется, что большинство ученых работают в вузах. *Это уже не соблюдение традиции, а результат целенаправленной политики государства, губительной для вузов.* Неужели государство по-прежнему заинтересовано в сохранении своеобразного апартеида в системе науки? *В то же время, научные учреждения, ощущая свою неспособность к конкуренции, пытаются при поддержке Минобрнауки РФ выживать за счет экспансии в несвойственную для них область оказания образовательных услуг.* Инициативы академика Алферова по созданию академических университетов оказались поддержанными на самом высоком уровне, войдя в перечень задач национального проекта в сфере образования[2].

Постановка задачи интеграции науки и образования осуществлена достаточно давно. Однако, как говорится, воз и ныне там. И дело в том, что интеграция науки и образования не может быть осуществлена в таких условиях, которые мы сегодня имеем в России. Государством, правительством в лице Министерством образования и науки делается, может быть и не осознанно, все возможное для того, чтобы науку и образование «развести». В тексте Закона о высшем и послевузовском образовании декларировано, что будет разработан и апробирован механизм финансирования. Прошло немало лет, но механизм не создан, при этом обязанность заниматься научной деятельностью с преподавателей не снимается. Правда, непонятно за счет каких ресурсов они будут это делать. Поэтому в сегодняшней ситуации с интегрированием науки и образования мы пока не видим ничего, кроме деклараций.

В первую очередь, беспокоит разрозненность, нескоординированность научных исследований. Когда министерство собирало перечень конференций, проводимых вузами, их просто суммировали и объявляли в заявочном порядке, где что будет проходить. Но ведь эти действия надо координировать, нужно анализировать ситуацию, а не просто объявлять, чтобы вузы проводили все, что не лень. Тогда бы не случались ситуации, когда в нескольких городах в одно и то же время проводились конференции по сходных проблемам. Или вот пример недавнего прошлого: из Екатеринбурга приходит приглашение на студенческую всероссийскую олимпиаду по экономической теории, в теме которой значатся тихоокеанские проблемы. Зачем в Костроме или Москве будут решать тихоокеанские проблемы в рамках всероссийской олимпиады по экономической теории, зачем нам отправлять туда студентов?

Очень сильно мешает ситуация, связанная с тем, что министерство проводит курсы повышения квалификации за деньги вузов. При этом суммы достаточно серьезные. В прошлом году министерство впервые утвердило программу повышения квалификации. И по тем деньгам, которые они нам дали *(впервые за 10 лет!) в общей сложности можно в Москву отправить всего пять человек из вуза.* Причем распределение денег было таково, что отправить человека в командировку мы могли, а оплатить проживание – нет. *Но в КГУ 700 с лишним преподавателей, и из них пятая часть должна ежегодно проходить повышение квалификации!* В вопросах повышениях квалификации существует масса институциональных проблем, которые просто увеличение финансирования не снимает. Если повышать квалификацию, надо знать, куда ехать, где есть кадры, которые способны это делать.

Система грантов министерства и отраслевые программы не являются механизмом развития фундаментальных и прикладных исследований, давно превратившись из конкурса лишь в удобный способ перераспределения государственных денег. Иначе как объяснить формули-

ровки некоторых лотов, явно уже имеющих конкретного подрядчика? Тревожно, что отсутствует сочетание *объектного* (вуза как научной организации) и *проектного* финансирования НИР.

Поэтому сегодня наряду с понятиями размывание рынка, размывание государства и размывание институтов впору озадачиться проблемой размывания системы образования, в первую очередь, системы высшего профессионального образования.

Не ограничиваясь оценкой (положительной или отрицательной) следует определить вектор развития проектов модернизации сферы образования России. В рамках настоящей публикации отметим лишь, что современный российский вуз по рукам и ногам связан несчетным количеством нормативных актов, инструкций, проводимых проверок, что обрекает его на поведение «ленивца на ветке» в принятии и осуществлении решений всех уровней (от повседневных дел до разработки и реализации стратегии). Подобная ситуация не только не способствует эффективному управлению и развитию вузов, но и отвлекает из социального бюджета страны и без того ограниченные ресурсы.

В рамках «синергетической» парадигмы сфера образования рассматривается в качестве единой самоорганизующейся и саморазвивающейся системы континуума «образование – наука – производство». Эволюция представляет собой неограниченную последовательность процессов самоорганизации, а эволюционирующая система российского образования проходит последовательность состояний различного качества. *В контексте отмеченного следует, что попытки Минобрнауки РФ реформировать систему российского образования только «сверху» противоречат объективному процессу эволюционирования этой системы.*

Полагаем, что модернизация сферы образования возможна только при условии полной самостоятельности от бюрократического аппарата государства и наличии общественного контроля.

Роль классического университета в развитии инновационной экономики региона

Формирование информационного общества принципиально изменяет роль знаний в его социальном и экономическом развитии. Основной экономической деятельностью становится производство информации и ее использование для эффективного функционирования хозяйства. Основным ограничивающим производство фактором становится не земля, как в случае аграрного общества, не капитал, как в индустриальном обществе, а знание.

По мере развития общества достаточно хорошо просматривается тот факт, что в качестве источника прибыли все чаще выступают знания, инновации и способы их практического применения.

Однако, инновационная деятельность в России характеризуется низким результатом при значительном научном потенциале. В концепции государственной инновационной политики РФ указано, что в настоящее время разработку и освоение инноваций осуществляют только 10% промышленных предприятий.

Подавляющее большинство ученых считают, что для того, чтобы окончательно не превратиться в сырьевой придаток более развитых держав, Россия должна создать свою инновационную систему. Обсуждаются различные подходы к созданию такой системы в условиях федерального государства, ясно одно – процесс создания инновационной системы должен проходить взаимосвязано с федеральными и региональными органами.

В настоящее время Минобрнауки, РАН и Совет безопасности проводят целенаправленную работу, связанную с созданием национальной инновационной системы.

Однако, существует точка зрения, в соответствии с которой создание единой инновационной системы – дело далекого будущего, поскольку для этого необходимы следующие условия: развитая мощная экономическая система, система защиты интеллектуальной собственности, в основе инновационной системы должна быть крупная корпорация, ориентированная на наукоемкую технологию. Таких условий пока нет.

Ждать, пока условия будут созданы – невозможно. В центре развития инновационной политики регионов может стать университет. Это объясняется рядом обстоятельств, а именно: большинство регионов сами не способны строить экономику, основанную на знаниях и инновациях, поскольку они долго еще будут оставаться сырьевыми; процесс создания инноваций носит нелинейный характер и зависит от общественных потребностей, платежеспособного спроса может быть даже в большей степени, чем от технологических инноваций.

Большую роль в развитии региональной экономики основанной на инновациях играют структуры, способные довести инновационный продукт, услугу или технологию до потребителя. Важно заметить, что лидирующую роль в соз-

дании инновационных структур в 1990-х годах сыграло Минобразование, в системе которого впервые появились технопарки (в т. ч. в КГУ им. Н. А. Некрасова).

Инновационная деятельность вузов занимает особое место в большинстве регионов страны по нескольким причинам:

– значительный научный потенциал, высококвалифицированные научные кадры;

– университетская среда, выстраивая инновационную политику, ориентируется на потребность регионов;

– университеты являются интеллектуальными центрами, в которых фундаментальные и прикладные исследования тесно связаны с подготовкой специалистов;

– потенциал значительной части разработок достаточно высок, имеются уникальные разработки, вызывающие большой интерес за рубежом.

Роль высшей школы состоит в активном участии в реализации инновационных проектов в научно-технической сфере. В вузах обеспечивается:

– создание цикла от проведения исследований до реализации их результатов в промышленности;

– использование результатов инновационной деятельности в подготовке специалистов;

– инвестиции в инновационную деятельность из внебюджетных источников;

– создание инновационных инфраструктур в вузе и регионе.

В вузах России действуют около 100 различных инновационных структур, при участии вузов создано более 2 000 малых инновационных предприятий, осуществляющих выпуск наукоемкой технологии.

В вузах предусмотрено создание учебно-научно-инновационных комплексов, которые должны осуществить интеграцию образования, науки и производства. В настоящее время создано 15 таких комплексов и все они при технических университетах России. Исследования, проводимые Минобразованием, показали, что только 25% вузов активно развивают инновационную деятельность, создают инновационные структуры.

В Министерстве образования активно работает фонд содействия развитию инновационной деятельности высшей школы. Фонд финансирует инновационные проекты вузов в рамках действующих инновационных научно-технических программ. За счет средств Фонда финансируются разработки и тиражирование ряда материалов по научно-инновационной деятельности

В настоящее время в Минобразовании рассматривается вопрос о внесении в аккредитационные показатели вузов показателей, характеризующих инновационную деятельность, инновационный потенциал и инновационную активность.

Вместе с тем, потенциал вузов предприятиями и организациями используется недостаточно:

– результаты исследований используются редко для создания новых товаров, технологий и услуг;

– российскими учеными недооценивается роль менеджмента;

– коммерциализацией научных разработок занимаются ученые, это ошибка, поскольку данная сфера отлична от научной и должна быть организована на высокопрофессиональном уровне.

Традиционно инновационную деятельность определяют как совокупность научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, включая инвестиции в новые знания, которые направлены на получение технологически новых или улучшенных продуктов или процессов.

Научно-исследовательская деятельность в условиях высшей школы имеет свою специфику, которая обусловлена основным видом деятельности вуза – образовательным. Следовательно, инновационная деятельность вуза также имеет свою специфику, среди перечисленных выше составляющих появляется еще одна – образовательная.

Именно в совокупности элементов, включающих как компонент образовательную деятельность, видится естественная возможность обеспечения конкурентного преимущества высшей школы в области инновационной деятельности. Усиливает такие позиции тенденция развития рынка услуг, в том числе образовательных.

Такая точка зрения не умаляет возможности вузов влиять на научно-техническое развитие страны, а лишь подчеркивает их возможность занять свободную нишу в области инновационной деятельности, которая из соображений существования образовательной «наследственной среды» может привести к наибольшему выигрышу при наименьших затратах.

Представляет интерес анализ работы вузов. В 2004 году в области инновационной деятельности (по данным Фонда содействия развитию инновационной деятельности высшей школы): 73,6 % поддержанных инновационных проектов предоставлены техническими университетами, всего 16,5 % – классическими, другими вузами – 9,9 %.

Важно заметить, что, судя по названиям и краткому описанию проектов, технические университеты предоставляют разработки улучшенных товаров, предлагают автоматизировать технологические процессы, улучшенные приборы и оборудование для различных отраслей промышленности. Что касается классических университетов, то они предлагают принципиально новые технологии, материалы. *Глубина проработки и теоретическая основа малочисленных проектов классических университетов серьезнее, нежели технических*.

Анализ инновационных проектов, предоставленных кафедрами Костромского государственного университета, позволяет выделить ряд проблем:

Во-первых, большинство научных школ привыкли к чисто теоретическим разработкам, их интересует результат исследований сам по себе, а производство и продажа инновационного продукта – это совершенно незнакомое для них дело.

Во-вторых, научным коллективам, постоянно занимавшихся исследовательскими проектами, сложно перейти даже на формулировки инновационных проектов, предусматривающих создание и реализацию продукта, услуги, технологии.

В-третьих, отсутствие соответствующих структур в большинстве классических университетов, которые занимались инновационной деятельностью, тормозит ее развитие.

В-четвертых, предложения глубоко продуманных принципиально новых технологий, которыми занимаются естественно-математические кафедры университета, в своей основе опираются на хорошо проработанную фундаментальную базу. Для производства такой технологии или продукта нужно дорогостоящее, принципиально новое оборудование, технологии, материалы. Промышленность и фирмы региона не готовы предоставить такие возможности.

В-пятых, научные школы, осознавшие слабость региональной экономики предложили варианты создания инновационных структур, ориентированных на региональный рынок, таких как региональный центр нанотехнологий (наиболее перспективные технологии нашего времени), лаборатория проблем информационной безопасности (до сих пор область, ориентированная на оборонную промышленность, за услугами и разработками по проблемам информационной безопасности обращалась в другие регионы) и другие.

В-шестых, примечательно, что ученые классического университета обращают внимание не только на инновационные продукты и технологии, но и услуги. Представляется, что в настоящее время, когда наблюдается востребованность духовной составляющей в жизни регионов области, когда в относительной стабилизации экономического развития России население вспомнило о том, что не хлебом единым жив человек, классический университет предложил региону создание на его базе нескольких ресурсных культурно-образовательных центров.

В-седьмых, отсутствие законодательной базы в области защиты интеллектуальной собственности в России заметно снижает мотивацию, связанную с рекламой той или иной разработки, в силу востребованности таких разработок за рубежом и наличия возможности продавать их там.

Если рассматривать *приоритеты инновационной деятельности* на различных уровнях: федеральном (устанавливающие стратегические ориентиры развития страны); региональном (устанавливающие стратегические ориентиры развития региона); отраслевом (отражающие специфику развития конкретной отрасли); рынка научно-технической продукции (отражающие конъюнктуру на инновационный продукт в различных секторах рынка); научного сообщества (отражающие взгляды на важность развития тех или иных научных направлений). Особенностью системы образования является тот факт, что она связана со всеми уровнями в приведенной иерархии.

Рассмотрим *основные направления,* которые в настоящее время являются актуальными для развития инновационно-образовательной политики высшей школы.

1. Развитие инновационных структурных подразделений вузов, совместных инновационных комплексов образовательных заведений, ориентированных на развитие новых экономических механизмов хозяйствования. Направления деятельности таких структурных подразделений представляют собой совокупность научно-исследовательской, образовательной и коммерческой деятельности в тесной взаимосвязи.

2. Отработка новых экономических механизмов социального партнерства: венчурное финансирование НТП, лизинг, кредитование, страхование, средства международных финансов и благотворительных организаций.

3. Разработка нормативно-правовой и методической базы в сфере научно-инновационной деятельности системы образования.

4. Формирование и развитие информационного обеспечения инновационной деятельности высшей школы.

Кроме того хотелось бы отметить, что для реализации инновационного потенциала университету необходимо обратить внимание на создание системы подготовки и переподготовки специалистов в области инновационного предпринимательства; создание структуры, занимающейся маркетингом инновационных продуктов и услуг; обеспечение экономических условий развития инноваций, производство и их продвижения на рынке; привлечение дополнительных внебюджетных финансовых средств для развития инновационной деятельности; участие ученых в создании наукоемких технологий.

5. Учет региональных потребностей в инновационных услугах, технологиях, продуктах.

Полностью исчерпала себя идея, что вуз может продавать лишь то, что создали его ученые без учета рынка этой продукции или услуг. Это предполагает усиление роли маркетинга, спроса рынка, быстрой адаптации управления вузом на всех уровнях под новые задачи, наукоемкую технологию и услуги.

Костромской ГУ как ресурсный центр инновационного развития региона

Необходимым условием перевода экономики региона на инновационный путь развития является создание региональной инновационной системы. Базовыми элементами такой системы должны стать инфраструктурные объекты с различными формами собственности: инновационно-промышленные и научно-технологические центры, научно-технологические парки с сервисными фирмами (консалтинг, технологический аудит и др.), бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, венчурные фонды, инновационно-выставочные комплексы.

Общим принципиальным подходом к формированию стратегии инновационного развития региона является использование ряда системных принципов:

– рационального сочетания и дополнения элементов инфраструктуры с использованием нелинейной структурной модели инновационных процессов;

– формирование точек роста в инновационной сфере с учетом имеющихся конкурентных преимуществ;

– максимальной опоры на существующие жизнеспособные предприятия и структуры и др. В Костроме и многих других региональных центрах России объективно сложились условия возможности формирования инфраструктуры инноваций в классическом университете – как центрах образования, науки и инноваций.

Что позволяет КГУ сохранять устойчивую динамику развития? Прежде всего, ориентация коллектива университета на реализацию трех основных функции университета – научной, образовательной и инновационной, осознание своей миссии в регионе и наличие гибкой системы управления научно-исследовательской деятельностью. Позволим себе остановиться подробнее на том, что мы считаем для себя приоритетным…

Состояние научно-исследовательской деятельности, использование ее результатов в учебном процессе, производстве и управлении являются важнейшими индикаторами развития вуза, базирующихся на следующих ценностных основаниях:

– формирование у преподавателей, сотрудников, аспирантов, докторантов, студентов ценностей новой культуры научно-исследовательской деятельности;

– гармоничность в возрастном составе преподавателей и сотрудников, пропорциональность в научных отраслях, наличие положительных тенденций в изменении ситуации, темпы прироста индикаторов НИД.

Среди приоритетов НИД в КГУ мы выделяем:

– соответствие требованиям государственной аккредитации и направлениям исследований «Основам политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» с учетом «Концепции участия Российской Федерации в управлении имущественными комплексами государственных организаций, осуществляющих деятельность в сфере образования»;

– развитие фундаментальных исследований как основной целевой функции университета;

– наличие *инновационной* функции, дополняющей образовательную и научную, существенное увеличение доли внебюджетных средств,

– развитие кадрового потенциала университета, укрепление, с одной стороны, научных школ, а с другой – выявление и «выращивание» начинающих перспективных исследователей, поддержка и развитие целостной системы научно-исследовательской деятельности студентов;

– выполнение прикладных исследований в интересах социально-экономического развития Костромского региона как часть миссии КГУ.

Костромской государственный университет имеет ряд конкурентных преимуществ: наличие научного задела, сильный кадровый потенциал (более 80 докторов наук), наличие подготовленных менеджеров инновационной сферы, наличие элементов инфраструктуры инноваций, опыт работы на базе университета технопарка, опыт подготовки и переподготовки специалистов по инновационному предпринимательству и др.

В соответствии с концепцией развития научно-инновационной деятельности КГУ на 2005–2010 годы, выделены пять приоритетных направлений:

1) организация и управление непрерывным инновационно-технологическим процессом в университете;

2) создание инновационной структуры КГУ;

3) стимулирование инновационно-ориентированных научных исследований и разработок;

4) участие в создании и деятельности региональной инновационной системы;

5) подготовка кадров и повышение квалификации специалистов в области инновационного предпринимательства.

Работа по этим направлениям имеет две цели: коммерциализация полученных результатов фундаментальных и прикладных исследований в новые продукты, процессы и услуги и разработка новых товаров для удовлетворения существующих потребностей рынка. Реализация концепции является новым этапом становления инновационной деятельности университета.

В качестве основных инструментов реализации вышеуказанных приоритетов мы видим выявление, поддержку и стимулирование имеющихся «точек роста» в форме учебно-научных центров (УНЦ), а также инициирование новых. Причем «точка роста» рассматривается нами и как ресурс, и как основной механизм реализации вышеуказанных функций университета. Формирование УНЦ происходит на основе поддержки коллективов, способных обеспечить опережающий уровень развития образования и научных исследований, которые ориентированы на научное обеспечение устойчивого развития вуза, повышение качества учебного процесса и поддержку управленческих решений; ориентации на проведение полного цикла исследований и разработок, заканчивающихся созданием готовой продукции; конкурсности и открытости.

Работа по приоритетным направлениям предполагает создание базы инновационной структуры – инновационно-технологического центра университета (инноцентра), призванного:

– разработать проект развития инновационной деятельности в университете;

– проводить за счет университета и привлеченных финансовых, материальных и интеллектуальных ресурсов поддержку инновационной деятельности кафедр, лабораторий, временных творческих коллективов;

– проводить технологический аудит кафедр и лабораторий по их заказам;

– содействовать проведению консалтинга, маркетинга и других видов поддержки лучшим инновационным проектам;

– участвовать в мероприятиях в инновационной сфере вне университета;

– организовывать при наличии финансовых ресурсов коллективы, занимающиеся коммерциализацией технологий;

– проводить внутреннюю экспертизу проектов;

– участвовать в работе венчурного фонда;

– участвовать в работе маркетингового центра по продвижению инновационных товаров и услуг на внутренний и внешний рынки.

В дальнейшем инновационная инфраструктура университета, наряду с инноцентром, будет включать в себя венчурный фонд, центр маркетинга, бизнес-инкубатор по созданию малых инновационных фирм и сервисные службы университета. Университетский инновационный комплекс может стать одним из опорных элементов региональной инновационной системы.

Примечания

[1] См. *Майер Г. В.* Классические университеты: современность и перспективы / Г. В. Майер, М. Д. Бабанский // Университетское управление. – 2000. – № 2(13). – С. 20–21.

[2] См. выступление министра А. А. Фурсенко на расширенной коллегии Минобрнауки РФ 11.10.2005 г.

Н. Ф. Басов, Б. В. Куприянов, А. И. Тимонин

СИСТЕМА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ (к 15-и летию открытия специальности)

Преамбула. *В статье подводится опыт 15-летней деятельности университета по подготовке специалистов по социальной работе. Раскрыты основные направления работы кафедры социальной работы и института педагогики и психологии, намечены перспективы дальнейшего совершенствования подготовки кадров для социальной сферы.*

В начале 1990-х годов был сделан своеобразный прорыв в области подготовки социальных работников. Среди первых правовых актов, определивших законодательную основу деятельности в этом направлении был закон, принятый в 1991 году, бывшим ВС СССР, «Об общих началах молодежной государственной политики в СССР», в котором впервые законодательно был закреплен статус социального работника для молодежи, сформировано положение о социальном работнике. Приказом Госкомитета по труду и социальным вопросам от 23.04.1991 года квалификационный справочник должностей был дополнен новой характеристикой «Специалист по социальной работе». Вскоре, 13 мая 1991 года Госкомитет РСФСР по делам науки и высшей школы принял решение коллегии «Об организации подготовки кадров специалистов по социальной работе в вузах РСФСР». В этом же году Госкомитет СССР по народному образованию (приказ от 7 августа 1991 г. №376) открыл новую специальность для высших и средних специальных учебных заведений. Более чем в тридцати высших учебных заведениях страны состоялся первый набор абитуриентов по новой специальности. Костромской педуниверситет был в их числе.

В настоящее время в России создана развитая многоуровневая непрерывная система высшего профессионального образования в области социальной работы. Эта система включает в себя около 120 вузов во многих регионах России, в которых обучаются более 30 тыс. будущих специалистов социальной работы. Их подготовкой заняты почти 3,5 тыс. преподавателей, в том числе около 600 докторов наук, профессоров, 1900 кандидатов наук, доцентов, объединенных в 90 кафедр.

Подготовка специалиста по социальной работе началась в Костромском государственном университете имени Н.А. Некрасова в 1991 году. Сегодня обучение специальности «Социальная работа», квалификация «Специалист по социальной работе» ведется в институте педагогики и психологии по очной и заочной формам.

В основу профессионального обучения и воспитания специалистов по социальной работе положены требования Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, отраженные в учебных планах и программах дисциплин по специальности. Система подготовки профессионала по специальности «Социальная работа» включает в себя организацию учебно-познавательной и практической работы студента. Учебно-познавательная деятельность представляет собой изучение будущими специалистами общих гуманитарных и социально-экономических, общих математических и естественно-научных, общепрофессиональных, специальных дисциплин и дисциплин специализации. За эти годы блок дисциплин специализации претерпевал содержательные изменения. Первые четыре выпуска специалистов 1996–1999 годах получили специализацию, в соответствии с дополнительной квалификацией «Учитель истории». Начиная с 2000 года введена специализация по профилю «Психосоциальная работа с населением». Сегодня студенты проходят профессиональную подготовку по специализации «Социально-правовая поддержка населения».

Логика профессионального образования будущих специалистов по социальной работе в Костромском вузе следующая. Обучение на первом курсе начинается с адаптационного лагерного сбора, который решает задачу введения вчерашних абитуриентов в социокультурные общности – «университет», «институт» (сообщества студентов и преподавателей), «профессия» (сообщество профессионалов – социальных работников). Здесь происходит авансирование академических, профессиональных, научных, обще-

© Н. Ф. Басов, Б. В. Куприянов, А. И. Тимонин, 2006

ственных успехов будущих специалистов по социальной работе. В ходе совместной со старшекурсниками и преподавателями деятельности первокурсники знакомятся с «траекториями» личного и профессионального развития, возможных в период обучения.

Студенты-первокурсники, выступая с позиции участника сбора, в процессе интенсивной, эмоционально-притягательной, коллективно-творческой деятельности усваивают «ситуации – образцы» поведения, отношения к профессии и факультету, делового взаимодействия, демонстрируемые командой преподавателей и студентов старших курсов.

Программа инструктивно-установочного сбора довольно насыщена. Традиционными формами деятельности в ней являются:

1. Практикумы, которые формируют начальные прикладные умения и навыки, необходимые в дальнейшей работе и учебе. Среди них: психология общения, актерское мастерство, основы организаторской деятельности, приемы творческого мышления, оформительство, музыка, игровые технологии, научная организация труда студента и др.

2. Общие дела, которые можно разделить на несколько групп:

а) формирующие представления о специальности и факультете: устный журнал об истории, традициях, перспективах института педагогики и психологии, познавательно-творческая игра «Кто он – специалист по социальной работе?», конкурс стенных газет о своей специальности, встреча с преподавателями, посвящение в студенты;

б) позволяющие студентам-первокурсникам продемонстрировать собственный творческий потенциал и организаторские способности: маршрутная игра «Это Вы можете?», конкурс студенческих эстрадных миниатюр, праздник песни и т.п.

Групповая работа формирует положительный микроклимат в студенческих группах, интенсифицирует процесс коллективообразования, вырабатывает навыки делового и межличностного взаимодействия между студентами. Руководят групповой работой студенты-старшекурсники (кураторы групп).

Таким образом, сбор задает студенту «ситуацию – образец» того, как работать с группой, как провести индивидуальную или групповую беседу, как организовать общее дело, какими приемами можно привлечь внимание аудитории, создать условия для самоопределения по деятельностному основанию. Инструктивно-установочный сбор первого курса создает условия для формирования у будущих специалистов по социальной работе положительного мотивационно-ценностного отношения к избранной профессии и способствует эффективной адаптации студента к образовательной деятельности с позиции ее субъекта.

Содержание образования на первом курсе включает, кроме предметов блока гуманитарных и социально-экономических дисциплин, начальный этап в изучении курса «Теория социальной работы». Задачами этой дисциплины является знакомство студентов с социальной работой как практической деятельностью, общественно-государственным институтом, отраслью знания, профессией и комплексом учебных дисциплин. Изучая темы «Социальная работа как феномен современного мира», «Предпосылки институализации социальной работы», «Социальная работа как отрасль знания», «Карьера и профессиональный рост специалиста по социальной работе», «Социальное учреждение: типы, система, организация деятельности», «Коммуникативная культура специалиста по социальной работе», «Организаторские умения как компонент профессиональной готовности специалиста по социальной работе», студенты получают необходимую первоначальную информацию о выбранной специальности, систематизируют знания об индивидуальных возможностях профессионального социального работника. В ходе лабораторных занятий будущие специалисты посещают 2–3 учреждения социальной защиты населения и комитета по делам молодежи, непосредственно знакомясь с деятельностью работников, занятых в этой сфере.

На втором курсе будущие специалисты продолжают изучение общегуманитарных, социально-экономических, математических, естественно-научных дисциплин. На этом курсе начинается систематическое освоение предметов общепрофессионального цикла. В параллельном режиме студентам преподается теория и технология социальной работы, педагогика и психология. Сочетание фундаментальной теоретической и практической подготовки позволяет наиболее эффективно реализовывать цель профессиональной подготовки. Второкурсники не только обсуждают проблемы категорий, направлений, методов социальной работы, но и овладевают практическими умениями и навыками социального обслу-

живания. Этому процессу содействует организаторская практика в стационарных социальных учреждениях. Главной задачей, на этом этапе профессионального образования, является формирование готовности работы с группой клиентов.

Базами практики выступают стационарные учреждения социального обслуживания населения: социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социальные приюты для детей и подростков, дома интернаты для граждан пожилого возраста и инвалидов.

Третий курс, с одной стороны – период завершения формирования у будущих специалистов представлений о научной картине мироздания, роли науки в развитии цивилизации, о феномене культуры и т. п., а с другой – начало более интенсивной, чем прежде, специальной подготовки. В содержании последней входят: «Практическая психология и психодиагностика», «Методика исследований в системе социальной работы», «Содержание и методика психосоциальной работы в системе социальной работы» и т. д. Практический аспект подготовки связан с проведением на третьем курсе технологической практики в нестационарных учреждениях социального обслуживания населения. Она имеет своей целью усвоение и апробирование студентами технологических приемов профессиональной социальной работы, соединение теоретических знаний, умений с реальной практикой социальных учреждений. В ее задачи входят:

1. Расширение представлений будущих специалистов по социальной работе о характере профессиональной деятельности.

2. Организация процесса овладения студентами общепрофессиональными умениями социальной работы: наблюдать за клиентами и беседовать с клиентами для изучения их; определять близкие и оперативные цели своей деятельности в конкретных ситуациях; планировать работу, отбирать необходимые средства и ее оптимальные формы, использовать целесообразное содержание; оформлять свои наблюдения, планы, результаты работы в соответствующие документы; строить взаимодействие с клиентами на основе сотрудничества, высоких нравственных отношений, взаимного расположения; осуществлять контроль за текущим ходом работы, объективно оценивать выполнение клиентами заданий; определять степень достижения поставленной цели, устанавливать причины слабости воздействий, недостатки своей деятельности, причины неэффективного решения профессиональных задач.

Объектом технологической практики являются учреждения социального обслуживания населения (отделение в социальном учреждении). Студент имеет возможность выбора объекта по своему желанию, с учетом своих интересов и психологических особенностей. Во время практики студент выступает в роли помощника специалиста по социальной работе.

Четвертый курс обучения предполагает углубление специальной подготовки и освоение дисциплин специализации. Профессиональная практика на данном этапе проходит с отрывом от учебного процесса (в течение 6 недель) и предполагает самостоятельную деятельность в качестве специалиста по социальной работе в нестационарных учреждениях (Центры социального обслуживания населения, Территориальные центры помощи семье и детям, Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних).

Таким образом, обеспечивается преемственность практической подготовки третьего и четвертого курсов. Студенты здесь реализуют возможность отработать профессиональные умения, получить комплексную оценку собственной компетентности в социальной работе.

В содержании образования на пятом курсе обучения по специальности «Социальная работа» входят следующие дисциплины: «Организация, управление и администрирование в социальной работе», «Экономические основы социальной работы», «Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе» и другие.

Осознанию своего будущего профессионального статуса содействует и роль, которую играют пятикурсники в социокультурном сообществе института. Они являются хранителями традиций, консультантами для студентов младших курсов, лидерами различных общественных объединений, инициаторами общественно-значимых акций и мероприятий.

Особое место в системе практик занимает преддипломная практика на выпускном курсе. Функциями производственной практики являются упражнение выпускников в практической социальной работе и демонстрация ими уровня своей профессиональной подготовленности. Будущие специалисты проходят эту практику

в качестве заведующих отделениями социального обслуживания. На данном этапе студенты проводят основную опытно-экспериментальную часть своей квалификационной работы, внедряют в деятельность социальных служб собственные проекты.

Не смотря на наметившиеся процессы социально-экономической стабилизации в России, в наше время остается неустойчивым положение молодежи. Социальное неблагополучие отражается на состоянии здоровья этой социальной группы населения, наблюдается рост у молодых людей заболеваний, сопутствующих крайней бедности (прежде всего туберкулеза). Велик процент молодых людей, не имеющих работу, половина работающей молодежи трудится не по той специальности, которую приобрела в процессе обучения, либо вовсе не имеет профессии.

Отсюда возникла потребность в углубленной подготовке студентов к социальной работе с молодежью.

Социальные потребности молодежи обеспечиваются системой услуг по информационному обеспечению, образованию, трудоустройству, здравоохранению и организации отдыха, социальному обслуживанию, поддержке в трудной жизненной ситуации. Социальные службы для молодежи осуществляют свою деятельность по более чем 20 направлениям.

Российское законодательство предусматривает сеть специализированных учреждений, призванных обеспечивать экстренную поддержку молодым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации – центры доверия, досуговые и социально-реабилитационные центры, социальные приюты для детей и подростков. Все эти учреждения нуждаются в высококвалифицированных специалистах с высшим образование.

Таким образом, выбор новой специализации «Социальная работа с молодежью» в Костромском государственном университете вполне оправдан.

Система подготовки специалиста по социальной работе обеспечена сотрудничеством ИПП и университета с Департаментом социальной защиты населения администрации Костромской области. Основные направления сотрудничества зафиксированы в договорах и состоят в совместной организации практики студентов, привлечении к государственной аттестации и преподаванию наиболее подготовленных специалистов-практиков, распределении выпускников, научной и методической работе, аттестации работающих кадров. С 1997 года ведется подготовка к совместной организации переподготовки работающих специалистов социальных служб области (курсовая подготовка, проведение отдельных семинаров, повышение квалификации работающих специалистов через факультет переподготовки специалистов).

С июля 2001 года все студенты специальности «Социальная работа» проходят итоговую государственную аттестацию в форме защиты квалификационных работ. В качестве научных руководителей выступают преподаватели кафедры социальной работы и наиболее квалифицированные специалисты социальных учреждений. Этому предшествует кропотливая деятельность по утверждению индивидуальных графиков выполнения квалификационных работ, на заседаниях кафедры заслушиваются выступления ряда студентов по исследуемым проблемам. Важным подспорьем при написании квалификационных работ является изучение студентами на 3 курсе учебной дисциплины «Методика исследований в социальной работе», а также выполнение курсовых и других письменных работ. Большую роль играет также участие студентов в исследовательских проектах, в научно-практических конференциях. Кроме этого, на кафедре была разработана процедура допуска к защите квалификационных работ.

Исходя из тематики выпускных работ, представленной на государственную аттестацию, можно определить следующие научно-практические направления: социальное обслуживание, педагогика социальной работы, социология социальной работы, психология социальной работы, подготовка кадров для учреждений социального обслуживания, менеджмент социальной работы.

Значительное внимание кафедра социальной работы уделяет учебно-методическому обеспечению специальности. Усилиями преподавателей разработан комплекс программ учебных дисциплин с ученом требований государственного стандарта высшего профессионального образования 2000 г. Издано ряд методических материалов и учебных пособий: Н. Ф. Басов, В. М. Басова «История социальной работы в России» (Кострома, 1999); Н. Ф. Басов «Практикум по истории социальной работы в России» (М., 1999); Н. Ф. Басов «Социальная геронтология: словарь-справочник» (М., 2000); Н. Ф. Басов,

О. Н. Бессонова, Б. В. Куприянов, А. И. Тимонин «Квалификационные работы выпускников университета по специальности "Социальная работа"» (Кострома, 2002); «Основы социальной работы» под ред. Н. Ф. Басова (М., 2004); Н. Ф. Басов, В. М. Басова, А. Н. Кравченко «История социальной педагогики» (М., 2005) и др.

Большая работа ведется по созданию методического кабинета социальной работы. Разработано положение о нем, приобретена основная литература по специальности. Основная задача кабинета состоит в осуществлении учебно-методической помощи преподавателям кафедры, организации самостоятельной работы студентов и различных форм их внеаудиторной деятельности, обеспечение учебного процесса современными техническими средствами, наглядными пособиями и специальными учебно-методическими материалами. В кабинете организовываются выставки литературы, осуществляется сбор и накопление информации по проблемам социальной работы, готовятся к печати учебно-методические издания.

С 1995 года при непосредственном участии преподавателей кафедры начата допрофессиональная подготовка по специальности «Социальная работа». Эта деятельность не только содействует одному из самых высоких конкурсов на специальность при вступительных испытаниях в университет, но и притоку профессионально ориентированной молодежи.

Анализ опыта деятельности по подготовке специалистов социальной работы, осуществляемой в Костромском государственном университете на протяжении 15 лет показал, что сложившаяся система деятельности в данном направлении отвечает задачам, поставленным в государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования вуза.

Однако исследования, проводимые на кафедре социальной работы, свидетельствуют о том, что нужны дальнейшие шаги по более глубокому осознанному научно-методическому обеспечению процесса подготовки будущих специалистов, с тем, чтобы в 2006 году перейти на новые государственные стандарты, а затем и на систему многоуровневой подготовки.

Данный процесс потребует организации более совершенного учебного процесса, с использованием активных методов обучения (проблемные лекции, социальные проекты, ролевые игры, кейс-метод и др.). Сформировать высокий профессионализм будущих специалистов социальной работы возможно лишь путем оптимальной связи теоретических знаний с практикой использования активных форм учебной деятельности обучаемых, что способствует поиску и разработке новых технологий образования в условиях университета, включая формы и средства объективной аттестации знаний студентов.

Обучению студентов современным технологиям и методам социальной работы, включению их в процесс освоения фундаментальных теоретических знаний способствует хорошо организованная самостоятельная работа студентов. Особую роль в ней может занимать выполнение самостоятельных письменных работ творческого характера – эссе, освещающих современное состояние конкретной социальной проблемы; выполнение квалификационных работ, обобщающих лучший опыт социальной работы.

В соответствии с этим повышается роль преподавателя дисциплин социального цикла, который является не только источником новейших знаний, но и учит студентов умению самостоятельно приобретать их.

Более продуманной и целенаправленной необходимо сделать систему профессиональных практик будущих специалистов социальной работы, которая должна быть ближе к деятельности социальных учреждений, формировать общее представление о системе социальной защиты населения.

Важнейшей составляющей профессиональной подготовки специалиста по социальной работе является так же национально-региональный компонент. Его содержание призвано способствовать повышению качества учебного процесса, адресно ориентировать будущих специалистов на работу именно в Костромском регионе, его городах и населенных пунктах, с учетом особенностей их социального развития, опыта, который сложился в местных органах соцзащиты.

Важно заметить, что разработка системы научно-методического сопровождения учебного процесса в условиях вуза, более внимательное рассмотрение содержания дисциплин, которые обеспечивает кафедра социальной работы, а также четкое определение составляющих и основных этапов процесса подготовки специалистов с высшим образованием позволили подготовить силами ведущих преподавателей развернутое учебное пособие «Основы социальной работы» под ред. Н. Ф. Басова, объемом почти в 20 печат-

ных листов. Оно получило поддержку Министерства образования, которое рекомендовало его в качестве учебного пособия для студентов вузов и было выпущено двумя изданиями издательским центром «Академия» (г. Москва) в 2004 году.

В целом, разработка научно-методического сопровождения учебного процесса будет способствовать подготовке квалифицированных специалистов в соответствии с высокими требованиями современного общества. Время требует, чтобы из стен университета выпускались профессионалы в области социальной работы, а также организаторы социальных служб, научные работники, преподаватели.

Опыт подготовки социальных работников в Костромском госуниверситете еще только складывается. Тем не менее, сделано не мало. Прежде всего создан коллектив единомышленников – кафедра социальной работы и методический кабинет при ней. Разработана в соответствии с государственным стандартом высшего профессионального образования нового поколения учебно-методическая база: программы дисциплин, профессиональных практик, государственной аттестации и защиты квалификационных работ, дисциплин специализации. Вот уже несколько лет работает диссертационный совет по проблемам социального воспитания.

Впереди еще много нерешенных проблем, но они по силам людям, которые одержимы идеей готовить высококвалифицированных специалистов.

М. А. Алексеева

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (к 45-летию художественно-графического факультета)

Художественно-графический факультет – один из старейших факультетов КГУ, в 2005 году ему исполнилось 45 лет. История возникновения факультета, как части художественно-изобразительной образовательной системы, берет свое начало в 1904 году. Тогда молодой художник Н. П. Шлейн, после окончания Высшего художественного училища при Петербургской Академии художеств, возвратившись в Кострому, открыл художественные классы рисунка, живописи и лепки. В 1944 году художественная школа была преобразована в Костромское художественное училище. В 1960 году на базе училища создается художественно-графический факультет.

В разные годы факультетом руководили А. И. Бузин, Е. А. Дудченко, А. В. Фокин, М. С. Резникова, С. К. Булдаков, Н. М. Рассадин, В. В. Груздев, А. А. Коршунов. Много сил и энергии вложили они в дело подготовки будущих педагогов-художников. Заметный след в истории факультета, совершенствовании организации учебного процесса М. С. Колесов, А. И. Бузин, Ф. Я. Кораблев, В. И. Лытнев, В. Г. Смирнов, А. П. Белых, А. Г. Забагрин, В. А. Кутилин, Ю. А. Тощаков, В. Б. Сергеев.

На протяжении всех этих лет факультет сохраняет традиции обучения изобразительному искусству, сформированные в Костромском художественном училище. Изучение и применение законов реалистической живописи и рисунка составляют главное содержание учебного курса в профессиональной подготовке художников-педагогов.

Последнее десятилетие – время насыщенное различными социально-экономическими изменениями, тяжелая экономическая ситуация в стране сказалась на учебно-методическом обеспечении. Так, перестали выделяться (с 1993–1994 годы), необходимые для учебного процесса материалы: кисти, краски, холсты, бумага, и т. д. Тогда были закрыты массовые специализированные журналы «Искусство», «Творчество», «Художник», «Декоративно-прикладное творчество», прекращено государственное издание репродукций, открыток, диафильмов с произведениями художников, централизованное обеспечение учебного процесса наглядными пособиями, перестали проводиться зональные, республиканские выставки студенческих работ и т. д.

В эти годы произошло уменьшение количества часов в стандарте на обучение специальным дисциплинам, на факультете не стало профессиональных натурщиков, студенты были вынуждены позировать сами себе.

На фоне данных перемен факультет, тем не менее, следовал достижению главной цели пре-

© М. А. Алексеева, 2006

подавания – воспитания человека гуманиста-творца с развитой индивидуальностью, способного сохранить и пополнить достижения отечественной культуры и искусства и, что немаловажно, готового к творческому труду в любой сфере деятельности в рыночных условиях общественного и индивидуального производства.

С 1995 года идет обновление содержания эстетического воспитания и художественного образования, в связи с этим активизируется работа по упорядочению и совершенствованию учебно-методической, нормативной документации факультета, приведению ее в соответствие с существующими требованиями, что позволило факультету в 1997 году успешно пройти государственную аттестацию. В 1996 году по инициативе декана М. А. Алексеевой и поддержке ректора Н. М. Рассадина был создан музей ХГФ. С этого времени подготовка будущих педагогов стала носить характер не только передачи определенного объема научных знаний и практических навыков, но и обучения творческой деятельности. Выставочная работа музея стала стартовой площадкой в творческой деятельности как студентов, выпускников, так и преподавателей факультета.

В 1998 году Министерство пересмотрело номенклатуру специальностей: специальность «Изобразительное искусство и черчение» стала называться «Изобразительное искусство» с последующим сокращением количества часов по предмету черчение и исчезновением методики его преподавания. Упраздняется консультационная работа преподавателя в период самостоятельной подготовки студентов. Сокращается и количество мест приема на факультет с 50 до 40 человек. Этот процесс продолжается и в последующие годы, набор на специальность в настоящее время сократился до 25 человек.

Изменение требований к уровню качества образовательного процесса потребовало изменений как в организационном, кадровом, учебно-методическом, так и научно-исследовательском плане. Для разрешения этих проблем возникла необходимость совершенствования содержания программ и технологий педагогического процесса, которые действовали в рамках, хотя и традиционной, но репродуктивной парадигмы; стимулирования художественно-изобразительного творчества студентов как условия повышения эффективности подготовки выпускника; повышения уровня профессионального образования профессорско-преподавательских кадров факультета; расширения изобразительно-творческого пространства областью дизайна и декоративно-прикладного искусства.

Сейчас на факультете применяются методики, способные обеспечить высокий уровень научных, прикладных и художественно-творческих исследований, сложились и успешно функционируют творческие группы и коллективы (под руководством преподавателей А. А. Мариева, В. Е. Еремина, Я. А. Высоцкой, Т. Н. Решетняк и др.).

В период подготовки к аттестации специальности в 2004 году, преподавателями факультета были разработаны и опубликованы программы всех основных дисциплин учебного плана, в настоящее время совершенствуются и уточняются программы спецкурсов и спецсеминаров. Коллектив преподавателей факультета успешно осуществляет научно-методическое сотрудничество со средними профессиональными и высшими учебными заведениями, принимает активное участие в повышении квалификации, аттестации и переподготовке специалистов, проводит серии семинаров и консультаций для преподавателей общеобразовательных школ.

На факультете особое значение придается решению такой задачи как развитие творческого потенциала студентов. Немаловажную роль в этом играет музей художественно-графического факультета, в его фондах собираются лучшие дипломные работы по живописи, графике, декоративно-прикладному искусству. Зал музея выполняет функцию выставочного, там ежегодно проводятся вернисажи преподавателей, студентов, выпускников факультета. Выполняется вся обширная организационная работа по отбору, подготовке и представлению большого числа живописных и графических дипломных работ для участия в различных выставках.

За последние три года работы студентов факультета прошли отбор и были приняты к участию в таких крупных выставках как Всероссийской выставке студентов и преподавателей художественных вузов (март – апрель 2003 года) в г. Смоленске; областной выставке работ студентов творческих факультетов г. Костромы (ноябрь 2003 года); областной молодежной выставке художников (январь 2004 года); Всероссийской выставке творческих работ студентов и преподавателей художественных вузов (ноябрь 2004 года) в г. Чебоксары; областной выставке работ студен-

тов творческих факультетов г. Костромы «Студенческая весна» (апрель 2005 года). По итогам столь важных и ответственных вернисажей работы студентов ХГФ и сам факультет были отмечены дипломами лауреатов, а представленные художественно-творческие работы студентов и преподавателей факультета получили самую высокую оценку выставочных комитетов и специалистов других вузов Российской Федерации.

На факультете работают высококвалифицированные преподаватели, имеющие достаточно высокий теоретический и методический уровень подготовленности. Исходя из специфики специальности, к требованиям, определяющим профессиональный уровень педагога и уровень качества обучения, относятся такие качества преподавателей как способность к изобразительной деятельности и владение в совершенстве изобразительной грамотой. Отсюда показателем профессиональной компетенции преподавателей ХГФ является их членство в Союзе художников РФ. Сейчас на факультете трудятся 8 членов Союза художников России. Согласно требованиям стандартов подготовки специалиста, учебный процесс в части кадрового обеспечения должны осуществлять преподаватели, имеющие соответствующую профилю подготовки ученую степень.

Преподаватели факультета стремятся соответствовать требованиям стандарта – поступают, обучаются и заканчивают аспирантуру. Тревожит лишь тот факт, что в большинстве случаев окончание аспирантуры не приводит к завершающей стадии – защите кандидатской диссертации, соисканию ученой степени кандидата наук. Безусловно данная ситуация требует своего анализа, обобщения и решения.

Для расширения сферы художественно-изобразительного образования, в октябре 2004 года, был налажен контакт с УМО художественно-промышленного высшего учебного заведения им. Строганова, определен перечень необходимой документации для открытия новой специальности «Графический дизайн». С 2004 года идет разработка необходимой для открытия новой специальности документации. Приведен в соответствии с нормативными требованиями учебный план по данной специальности, определен кадровый состав. На данном этапе разрабатываются учебные программы по дисциплинам. Из Санкт-Петербурга привезена документация по бакалавриату и магистратуре по направлению «Художественное образование». Перспективы развития художественно-графического факультета могут быть связаны с развитием магистратуры, но не бакалавриата. Четырехлетний срок обучения в бакалавриате грозит уменьшением содержательной подготовки, поверхностным освоением специальных предметов, снижением уровня качества подготовки специалиста. В организации учебного процесса очень важно сохранить сугубо художнический опыт системы образования, который подвергается сегодня сложнейшим испытаниям.

Надо отметить, что многолетняя деятельность нашего факультета доказала его жизненность, необходимость его существования. Даже в наше трудное время, время переориентации социальных ценностей, число желающих поступить на факультет превышает число мест, которое мы можем им предоставить. Это говорит о существующей сильной тяге молодежи к искусству как источнику духовного развития, что само по себе ценно во время падения нравственности и засилья низкопробной массовой культуры.

Думается, что одной из приоритетных задач художественно-графического факультета является то, что факультет должен стать своего рода очагом культуры для конкретного региона, центром для создания координационных советов по художественно-педагогическому и художественному образованию, экспертным органом при обсуждении лучшей организации дел в художественно-творческой, декоративно-прикладной деятельности города, области и региона в целом.

А. Н. Шевелев

ШКОЛА И ВУЗ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПЕТЕРБУРГЕ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Модернизация отечественного образования предусматривает оптимизацию взаимодействия средней и высшей школы. Выбор вуза, котировка профессий и требования рынка труда, сложности поступления и разница в требованиях программ школы и вуза, недостаточность их методического оснащения – это явные проблемы. Введение единого государственного экзамена и профильного образования, наряду с европейскими требованиями к российским вузам, может стать средством их решения. Но, кроме современных требований к качеству школьного и вузовского образования, кроме политической логики в принятии решений об их модернизации, действует еще и логика отечественной педагогической традиции, изменить которую только управленческими решениями бывает очень сложно. Поэтому необходимо обобщение опыта взаимодействия школ и вузов, выполненное в статье на примере дореволюционного Петербурга.

Словосочетание «петербургская школа» может быть отнесено как к средним, так и к высшим учебным заведениям дореволюционного города. Петербургские школы и вузы лидировали в популярности среди педагогической общественности и абитуриентов страны. Рубеж XIX–XX веков представляется наиболее удачным для сравнения: население города приближалось к 2 миллионам, абитуриенты съезжались со всей страны, но большинство выпускников средних школ столицы имело явные образовательные преимущества перед ними, что отражалось в статистике студенчества. Как же видели свои перспективы в вузе, в будущей профессии и социальном положении выпускники петербургских школ?

Выбор ими вуза определялся пятью факторами: позицией семьи (родителей), популярностью разных профессий, личными склонностями выпускника, возможностями, предоставляемыми для поступления законченной средней школой, условиями конкурса и обучения в выбранном вузе.

Следует учитывать отличия нынешних школ и вузов от дореволюционных. Во-первых, они до 1917 года были раздельными (мужскими и женскими). Разные вузы (государственные университеты, государственные и негосударственные профильные институты – инженерные, сельскохозяйственные, коммерческие), предназначались для мужчин или для женщин. Из 65 государственных вузов 61 был мужским, из 59 негосударственных 30 были женскими [2, с. 24]. Можно говорить о дискриминации девушек в их праве на получение высшего образования.

Во-вторых, выпускники разных типов средней школы имели разные права при поступлении.

Классическая гимназия позволяла поступать при положительных оценках в аттестате в любой университет Империи без экзаменов. Поступившим в первый месяц можно было переходить с фа-

Таблица 1

Численность учебных заведений и учащихся в дореволюционной России [2, с. 27, 39, 74, 88, 95]

Тип средней школы	Число школ и учащихся в них в 1894–1899 годах	Число школ и учащихся в них в 1913–1914 годах
Мужские классические гимназии	177 (55 тыс.)	441 (148 тыс.)
Мужские реальные училища	114 (37,5 тыс.)	284 (81 тыс.)
Коммерческие мужские училища	–	186 (44 тыс.)
Духовные семинарии	58 (19 тыс.)	57 (23 тыс.)
Учительские мужские институты	–	33 (2,5 тыс.)
Женские гимназии Министерства Просвещения	189 (67 тыс.)	825 (312 тыс.)
Женские гимназии Ведомства императрицы Марии	30 (12 тыс.)	35 (17 тыс.)
Епархиальные училища Святейшего Синода	53 (15 тыс.)	72 (24,5 тыс.)

© А. Н. Шевелев, 2006

Таблица 2

Категория выпускников	Университеты	Государственные профильные вузы	Негосударственные профильные вузы
Классики	Свободно	Конкурс	Конкурс
Реалисты	Сдать латынь	Конкурс	Конкурс
Коммерсанты	Конкурс	Конкурс	Конкурс
Выпускники учительских институтов	Сдать латынь, с 1907 – конкурс; отработать 6 лет учителем	Конкурс	Конкурс
Семинаристы	Конкурс, с 1915 – свободно, но после работы священником	Конкурс, но почти не шли	Конкурс, но почти не шли
Гимназистки	Запрет	Можно только в 3 женских вуза по конкурсу	Конкурс, есть преимущества
Епархиалки	Запрет	-//-	Конкурс без преимуществ

культета на факультет, которых было четыре – историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. Поступление в профильные вузы требовало от «классиков» участия в обычном конкурсе (приемные экзамены или конкурс аттестатов, что решал каждый вуз). И все же половина из поступавших принадлежала им.

«Реалисты» могли поступать в университет только после сдачи экзамена по латыни, поступление в профильные вузы проходило для них по обычному конкурсу. Выпускники коммерческих училищ («коммерсанты») приравнивались в правах на поступление в университет к «реалистам». В целом, картина возможностей выглядела следующим образом (см. табл. 2).

Большинство родителей юношей видели для них социальные перспективы только через получение высшего образования, тогда оно давало огромные преимущества. Правительство, не считавшее, что стране необходимо такое количество социальной элиты, ограничивало доступ в вузы (ситуация чем-то напоминала отношение к поступлению в вуз и ПТУ в советскую эпоху).

Опросы 1901–1910 годов показывают, что 75–80 % выпускников средней школы связывали свое будущее с вузом [2, с. 28]. Гимназисты, традиционно поступавшие в университеты, постепенно все больше внимания обращали на профильные институты. В семьях интеллигенции все меньше обращали внимание на различия между классическим и реальным образованием, ставя во главу угла склонности детей (табл. 3).

Отношение семьи к выбору вуза определялось «предпочтениями родителей, их положением в обществе, корпоративным менталитетом, культурным кругозором, педагогической осведомленностью, материальными возможностями, общественно-политическими умонастроениями» [2, с. 26].

Семьи подбирали школы для своих детей. Родители одинаково не хотели, чтобы их ребенок учился с детьми «грубых манер» и с «балованными», стремясь в школу с требовательными учителями. Гимназии в больших городах неофициально делились на элитные и демократические. В Петербурге «демократическими» считались Четвертая (Ларинская, на Васильевском острове) и Пятая (в Коломне). Историки педагогики мало внимания обращали на этот факт, сосредотачиваясь на общей элитарности гимназий

Таблица 3

Годы	Хотят поступать в университет (%)	Хотят поступить в специальный вуз (%)	Хотят сразу начать работать (%)
1901	80,6%	17,2	1,9
1904	79,4	18,0	2,0
1909	77	19,7	0,8
1913	70,4	27,4	0,7

Составлена по [6, с. 159].

Таблица 4

Вуз	Количество принятых от общего числа в 1897 году (%)
Петербургский Технологический	18,6
Петербургский Путей сообщения	19,4
Петербургский Горный	10,4
Петербургский Гражданских инженеров	22,6
Петербургский Электротехнический	23,6
Петербургский Лесной	47,6
Московский Технический	40,2
Харьковский Технологический	44,5
Рижский Политехнический	72,5

в сравнении с демократичностью училищ и семинарий. Между тем, мужская гимназия эволюционировала от дворянского к разночинному большинству учащихся (51,1 % дворян в 1899, 32,3 % – в 1913) [2, с. 178].

Семейные традиции во многом определяли выбор вуза для девушек. «Из семей педагогов идут на историко-филологический, из семей адвокатов – на юридический, из семей инженеров – на физико-математический; дочери врачей составляют исключение – они распределяются по всем трем факультетам. Дочери чиновников тяготеют к юридическому факультету. Напротив, дочери хозяев предприятий, равно как и живущих на доходы с капитала, обнаруживают тяготение к остальным факультетам. Но особенно характерно тяготение к физико-математическому факультету представительниц трудовых слоев населения», – констатировал профессор А. А. Кауфман результаты переписи студенток Бестужевских курсов, одного из немногих университетов для женщин в России [4, с. 125–126].

Много сегодня спорят о качестве гимназического образования. Противоречивость дореволюционных суждений связывалась с достоинствами и недостатками конкретной гимназии, а не с общей их оценкой. «Говоря вообще, наши преподаватели были люди воспитанные, доброжелательные и отнюдь не злые, весьма сведующие в своей специальности и пользовались нашим уважением», – писал Н. Н. Черепнин, учившийся в Шестой петербургской гимназии, располагавшейся в одном здании с Министерством Просвещения [12, с. 39].

Гимназисты, как наиболее привилегированная группа абитуриентов, великолепно владели грамматическим разбором и грамотным письмом, ориентировались в русской литературе, хорошо решали задачи. Но они не знали ничего о литературе европейской, практической физике, историю представляли как набор фактов, в географии ограничивались знанием карты, в языкознании – большим словарным запасом, при совершенном неумении перевести и двух строк из неадаптированных (например, классических) текстов. Гимназия хорошо тренировала логику и эрудицию, но не готовила к самостоятельному мышлению и применению своих знаний (мнение известного советского педагога, выпускника гимназии С. Т. Шацкого) [9, с. 236]. Поэтому, держать конкурсные экзамены без репетитора, большинство «классиков» не рисковало.

Гимназия максимально готовила к историко-филологическому факультету университетов. Поэтому, желая избавиться от надоевшей в школе латыни, «классики» на него не шли, кроме заранее мотивированных на изучение гуманитарных наук – истории или словесности. Юридический факультет давал надежду тем, кто не желал обременять себя серьезной учебой, медицинский привлекал новыми знаниями. Зато на историко-филологическом факультете были выше стипендии (следствие меньшего числа студентов), легче, как и естественникам, было зарабатывать репетиторством [3, с. 57–58].

Страна нуждалась прежде всего в практиках (юристах, медиках, инженерах, агрономах). Но материальные мотивы выбора вуза не фиксировались большинством опрашиваемых студентов. Только 8–9 % из них материальные блага вследствие окончания вуза бесспорно ставили на первое место [6, с. 112]. Это противоречило распространенному мнению, что после 1905 года молодежь только и озабочена добыванием денег. Наоборот мотивы «чистого» познания, юношеского стремления «исправить несовершенный мир» являются главными мотивами, зафиксированными в студенческих переписях.

Студенческих вакансий не хватало именно в столичных вузах (и Киеве). В провинциальных (или непопулярных, например, в Петербургском историко-филологическом институте) они имелись в избытке. Дефицит мест был в инженерно-технических и агрономических вузах. В 1897 году 72 % поступавших не прошли по конкурсу, который был максимальным именно в технических вузах Петербурга.

Разное время конкурса позволяло абитуриентам подавать документы в несколько вузов. В целом по России до 39 % выпускников преодолевали барьер конкурса. Лидером по популярности был Петербургский политехнический институт (на 1292 места – 4001 абитуриент в 1915–1916 военном году). Принято было 22 % желающих [2, с. 38]. Конкурс создавался не только за счет выпускников, но и за счет тех, кто не поступил в предыдущие годы. Общей тенденцией был постепенный отказ от конкурса аттестатов. Но Петербургский политехнический (а также Лесной институт и Военно-Медицинская академия) был исключением, применяя при равенстве аттестатов жеребьевку.

Распространенным было репетиторство. В 1916 году были открыты новые Петроградские общедоступные 2-месячные подготовительные курсы инженера П. К. Шмулевича, плата на которых (325–550 рублей за 6 часов занятий в неделю), не позволяла абсолютному большинству с ней справиться [10, с. 244]. Надежда оставалась только на себя. Петербургские вузы отличались максимальной жестокостью конкурса. Экзаменатор мог спросить, по какому учебнику готовился абитуриент и заявить, что он требует подготовки по другому. Протесты вызывали лишь повторение экзамена у того же преподавателя. Максимум двоек получали за сочинение и арифметику (например, по теме «Великих нет, но подвиги их живы»). При этом благонадежность мыслей тоже оценивалась, что позволяло отсеивать избыточных и нежелательных абитуриентов по национальному или сословному признаку.

При равенстве набранных балов преимуществом пользовались поступающие в этот вуз многократно. На всю страну существовало 10 мест для «сыновей лиц, известных своей деятельностью на поприще отечественной промышленности, а также молодых людей, приехавших из отдаленных мест и окраин, и лиц, неоднократно уже державших испытания, но не прошедших по конкурсу». Это вызывало ожесточенный конкурс родительских прошений из регионов.

Педагогический вред от экзаменов осознавался, рождались проекты изменений: вместо экзаменов предлагали писать творческие работы, но наплыв абитуриентов не позволял технически их проверить. В 1896 году единообразные экзамены для 6 институтов столицы принимала общая приемная комиссия их профессуры. Прошедшие имели право выбора института. Щадящий конкурс аттестатов рождал сомнения в объективности школьных оценок и отвергался большинством профессоров. Предлагалось использовать не только конкурс аттестатов, но и характеристик школьного начальства, повысить плату за обучение в вузах, сняв студенческие льготы и уравняв всех абитуриентов при поступлении.

50 % «реалистов» не проходили в вуз с первого раза, от 17 до 27,8 % «классиков» же успешно поступали в специальные вузы [5, с. 109]. Можно констатировать дискриминацию первых, стремление правительства ограничить их средним техническим образованием. С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, министры просвещения П. М. Кауфман, И. И. Толстой, П. Н. Игнатьев выступали за единую мужскую школу с равным доступом в вузы при дефиците специалистов в России. Но Николай II, министры А. Н. Шварц, Л. А. Кассо настаивали на превосходстве гимназического образования над реальным, университета над специальным вузом. Первые считали, что «Эволюция классической школы идет к реальной школе, а не наоборот». Вторые возражали: «В общеобразовательных средних учебных заведениях центр тяжести общего образования лежит в старших классах; наоборот в специальных учебных заведениях в старших классах преобладают специальные предметы (богословские, коммерческие)» [2, с. 45]. А. Н. Шварц открыто выступал в Государственной Думе «за ограждение университетов от социальных отбросов, допуск в них только отборных молодых людей» [2, с. 78].

До 1917 года в России не было ни одной средней школы со смешанным составом учащихся. Существовало три государственных женских вуза – Петербургский медицинский (1897), Петербургский педагогический и Высшие богословско-педагогические курсы в Москве (1914). Из 65 тысяч студентов России женщин было 4 % (3000) [8, с. 543; 11, с. 12]. Только художествен-

ные и музыкальные вузы принимали всех по степени таланта, уча с 10 лет.

Аргументы консерваторов о запрете допуска женщин в университеты были разными. «Позаботившись о политических благах студентов (мужчин. – *Ш.А.*) необходимо позаботиться и об увесилительных… Когда в аудиториях прибавится тысчонка представительниц прекрасного пола, им будет очень удобно слушать лекции, сидя на коленях студентов, и от этого удобства будет весело и тем, и другим» (В. М. Мещерский, 1901). «Это (допуск женщин в университеты. – *Ш.А.*) было бы лучшим способом вконец революционизировать высшую школу, так как женщины являются вдохновительницами разрушительных идей, вкусив науки, они будут считать себя развитыми, а вследствие этого обязанными быть передовыми и врагами всякой рутины и отсталости» (С. Ю. Витте). «Университеты обратятся в арену беспорядков, а наука отойдет на третий план. Это повлечет за собой заключение многих преждевременных и неравных браков или же внебрачных связей и будет содействовать упадку и расстройству семейного быта» (Мнение части профессоров петербургского университета). «Получив доступ к высшему образованию, она (женщина. – *Ш.А.*) утратит лучшие свойства женской натуры, сделается похожей на мужчину и лишит человечество того вклада, который именно женщина делала до сих пор в истории» (профессор В. М. Хвостов, депутат Думы). В этих аргументах был и резон: уровень подготовки в мужской и женской средней школе явно был не в пользу второй [2, с. 109–117].

Сибирь, испытывавшая недостаток специалистов, настаивала на приеме женщин в пустующий Томский университет (многие девушки боялись ехать учиться далеко), о том же ходатайствовали земства. П. П. Извольский, попечитель петербургского учебного округа и обер-прокурор Синода, приводил пример Европы, где женщин давно пустили в университеты. Но правительство было непреклонно, заявляя, что в России больше, чем в любой европейской стране специальных женских вузов. И все же в Петербургском университете в 1909 году еще доучивалось 108 принятых ранее студенток-вольнослушательниц (аналог нашего платного обучения).

Из 30 женских институтов 73 % были ориентированы на педагогическую или медицинскую специализацию [11, с. 118]. Профориентация большинства абитуриенток была противоречивой. Котирующиеся специальности юриста и медика при их получении не давали женщине возможности конкурировать с коллегами-мужчинами, а традиционное педагогическое поприще привлекало далеко не всех. Не могли привлечь девушек инженерные или коммерческие специальности.

Самыми популярными были Петербургские (Бестужевские) курсы (аналог университета – то же содержание и преподаватели). Большинство училось на историко-филологическом и физико-математическом отделениях, готовясь к преподаванию в женских гимназиях.

Негосударственными женскими вузами в Петербурге были Академия педагогических наук Лиги образования, Педагогические курсы общества экспериментальной педагогики, Педагогически курсы Фребелевского общества для содействия первоначальному воспитанию, Психоневрологический институт. Их характерными чертами была громкая реклама (не всегда отражающая качество), малое число слушателей.

В женских вузах проводился только конкурс аттестатов, а не экзамены. Вне конкуренции были еще раз сдавшие экзамены на аттестат при мужской гимназии [латынь, новые языки, сочинение, математика и физика). Но таких было немного (не более 1,5 %). Вторыми шли окончившие педагогический класс при женских гимназиях. Затем рассматривались обычные аттестаты женских гимназий. Замыкали иерархию девушек-абитуриенток «епархиалки», но их было мало: 50% из них становились попадьями, 43–45% сразу шли преподавать и только 4–7% поступали преимущественно в провинциальные вузы поближе к дому. В 1913 году только 33 % гимназисток с педагогическим классом захотели учиться в вузе [2, с. 129–130).

Аттестаты сравнивались по среднему баллу, стабильным был отсев в 30–40 % абитуриенток. В столице конкурс был тяжелее из-за большого числа петербурженок, более материально обеспеченных, лучше осознающих необходимость образования, интересующихся науками.

60 % студенток поступали в вуз не в год окончания школы. На размышление, накопление денег требовалось от 1 до 6 лет. Женщин мотивировала к высшему образованию не школа, а столкновение с жизнью. Предпочтение они отдавали словесному, меньше – физико-математическому отделениям. 50 % гимназисток хотели стать

учительницами (школа ориентировала их на эту профессию с младших классов). Затем следовали медицина и сфера культуры (актриса, писательница, художница, музыкант). Очень медленно рос их интерес к техническим профессиям.

Мотивами выбора вуза были познание наук (47,2 %), увлечение определенной профессией (10,2 %), смешение этих моментов (36,1 %). Дополнительные реплики опрашиваемых яростно отвергали меркантильные соображения хорошо оплачиваемой работы. 22 % руководствовалось в выборе случайными мотивами (от стремления уехать из дома под благовидным предлогом до поиска смысла жизни). Многие девушки готовились к общественному служению стране, народу, желали учительствовать не гувернантками «у балованных баричей», не в казенной, но именно в народной, крестьянской школе [7, с. 13–17].

Выводы.

1. В российском обществе рубежа XIX–XX веков высшее образование котировалось очень высоко, большинство родителей юношей – выпускников средних школ – связывали благополучие своих детей с его получением.

2. Среди абитуриентов мотивы выбора вуза и будущей профессии были в значительной степени связаны с мотивами социального служения, а не материального благополучия. Последнее было естественным следствием получения высшего образования.

3. Среди молодежи и в обществе в целом растущей популярностью пользовались «практические» специальности – инженерные, коммерческие, юридические, медицинские, росла популярность технических вузов сравнительно с университетами.

4. Поступление в вуз из средней мужской школы, ориентированной на получение реального (практического) образования, затруднялось правительственной политикой, преимуществами пользовались выпускники классических гимназий.

5. Женское среднее и высшее образование дискриминировалось правительством и существовало как параллельная мужским аналогам сфера системы образования.

6. Петербургский вариант взаимодействия средней и высшей школы отличался, сравнительно с общероссийским, следующим: лучшей учебной подготовкой выпускников школ столицы; их более успешным прохождением вступительного конкурса; большей популярностью вузов столицы и более жестким конкурсом именно в петербургские (особенно технические) вузы в сравнении с провинциальными.

Библиографический список

1. *Блонский П. П.* Мои воспоминания. – М., 1971.

2. *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М., 1999.

3. *Кареев Н. И.* Выбор факультета. Руководство для учеников высших классов средних учебных заведений. – СПб., 1897.

4. *Кауфман А. А.* Русская курсистка в цифрах. По данным переписи, произведенной на Петербургских (Бестужевских) высших женских курсах в 1909 году // Русская мысль. – 1912. – Кн.VI. – С. 66.

5. *Марголин Д.* Справочник по среднему образованию: в 2 ч. Ч. II. Программы и правила общеобразовательных средних женских учебных заведений. – СПб.; Киев, 1912.

6. *Радин Е. П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным общестуденческой переписи. – СПб., 1913.

7. *Рыбников Н.* Идеалы гимназисток. – М., 1913.

8. Труды Первого Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного Российской лигой равноправия женщин в Санкт-Петербурге: в 2 т. – СПб., 1914.

9. *Шацкий С. Т.* Автобиографические работы // Педагогические сочинения. – М., 1963. – Т. 1.

10. *Шмулевич П. К.* Справочная книга для поступающих в высшие учебные заведения. – СПб., 1908–1917.

11. *Шохоль К.* Высшее женское образование в России. – СПб., 1910.

12. *Черепнин Н.* Воспоминания музыканта. – Л., 1976.

НАУКА: ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ

Э. В. Геворкян, А. Н. Ларионов, Ю. Ф. Мелихов, О. А. Тиняков

ВРАЩАТЕЛЬНАЯ ВЯЗКОСТЬ И ДИНАМИКА ОРИЕТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЖИДКИХ КРИСТАЛЛАХ В МЕНЯЮЩИХСЯ МАГНИТНЫХ ПОЛЯХ

1. Введение

Широкое применение жидких кристаллов (ЖК) в приборостроении вызывает необходимость исследования их физико-химических свойств. Большинство устройств с жидкокристаллическим рабочим телом функционирует в условиях быстро меняющихся внешних полей. Повышенная реакция ориентационной структуры нематических жидких кристаллов (НЖК) на действие внешних электрических и магнитных полей обусловлена анизометрией молекул ЖК и анизотропией межмолекулярного взаимодействия, приводящими к возникновению ориентационной упорядоченности. При исследовании динамики ориентационных процессов в НЖК в меняющихся магнитных полях широко используется гидродинамика, являющаяся наиболее развитой феноменологической теорией мезоморфного состояния. Существование адекватных решений уравнения движения директора в меняющихся магнитных полях [1; 2] обусловливает перспективность изучения динамики ориентационных процессов в НЖК в меняющихся магнитных полях для определения их кинетических коэффициентов и уточнения соотношений гидродинамики НЖК.

Во вращающемся магнитном поле $\vec{H} = H_\perp \cdot (\cos\omega t \cdot \vec{e}_1 + \cos\omega t \cdot \vec{e}_2)$, где $H_\perp$ – напряженность магнитного поля, направленного перпендикулярно оси OO_1 вращения магнитного поля, $\beta=90°$, $\varphi=\psi$, (рис. 1), в отсутствие ориентирующего действия стенок, угол поворота директора определяется уравнением Цветкова:

$$\dot{\theta} = \omega_0 \cdot \sin 2(\omega_H t - \theta) \equiv \omega_0 \cdot \sin 2\varphi,$$
$$\theta(0) = -\varphi(0), \qquad (1)$$

где ω_H – угловая скорость вращения магнитного поля, $\omega_0=\chi_a \cdot H^2/2\gamma_1$ – критическая частота, при которой происходит смена режимов, χ_a – анизотропия магнитной восприимчивости, γ_1 – коэффициент вращательной вязкости, φ – угол между вектором напряженности магнитного поля $(\vec{H})$ и директором $(\vec{n})$, а точка сверху означает производную по времени.

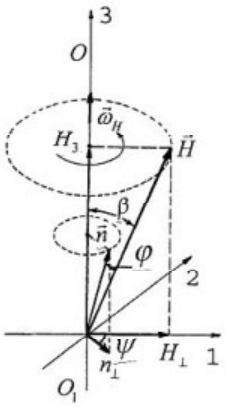

Рис. 1.

Решение [1] уравнения (1) характеризует поведение НЖК в трех режимах: в синхронном режиме ($\omega_H<\omega_0$):

$$tg\varphi(t) = C_- \cdot \frac{1 - \dfrac{1 - C_-^{-1} \cdot tg\varphi(0)}{1 - C_+^{-1} \cdot tg\varphi(0)} \cdot \exp(-2\tilde{\omega}_1 t)}{1 - \dfrac{C_- - tg\varphi(0)}{C_+ - tg\varphi(0)} \cdot \exp(-2\tilde{\omega}_1 t)}, \qquad (2)$$

в промежуточном режиме ($\omega_H=\omega_0$):

$$tg\varphi(t) = \frac{tg\varphi(0) + [1 - tg\varphi(0)] \cdot \omega_H \cdot t}{1 + [1 - tg\varphi(0)] \cdot \omega_H \cdot t}, \qquad (3)$$

и в асинхронном режиме ($\omega_H>\omega_0$):

$$tg\varphi(t) = \frac{\omega_1 \cdot tg\varphi(0) + [\omega_H - \omega_0 \cdot tg\varphi(0)] \cdot tg\omega_1 t}{\omega_1 + [\omega_0 - \omega_H \cdot tg\varphi(0)] \cdot tg\omega_1 t}, \qquad (4)$$

где

$$\omega_1 = \sqrt{\omega_H^2 - \omega_0^2}, \quad \tilde{\omega}_1 = i\omega_1, \quad C_\pm = \frac{\omega_0}{\omega_H} \pm \sqrt{\frac{\omega_0^2}{\omega_H^2} - 1}. \qquad (5)$$

Решение (2), полученное [1; 2] в асинхронном режиме, аналогично представленному в ра-

© Э. В. Геворкян, А. Н. Ларионов, Ю. Ф. Мелихов, О. А. Тиняков, 2006

боте [3]. Соотношения (2) и (4) сводятся к уравнению (3) в пределе $\omega_H \to \omega_0$.

Уравнение (1) и его решения получены в предположении отсутствия влияния стенок измерительной камеры на ориентацию образца. Для реализации данного условия необходимо использовать акустический метод исследований, позволяющий проводить исследования в больших объемах образца, линейные размеры которого значительно превышают магнитную длину когерентности $\xi_i = \sqrt{K_i/(\chi_a \cdot H)}$, где K_i – модуль упругости Франка. В настоящей работе акустическим методом исследовано влияние параметров меняющегося магнитного поля на динамику ориентационных процессов в НЖК при вариации термодинамических параметров состояния.

2. Методика эксперимента и материалы

Изучение поведения НЖК в меняющемся магнитном поле выполнено импульсным методом фиксированного расстояния на частоте ультразвука 2,9 МГц в магнитном поле, индукция которого (0,15…0,29 Тл) превышает индукцию насыщения (≈0,1 Тл), что позволяет обеспечить однородную ориентацию образца в статическом магнитном поле и в синхронном режиме. Исследования выполнены во всем температурном интервале существования нематической фазы. Давление, создаваемое грузопоршневым манометром МП-600 или МП-2500, изменялось в диапазоне 0,1…60 МПа. Абсолютная погрешность измерения давления составила 0,05 МПа. Применение двухконтурной системы термостатирования обеспечило стабильность температуры исследуемого вещества не ниже 0,01 К. Абсолютная погрешность определения угла φ составляет 0,5°. Относительная погрешность определения коэффициента поглощения ультразвука не превышает 2%. Расстояние между излучающим и принимающим пьезоэлементом варьировалось от 5 мм до 11 мм, что на несколько порядков превышает магнитную длину когерентности и позволяет пренебречь влиянием поверхностей измерительной камеры на ориентацию образца.

В качестве объектов исследования выбраны соединения гомологического ряда н-(n-алкоксибензилиден)-n-бутиланилинов: н-(n-метоксибензилиден)-n-бу-тиланилин (МББА), н-(n-этоксибензилиден)-n-бутиланилин (ЭББА), н-(n-бутоксибензилиден)-n-бутиланилин (БББА) и эвтектическая смесь (ЖК-404 смесь МББА и ЭББА в отношении 2:1). В исследованном диапазоне давлений зависимость температуры фазового перехода НЖК – изотропная жидкость (ИЖ) от давления имеет линейный характер: $T_C(P)=T_{0C}+kP$, где T_{0C} – температура фазового перехода НЖК – ИЖ при атмосферном давлении, равная 315,4 К для МББА, 352,5 К для ЭББА, 344,9 К для БББА и 325,2 К для ЖК-404, k – коэффициент пропорциональности, равный $2{,}9 \cdot 10^{-7}$ К•Па$^{-1}$ для МББА, $3{,}1 \cdot 10^{-7}$ К•Па$^{-1}$ для ЭББА, $3{,}1 \cdot 10^{-7}$ К•Па$^{-1}$ для БББА и $2{,}1 \cdot 10^{-7}$ К•Па$^{-1}$ для ЖК-404. Изученные вещества обладают широким температурным интервалом существования нематической фазы, что позволяет проводить исследования вдали от температуры фазовых переходов и пренебречь влиянием предпереходных эффектов на экспериментальные результаты, а также обусловливает перспективность их применения в качестве рабочего тела различных электронных устройств.

3. Результаты эксперимента и их обсуждение

Подстановка в выражение зависимости коэффициента поглощения ультразвука от угла θ между директором и волновым вектором [4] решения уравнения движения директора [1;2] позволяет для начальных условий $\vec{H}(t) = H \cdot \vec{e}_1$ при $t<0$, соответствующих ориентированному образцу, получить временную зависимость коэффициента поглощения ультразвука:

$$\alpha(t) = a + \frac{c}{2} + \frac{3}{8} \cdot b + \frac{c+b}{2 \cdot \sqrt{A^2+B^2}} [A \cdot \cos 2(\omega_H t - \varphi_0) - \\ - 8 \cdot B \cdot \sin 2(\omega_H t - \varphi_0)] + \\ + \frac{b}{8 \cdot (A^2+B^2)} \cdot [(A^2 - B^2) \cdot \cos 4(\omega_H t - \varphi_0) - \\ - 2 \cdot A \cdot B \cdot \sin 4(\omega_H t - \varphi_0)], \qquad (6)$$

где φ_0 – угол между волновым вектором и осью $\vec{e}_1$. В синхронном режиме $(A = \tilde{\omega}_1 \ \text{è} \ B = \omega_H)$, характеризующимся однородной ориентацией образца, коэффициент поглощения ультразвука изменяется с частотой $2\omega_H$. По истечении временного интервала длительностью $\tau_C = \pi / \tilde{\omega}_1$ после начала вращения магнитного поля фазовое отставание φ директора от вектора напряженности магнитного поля увеличивается, достигая постоянного значения, равного $[\varepsilon+(\varepsilon^2-1)^{0,5}]$, где $\varepsilon=\chi_a \cdot H^2/(2\gamma_1 \cdot \omega_H)$. Фазовый сдвиг φ является функ-

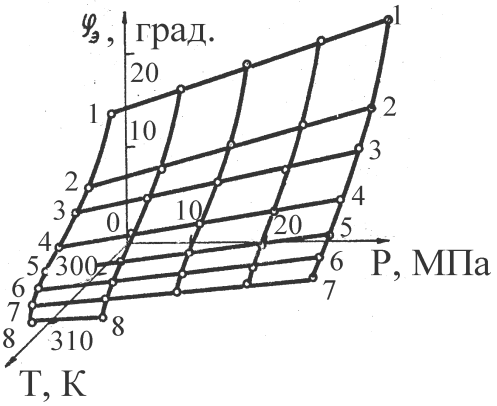

Рис. 2. Зависимость фазового сдвига в МББА от температуры и давления при ω_H=*0,15 рад/с*. Обозначения изотерм: 1 – 298,6 К; 2 – 300,0 К; 3 – 303,6 К; 4 – 307,8 К; 5 – 310,2 К; 6 – 311,1 К; 7 – 311,4 К

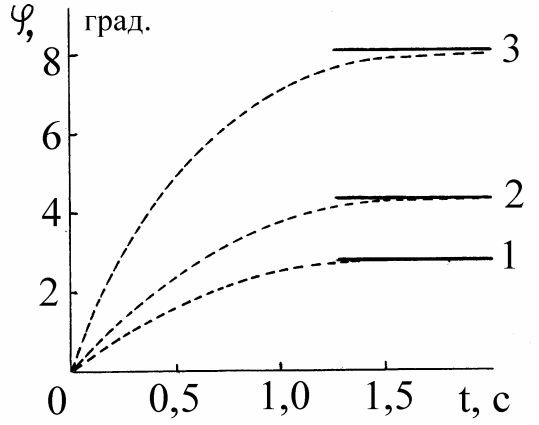

Рис. 3. Временные зависимости фазового сдвига в ЖК-404 при температуре 305,6 К и давлении: 1 – 10 МПа, 2 – 20 МПа; 3 – 40 МПа.

цией температуры, давления (рис. 2), а также параметров магнитного поля. Совпадение величины φ, рассчитанной теоретически со значениями $\varphi_э$, полученными экспериментально (рис. 3), подтверждает правильность предположения о том, что угловая зависимость коэффициента поглощения ультразвука отражает взаимную ориентацию директора и волнового вектора. Длительность переходного процесса установления синхронного режима (τ_C) возрастает при повышении давления или частоты вращения магнитного поля, а также при понижении температуры или уменьшении напряженности магнитного поля.

Для начального гомогенного распределения директора в плоскости вращения магнитного поля временная зависимость коэффициента поглощения может быть получена [2] в результате усреднения (6) по начальному распределению *φ(0)*:

$$\alpha(t) = a + \frac{c}{2} + \frac{3}{8}\cdot b + \frac{c+b}{4}\cdot\frac{\omega_0}{\omega_H}\cdot[\sin 2(\omega_H t - \varphi_0) - \sin 2(\omega_H t - \varphi_0 - \varsigma)] + \frac{b}{16}\cdot\frac{\omega_0}{\omega_H}\cdot[\sin 4(\omega_H t - \varphi_0) - \sin 4(\omega_H t - \varphi_0 - \varsigma)], \quad (7)$$

где в асинхронном режиме

$$\varsigma = arctg\left(\frac{\omega_H}{\omega_1}\cdot tg\omega_1 t\right). \quad (8)$$

Особенностью асинхронного режима является его вырожденность относительно вращения, поэтому ориентированность большого объема образца в асинхронном режиме оказывается неустойчивой.

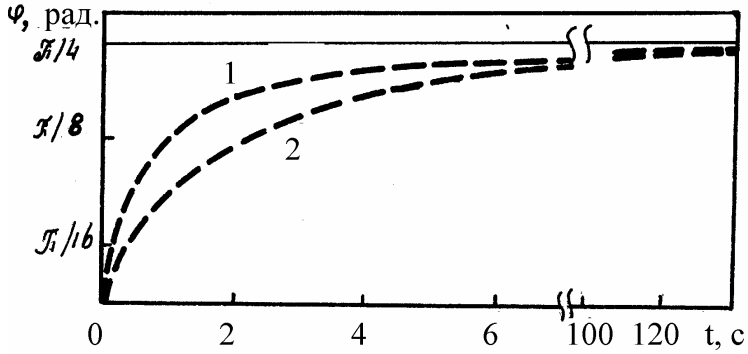

Рис. 4. Временная зависимость фазового сдвига в БББА при Т = 341,0 К, Р = 20 МПа, ω_H=ω_0=*0,94 рад/с* (линия 1); Т = 324,2 К, Р = 40 МПа, ω_H=ω_0=*0,55 рад/с* (линия 2)

Таблица

МББА

Т, К	Р, МПа	0,1	10	20	30	40	50
310,2	ω_0, рад/с	1,08	0,80	0,67	0,55	0,50	0,46
	ω_K, рад/с	0,91	0,83	0,68	0,56	0,48	0,45
312,4	ω_0, рад/с	1,01	0,88	0,75	0,68	0,62	–
	ω_K, рад/с	1,14	0,91	0,77	0,68	0,62	–

В промежуточном режиме $\varsigma = arctg(\omega_0 t)$. Поэтому при $\varepsilon=1$ согласно уравнению (2) фазовый сдвиг асимптотически приближается к значению $\pi/4$ при $\omega_H \to \omega_0$. Это согласуется с результатами измерений величины φ, выполненных через 2…3 мин. после начала вращения магнитного поля. На рисунке 4 пунктирными линиями показаны значения фазового сдвига, рассчитанные согласно уравнению (2), сплошными линиями – стационарные значения φ, полученные экспериментально.

Полученные экспериментально значения частоты смены режимов (ω_K) и значения критической частоты ω_0, рассчитанные с использованием результатов измерений фазового сдвига в синхронном режиме, совпадают в пределах погрешности эксперимента (табл.).

Значения ω_0 могут быть использованы для определения времени ориентационной релаксации $\tau_0=2\pi/\omega_0$ и коэффициента вращательной вязкости γ_1. Критическая частота ω_0 при фиксированных температуре и давлении определялась по результатам измерений фазового сдвига в синхронном режиме при нескольких частотах вращения магнитного поля, что позволило повысить достоверность результатов. Частота смены режимов уменьшается при повышении давления или при понижении температуры (рис. 5). Таким образом, по мере приближения к температуре фазового перехода НЖК – твердая фаза (T_f) частота ω_0 уменьшается, то есть понижается верхнее значение частоты вращения магнитного поля, при которой реализуется синхронный режим стремится к нулю. Поэтому при $T \to T_f$ сокращается набор частот, при которых наблюдается синхронный режим, что затрудняет точное определение значений ω_0, τ_0 и вращательной вязкости.

Новые возможности раскрываются при проведении эксперимента во вращающемся магнитном поле более сложной конфигурации

$$\vec{H} = H_\perp \cdot (\cos\omega_H t \cdot \vec{e}_1 + \sin\omega_H t \cdot \vec{e}_2) + H_3 \cdot \vec{e}, \quad (9)$$

названном коническим [5]. В этом случае вектор напряженности магнитного поля описывает в пространстве конус с углом при вершине β (рис. 1) более широкий, чем директор:

$$\frac{n_3}{n_\perp} = \frac{H_3}{H_\perp \cdot \cos\psi}, \quad (10)$$

где ψ – угол между компонентами вращающегося магнитного поля $H_\perp$ (рис. 1) и директора $n_\perp$ определяется из уравнения [5]:

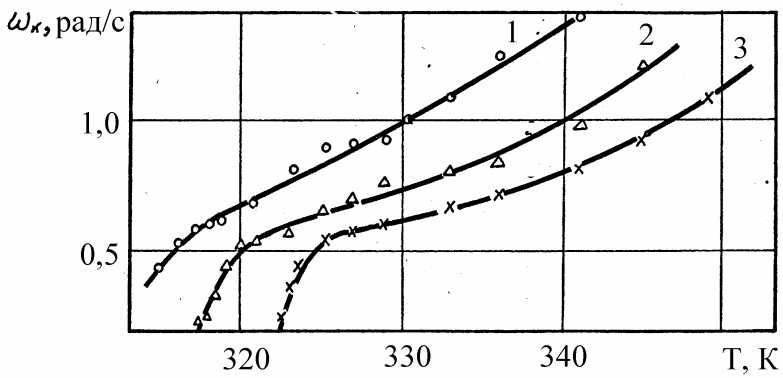

Рис. 5. Температурная зависимость частоты ω_0 в БББА при давлении:
1 – 0,1 МПа; 2 – 20 МПа; 3 – 40 МПа.

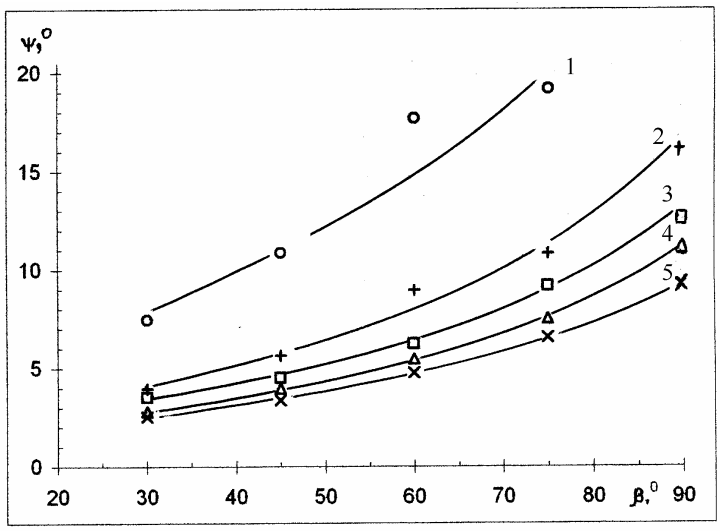

Рис. 6. Зависимость фазового сдвига от угла β в МББА при ω_H=0,18 рад/с, давлении 10^5 Па и температурах: 1 – 299,6 К; 2 – 308,7 К; 3 – 310,8 К; 4 – 312,8 К; 5 – 313,8 К.

$$\frac{\omega_H}{\omega_0} = \sin^2\beta \cdot \sin 2\psi + 2 \cdot \cos^2\beta \cdot tg\psi. \qquad (11)$$

Уменьшение угла β приводит к уменьшению угла ψ (рис. 6) и частоты смены режимов, а при β<54° асинхронный режим не наблюдался даже при максимальных угловых скоростях вращения магнитного поля. Таким образом, использование конического магнитного поля позволяет расширить диапазон частот вращения магнитного поля, в котором наблюдается синхронный режим, что повышает надежность определения частоты ω_0 и отношения $\gamma_1/\chi_a=H^2/2\omega_0$.

Коэффициент вращательной вязкости рассчитан согласно выражению:

$$\gamma_1=(\gamma_1/\chi_a)\cdot\chi_a, \qquad (12)$$

где использованы значения χ_a, представленные в работах [6; 7] при атмосферном давлении. Значения χ_a при высоких давлениях рассчитывались исходя из предположения о том, что зависимость $\chi_a(P)$ обусловлена зависимостью температуры просветления (T_c) от давления. Правильность данного предположения подтверждается тем, что рассчитанные таким образом значения вращательной вязкости в МББА при высоких давлениях совпадают с аналогичными значениями γ_1, полу-

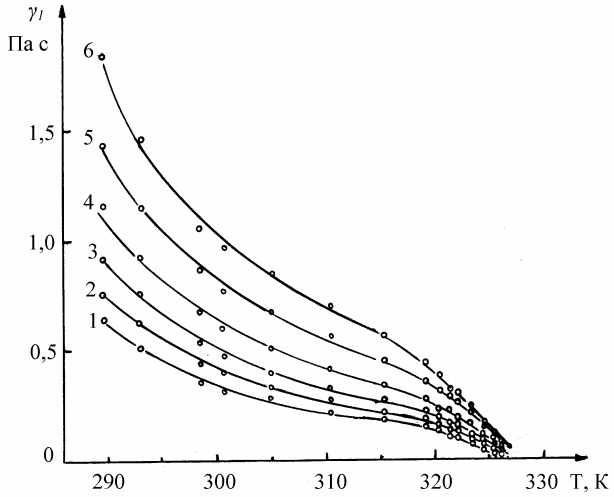

Рис. 7. Температурная зависимость коэффициента вращательной вязкости в ЖК-404 при давлениях: 1 – 0,1 МПа; 2 – 10 МПа; 3 – 20 МПа; 4 – 30 МПа; 5 – 40 МПа; 6 – 50 МПа

ченными непосредственно методом крутильных колебаний при различных давлениях [8].

Повышение давления или понижение температуры сопровождается увеличением коэффициента вращательной вязкости (рис. 7).

Интерпретация зависимости коэффициента γ_1 от температуры и давления выполнена в рамках молекулярной модели Диого–Мартинша [9]. В ее основе лежит предположение о том, что вращательная вязкость связана с ориентационным движением молекул, которое возможно при наличии «свободного» объема и энергии, достаточной для преодоления потенциального барьера [9] высотой:

$$E=D(\Theta)_{max}- D(\Theta)_{min}=3A/(2mv^2)=\varepsilon S. \qquad (13)$$

Здесь $D(\Theta)$ – потенциал Майера-Заупе [10], S – параметр упорядоченности, ε – параметр вещества, A – подгоночный параметр, m – координационное число, v – молярный объем. Зависимость коэффициента вращательной вязкости от температуры и давления (рис. 7) описывается уравнением [9]:

$$\gamma_1(P,T) = A_1 \cdot \left(1-\frac{T'}{T_1^*}\right)^{2\beta} \cdot \exp\left(\frac{B}{T'-T_0}\right), \qquad (14)$$

где

$$\frac{1}{T'}=\frac{1}{T}-\frac{1}{T^*}+\frac{1}{T_1^*}\cdot \qquad (15)$$

$$T^* = T_0^* \cdot \left(\frac{P}{a}+1\right)^C \qquad (16)$$

Здесь T_1^* – характеристическая температура при атмосферном давлении, T_0 – температура, при которой коэффициент γ_1 расходится и которая не зависит от давления. Константы уравнений (14)…(16), рассчитанные методом наименьших квадратов, равны в ЖК-404: $T_0^*=357{,}1$ К; $A_1=3{,}05$ Па·с; $C=0{,}6$; $\beta=0{,}52$; $B=7{,}3$ К, $T_0=280$ К; $a=6\cdot10^8$ Па. Зависимости $\gamma_1(P,T)$, рассчитанные согласно уравнению (16), и изображенные сплошными линиями на рисунке 7, согласуются с экспериментальными значениями коэффициента вращательной вязкости.

Вдали от температур фазовых переходов зависимость коэффициента γ_1 от температуры и давления удовлетворительно описывается уравнением:

$$\gamma_1(P,T) = \gamma_1^0 \cdot \exp\left(\frac{E_v}{RT}\right), \qquad (17)$$

где сомножитель γ_1^0 зависит от вида вещества, энергия активации $E_v=E+V_0\cdot\Delta P$ зависит от давления и равна 27,0 кДж/моль в ЖК-404 при атмосферном давлении, $\Delta P=P-P_0$, P_0 – атмосферное давление, свободный объем V_0 имеет порядок 10^5 м^3/моль и увеличивается при повышении температуры или уменьшении давления.

Библиографический список

1. *Геворкян Э. В.* Поведение нематических жидких кристаллов в меняющемся магнитном поле // Известия ВУЗов. Физика. – 1981. – № 4 – С. 57–60.

2. *Хабибуллаев П. К., Геворкян Э. В., Лагунов А. С.* Реология жидких кристаллов. – Ташкент: Изд-во ФАН АН республики Узбекистан, 1992. – 300 с.

3. *Gasparoux H., Prost J.* Determination directe de l'anisotropie magnetique de cristaux liquids nematiques // J. Physique. – 1971. – V. 32. – P. 953–962.

4. *Геворкян Э. В.* Магнитоакустические свойства нематических и смектических жидких кристаллов // Применение ультраакустики к исследованию вещества. – 1981. – Вып. 31. – С. 64–77.

5. *Геворкян Э. В.* К теории магнитоакустических явлений в нематических и смектических жидких кристаллах // Применение ультраакустики к исследованию вещества. – 1981. – Вып. 32. – С. 48–58.

6. *Yves Poggi, Ronald Aleonard.* Mesure de l'anisotropie diamagnetique d'une configuration orintee par un champ magnetuque // C.R.Acad.Sci. Serie B. – V. 276. – P. 643–645.

7. *Каролик В. А., Жук И. П.* Экспериментальное исследование температурной зависимости магнитной восприимчивости некоторых нематических жидких кристаллов и их смесей // Инженерно-физический журнал. – 1979. – Т. XXXVII. – № 2. – С. 341–344.

8. *Dörrer H., Kneppe H., Kuss E., Schneider F.* Measurement of the rotational viscosity, γ_1, of nematic liquid crystals under high pressure // Liquid crystals. – V. 1. – № 6. – P. 573–582.

9. *Diogo A. C., Martins A. F.* Thermal behaviour jf the twist viscosity iv a series of homologous nematic liquid crystals // Mol. Cryst. Liq. Cryst. – 1981. – V. 66. – P. 133–146.

10. *Maier W., Saupe A.* Eine einfache molecular-statistische theorie der nematischen kristallinflüssigen phase // Z. Naturforschg. Teil.1. – 1959. – V. 14-a. – № 10. – P. 882–889.

11. *Kraut E. A., Kennedy G. C.* // Phys. Rev. Lett. – 1966. – V. 16. – P. 608.

И. Е. Савельева

ПОКАЗАТЕЛИ РЕОЛОГИИ КРОВИ У ПОСТИНСУЛЬТНЫХ БОЛЬНЫХ ПРИ ЗАНЯТИЯХ ЛЕЧЕБНОЙ ФИЗКУЛЬТУРОЙ

Церебральные ишемические инсульты (ИИ) представляют собой одну из основных причин заболеваемости и смертности в промышленно-развитых странах мира. Восстановительное лечение постинсультных больных, в частности лечебная физкультура (ЛФК), зачастую назначается эмпирически, без глубинного понимания физиологических механизмов и возможных последствий для конкретного больного. Работы, посвященные изучению особенностей реологии крови в условиях воздействия на организм больных мышечных нагрузок, крайне редки [2]. Однако изменение реологических свойств крови играет важнейшую роль в патогенезе инсульта, является маркёром восстановления гомеостаза [1].

Поэтому целью нашей работы явилось изучение реологических свойств крови у постинсультных больных, занимающихся ЛФК.

В соответствии с целью работы обследовано 118 пациентов с ишемическими инсультами: I группа – 42 человека со стандартными схемами восстановительного лечения без ЛФК, II группа – 76 человек с дополнительным назначением ЛФК. Контрольную группу составили 44 практически здоровых человека.

Во всех группах изучались коэффициент деформируемости (КД) и агрегация эритроцитов (АЭ): средний размер агрегата (СРА), показатель агрегации (ПА), процент неагрегированных эритроцитов (ПНА). Результаты обрабатывались методом вариационной статистики с использованием t-критерия Стьюдента.

Доказано, что во II группе наблюдались менее выраженные снижение КД и повышение агрегации эритроцитов, в I группе были значительно снижены КД и ПНА и увеличены СРА и ПА по сравнению с контрольной группой (табл.).

Таблица

Реология эритроцитов при лечении постинсультных больных

Показатели	Группы обследованных			Достоверность различий
	Контроль 1	ИИ без ЛФК 2	ИИ с ЛФК 3	
КД	0,19±0,01	0,13±0,01	0,15±0,04	p<0,001(1÷2) p<0,05 (2÷3)
ПА	1,18±0,04	1,52±0,07	1,32±0,05	p<0,001(1÷2) p<0,01(2÷3)
СРА	4,39±0,27	6,74±0,11	5,04±0,31	p<0,001(1÷2) p<0,01(2÷3)
ПНА	83,79±2,32	54,34±0,92	76,09±0,55	p<0,001(1÷2) p<0,001(2÷3)

Лечебная физкультура является патогенетически обоснованным и потому необходимым методом лечения больных с ишемическими инсультами.

Библиографический список

1. *Савельева И. Е.* Церебральные ишемии / И. Е. Савельева, Н. В. Тычкова. – Иваново, 2003. – 164 с.

2. *El-Sayed M.S., Ali N., El-Sayed Ali Z.* Haemorheology in exercise and training // Sports Med. – 2005. – №35 (8).

© И. Е. Савельева, 2006

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В. В. Калмыков

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КООПЕРАТИВНОГО УКЛАДА: МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Теория кооперации занимается исследованием общих и особенных признаков кооперативной деятельности, основных принципов, специфических особенностей, характерных для различных систем, направлений, видов кооперативного движения. Она не может быть узко экономической, а должна представлять собой синтетическую, многоплановую концепцию, включающую в себя социокультурные и духовно-нравственные ценности. Как частная теория отдельных видов кооперации, так и общая теория кооперации разрабатывалась веками, но до сих пор не выработана целостная научная концепция развития кооперативного движения. Исследовательская литература по кооперации обширна, однако в большинстве случаев она является более или менее убедительной пропагандой достоинств кооперации.

Особенность исследования теоретико-методологических основ кооперации состоит в том, что, несмотря на признание различными теоретическими школами факта существования кооперации как особой формы организации, нет единого методологического подхода к исследованию сущности кооперации как социально-экономического уклада. Это не есть непреодолимый недостаток, так как кооперация – многогранное и универсальное понятие, и рассмотрение любого направления деятельности кооперативных организаций представляет несомненный интерес для анализа данного социально-экономического феномена. Однако отсутствие единого методологического подхода не дает возможности всеобъемлюще исследовать процесс становления и современное состояние кооперации, выработать стратегию развития кооперации и кооперативного движения в условиях социально-экономической трансформации России.

Большинство исследований, посвященных рассматриваемой теме, акцентируют внимание на изучении институциональных основ кооперации как особой организационно -правовой формы хозяйствующих субъектов.

Некоторые ученые рассматривают кооперацию как одну из форм социального движения, делая акценты на исследование ее принципов. Наиболее распространенным является синергетический подход, который рассматривает кооперацию как экономическую систему.

Эти методологические подходы позволяют детально исследовать многообразие видов кооперации, выявить сильные и слабые стороны кооперативных форм организации, проанализировать конкурентоспособность их деятельности в современной рыночной экономике. Однако, по нашему мнению, каждый из них в отдельности не позволяет всесторонне исследовать феноменологию кооперации во взаимосвязи всех ее аспектов (социальный, экономический, правовой, социокультурный, конкретно-исторический и т.д.). Для нас является наиболее приемлемым *целостно-обществоведческий подход*, который включает в себя методы исследования, характерные для различных направлений и школ, осуществляющих анализ общественной истории, существующей практики и футурологии общественного развития.

Традиционная классическая политическая экономия как одна их основополагающих теоретических концепций исходила из линейного подхода к объяснению социально-экономических явлений, то есть рассматривала их в причинно-следственной зависимости. Этот подход не отвергается и сегодня, но не может быть единственным приемом научного анализа.

Разработанный К. Марксом на основе научных принципов классической политической экономии формационный метод познания позволил начать исследование кооперации с позиций взаимосвязи социально-экономических процессов в рамках единой формации. Сущность формационного подхода заключается в том, что он дает функциональное измерение общества, ограниченного в историческом пространстве. «Функциональность формационного метода обнаруживается уже в том, что все исторические структу-

© В. В. Калмыков, 2006

ры изучаются и оцениваются исключительно под углом зрения того, какую роль они выполняют в достижении монизма социальной системы, приоритетное и определяющее место в этом сохраняется за базисными материальными отношениями»[1]. Главное преимущество формационного метода познания заключается в том, что исторический процесс развития представлен в системе последовательного прохождения общих фаз развития «стадиально однотипных обществ, обусловленных способом материального производства»[2].

В то же время применение данного метода в изучении сущности кооперации ограничило возможности теоретических исследований, так как определяющим здесь является тезис о кооперации как о форме классовой борьбы пролетариата. Формационный подход не мог носить универсального характера, он был разработан для конкретных научных целей, основывался на анализе социально-экономического развития западноевропейских государств, не учитывал исторический опыт развития цивилизации, общее и особенное в исторической традиции всех народов. Историческое предвидение строилось исходя из идеи победы пролетариата в классовой борьбе и установления единой коммунистической формации как общечеловеческого идеала. Данный метод исследования применительно к кооперации был упрощен, а порой и вульгаризирован, особенно в рамках марксистско-ленинской методологии. Официальная идеология Советского государства превратила формационный подход в простую схему смены пяти формаций, что привело к жесткой формализации теоретических исследований в общественной науке.

Существующее до 1990-х годов в отечественной науке теоретическое знание, основанное на марксистско-ленинской методологии исследования, оказалось неспособным объяснить протекание многих социально-экономических процессов в условиях трансформации российского общества в конце XX века, включая и проблемы развития кооперации. Марксистско-ленинская методология основывалась на трех основных принципах: целостность экономической системы и ее замкнутость, самодостаточность этой системы, представление системы как инженерной конструкции. Основополагающим в теории выступал экономический базис, духовная жизнь сводилась к идеологии и выступала в роли надстройки, многогранность общественных связей, отношений заменялась жесткой иерархией, что обедняло теорию кооперации. Марксистско-ленинская теория исследовала природу и сущность кооперации на основе чисто формационного подхода, выделяя капиталистическую и социалистическую кооперацию, что предопределяло узость и даже ненаучность изучения проблемы.

Следует отметить, что данная вульгаризация формационного метода исследования не означает, что он перестал быть востребованным наукой. От упрощения использования данного метода предостерегали К. Маркс и Ф. Энгельс. Более того, ими начал формироваться новый метод исследования, который в настоящее время получил название *целостно-общечеловеческий.*

В настоящее время отечественная экономическая наука и практика преодолевает ограничения материалистической методологии, используя при этом следующие принципы:

– выход за пределы экономики для объяснения явлений и процессов, в ней происходящих, на основе теории систем;

– использование достижений научных теорий неоклассицизма, институционализма, маржинализма, монитаризма как апробированных на практике методологий и методик;

– использование научных выводов представителей отечественной науки, внесших общепризнанный вклад в мировую экономическую науку и отвергнутых официальной наукой;

– применение методов исследования других неэкономических наук для объяснения социально-экономических процессов, происходящих в обществе (теория систем, теория циклов, термодинамики, теория бифуркций и катастроф и др.)[3].

Использование этих принципов позволяет подходить к анализу социально-экономического развития общества, а следовательно и кооперации, с позиций системности и плюрализма.

Однако предпочтение в применении тех или иных методов исследования сущности кооперации приводило к абсолютизации многих важных, но не всеобъемлющих черт этого сложного и многогранного социально-экономического феномена. По сути дела мы сталкиваемся в таком случае с той или иной формой детерминизма. Детерминистский подход предполагает выявление сущности и закономерностей исследуемого явления на основе причинно-следственной зависимости, используя метод восхождения от абстрактного к конкретному познанию.

Для исследования сущности кооперации используется не только традиционный детермини-

стский подход как методология, но и синергетический подход. Синергетический подход, не отрицая детерминистской оценки изучаемых явлений, исследует их взаимодействие внутри сложной самоорганизующейся и саморазвивающейся системы. Синергетика как методологический принцип основана на обязательном исследовании взаимодействия структурных элементов сложных систем как условия движения в развитии и становлении этих систем[4].

Применение синергетики в качестве методологического принципа исследования проблем развития кооперации обусловливает необходимость рассмотрения *взаимосвязи экономической и социальной функций* различных видов кооперации, преимуществ и рисков деятельности кооперативных объединений, использования кооперативного движения в борьбе против бедности, процессов капитализации и социализации в кооперации и т.д.[5]

В настоящее время активно разрабатывается цивилизационный подход. Основоположниками данного метода считаются Н. Я. Данилевский, А. Дж. Тойнби, О. Шпенглер[6] и др.

Отмечая узость формационного подхода, Тойнби писал: «Мы должны раздвинуть наш горизонт до мышления категориями целой цивилизации»[7]. В рамках цивилизационного подхода общество исследуется через человеческое измерение истории, при этом учитывается, что все многообразие объективированных и субъективных форм человеческой деятельности, духовная культура, а не только материальное производство интегрирует все элементы бытия.

Использование цивилизационного подхода в исследовании кооперации позволяют рассматривать:

1) кооперацию в традиционном обществе;

2) кооперацию в индустриальном обществе;

3) кооперацию в условиях становления антропогенной цивилизации.

Цивилизационный метод познания позволяет также проводить исследование общего и особенного в развитии кооперации в рамках локальных цивилизаций, одной из которых является российская цивилизация.

Признавая необходимость использования вышеназванных методологических подходов, мы в то же время должны отметить, что они, каждый в отдельности, не позволяют в полной мере раскрыть объективное понимание категории «кооперация», как социально-ориентированной системы, поскольку не полностью учитывают универсальный характер кооперации, социальную сущность и социальную миссию кооперативного движения.

На наш взгляд, в современных условиях при проведении теоретических исследований в области общественных наук, в том числе и в теории кооперации, необходимо сопоставлять сильные и слабые стороны ведущих направлений мировой экономической мысли, рассматривать объект исследования в его целостном восприятии, всесторонне и комплексно, учитывая все объективные и субъективные характеристики, внешние и внутренние взаимосвязи.

Это предопределяет использование системного *целостно-обществоведческого метода* исследования как наиболее всеобщего в исследовании кооперативного уклада и разработки научной концепции развития кооперации. В современной теории кооперации, к сожалению, данный метод исследования не применяется.

Сущность *целостно-обществоведческого метода* была обоснована еще в XIX веке в теориях политической экономии, в частности в трудах К. Маркса и Ф. Энгельс. Большинство классиков теории кооперации XIX – начала XX века в той ли иной мере использовали основные принципы данной методологии в своих исследованиях. К сожалению, в дальнейшем это подход был утерян в связи с абсолютизацией принципа производственных целей кооперативов в ущерб их социальной миссии.

В настоящее время в научных дискуссиях отмечается возросший интерес к данной проблематике. Среди исследований последних лет в области теории обществоведения особо необходимо отметить монографию Г. Я. Ракитской «Социально-трудовые отношения», опубликованную в 2003 г. В данной работе раскрывается сущность целостно-обществоведческого метода исследования как высокой методологии, «обладающей разрешающими (познавательными) способностями (возможностями), необходимыми и достаточными для общественной практики»[8]. Автор отмечает главную особенность использования целостно-обществоведческого подхода: «…выделение предмета в актуальном целостном контексте»; «целостность общественного контекста, в котором изучается любой специальный предмет любой отрасли (дисциплины) обществоведения, позволяет сохранять в подлинном (не препарированном научной дисциплиной) жизнен-

ном виде все существенные взаимосвязи предмета с реальностью»[9].

Целостно-обществоведческий подход не противоречит общепринятым методам исследования (формационный, институциональный, конкретно-исторический, цивилизационный, синергетический и др.). Данный метод является всеобъемлющим и наиболее объективным при изучении общественных явлений, так как позволяет осуществить синтез различных отраслей общественного знания (экономика, право, история, социология, демография, культурология, география, политология, геополитика). Он является всеобъемлющим методом и потому, что сочетает в себе принципы и методологию основных научных концепций: формационной, цивилизационной, институциональной и других.

Мы предлагаем проводить исследование кооперации как социально-экономического уклада, используя в качестве методологии целостно-обществоведческий подход. В то же время для анализа организационно-правовых форм кооперации нами будет применен институциональный метод исследования, а в основу анализа развития международного кооперативного движения, в том числе и в России, положены основные принципы цивилизационного метода исследования.

В основе целостно-обществоведческого подхода к исследованию сущности кооперативного уклада лежит тезис о понимании кооперации как всеобщей форме организации труда. К. Маркс указывал: кооперация есть «всеобщая форма, которая лежит в основе всех общественных устройств, направленных на увеличение производительности общественного труда, и которая в каждой из них получает дальнейшую спецификацию. Но в то же время кооперация сама является и особой формой, существующей наряду с ее более развитыми и более специфицированными формами»[10].

С точки зрения общей экономической теории кооперация есть порождение человеческой цивилизации. «Кооперация» в переводе с латинского языка (cooperatio) означает «совместное ведение дел, сотрудничество», поэтому данный термин означает объединение труда, средств для совместной деятельности. На основе кооперации в современной рыночной экономике действуют все предприятия и объединения, решаются национальные и международные проблемы. К. Маркс выделял простейшую кооперацию, которая представляет собой стихийно сложившийся, наиболее примитивный и наиболее абстрактный вид кооперации, и «разделение труда, которое представляет собой особую, специфическую, развитую далее форму кооперации, мощное средство для того, чтобы повысить производительную силу труда, выполнить одну и ту же работу за более короткое рабочее время и, стало быть, сократить рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, и удлинить рабочее время»[11]. Данное определение кооперации носит всеобщий характер. Отсюда вытекает и понимание кооперации как экономического уклада, характерного для всех общественных систем с многоукладной экономикой.

Впервые, понятие «многоукладная экономика» в экономическую науку было введено немецким ученым Адольфом Вагнером в работе «Основы политической экономии» (1876). Систему народного хозяйства он представлял как единство трех самостоятельных укладов:

– частнохозяйственного, целью которого является получение прибыли на основе приоритета коммерческих принципов;

– общественно-хозяйственного или государственного, ориентированного на реализацию принципов общей полезности;

– благотворительного, основанного на принципах альтруизма и безвозмездности.

Основу данных укладов составляет не вид деятельности, а форма собственности: частная, государственная, общественная. В дальнейшем понятие «уклады» широко использовалось в экономических трудах К. Маркса и его последователей. Выделение укладов происходило на основе классификации типов собственности в условиях реально существовавшей многоукладной экономики.

Характеристику многоукладной экономики мы встречаем в работах В. И. Ленина. Исследуя тенденции развития экономики Советской России на начальном этапе реализации НЭПа, он выделял следующие уклады:

– социалистический;

– государственно-капиталистический;

– частнокапиталистический;

– мелкотоварный;

– патриархальный (натуральный).

В. И. Ленин рассматривал кооперацию как одну из форм государственного капитализма, основанную на объединении собственности мелких товаропроизводителей[12].

В условиях выхода из тяжелейшего социально-экономического кризиса России первых де-

сятилетий XX века предполагалось использовать экономический потенциал всех существовавших укладов для решения общенациональных народно-хозяйственных задач. К сожалению, в дальнейшем произошла вульгаризация понятия «уклад», когда оно стало ассоциироваться исключительно с той или иной социальной группой населения. Тезис об обострении классовой борьбы в период строительства социализма привел к делению в общественном сознании и на уровне официальной идеологии всех укладов на прогрессивные и консервативные. Подобная точка зрения господствовала в научном познании на протяжении нескольких десятилетий.

Идеологический груз, которым была обременена категория «уклад», привел к тому, что в условиях реального перехода к многоукладной экономике данное базовое понятие практически перестало употребляться. Взамен ему были найдены заимствованные в западной экономической литературе неэквивалентные определения, например сектор, сегмент и др.

Уклады, в том числе и кооперативный, существовали без базовой дефиниции, что размывало сущность кооперации и сдерживало ее институционализацию и практическую деятельность. В большинстве современных исследований кооперативный уклад характеризуется как рудементарный, маргинальный, то есть не заслуживающий особого внимания как не оказывающий серьезного влияния на трансформацию экономической системы. Тем самым обедняется как глубокая историческая практика существования российской кооперации, так и опыт, накопленный международной кооперацией. Мы предпринимаем попытку восстановления сущности уклада, выделяя кооперативный уклад в структуре многоукладной экономики.

Традиционно сектор экономики определяется типом собственности (частный, государственный, некоммерческий). Уклад же в отличие от сектора определяется еще и особенностями реализации прав собственности. Близость этих понятий очевидна, так как под собственностью понимаются прежде всего отношения по поводу владения, пользования и распоряжения собственностью. И в этом смысле понятие «многоукладная экономика» в значительной степени более детализированное, чем понятие «многосекторная экономика». Мы знаем, что могут существовать межсекторные уклады. Кооперация и является, на наш взгляд, межсекторным укладом. Данный подход позволяет снять противоречия между категориями «сектор» и «уклад» экономики, так как последний в значительно большей степени ориентирован на социокультурную традицию и более четко определяет социальную миссию кооперации.

Остановимся на определении понятия «уклад». Приведем некоторые из множества его научных определений:

– *Уклад экономический* есть сектор экономики страны, представляющий собой тип хозяйства, в основе которого лежит определенная форма собственности на средства производства и соответствующие ей производственные отношения[13].

– *Уклад социально-экономический* есть система общественно-производственных отношений определенного типа, образующая общественную форму производства[14].

Тот факт, что не существует единого подхода к определению данной научной категории, не позволяет выработать единые критерии к пониманию сущности уклада, единую классификацию укладов.

Существующие в последние десятилетия классификации укладов основаны либо на принципе величины (объема) собственности, либо на определении субъекта собственности. Таким образом, исходя из первого варианта уклады делятся на крупные, средние, мелкие. Исходя из второго варианта уклады делятся на частные, государственные, муниципальные и домохозяйства.

Кооперативный уклад не попадает ни в одну из предложенных классификаций. Природа кооперативного уклада имманентно включает в себя характерные черты и признаки различных секторов экономики. Кооператив является коммерческой организацией по целям хозяйственной деятельности. Кооператив является некоммерческой организации по типу управления и способу распределения. Кооператив может быть отнесен к государственному сектору экономики по целям, делегированным ему государством. Это триединое начало (рис. 1) тем более предопределяет выделение кооперативного движения как особого уклада, имеющего свои отличительные признаки.

Поскольку критерии экономических укладов четко не определены, категорию «уклад» мы предлагаем рассматривать как систему, единство взаимодействия элементов которой неизбежно порождает новое качество. По нашему мнению *уклад есть образ жизни сообщества, основан-*

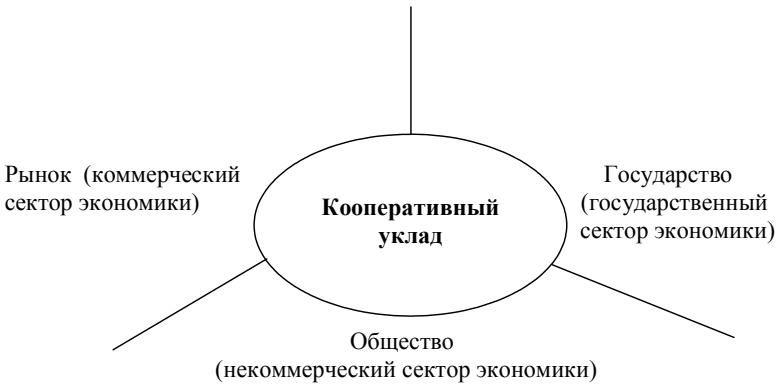

Рис. 1. Межсекторные взаимоотношения кооперативного уклада

ный на воспроизводстве отношений по поводу реализации прав собственности.

Кооперативный уклад, на наш взгляд, есть синтез организационно-правовых, экономических и социальных основ развития, порождающих новое качество.

Исходя из данного определения уклада как части межсекторной экономики страны, представляющей собой тип хозяйства, в основе которого лежит определенная форма собственности на средства производства и соответствующие ей производственные отношения, мы дали определение кооперативного уклада: это *специфический уклад общественного хозяйства, основанный на объединении персонифицированных форм частной собственности граждан с целью решения экономических и социальных задач по их совместному выживанию на основе кооперации труда, имущества и финансов.* Это определение положено в основу методологии нашего исследования.

Специфика и универсальность кооперативного уклада заключается в том, что это объединение людей, собственности и средств производства с целью совместного выживания в условиях любых способов производства. Кооперативный уклад существует в любых формациях, любых локальных цивилизациях, в условиях классовой и конкурентной борьбы.

Сложность исследования кооперативного уклада состоит в наличии двух парадигм. Первая заключается в том, что кооперативный уклад, являясь самостоятельным, несет в себе элементы домохозяйства как уклада. Вторая состоит в том, что кооперативная собственность как особая форма собственности имеет общие характеристики и с частной, и с групповой, долевой формами собственности (как частью коллективной).

Эти на первый взгляд неразрешимые противоречия не позволяют объективно выделить сущностные характеристики кооперативной собственности как основы кооперативного уклада. Следствием является то, что и в экономической науке, и в практике кооперативного строительства существует расплывчатое толкование понятий «кооперативная собственность» и «кооперативный уклад».

Существует несколько классификаций видов собственности, в которых кооперативная собственность выделяется как самостоятельный вид (некоторые классификации вообще не рассматривают кооперативную собственность). Обратимся к некоторым из них.

На рисунке 2 представлена структура видов собственности, в которой кооперативная собственность рассматривается как часть коллективной, групповой и долевой собственности. Исходя из этого кооперативную собственность можно определить как часть долевой собственности, в которой есть доля каждого из отдельных собственников в общем праве собственности. При этом долевая собственность является частью групповой собственности, которая есть одна из форм коллективной. В основу построения данной структуры положены характеристики субъекта собственности, которые позволят считать коллективную собственность тождественной межличностной собственности. Подобное построение характерно прежде всего для исследований, посвященных проблемам экономической психологии, оно не может полностью раскрыть характеристики отношений кооперативной собственности.

На рисунке 3 представлена другая структура форм собственности, в основу построения кото-

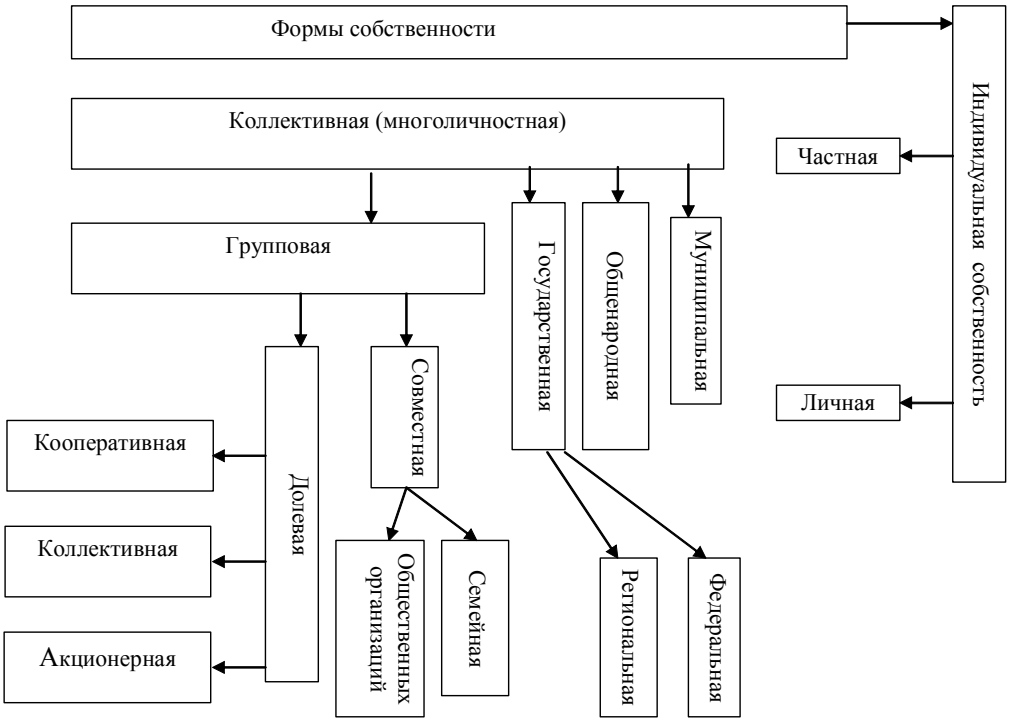

Рис. 2. Структура форм собственности[15]

рой положен принцип разделения на уровни собственности. В данном случае кооперативная собственность рассматривается как форма частной собственности, ассоциированной наряду с товариществами и обществами.

По нашему мнению, в основе кооперативного уклада лежит *персонифицированная коллективно-долевая (групповая) собственность кооперативов, возникающая на основе добровольного объединения их членами всех или части*

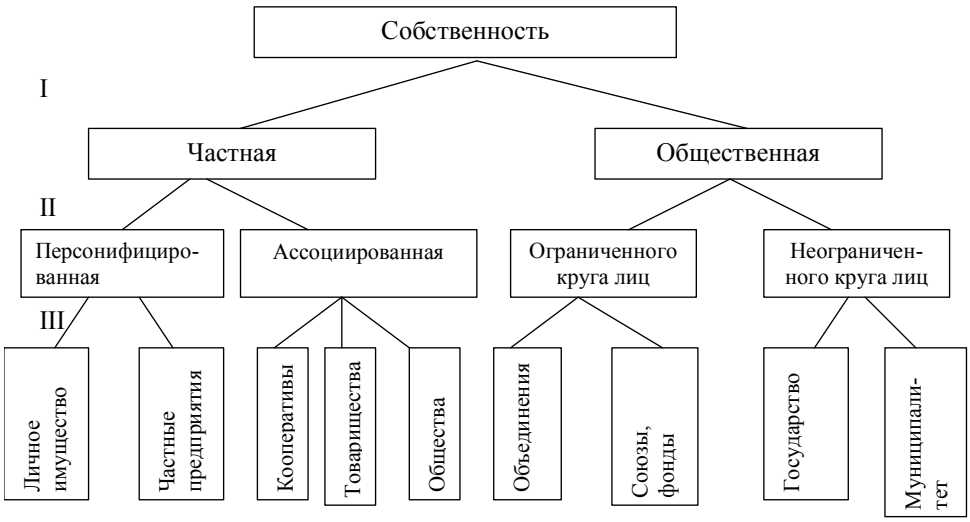

Рис. 3. Уровни собственности: I – уровень содержания собственности; II – уровень масштаба собственности; III – уровень принадлежности собственности[16]

принадлежащих им средств производства, или денежных взносов (паев) с последующим ее воспроизводством за счет внутренних накоплений в результате деятельности этих кооперативов.

Собственность физических лиц (граждан) – персонифицированная – представлена в виде личной собственности, собственности индивидуального предпринимательства, индивидуальных фермерских (крестьянских) хозяйств. Объединение долей персонифицированной собственности приводит к возникновению ассоциированной собственности, при этом каждый член кооператива входит в него определенной долей своей собственности на началах добровольности, демократического равноправия, взаимного экономического интереса, ответственности за конечные результаты совместной экономической деятельности в целях удовлетворения потребностей каждого члена коллектива путем увеличения его доходов и снижения расходов. Это порождает специфику управления собственностью, которая складывается на основе равноправия всех членов кооператива.

Личную собственность граждан как объект гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) можно разделить на 4 группы:

– имущество;

– действия (работы и услуги);

– результаты интеллектуальной (творческой) деятельности;

– нематериальные блага.

То есть, структуру объектов личной собственности можно представить в виде единства трех составляющих: собственности в виде имущества, результатов интеллектуальной деятельности и собственности в виде совокупности вещей, идей и поступков.

Особенности кооперативного уклада определяют характер специфики реализации отношений собственности (владение, распоряжение, пользование) в кооперативах. Право собственности на владение, пользование, распоряжение в кооперативах носит коллективный (групповой характер).

Любой вид кооперативной собственности: производственной, кредитной, снабженческой, сбытовой, промысловой, жилищной, сельскохозяйственной и др., независимо от целей ее создания, – есть особый тип кооперативной собственности.

Владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в распоряжении кооперативной собственности, осуществляется по соглашению всех собственников, а при его отсутствии устанавливаются судом, арбитражным или третейским, по иску любого из собственников. Кооперативная собственность представляет форму группового пользования, владения, распоряжения и присвоения средств производства и предметов потребления; средство защиты экономических интересов членов кооперативного объединения от крупного капитала. Потребительская кооперация, являясь первым видом кооперативной собственности, была создана английскими рабочими для борьбы с крупным капиталом в сфере обращения. Она представляет собой систему организационных и экономических отношений между домохозяйствами по поводу минимизации их потребительских затрат, достигаемых за счет эффекта массовой, хозяйственной деятельности. Кооперативная собственность в производственной сфере возникла в конце XVIII века во Франции в форме кооперативных фабрик, принадлежащих рабочим. В период раннего капитализма такие предприятия не выдержали конкуренции с частными предприятиями. В условиях жесткой конкуренции они превращались в придаток крупного капитала, поскольку не имели самостоятельного функционирования достаточных средств и кредитов. В условиях высокой концентрации и централизации капитала рабочая кооперация перерождалась в кооперацию потребителей.

До 30-х годов XX века в нашей стране наряду с другими существовал кооперативный уклад, в основе которого находилась кооперативная собственность. В СССР кооперативная собственность была в значительной мере огосударствлена и во многом утратила свои коллективистские начала.

В ходе трансформационных процессов перехода от централизованно- плановой к рыночной экономике кооперативная собственность должна была в полном смысле стать коллективистской, обусловливая формирование и эффективность кооперативного уклада.

Однако формирование многоукладной экономики происходило поспешно и непрофессионально, преобразования вовлекли экономику в состояние длительного спада, а сама многоукладная экономика до сегодняшнего дня не является эффективной.

При анализе представленных статистических данных можно отметить, что кооперативная собственность как основа кооперативного уклада не выделяется в особый вид. Кооперативную соб-

Таблица

Распределение численности занятого населения в экономике по формам собственности, %[17]

Виды собственности	1990	1995	1998	2000	2002	2002 к 1990	1995 к 1990	2002 к 1995
Государственная и муниципальная	82,6	42,1	38,1	37,9	37,0	45	51	88
Частная	12,5	34,4	43,2	46,1	49,4	395	275	144
Смешанная российская	4,0	22,2	16,4	12,5	9,4	235	555	42
Иностранная, совместная российская и иностранная	0,1	0,6	1,6	2,7	3,1	310	600	516
Общественных и религиозных организаций	0,8	0,7	0,7	0,8	0,8	100	88	114
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

ственность включают необоснованно в собственность общественных организаций, мотивируя это тем, что часть кооперативов относится к некоммерческому сектору производства.

Думается, более справедливо считать кооперативную собственность одним из видов коммунальной собственности. В четырехуровневой классификации правовых режимов доступа к ограниченным ресурсам выделяются частная, общественная и коммунальная виды собственности. «Система коммунальной собственности предполагает наличие момента исключительности относительно соответствующего набора правомочий. Однако она распространяется лишь на тех экономических агентов, которые не входят в рассматриваемую общность»[18].

Необходимо более подробно остановиться на точке зрения А. Е. Шастико, который анализирует институты коммунальной собственности с точки зрения положительных и отрицательных характеристик.

К отрицательным характеристикам коммунальной собственности он относит:

– во-первых, проблему недоиспользования ресурса в том случае, если члены коммунальной группы не обладают исключительным правом на доход или если этот доход распределяется по принципу уравнительности между всеми членами группы;

– во-вторых, проблему сверхиспользования ресурса в случае, если доход распределяется в соответствии с затраченными каждым членом группы усилиями;

– в-третьих, проблему увеличения трансакционных издержек, когда в рамках коммунальной группы любые решения принимаются голосованием[19].

Положительными характеристиками коммунальной собственности А. Е. Шастико считает:

– относительно низкие, чем при частной собственности, издержки по защите прав собственности;

– более крепкие экономические связи внутри группы членов коммунальной собственности;

– зависимость жизнеспособности коммунальной группы от господствующей в ней идеологии;

– возможность минимизировать ожидаемые издержки социальной взаимозависимости (издержки индивидуального процесса принятия решений, издержки коллективного процесса принятия решений, издержки, связанные с созданием частной договорной системы для уменьшения внешних эффектов)[20].

Эти характеристики в значительной степени помогают уточнить понятие «кооперативная собственность», что дает нам право считать кооперативную собственность видом коммунальной собственности.

Преимущества кооперативной собственности перед другими формами собственности, очевидно, не заключаются ни в технике, ни в технологии, ни в квалификации кооператоров. По мнению большинства исследователей, основное преимущество кооперативов перед традиционными капиталистическими фирмами заключено в повышении мотивации членов кооператива. Преимущества кооперативной собственности перед другими видами собственности, следовательно, необходимо исследовать с учетом кооперативного контрактного процесса, влияния на эту контракцию кооперативной идеологии и трансакционного анализа кооперативного контракта.

Если проанализировать структуру воспроизводства России по экономическим укладам, то

можно выделить следующие тенденции:

– доля государственно-капиталистического уклада (преобразованного из преобладающего ранее государственно-социалистического) сократилась вдвое;

– возник крупнокапиталистический уклад (российский и смешанный);

– расширился мелкотоварный уклад, представленный малым бизнесом, фермерскими хозяйствами, предпринимателями без образования юридического лица, челноками. Этот уклад оказался в условиях стихийного формирования рынка наиболее эффективным: он обеспечил занятость миллионов людей, насытил рынок дешевыми, пусть и не качественными товарами, что сняло резкий дефицит на потребительском рынке, снизило спекуляцию и сдержало цены от окончательного обвала;

– в области сельского хозяйства сформировался и продолжает сохранятся натурально-патриархальный уклад, который стал основой выживания десятков миллионов людей в условиях кризиса и обнищания населения;

– кооперативный уклад практически исчез, сохранив сильные рудименты на селе в форме потребительской кооперации. А ведь именно *кооперативный уклад в условиях формирования смешанной многоукладной экономики может и должен взять на себя решение вопросов объединения населения для решения вопросов социальной самозащиты*[21].

Кооперативный уклад как особая форма корпоративного хозяйствования порождает особую форму взаимодействия и взаимопроникновения хозяйственных и социальных функций, тем самым порождая особую форму самоуправления (соединения в одном лице объекта и субъекта управления).

Эти подходы выдвигают необходимость разработки концепции кооперации, учитывающей социокультурные традиции и социально-экономическую ситуацию в российском обществе. Исходя из этого мы определяем роль и место государства в механизме взаимодействия с кооперативным укладом экономики, учитывая его социальную ориентацию.

Примечания

[1] *Цанн-Кай-Си Ф. В.* Философия как теоретическое мировоззрение. – Владимир, 2001. – С. 96.

[2] Там же. – С. 96.

[3] См.: Экономический рост и проблемы бедности в регионе / Под ред. Г. В. Гутмана, О. Б. Дигилиной. – Владимир, 2001. – С. 5.

[4] См.: *Евстигнеев Л., Евстигнеев Р.* От стандартной экономической теории к экономической синергетике // Вопросы экономики. – 2001. – № 10. – С. 30.

[5] Этим проблемам посвящены монографии авторского коллектива владимирских ученых и практиков кооперации: *Гутман Г. В., Чукин Н. И., Калмыков В. В.* Взаимосвязь экономической и социальной функций потребительской кооперации. – М.: Маркетинг, 2002; Гутман Г. В., Дигилина О. Б., Чукин Н. И., Ситько В. П., Калмыков В. В. Формы кооперативного движения в условиях рыночных реформ. – М.: Дашков и К., 2003.

[6] См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. – М., 1991; *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. – М., 1991; *Шпенглер О.* Закат Европы. – М., 1994; *Цанн-Кай-Си Ф. В.* Философия как теоретическое мировоззрение. – Владимир, 2001 и др.

[7] *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. – СПб., 1996. – С. 20.

[8] *Ракитская Г. Я.* Социально-трудовые отношения. – М., 2003. – С. 32.

[9] Там же. – С. 34.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. – Т. 47. – С. 285.

[11] Там же. – С. 354.

[12] *Ленин В. И.* О продовольственном налоге. Значение новой политики и ее условия // Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 225–229.

[13] *Вечканов Г., Вечканова Р.* Современная экономическая энциклопедия. – СПб., 2002.

[14] Управление организацией: энциклоп. словарь / Под ред. А. Поршева. – М.: ИНФРА-М, 2001.

[15] *Цветков С. А., Жилина Ж. А.* Основы экономической психологии. – Владимир, 2005. – С. 220.

[16] *Лапыгин Ю. Н.* Стратегическое управление. – Владимир, 1999. – С. 36.

[17] Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2003. – С. 136.

[18] *Шастико А. Е.* Институциональная экономическая теория. – М.: ТЕИС, 1998. – С. 232.

[19] Там же. – С. 233-234.

[20] Там же. – С. 234.

[21] См.: *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Россия 2050: Стратегия инновационного прорыва. – М.: Экономика, 2004. – С. 68.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

И. С. Шемет

КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

Интеграция – понятие, означающее состояние связанности отдельных дифференциальных частей и функций системы, организма в целом, а также процесс, ведущий к такому состоянию. Соответственно, интеграция психики – это понятие, включающее в себя целостность психики человека как некоторое качество или состояние, а также процесс изменений в психике человека, направленный в сторону достижения большей ее целостности.

Проблема интеграции психики имеет два аспекта: теоретический и прикладной. Первый требует содержательного объяснения наблюдаемых фактов, второй – обоснования предлагаемых технологий. Необходимо отметить, что между современной теоретической и прикладной психологией существует глубокий разрыв. Массово применяемые методы и методики психического воздействия, направленные на оптимизацию психических состояний и деятельности человека, зачастую не имеют теоретического и экспериментального обоснования. Это ставит перед общей психологией насущную задачу – обобщить имеющиеся подходы к проблеме интеграции психики. Термин «интеграция» также имеет констатирующее и процессуальное значение: интеграция как состояние целостности и интеграция как движение к целостности. Очевидно, что для разработки теоретической основы методов приведения психики к целостности (интегративных психотехнологий) необходима разработка концепции интеграции как состояния целостности психики, позволяющая определять меру интеграции и пути ее достижения. Термином «психика» мы обозначаем весь внутренний мир человека в единстве сознательного, подсознательного, бессознательного, а также в единстве интра- и интерпсихических реалий. Соответственно, предметом исследования в настоящей работе будет психика как целостность, а также процессы, приводящие психику к большей целостности.

Крупнейшие психологические школы XIX–XX вв. указывали на необходимость целостного взгляда на функционирование психики. Они пытались рассматривать психику человека не только как внутреннее взаимосвязанное целое, но и как внешнее, взаимодействующее с окружающей средой и при этом находящееся в постоянном развитии. Различные авторы выделяют уровни, или иерархию, такого целостного развития психики человека, то есть по сути – меры целостности психики, описывают феноменологию разных уровней и высших достижений психического развития. Авторы указывают на внутренние и внешние пружины, ведущие человека к целостности, описывают процессы, приводящие к ней, а также пути достижения большей целостности – осознавание, поиск смысла или ценности, индивидуализация, самоактуализация и др.

Обобщая предложенные подходы, можно выделить следующие качественные характеристики интеграции психики:

1. Физическое, психическое и социальное здоровье индивидуума, отсутствие различных нарушений, отклонений и дезадаптации.

2. Эмоциональная удовлетворенность, открытость эмоциональной сферы, преобладание положительных эмоций.

3. Продуктивность жизнедеятельности, включая творческую, интеллектуальную, профессиональную и др.

4. Социальная ориентация жизни, социальная включенность и успешность, наличие гармоничных связей с окружением.

5. Осознанность жизни и самоуправление, высокий уровень субъектности и самодетерминированности.

6. Трансцендентальность, или духовность.

Адекватной философской основой для концепции интеграции психики является теория и методология синергетики, описывающая закономерности функционирования и развития целого, основные характеристики целого, а также процессы, ведущие к большей или меньшей целостности [1].

Основополагающей является центральная идея синергетики об атрибутивности организации, согласно которой организованность – это

© И. С. Шемет, 2006

исходное и необходимое состояние мира, основа его существования и развития, то есть мир изначально синергетичен. Из этого положения следует, что в любых системах имеются собственные интегративные процессы, направленные на повышение взаимосвязей между компонентами системы и противодействующие разрушительному воздействию внешней среды. Следовательно, психике человека как системе свойственны такие процессы, обеспечивающие ее целостность.

В основе нашей концепции лежит предположение о том, что психика человека как целостная система имеет некоторые механизмы поддержания собственной целостности – интегративные механизмы.

При эффективной работе интегративных механизмов оптимально происходит развитие психики, усвоение опыта, управление жизнью и поведением, социальная адаптация. При нарушении функционирования интегративных механизмов наблюдаются нарушения психической деятельности в целом или в ее отдельных сферах.

Мы полагаем, что методы интеграции психики должны опираться на собственные интегративные механизмы психики. При восстановлении интегративных механизмов психика сама восстанавливает свою целостность.

Критерии интегративного развития психики соответствуют важнейшим критериям прогрессивной эволюции живых систем:

1) энергетический критерий – эффективность использования энергии, то есть минимизация расхода энергии на достижение полезного эффекта;

2) критерий автономизации – возрастание способности управлять средой и уменьшение зависимости от нее [5].

Анализ различных методов интеграции психики позволяет выделить несколько основных механизмов интеграции, в том или ином сочетании присутствующих в интегративных методах: сон и сноподобные состояния, связное осознанное дыхание различной интенсивности, отреагирование подавленных эмоций; релаксация и спонтанное движение тела; повторное переживание и проговор и осмысление событий жизни; осознавание бессознательного; открытие и пребывание в трансцендентных и духовных состояниях; творчество и созидательная деятельность; общение с природой и животными; состояние любви, положительные эмоциональные связи; афилитивная и конструктивная коммуникация, совместные игры и деятельность; управление образно-ментальной сферой.

Дальнейший анализ указанных процессов и феноменов позволил нам выделить несколько основных интегративных механизмов психики. Они тождественны механизмам оздоровления и развития и включают: сон, связное дыхание, спонтанное движение, эмоции, эмоциональную память, экстериоризацию опыта, переживание, осознавание, мышление, взаимосвязь с природой, любовь, творчество, созидательную деятельность.

Кроме того, существуют внешние по отношению к человеку механизмы, интегрирующие его в более крупные системы: общество, цивилизацию. Это механизмы социальной и духовной интеграции.

С помощью интегративных механизмов происходит генерализация опыта индивида, защита от негативных воздействий и перегрузок, освобождение психики от информационных и энергетических загрязнений, а также оптимальное ресурсное обеспечение.

Психику мы понимаем как организующее начало, индивидуальную систему управления жизнью и поведением человека. При росте и развитии любой системы согласно Г. А. Югай (1985), происходит увеличение сложности (количества элементов в системе), а также повышение уровня организованности (то есть количества взаимосвязей между элементами). Прогрессивным развитием является усиление структурности, которое выражается не только в увеличении количества взаимосвязанных уровней, но и в повышении организованности всего развивающегося материала. При функционировании в психике происходит накопление опыта, коррекция поведения, увеличение числа компонентов. Для развития психики необходима интеграция опыта – включение новых элементов в целостную систему. Поскольку психика – саморегулирующаяся система, в ней с необходимостью должны быть заложены механизмы самоинтеграции. Природным механизмом является сон, обеспечивающий включение опыта в образно-ментальный план сознания. Можно представить бодрствование как процесс накопления опыта (усложнения психики), а сон как интеграцию опыта (организацию, упорядочивание психики). Накопление опыта, превышающее интеграционные механизмы сна (психотравмы, душевные потрясения), дезинтегрирует психику вплоть до возникновения устой-

чивых психических расстройств. Нарушение механизмов сна имеет аналогичные последствия, поскольку психика в бодрствующем состоянии вынуждена не приобретать новый опыт, а переживать (интегрировать) старый.

С нашей точки зрения, сложнейшая система психики принципиально противоречива, так как в ее структуре заложено несколько автономных контуров управления: Я (дух), сознание и бессознательное. Кроме того, существуют прямые внешние влияния, которые психика лишь опосредует в той или иной мере. Данные конструкты управления сложились по мере эволюции психического и отражают усложнение внешней среды жизни человека: природы, социума, цивилизации.

Мы считаем, что в каждый момент времени набор поведенческих программ в психике потенциально не ограничен, то есть душевная жизнь человека и пространство его решений многомерны. С другой стороны, жизнь в реальном пространстве, то есть в материальном мире, трехмерна, ограничена, кроме того, она линейна по времени, что требует также линейности, последовательности, преемственности в поведении.

Таким образом, существует противоречие между потенциальным и актуальным в психике (поведении) человека.

Внутренняя конфликтность психики выражается в нескольких феноменах:

1. Противоречие между различными внутренними управляющими импульсами (борьба с самим собой).

2. Противоречие между внешними и внутренними управляющими импульсами (между человеком и обществом).

3. Противоречие между управляющими импульсами и реальной возможностью их реализации (между желаниями и возможностями).

4. Противоречия между реализованными и нереализованными управляющими импульсами, при этом нереализованных на порядок больше (между желаемым и действительным).

В условиях принципиальной противоречивости психики необходимы механизмы для поддержания ее целостности (интегративные механизмы).

Основная прикладная идея, которая следует из концепции интеграции психики, может быть сформулирована так: для улучшения и оптимизации психики (то есть ее интеграции) необходимо восстанавливать и развивать интегративные механизмы психики. Если они функционируют хорошо, то психика самоорганизуется и саморазвивается в оптимальном режиме. Интегративные психотехнологии в рамках предложенной концепции – это технологии, основанные на интенсификации собственных интегративных механизмов психики.

В онтогенетическом развитии интегративных механизмов можно выделить несколько стадий:

1. Стадия телесной интеграции (ведущие механизмы: дыхание, сон, физическая активность, взаимосвязь с природой).

2. Стадия эмоциональной интеграции (эмоции и эмоциональная память, переживание).

3. Стадия творческой интеграции (творчество, созидательная деятельность).

4. Стадия мыслительной интеграции (мышление).

5. Стадия социальной интеграции (социальные механизмы).

6. Стадия сознательной интеграции (экстериоризация опыта, деятельность сознания).

7. Стадия духовной интеграции (любовь, духовная интеграция).

Каждая новая стадия развивается на основе развития предыдущих, как бы надстраиваясь над ними. При ущербном или недостаточном развитии предыдущих стадий невозможно развитие последующих. Более поздние уровни интеграции не компенсируют недостаток предыдущих, либо компенсируют незначительно. Эта закономерность действует как в жизненном, так и в интенсивном развитии в условиях тренинга или коррекции: восстанавливать интеграционные механизмы необходимо постадийно, начиная с телесной стадии.

Каждой стадии развития интеграционных механизмов соответствует определенный тип коммуникации и социального контроля. *Телесная интеграция* – физический контакт и физические методы воздействия. *Эмоциональная интеграция* – эмоциональный контакт и воздействие на эмоциональную сферу. *Творческая интеграция* – совместные игры и деятельность. Механизмы управления – лидерство, ролевая позиция. *Мыслительная интеграция* – коммуникация как обмен информацией и идеями. Управление через соглашение, инструкции и общий интеллектуальный контекст. *Социальная интеграция* – партнерство, то есть функциональное разделение в достижении совместных целей. Способ управления – целеполагание. *Сознательная интеграция* – экстериоризация опыта, обмен убеждени-

Таблица

Таблица феноменологии стадий и уровней интеграции психики

Стадия	Уровень интеграции психики, преобладающая феноменология				
	– 2	**– 1**	**0**	**1**	**2**
Телесная	Склонность к тяжелым хроническим заболеваниям, низкий уровень физической активности, травмы	Слабое здоровье, есть хронические заболевания, тяжело переносит инфекции	Среднее здоровье, есть психосоматические нарушения, подвержен инфекционным заболеваниям	Хорошее здоровье, успехи в спорте, быстро справляется с инфекциями	Отличное здоровье, устойчивость к инфекциям, управление функциями тела
Эмоциональная	Состояние горя, апатии, страха	Явная или подавленная злость, враждебность, раздражительность	Спокойствие, уравновешенность, скука, консерватизм	Интерес к жизни, удовлетворенность, радость	Энтузиазм, экстаз, воодушевление
Творческая	Деструктивная направленность во всем	Конструктивная направленность на себя и деструктивная на окружение	Конструктивная направленность на себя и умеренно-конструктивная на физическое и социальное окружение	Творческая и созидательная деятельность в различных сферах	Творческое отношение к жизни, к себе, к людям, конструктивная направленность во всем
Мыслительная	Примитивные интеллектуальные навыки, плохо усваивает новое, ригиден	Репродуктивное мышление, средняя обучаемость	Хорошая обучаемость, гибко применяет знания	Творчески мыслит, отлично излагает и сочиняет	Интуитивное мышление, концептуальное мышление
Социальная	Антисоциален	Асоциален, социальный девиант	Социально адаптирован, конформист, исполнитель	Социально продвинут, руководитель	Высокий социальный статус, крупный руководитель, идеолог
Сознательная	Не контролирует и не осознает свои действия, не имеет воли, внушаем, полностью зависим от обстоятельств	Осознает свои потребности и интересы, осознает требования к себе со стороны окружающих, поведение детерминировано извне	Осознает свои цели, свое соответствие и несоответствие стандартам, управляем, не проявляет настойчивости, избегает ответственности	Целеустремлен, настойчив, осознает причины своих поступков, удач и неудач, влияет на обстоятельства, принимает на себя ответственность за себя и за свою жизнь	Высокий уровень ответственности, собственное целеполагание, самодетерминизм, внушает свою волю, формирует обстоятельства
Духовная	Страх перед Богом, судьба как наказание	Признание верховной власти, ритуальное отношение к Богу	Атеизм, индифферентное отношение к Богу	Доверие к высшим силам, стремление понять высшие законы и использовать их, поиск смысла жизни	Понимание своего предназначения, полная растворенность, единение, любовь к Богу, понимание и использование высших законов бытия

ями, доверие, свобода и ответственность. Управление через предоставление возможностей. *Духовная интеграция* – любовь и единение с Богом, обмен смыслами, растворение индивидуальности, безусловная вера. Самоуправление.

Включение человека в определенный тип коммуникации развивает в нем соответствующие интегративные механизмы.

Окружающая среда оказывает на психику разнообразные влияния, в том числе дезинтегрирующие, которые также можно подразделить в соответствии с принятыми стадиями.

Телесная: травмы; физическая боль; ограничение свободы движений; дефицит физического контакта (ласки); плохое качество питания; подавление физиологических функций; факторы, нарушающие сон; факторы, подавляющие дыхание; загрязненная атмосфера; недостаток свежего воздуха и других природных факторов. *Эмоциональная:* негативные эмоции; невозмож-

ность эмоционального отреагирования; дефицит любви; подавляющее эмоциональное воздействие, в том числе вербальное; одиночество; потери; фрустрации. *Творческая:* ограничение свободы действий; деструкция в отношении «творений»; бедность сенсорно-перцептивных стимулов; негативная оценка творчества и творческих способностей; бедный репертуар игр; аутсайдерство в игре; насмешки. *Мыслительная:* обесценивание суждений и выводов; постоянное оценивание с точки зрения соответствия эталону; формирование отчужденных систем вербального знания; информационные перегрузки и загрязнения; дезинтегрирующее обучение. *Социальная:* включение в антисоциальные и девиантные группы; социальное обесценивание личности; изначально низкий статус. *Сознательная:* большой груз непроинтегрированного опыта; ограничивающие и деструктивные вербальные программы. *Духовная:* подмена трансцендентальной связи с Богом отправлением религиозных ритуалов, запрет на особые состояния психики; требование отказа от человеческой жизни во имя духовной; страх перед высшими силами. При наличии деструктивных, дезинтегрирующих влияний на психику ложится дополнительная нагрузка по преодолению этих влияний.

Для оценки наблюдаемого уровня развития интеграционных механизмов по каждой стадии мы разработали пятибалльную шкалу. Показатели шкалы суммарно выражают результат действия как интегрирующих, так и дезинтегрирующих факторов. В совокупности их влияние создает уровень интеграции психики, который имеет характерную феноменологию и является наблюдаемым (табл.).

Результат применения методов интеграции психики имеет системный характер, и его можно отследить на всех уровнях психического. Он выражается в повышении психического здоровья (то есть снятии девиаций), в повышении качества, производительности и надежности функционирования психики и ее отдельных функций (то есть развитие способностей), а также в повышении автономии и субъектности психики и снижении зависимости от внешних влияний. Этот результат (здоровье, развитие, субъектность) является главным критерием отнесения метода или психотехнологии к интегративным.

Интегративное развитие психики – это развитие в сторону большей целостности. Применение идей теории самоорганизации систем (синергетики) к объекту «человек» дает следующую структуру уровней самоорганизации человека:

1. Согласованность внутри системы.
2. Гармоничные связи с окружением.
3. Накопление ресурсов от среды.
4 .Управление средой.
5. Поддержка от среды.

Данные уровни образуют иерархию, каждый новый развивается на основе предыдущего. При развитии на каждом уровне система приобретает новые качества, феноменологически выражающиеся в приобретении человеком нового качества жизни и взаимодействия с миром.

Интенсивно функционирующая психика постоянно увеличивает свою сложность. В настоящее время возросшие информационные нагрузки и темпы жизни привели к лавинообразному возрастанию сложности психики, прежде всего сознания. Естественных интеграционных механизмов не хватает для поддержания целостности. В такой же степени, в какой современная культура направлена на усложнение человека, он сам должен быть направлен на самоорганизацию во имя сохранения индивидуальности и здоровья при помощи специальных технологий психической интеграции.

Библиографический список

1. *Пригожин И.* От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / Пер. с англ. Ю. А. Данилова; под ред. Ю. Л. Климентовича. – М.: Наука, 1985. – 327 с.

2. *Шемет И. С.* Интегративные психотехнологии в социальной работе. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2004. – 226 с.

3. *Шемет И. С.* Интегративный подход к психике человека // Социальная психология XXI столетия. – Ярославль: МАПН, 2005. – С. 303–304.

4. *Шемет И. С.* Уровни интегративного развития человека // Вестник интегративной психологии. – Ярославль; М., 2005.– Вып. 1(3). – С. 227–228.

5. *Югай Г. А.* Общая теория жизни. – М.: Мысль, 1985. – 196 с.

Т. А. Ромм

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ*

Социальное воспитание – термин, отражающий явление воспитательной практики и понятие современной теории социальной педагогики. Отсутствие в педагогической науке конвенциональной экспликации данного термина, многообразие операциональных интерпретаций его сущности связаны, с одной стороны, с определенным этапом развития отечественной социальной педагогики, который определяют как «эмпирический этап теоретического познания» (М. А. Галагузова) или «научно-эмпирический этап» (И. А. Липский): этап сбора, обобщения и классификации данных практической деятельности. С другой стороны, для современной педагогики, как, впрочем, и для всего гуманитарного знания в целом, характерна проблема уточнения, осмысления и/или даже переосмысления базовых педагогических терминов и категорий в связи с очевидной неупорядоченностью и многозначностью традиционных, «устоявшихся» понятий. (Причины этого коренятся в усложнении самой педагогической реальности, методологическая небрежность исследователей, недостаточная разработанность научно-методологической базы.) Проблема существующего понятийно-категориального разнобоя усугубляется тем, что современная социальная педагогика в России развивается параллельно и одновременно: как система практической деятельности, и как научная рефлексия по поводу этой деятельности. В периоды становления и развития науки понятийно-категориальные проблемы приобретают особую актуальность и остроту. Поэтому принципиально важной представляется задача уточнения сущности ключевого понятия – «социальное воспитание» чему, собственно, и будет посвящена данная статья.

Для одних исследователей характерно чрезвычайно широкое понимание этого термина. Так, Л. Е. Никитина в теоретико-методологическом анализе социальной педагогики рассматривает социальное воспитание как некую современную альтернативу традиционного воспитания вообще, как новое состояние воспитания, связанное с деятельностью всего общества по оптимизации процесса социального развития, как форму реализации «социально-педагогической парадигмы общественного развития» [6, с. 175]. В. А. Никитин представляет социальное воспитание как часть воспитания вообще (но не единственную). Сущностная характеристика этого вида воспитания дается им в определении результата социального воспитания: «социальность как способность человека взаимодействовать с социальным миром» [9, с. 39]. Для М. А. Галагузовой социальное воспитание является основной собственной категорией социальной педагогики. Это педагогически ориентированная и целесообразная система помощи «в образовании и воспитании детей, нуждающихся в ней в период их включения в социальную жизнь» [3, с. 182]. Такое определение, по мнению автора, отражает не только специфику социальной педагогики, но и ее объективно существующую и не допускающую игнорирования связь с социальной работой, которая подчеркивается введением в определение термина «помощь». Так же, через акцентирование помощи, раскрывает данное понятие В. Г. Бочарова: педагогически ориентированная система общественной помощи, «в целях формирования личности, адекватной к требованиям данного общества» [2]. А. В. Мудрик представляет социальное воспитание как объект научной социальной педагогики: «взращивание человека в процессе планомерного создания условий для целенаправленных позитивных развития и духовно-ценностной ориентации» [5, с. 111].

Не вызывает сомнения наличие у социального воспитания достаточно глубоких исторических и социокультурных истоков. Зарождение социального воспитания относится к условиям первобытности. Социальный характер древнейшего воспитания проявлялся уже в том, что, во-первых, древнекаменная община воспитывала всех одинаково без исключения; во-вторых, вся община чувствовала себя ответственной за воспитание каждого ребенка; в-третьих, всех детей готовили к деятельности на пользу общине, воспитывали в духе подчинения интересов отдель-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект 06-06-00553а).

© Т. А. Ромм, 2006

ного индивида интересам коллектива. Очевидно, что цели, содержание и формы воспитания здесь социальны по сути, ибо носили ярко выраженный стихийно-общественный характер, что определялось, в конечном счете, условиями жизни древнего человека.

С течением времени понимание общественного (социального) воспитания в человеческом обществе изменяется. Вопрос о его характере впервые формулировался Платоном. Возможность преобразования общества он связывал только с помощью системы общественного воспитания, которое включает в сферу воздействия всю жизнь ребенка и окружающую его среду, организуя ее в соответствии с его природными возможностями. Воспитание, по Платону, функция не семьи, а государства. Этому пониманию способствовало утверждение новых форм общественного развития в античности, своеобразие античного общественного устройства. Идеалом общества становится личность, своими делами утверждающая себя и свое право на уважение в обществе. Античное воспитание носило ярко выраженный общественный характер. Особенно отчетливо это проявилось в системе спартанского воспитания, обусловленного высоким уровнем развития общинного начала. Мыслители Ренессанса не могли игнорировать античное понимание человеческой сущности как социальной, то есть человек как социальное существо, признающее идеалы высокой гражданственности. Социальный аспект воспитания/образования выражался, во-первых, в стремлении содействовать более тесным связям человека с другими людьми. В условиях усиливавшегося разделения труда и возросшей социальной мобильности воспитание/образование, по мнению гуманистов, было призвано, прежде всего, помочь человеку осознать свое призвание, правильно оценить собственные силы, занять соответствующее место в обществе, то есть способствовать социализации человека. Во-вторых, само воспитание/образование воспринималось как социальная сила, способная решать социальные проблемы общества.

Стандарт личности, задаваемый условиями наступающего Нового времени, актуализировал новые качества личности: знание и выполнение законов государства, соответствие социальным ролям общества, неравнодушие к общественным проблемам. Новые социально-экономические отношения дали мощный толчок развитию социального знания: социальной философии, социологии. «От интересов индивидуального благоустроения …человеческое сознание обращается к социальному благоустроению. Рождается в европейской общественной мысли как бы новое сознание, имеющее своим (объектом) не интересы личности и индивидуально-особенного развития, а интересы рода, интересы человеческого общества и развития целого», – отмечал отечественный педагог П. А. Соколов [8, с. 5]. В рамках формирующегося в начале XIX в. позитивизма (О. Конт, Дж. Миль, Г. Спенсер) особое внимание уделяется проблеме индивидуального и социального в контексте разделения личностного и общественного. Общество начинает трактоваться как внешняя среда, которая влияет на поведение личности, а воспитание – как вид воздействия общества на человека. По мнению О. Конта индивидуум, рассматриваемый изолированно от общества, – есть абстракция; нельзя разграничивать частные и общественные функции. Например, этика – есть наука о солидарности жизни всего человеческого рода и основывается на социальном инстинкте, а развитие индивидуума совершается всецело в пределах общества и определяется законами развития общества.

С уточнением сущности категории «общественное», с развитием общенаучной рефлексии, с появлением термина «социальное» как определенной характеристики отношений и связей, происходящих в обществе, в педагогике начинают складываться научные подходы, которые можно определить (условно) как социально-ориентированные (И. Г. Песталоцци, Ф. Фребель, А. Дистервег). В этих концепциях, возникших как противостояние индивидуалистически ориентированной педагогике Просвещения, главное место уделяется формированию социальности («солидарности») человека как способности жить среди людей, соотносить свою индивидуальность с интересами всего социума.

С развитием социологического знания «социальное» начинает пониматься по-разному. Оно может выступать как нейтральный синоним «общественного» (социальная структура), как оценочная характеристика правовых аспектов общественной жизни (социальное учение, социальный вопрос), как этический аспект взаимоотношений людей (социальная ответственность). Все эти оттенки, так или иначе, вошли в трактовку социальных основ педагогики: шло ее обо-

гащение социальными идеями, пересматривались взаимоотношения с социальными интересами, социальной практикой, усилилась социальная рефлексия проблем образования, возрос интерес к проблемам социализации личности. Как собственно педагогическая категория это понятие формируется в конце XIX – начале XX веков в связи со становлением социально-педагогического направления в воспитательной теории и практике (П. Наторп). Отражение этого процесса – научно-педагогическая рефлексия по поводу сущности общественного воспитания в российской педагогике (концепция общественного образования П. Ф. Каптерева; принцип общественности во взглядах Е. Медынского; толкование роли и значения общественности для развития личности у К. Н. Венцеля и С. Т. Шацкого и др.). Однако развитие социальной педагогики в XX веке оказалось неоднозначным. В какой-то мере термин был дискредитирован. Для официальной советской педагогики социальное воспитание было синонимом либо «коммунистического воспитания» (А. В. Луначарский), либо борьбы с детской беспризорностью («соцвосы», которые создавались на местах при исполнительной власти, должны были решать именно эти задачи). Немецкая социальная педагогика тоже оказалась под влиянием социального заказа Веймарской республики и идей национал-социализма. Как итог, к концу XX века, термин «социальное воспитание» наряду с необычайно широкой частотностью научного и педагогического употребления все еще не имеет конвенционального толкования.

Индивидуальность и социальность – вот те две бытийные, ценностные ориентации (тенденции), которые присущи воспитанию как общественному явлению. Системная целостность воспитания определяется наличием этих двух противоположных, но взаимодополняющих тенденций. Первая тенденция (индивидуалистическая) восходит к ценностям человеческой самости и неповторимости, характеризуя индивидуалистическую направленность педагогических усилий, ориентацию на подчинение всего комплекса воспитательных воздействий интересам и потребностям ребенка. Эта тенденция нашла свое отражение в воспитательных подходах эпохи Просвещения, идеях Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого, педагогической практике «вольных школ», принципах педагогики М. Монтессори.

Вторая тенденция (социальная) направлена на активизацию общественных усилий в воспитании, на включение подрастающего поколения в реальную жизнь, в систему общественных отношений, основанных на взаимодействии и поддержке. Данная тенденция получил свое развитие в педагогических системах И.-Г. Песталоцци, социалистов-утопистов, С. Т. Шацкого, немецких педагогов начала XX века. Развитие этих тенденций, их взаимоотношение в реальном педагогическом процессе зависело от многих факторов: характера социально-политических проблем, которые вынуждено решать государство, в том числе и средствами педагогики; традиций общественных отношений, норм, ценностей, присущих обществу и культуре; особенностей образа жизни, способов жизнедеятельности; религиозных предпочтений. Словом, каков стандарт личности, какие потребности являются для нее основными, какие качества она должна демонстрировать для жизни в конкретно-историческую эпоху в том или ином обществе, все это и определяло социальный заказ педагогике в целом и формировало ее либо «индивидуалистическую», либо «социальную» направленность. В этом противостоянии – источник развития воспитания вообще и социального воспитания в частности.

Когда мы приступаем к разрешению проблем социального воспитания, то первое, что мы должны сделать, чтобы эти проблемы были правильно поняты и получили верное разрешение, это – ясно и точно определить, что следует понимать под человеческим обществом, под социальностью, под социальным фактом. Пока нет ясности в определении и понимании социальности, пока само понятие общества в нашем сознании расплывается и получаются разные, часто противоречивые толкования, пока относительно этого понятия не может быть достигнуто общего согласия, до тех пор и социальная педагогика не может получить твердого базиса и достигнуть положительных результатов, могущих претендовать на общее признание в области определения целей и задач воспитания и тех методов, которыми эти задачи должны быть достигаемы. Социальное обладает единой природой и поэтому выступает имманентным свойством не только общества, но и человека как совокупности и смысла общественных отношений и одновременно как образующей их в своих функциональных связях.

Индустриальное общество конца XIX – середины XX веков, несшее в себе тенденцию к унификации социальных связей и отношений, программировало образование на воспроизводство человека как детали огромной общественной машины. С другой – нарастающий кризис индустриальной цивилизации, выражающийся, в частности, в дегуманизации жизни и культуры, усиливающемся отчуждении личности, ставил в повестку дня вопрос о полноценном духовном развитии человека, ориентировал образование на преодоление традиционных для Запада гипертрофированных рационализма, прагматизма, индивидуализма. В этих условиях актуализировалось стремление обеспечить формирование целостной личности, способной к самопознанию, саморазвитию, самореализации. В 1960-х годах П. А. Сорокин писал: «В XX столетии западный мир вступил в длительный переходный период, двигаясь навстречу новой господствующей форме сознания, культуры, новым системам ценностей и формам социальной организации» [8, с. 484]. Этим новым типом социальности стало постиндустриальное (информационное) общество. Начиная с 1970-х годов и особенно в 1980–1990-е годы постиндустриальное общество рассматривается как качественно новая ступень развития всего человечества (О. Тоффлер, М. Понятовский, И. Масуда).

В условиях становления постиндустриального общества «мерой всех социальных вещей», основополагающим условием производства и воспроизводства общественной целостности становятся развитие и обогащение человеческого интеллекта, творческой энергии, духовно-нравственных сил. На смену социально-ролевого способа индивидуальной человеческой жизнедеятельности (традиционной для индустриального общества и подчиняющего личность функциональным императивам общественных структур) приходит новый, значительно более адекватный самой природе человека. Человек из «винтика» социальной машины превращается в реального субъекта своей жизни, преодолевающего отчуждение собственной сущности. Социокультурная самоидентификация личности происходит в условиях отрыва человека от традиционных социальных групповых структур, которые начинают разрушаться; происходит возрастание ощущения личной свободы, что дополняется возможностью выбора самых различных видов деятельности. Зависимость личности от ее социокультурной среды не просто ослабевает, а приобретает обратную тенденцию – социальные структуры начинают все больше зависеть от состояния духовного мира личности, от процессов, протекающих в ее сознании. Человек становится подлинно общественной ценностью, а основная функция социума направлена на создание условий для свободного развития независимой творческой личности, обладающей выраженной индивидуальностью и живущей содержательной, счастливой жизнью.

Постиндустриальный тип социальности способствовал появлению в массовом педагогическом сознании новых проблем, отражающих реальные противоречия и потребности воспитательно-образовательной практики. В современных условиях постиндустриального общества, – отмечает Г. Б. Корнетов, – происходит перемещение устремленности педагогического идеала от социально-ориентированной (конструирование человека с параметрами, заданными конкретными интересами общества) цели воспитания и образования к индивидуально-ориентированной (конструирование человека для самого себя и только опосредованно для общества) [4]. При этом происходит перенос акцента с подготовки к служению обществу – на формирование у подрастающих поколений ответственности за судьбы общества и готовности прийти на помощь, способности к сотрудничеству. Это неизбежно выдвигает на первый план комплекс проблем, связанных с признанием самоценности личности, формирования ее самосознания, создания условий для ее самоопределения и самореализации. В то же время актуализируется группа проблем, связанных с необходимостью преодоления эгоизма и возможного асоциального поведения. С. А. Расчетина выделяет ряд идей, приобретающих статус методологических на современном уровне осмысления данного отношения [7]:

– идея усиления ценностного аспекта науки, осмысления ее теоретических и практических результатов с позиций ценности человеческой жизни;

– идея уникальности природных и социокультурных явлений, образующих жизненную среду человека, уникальности самого человека как биосоциального и духовного существа;

– идея ориентации на культурологические способы познания социокультурных феноменов и самого человека.

Принципиально иной взгляд на сущностные характеристики отношения «человек – мир» способствует обновлению методологического фундамента современной науки. В этой ситуации недостаточна аппеляция к классической парадигме научного знания, которая предполагает вовлечение точного знания в реконструкцию всех аспектов гуманитарного знания. Согласно классическому подходу, методологией педагогики выступает идея системности. Ориентируясь на системный подход, педагогическая наука сдвигает фокус своего внимания в сторону общих характеристик социальной ситуации и путей ее преобразования. В этом случае ситуация анализируется на основе максимального абстрагирования от индивидуальных характеристик.

Неклассическая парадигма научного познания предполагает включение культурологического знания в преобразование всех аспектов науки. В этом смысле точное знание гуманизируется, «очеловечивается», что находит свое отражение в методологии, способах познания, принципах построения научных схем, в содержании понятий науки. В русле этого подхода происходят глубокие изменения в методологическом аппарате науки. Идеи множественности подходов к анализу психолого-педагогических явлений, идеи ориентирования на их индивидуальные характеристики выступают как значимые для науки положения. Ракурс исследования сдвигается в сторону индивидуализированных характеристик социальных ситуаций и путей ее преобразования. Абстрагирование от общих характеристик предполагает выбор метода познания как понимания уникальности, единичности, неповторимости. Особо значимыми становятся единичные показатели, объясняющие причины наличных состояний ситуации и логику ее преобразования.

Обращение либо к классической (структурно-функциональной, нормативной) методологии, либо к неклассической (культурологической, субъективистской, интерпретативной) методологии задает разное видение (понимание) педагогической ситуации и определяет выбор исследовательских методик. Классические методы познания педагогической реальности несут в себе идею «общего», упорядочивания элементов системы «личность – среда – способ развития». Неклассические методы, напротив, несут в себе идею множественности человеческих проявлений. Овладение классическими методами познания дает возможность определения и учета общих закономерностей, овладение неклассическими методами (герменевтическими и др.) – предполагает ориентацию на знание индивидуальных закономерностей развития той или иной педагогической ситуации. Для анализа социального воспитания очевидно необходим учет возможностей той и иной методологии.

Так, современное социологическое знание развивается в рамках нормативной (*макро*) методологии (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. К. Мертон и др.), в контексте интерпретативной (*микро*) методологии (М. Вебер, Дж. Г. Мид, Г. Блумер) или же в свете объединительной метапарадигмальной методологии (П. Бурдье, Н. Смелзер, Д. Александер, Дж. Ритцер и др.). Обращение к той или иной методологии задает разное видение (понимание) социального. Если основываться на традиционном (макросоциологическом), объективистском подходе, то характеристика социальных процессов сводится к определенности того, что все участники социальных взаимоотношений разделяют общую систему символов и значений, которые относятся к социокультурной системе ценностей, и эта система обладает принудительной силой. Воспитание, как часть этой социокультурной системы выполняет транслирующую, контролирующую функцию, следовательно, социальное воспитание направлено на формирование заданного стандарта личности в четко определенной однозначной системе ценностей. При интерпретативном подходе на первый план выходят субъективные значения вещей (смыслы), которые возникают у личности во взаимодействиях с социальным окружением. Социальный мир представляет в этом случае постоянно сменяющие друг друга социальные ситуации, для приспособления к которым нужны, разнообразные стратегии [1, с. 45–46]. Такой подход задает социальному воспитанию цели, связанные не столько с формированием определенных качеств, сколько с необходимостью уточнения для человека своей социальной идентичности в процессе конструирования непротиворечивого мира вокруг себя. На первый план для воспитания выступает проблема обучения личности самоопределению и самореализации в тех условиях, в которых ей предстоит быть. Насколько та или иная методология является исчерпывающей и достаточной? Как

можно соотнести социальный заказ и личностную самореализацию?

Библиографический список

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию. – СПб.: Алетейя, 1999.

2. *Бочарова В. Г.* Педагогика социальной работы. – М.: SvR-Argus, 1993.

3. *Галагузова М. А.* Категориально-понятийные проблемы социальной педагогики. – Понятийный аппарат педагогики и образования: сб. науч. тр. / отв. ред. М. А. Галагузова. – Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 1998. – Вып. 3. – С. 168–184.

4. *Корнетов Г. Б.* Цивилизационный подход к изучению всемирного историко-педагогического процесса. – М.: ИТПиМИО РАО, 1994.

5. *Мудрик А. В.* Социальная педагогика: учеб. для студ. пед. вузов / под ред. В. А. Сластенина. – М.: Изд. центр «Академия», 2000.

6. *Никитина Л. Е.* Социальная педагогика: учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2003.

7. *Расчетина С. А.* Социальная педагогика – развивающаяся область исследования: сб. 1. – СПб.: «Verba magistri», 1997.

8. *Соколов П.* История педагогических систем // цит. по: Отечественная социальная педагогика: хрестоматия / сост. Л. В. Мардахаев – М., 2003.

9. Социальная педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Никитина. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.

ИСТОРИЯ

Е. Ю. Волкова

ПОДГОТОВКА ЖЕНСКИХ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Отражение нападения немецко-фашистских захватчиков на советскую страну потребовало привлечения огромных людских ресурсов. Только за первые полгода Великой Отечественной войны было сформировано более 400 новых дивизий, более 300 тысяч человек были мобилизованы в истребительные батальоны, около 10 миллионов (в основном женщин) были привлечены к строительству оборонительных укреплений. Чтобы заполнить освободившиеся рабочие места, в стране была проведена огромная работа по вовлечению, главным образом, женщин в общественное производство. В итоге их доля на промышленных предприятиях Российской Федерации достигла 54,3%, в торговле – 66,5%, здравоохранении – 85,3%, среди механизаторов на селе – 48,4% [11]. В целом по СССР в народном хозяйстве их удельный вес вырос с 39% в 1940 г. до 56% – в 1945 г. [14, с. 75]. Однако простого вовлечения женщин на производство было недостаточно. Встала не менее важная задача – обучить молодое поколение рабочих.

Тема подготовки женских квалифицированных кадров в годы Великой Отечественной войны стала интересовать исследователей лишь начиная с 1970-х гг. Отдельных работ по проблеме обучения женщин практически нет. В диссертациях, монографиях и статьях встречаются лишь небольшие разделы, в которых перечисляются формы и методы обучения женских кадров. Историки ввели в научный оборот достаточно много данных о числе обучавшихся женщин на курсах, в школах, в системе трудовых резервов и т.п., но они носят фрагментарный характер, не позволяющий представить целостную картину. О количестве женщин, охваченных разными формами обучения, можно судить лишь опосредованно исходя из данных об общем количестве женщин, вовлеченных на производство, или из многочисленных примеров работы женщин-стахановцев, начавших свою трудовую карьеру во время войны.

Историки пока не ответили на вопрос, что способствовало быстрому освоению профессий и какие проблемы мешали этому; они не стремились выявить специфические особенности в подготовке женских квалифицированных кадров. Надо отметить, что этому были объективные и субъективные причины. В планах по обучению кадров и статистических отчетах крайне трудно определить численность женщин, так как эти данные не разделялись по гендерному признаку, что было характерно как для общесоюзных документов, так и для областных. Лишь на уровне отдельных районов или даже предприятий приводились сведения по женщинам. Даже при тщательном анализе этих документов очень трудно представить картину в целом. Кроме того, до недавнего времени были засекречены многие документы, касавшиеся учебы в ФЗО, которые могли бы пролить свет на причины плохого обучения.

Надо сказать, что воспоминания участников войны, тщательное изучение опубликованных материалов военного периода, данных периодической печати могли бы помочь исследователям разобраться в проблеме подготовки женских кадров. Но никто не ставил перед собой такой цели. С другой стороны, до 1990-х гг. ученые действовали по определенной схеме в изложении материала, не приветствовалось использование мемуарной литературы и свидетельства очевидцев.

Однако тема обучения сотен тысяч работниц крайне важна для объективного освещения работы тыла, так как от того, насколько быстро и качественно молодое пополнение освоит технику и методы работы, зависело выполнение планов поставок продукции на фронт. Это понимало руководство страны. «Правда», орган ЦК партии, в передовой статье 20 августа 1941 г. писала: «Нельзя полагаться только на энтузиазм новых рабочих, на инициативу и готовность как можно скорее овладеть профессией. Война требует исключительно высоких темпов подготовки кадров, стало быть, систематического и упорного обуче-

© Е. Ю. Волкова, 2006

ния, воспитания, технического роста и производственной закалки». А 8 июля 1943 г. она с большей настойчивостью заявляла: «Хозяйственные руководители, партийные, советские, комсомольские и профсоюзные организации должны понять, что подготовка квалифицированных рабочих является первостепенной задачей военного времени. От ее решения зависит вся работа промышленности, все ее дальнейшее развитие…»

К решению этой задачи обратились массовые общественные организации и прежде всего профсоюзы, где женщины были представлены в большей степени. 7 июля 1941 г. Секретариат ВЦСПС принял постановление «Об оказании помощи бывшим домашним хозяйкам и служащим, пришедшим работать на заводы, фабрики и совхозы, а также всем квалифицированным рабочим и работницам в приобретении производственной квалификации», в котором обязал профсоюзные организации создать курсы и кружки, организовать обучение новых рабочих [8, с. 248].

Большую работу среди девушек проводили комсомольские организации. В ноябре 1941 г. ЦК ВЛКСМ разработал мероприятия по подготовке квалифицированных кадров для промышленности и транспорта из числа женской молодежи. Было предложено подготовить преподавательский состав, разработать формы обучения, развернуть широкую разъяснительную работу среди женщин о необходимости технической учебы, расширить сеть детских учреждений в целях более полного вовлечения женщин на производство и учебу [15].

Пристальное внимание к проблеме подготовки новых квалифицированных кадров уделяло Правительство страны. В связи со все возраставшей активностью женщин на железнодорожном транспорте НКПС 11 октября 1941 г. издал специальный приказ «О повышении квалификации и подготовке работников массовых профессий железнодорожного транспорта из числа женщин». 21 мая 1942 г. СНК СССР постановил организовать на предприятиях индивидуальное и бригадное ученичество, прежде всего вновь пришедших работниц [5, с. 78, 79]. Чтобы заинтересовать кадровых рабочих в обучении новичков, их труд стал оплачиваться в размере от 50 до 100 рублей в зависимости от сроков и качества обучения [14, с. 75]. Согласно постановлению СНК СССР от 5 марта 1944 г. подросткам на предприятиях должны были организовывать трехразовое питание, предоставлять отпуска, путевки в дома отдыха, разрешить посещение родных [10, л. 61].

К сожалению, лишь немногие историки оценили важность задачи обучения женщин. «От новых кадров – женщин и молодежи, – писала А. В. Митрофанова, – фактически зависело выполнение и перевыполнение производственной программы и освоение новых видов продукции» [6, с. 206]. А. Е. Моховикова отмечала огромную работу по мобилизации трудовых резервов во время войны партийных организаций, которые «параллельно решали *более трудную и более важную* задачу обучения и воспитания новых кадров» (выделено мной. – *Е. В.*) [7, с. 195]. Такой же вывод делает Г. М. Скобелева, подчеркивая, что «партия и правительство проделали колоссальную работу не только по вовлечению женщин в производство, но и по их обучению» [12, с. 82].

В подготовке женских кадров достаточно четко просматриваются два этапа: 1941–1942 гг. и 1943–1945 гг. На первом этапе главной задачей являлась быстрая и массовая подготовка новых кадров по замене ушедших на фронт. В это время основными видами были индивидуальное и бригадное ученичество преимущественно на самом рабочем месте. На втором этапе, наряду с обучением вновь пришедших, все большую роль стало играть повышение квалификации в стахановских школах, на курсах, в кружках передового опыта. Необходимо также подчеркнуть, что большое значение в быстрой производственной, психологической, социальной адаптации молодых кадров играли кадровые рабочие, многолетние традиции коллективов. Повысив свою квалификацию, женщины увереннее чувствовали себя на производстве. Новый профессиональный уровень давал им большую свободу, независимость, возможность занять достойное место в рядах стахановцев, способствовал преодолению профессионального барьера.

Обучение, как правило, проходило прямо на рабочем месте. Документы свидетельствуют, что там, где руководство предприятий, от директора до мастера, проявляли интерес к учебе и жизни новичка, последний стремился работать как можно лучше, как это было на заводе ГАЗ в г. Горьком. Где этого не было, начинались проблемы. На станкостроительном заводе имени Кагановича в том же г. Горьком ученика перебрасывали из цеха в цех, в результате обучение было нека-

чественным и долгим, а уже обученным работницам не сообщали даже необходимую для них норму. На заводе имени Сталина в результате невнимательного отношения хозяйственников и общественных организаций, многие уже обученные не выполняли норму, так как девушек, получивших 3–4-й разряд, ставили на работу по 5–6-му разряду. Фрезеровщица Т. Половинкина выполняла план на 69% из-за необеспеченности деталями, а девушки, обученные на крановщиц (Шахволина, Килеева, Чернышева, Ерышева, Плюхина) работали чернорабочими [2].

Не утешительнее было и положение выпускников ФЗО и РУ. За 1941–1942 гг. из них по 28 наркоматам было передано 886 164 человека. В то же время в 1942 г. по 18 областям и республикам самовольно ушло с работы 48 865 выпускников ФЗО [10, л. 20, 34]. В докладной записке заместителя председателя СНК СССР Н. А. Вознесенского секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву содержится попытка проанализировать причины такой текучести кадров. Это, прежде всего, ошибки при мобилизации в ФЗО: на местах не разъясняли значимости мобилизации, не учитывали семейное положение призывавшихся или состояние дел в колхозах. В ответ председатели колхозов просили вернуть мобилизованных юношей и девушек, так как в хозяйствах некому убирать урожай. По просьбе председателей родители посылали в город телеграммы, подобные следующей: «Маня, не бойся, приезжай, тебя требует Павлов Николай» или «Мать сломала ногу, немедленно приезжай». Сами учащиеся, получив неутешительные сведения из дома, убегали с работы или в лучшем случае пытались отпроситься. Учащаяся одной из школ ФЗО Москвы Зоя Захарова писала: «Убедительно прошу директора школы отпустить меня домой, так как я оставила отца 70-летнего больного раком желудка и сестренку 6 лет… Если вы, товарищ директор, не отпустите, то я вынуждена буду убежать самовольно, как это делают многие. Я на произвол судьбы больного отца и маленькую сестренку оставить не могу» [10, л. 37–38].

В ряде областей страны наборы на учебу проходили медленно, наблюдалось также отставание с началом учебы. Из архивных документов становится ясно, что причины этого – не только нерасторопность местного руководства, но и то, что призывникам просто не в чем было ехать на учебу за сотни километров. Например, в 1942 г. в Молотовской, Омской, Пензенской, Тамбовской областях, Краснодарском крае трудности возникли из-за нехватки у курсантов одежды, обуви, белья. В ряде районов призыв задержали, так как боялись, что в плохой одежде призывники обморозятся в дороге [9].

Довольно часто допускались нарушения правил мобилизации по возрасту и здоровью: в ФЗО и училища забирали больных детей или моложе 14 лет. В Молотовской области, например, в июле 1942 г. было мобилизовано свыше 200 человек больных пороком сердца, туберкулезом, ослабленных, инвалидов [10, л. 39]. Часто мобилизованным подросткам не обеспечивали элементарных условий: проезд на место учебы, проживание и питание. Одна из таких мобилизованных, Елизавета Трубочкина, рассказывала: «Собрали нас в поселке и отвезли на станцию Торопец. Там мы прожили целую неделю… Жили на улице. Потом нас посадили в телятник и повезли. В пути нам ничего не давали, ели только то, что было с собой – сухари, хлеб… В вагоне нас ехало 112 человек, но потом разбежались и осталось только 86 человек. Во всем эшелоне нас было 1 000 человек, а в Казань приехало только 700» [10, л. 41]. Такое положение наблюдалось в большинстве областей. Только по 17 предприятиям Челябинской области из 9 500 молодых рабочих, подготовленных школами ФЗО, 5 830 ушло самовольно. При проверке было выяснено, что на предприятиях были неудовлетворительные бытовые условия: в общежитии треста № 22 не заделан потолок, сырость, помещение практически не отапливалось. Рабочие вынуждены были спать на предприятии. Часто наблюдалось пренебрежительное отношение к рабочим со стороны руководства, которое, не умея наладить дисциплину, видело единственный выход в применении репрессивных мер [10, л. 6–10].

Как видно из документов, наряду с материальной нуждой, психологическими тяготами военной обстановки, причиной плохой трудовой дисциплины выпускников ФЗО было безответственное отношение к ним руководителей предприятий. В отчете о работе с молодыми рабочими по Молотовской области в сентябре 1942 г. прямо подчеркивалось: «Только исключительной запущенностью воспитательной работы, преступным отношением к жилищно-бытовым и культурным условиям со стороны руководства ремесленных училищ и школ ФЗО, а также ру-

ководства некоторых предприятий, можно объяснить такие массовые побеги» [1]. В сентябре 1942 г. в Постановлении ЦК ВКП(б) «О фактах бездушно-бюрократического отношения к использованию, бытовому обслуживанию и политическому воспитанию молодых рабочих» все партийные комитеты обязаны были «принять меры, обеспечивавшие коренное улучшение политического воспитания и материально-бытового обслуживания молодых рабочих, укрепление трудовой дисциплины на предприятиях и тем самым ликвидацию текучести кадров» [10, л. 61]. Эти решения в полной мере относились и к молодым работницам.

Однако положение улучшалось далеко не везде. Например, в информации по Горьковской области от 26 марта 1943 г. говорилось: «Обращает на себя внимание угрожающий рост дезертиров в военной промышленности». При этом главной причиной такого положения явилось «бездушное отношение к их материально-бытовым нуждам». Так, на заводе № 80 все жильцы женского барака работали в одну смену. Дверной же замок комендант барака сделать наотрез отказалась. В результате там происходили ежедневные кражи [3, с. 412–413].

Таким образом, анализ новых документов показывает, что недостатки в подготовке молодых работниц имели место по всей стране. И все же в годы Великой Отечественной войны обучение нового пополнения рабочих приняло действительно массовый характер. За годы войны через сеть курсов, стахановских школ, путем индивидуально-бригадного ученичества было обучено на производстве 11,3 миллиона человек и 9,2 миллиона работавших повысили свою квалификацию [4, с. 210]. В военное время произошло углубление и расширение традиционных форм обучения женских квалифицированных кадров. Это выразилось в ускоренных темпах обучения, небывалой массовости этого процесса.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5451, оп. 27, д. 22, л. 80.

2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО), ф. 30, оп. 1, д. 2593, л. 1, 2, 120, 121, 126, 127.

3. Забвению не подлежит: Страницы Нижегородской истории. – Кн. 3. – Н. Новгород, 1995.

4. История социалистической экономики. – М., 1978. – Т.5.

5. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне: док. и материалы. – М., 1970.

6. *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 1971.

7. *Моховикова А. Е.* Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по вовлечению женщин в промышленное производство в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Великий октябрь и Восточная Сибирь: материалы конф. – Иркутск, 1968.

8. Профсоюзы в СССР: сб. док. – Т. 3. – М., 1963.

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 122, д. 22, л. 15, 16.

10. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 107.

11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 1562, оп. 15, д. 1669, л. 1.

12. *Скобелева Г. М.* Роль женщин в развитии общественного производства в годы Великой Отечественной войны // Из истории Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1966. – Вып. 51.

13. Труд. – 1942. – 17 марта.

14. Труд в СССР: стат.сб. – М., 1968.

15. Центральный архив молодежных организаций (ЦАМО), ф. 1, оп. 8, д. 16, л. 2, 4.

М. В. Мельников

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ РЕФОРМЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Потребности экономического развития России в послереформенную эпоху объективно требовали укрепления денежной системы, так как существовавшее неустойчивое бумажно-денежное обращение не способствовало ни росту крупного промышленного производства, ни развитию внутренних и внешних экономических связей, ни инвестициям иностранного капитала. Особенно это стало ясно в 90-е гг. XIX в. – годы промышленного подъема, когда масштабы производства во всех сферах экономической деятельности стали особенно внушительными. Поэтому непосредственным инициатором денежной реформы выступил министр финансов России С. Ю. Витте, крупнейший государственный деятель последнего десятилетия XIX века.

Необходимость денежной реформы, которая обеспечит укрепление курса рубля, осознавали еще предшественники С. Ю. Витте на посту министра финансов. К середине 1880-х гг. в Министерстве финансов в общей форме уже сложилась программа финансовых преобразований. Но если необходимость реформирования финансовой сферы С. Ю. Витте осознал сразу, то конкретные пути его претворения в жизнь первые год-полтора его министерства служили предметом оживленных дискуссий и раздумий. Предстояло окончательно определить, в каком направлении осуществлять реформу: на базе монометаллизма (золотого) или биметаллизма (серебро и золото). В пользу второго варианта выступала историческая традиция российского денежного обращения и наличие значительных запасов серебра, накопленных в стране. Но привязка кредитного рубля к биметаллическому эквиваленту таила в себе и наибольшую опасность: при высокой конъюнктуре одного из паритетов неуклонное снижение стоимости другого могло не только не привести к стабильности денежной единицы, но даже усилить ее неустойчивость. Введение золотого обращения в этом отношении представлялось предпочтительней, но и здесь существовала большая опасность. Возможность массового оттока металла из обращения как внутри страны, так и за границу, недостаток резервов золота для свободного обмена, угроза обесценивания – все это могло создать угрозу для стабильности денежного обращения.

Теоретическую основу проекта денежной реформы С. Ю. Витте составила товарно-металлическая теория денег, которая берет свои истоки в классической политической экономии. Эта теория признает, что деньги есть товар и что ценность денег определяется денежным материалом. С. Ю. Витте был активным противником номиналистической теории денег, которую критиковал в своем курсе лекций по народному и государственному хозяйству. «Опыт всех стран и народов вполне и неоспоримо доказал, – писал он, – что никакое общее соглашение государственной власти не в состоянии придать деньгам сколько-нибудь продолжительное время ценность выше той, какую они имеют как слитки металла или, иначе говоря, как товар» [1].

В разработке проекта реформы приняли участие известный финансовый деятель и банкир А. Ю. Ротштейн, участвовавший в реализации австрийского закона о золотом обращении 1892 г. и приглашенный в Россию в качестве советника еще И. А. Вышнеградским, профессор Петербургского университета И. И. Кауфман, директор одного из департаментов Министерства финансов Н. Н. Кутлер. В основу реформы был положен принцип золотомонетного стандарта, который имел следующие признаки: исчисление цен и товаров в золоте, свободное обращение золотых монет и их неограниченная чеканка государством, свободный обмен бумажных кредитных денежных знаков на золотые монеты по номиналу без ограничений, отсутствие ограничений на ввоз и вывоз золота, обращение на внутреннем рынке наряду с золотыми монетами неполноценной разменной монеты при ее полной обратимости в золото. Поэтому золотомонетный стандарт представлял собой наиболее устойчивую денежную систему, исключал инфляцию, поскольку излишние по сравнению с потребностями денежного оборота золотые монеты уходили из обращения в сокровища и не теряли своей ценности.

Основные положения проекта реформы сводились к следующему:

© М. В. Мельников, 2006

1. Десятирублевая золотая монета нового чекана, содержавшая в себе 1 зол. 78,24 доли чистого золота, представляет собой основную монету России и законное средство платежа на неограниченную сумму. Устанавливалась проба, терпимость в пробе и в весе золотой монеты. Золотые монеты чекана 1885 г. были обязательны к приему по всем платежам до изъятия их из обращения по соотношению 1 руб.=1 руб. 50 коп. в золотой монете нового чекана.

2. Государственные кредитные билеты имеют силу законного средства платежа на неограниченную сумму. Кредитные билеты включаются в пассив банка. Разменный фонд передается в распоряжение банка и включается в его актив. В актив банка включается также долг казначейства за кредитные билеты. Эмиссия кредитных билетов осуществляется Государственным банком только для коммерческих операций банка. За счет казначейства кредитные билеты в дальнейшем не выпускаются. До 1 млрд рублей кредитные билеты покрываются золотом на 50 %. Билеты, выпущенные на сумму свыше 1 млрд рублей, покрываются золотом полностью, рубль за рубль. Государственный банк обязан производить размен кредитных билетов на золото без ограничений: в Петербургской конторе по предъявлению, в прочих конторах и филиалах – в зависимости от имеющегося у них золота.

3. Платежная сила серебра ограничивается 50 рублями.

4. Все обязательства по правительственным и частным займам, заключенным в металлических рублях до издания настоящего закона, остаются неизменными, то есть обязательства по этим займам подлежали оплате новыми рублями в полуторном размере [2].

Таким образом, проект денежной реформы Министерства финансов предусматривал девальвацию рубля на одну треть и провозглашение золотого монометаллизма.

Свою позицию по основному вопросу денежной политики о валютных деньгах Министерство финансов формулировало следующим образом: «Страны, денежное обращение которых расстроено, сильно отодвигаются на задний план не только на экономическом, но и на политическом поприще». Поэтому «необходима реформа нашего денежного обращения в смысле перехода от неразменных бумажных денег к металлическим... Правительство не может заменить кредитные билеты серебряными деньгами, обесцененными на 25 % больше, чем кредитные билеты, так как это было бы равносильно катастрофе... Преобразование монетной системы неосуществимо и на почве биметаллизма... Основанием денежной системы должно служить золото... Только разменом кредитных билетов на золото можно перейти к правильному денежному обращению» [3]. Таким образом, Министерство финансов стояло за переход к золотой валюте, полностью отвергая серебряный монометаллизм и биметаллизм.

Восстановление стоимости рубля Министерство финансов считало неприемлемым. Вследствие этого «по всему народному хозяйству должна была бы произойти сплошная переоценка всех имуществ, недвижимых и движимых, всех доходов и заработков... Замена кредитного рубля гораздо более его ценным золотым рублем в одну пятую часть полуимпериала представляла бы самый коренной и гибельный для народного хозяйства переворот» [4]. Кроме того, сам Витте считал восстановление стоимости рубля не под силу России ни по ее экономическим, ни по финансовым возможностям.

При этом официально Витте все же отрицал, что избранный уровень фиксации курса рубля есть девальвация и решил юридически опровергнуть положение, что уровень курса, избранный им для стабилизации рубля, есть девальвация. С этой целью 6 октября 1895 г. была учреждена специальная комиссия, которая, проделав большую исследовательскую работу все-таки не пришла к единому мнению [5].

Серебру проект денежной реформы Министерства финансов предоставлял широкие права в пореформенной денежной системе. Этим Витте рассчитывал, во-первых, ограничить обращение золотых монет и кредитных билетов (золотых монет – в целях охраны золотого запаса, кредитных билетов – чтобы расчистить почву для инфляции на случай чрезвычайных событий, одновременно создавая видимость металлического обращения); во-вторых, получить важный доходный источник бюджета за счет суммы разности между номинальной и действительной стоимостью серебряных монет; в-третьих, смягчить сопротивление реформе со стороны приверженцев серебряной валюты.

Витте предложил своеобразную систему покрытия кредитных билетов. Прежде чем рассмотреть этот вопрос, отметим, что проект пра-

вил о реформе предусматривал превращение кредитных билетов в банкноты. «Государственные кредитные билеты, – говорилось в проекте, – выпускаются Государственным банком только для коммерческих операций банка; за счет государственного казначейства билеты на будущее время не выпускаются». Вследствие этого «между настоящим отношением Банка к специальным обязанностям, принадлежащим к числу операций за счет государственного казначейства и постановкою этого дела по проектируемым правилам – коренное различие, проистекающее из разницы между неразменными бумажными деньгами, выпускаемыми за счет государственного казначейства и разменными банковыми билетами» [6]. Установление банкнотного обращения Витте считал необходимым в целях обеспечения автоматического регулирования денежного обращения в соответствии с его потребностями посредством размена банкнот на золото.

Размен банкнот, по представлению Витте, мог быть обеспечен лишь при соответствующей системе покрытия их золотом. Для России, считал он, не подходила система полного покрытия банкнот золотом, потому что осуществить ее было бы трудно. Кроме того, она лишала бы страну тех выгод, которые могли быть получены от выпуска необеспеченных золотом банкнот. Не подходила для нее также система, при которой банкноты покрываются по известной норме, поскольку она была чревата опасностью прекращения размена даже при незначительном снижении разменного фонда против нормы. Тем более неприемлемой была система, при которой эмиссия банкнот вовсе не регламентировалась бы правительством, так как в этом случае денежная система подвержена еще большим опасностям расстройства.

России, по мнению Витте, больше всего соответствовала такая система покрытия банковых билетов, при которой эмиссия не покрытых золотом билетов ограничивалась бы с двух сторон: путем установления максимальной суммы билетов, допускаемой к выпуску без покрытия золотом, и минимальной нормы золотого покрытия всех выпущенных в обращение билетов. «Относительно покрытия билетов министр финансов признавал бы желательным принять двоякую норму: определив известную минимальную наличность золота в отношении к обращающимся билетам, установить в то же время наибольшую абсолютную сумму билетов, которая может оставаться непокрытой» [7].

При определении этих норм Витте рассуждал следующим образом. Опыт Англии, применившей на основе банкового акта Р. Пилля 1844 г. довольно рациональную систему установления фиксированного контингента не покрытых металлом банкнот, показал, что эта система таит в себе серьезный недостаток, если контингент непокрытых банкнот занижен. Это связывает действие эмиссионного банка во время кризисов. Поэтому указанный контингент должен быть более свободным, чем в Англии. Министерство финансов определило этот контингент для России в размере 500 млн рублей. Сумма 500 млн рублей – это тот минимум кредитных билетов, который, по мнению Министерства финансов, не будет предъявлен к размену и поэтому не требует золотого покрытия.

Норма минимального покрытия билетов золотом определялась в проекте в 50 %, то есть выше, чем в большинстве западноевропейских стран. Необходимость принятия этой более высокой нормы мотивировалась худшим качеством вексельного обеспечения кредитных билетов по сравнению с вексельным обеспечением банкнот в развитых европейских странах, в которых средний срок векселей в эмиссионных банках исчислялся несколькими десятками дней, в то время как средний срок векселей в Государственном банке исчислялся в 180 дней.

Так возникла предложенная Витте система покрытия кредитных билетов, согласно которой билеты до 1 млрд рублей должны были покрываться золотом не менее чем на 50 %, а билеты, выпускаемые свыше 1 млрд рублей, – полностью, рубль за рубль.

Установлением этой жесткой системы эмиссии кредитных билетов Витте рассчитывал, во-первых, создать доверие к кредитному рублю, будущей репутации которого угрожала как его бесславная, но продолжительная история, так и экономическое, финансовое и политическое положение России. Во-вторых, обеспечить поддержание ссудного процента на высоком уровне в целях привлечения иностранных капиталов в Россию. В-третьих, расчистить путь для возможной, в случае войны, инфляции. Инфляции предназначалась роль главного источника финансирования возможных крупных военных конфликтов. Поэтому стремление сохранить этот ис-

точник и осуществить финансовую подготовку к войне было одним из важнейших мотивов укрепления денежной системы.

С. Ю. Витте и его сотрудники, обобщив опыт предшественников, взяли за основу проекта реформирования денежной системы принцип золотого монометаллизма и тактику скрытой девальвации, которая позволяла, учитывая объективные условия развития России, провести преобразование денежной системы без серьезных потрясений для экономики страны. В то же время эмиссионные правила и сохранение, в значительной мере, в обращении серебра предоставляли Министерству финансов широкие возможности для маневра в проведении финансовой политики.

В марте 1896 г. С. Ю. Витте вошел с окончательным проектом денежной реформы в Комитет финансов, а в апреле в Государственный совет.

Библиографический список

1. *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. – СПб., 1912.
2. РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 355, л. 3–5 об.
3. РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 355, л. 11 об.–13.
4. РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 355, л. 13–15.
5. РГИА, ф. 1152, оп. 12, 1897, д. 78 а, л. 5–350.
6. РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 355, л. 38 об.–41.
7. РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 355, л. 32–34 об.

А. Г. Аннин

СОЦИАЛИСТЫ В СОВЕТАХ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Важным этапом накануне II Всероссийского съезда Советов стали областные, губернские и районные съезды Советов рабочих и солдатских депутатов. 30 сентября – 5 октября в Москве состоялись два областных съезда: II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и I съезд Советов крестьянских депутатов, которые в действительности были I Московским объединительным съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, так как все главные политические вопросы обсуждались на совместных заседаниях.

На съезде около 230 делегатов представляли 104 Совета 14 губерний Центральной России. Среди 132 делегатов, указавших партийную принадлежность, большевиков было 122 человека, эсеров – 49, меньшевиков и других соглашательских партий – 21 человек. Первый съезд Советов крестьянских депутатов представлял 99 Советов. Из 150 делегатов этого съезда большевиков было 9, эсеров – 131 человек. Работа объединенного съезда проходила в обстановке напряженной фракционной борьбы[1].

На съезде большевики не имели большинства голосов, но они добились перехода на их сторону значительной части делегатов крестьянских Советов. Так, в мае на первом Московском областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов фракция РСДРП(б) объединила не более трети делегатов, на втором – свыше половины.

По предложению ЦК РСДРП(б), местными партийными организациями в октябре была проведена кампания по выборам делегатов на II Всероссийский съезд Советов[2]. Выполняя указания ЦК РСДРП(б), Московское общественное движение (МОБ) одновременно проводило организационную работу по перевыборам Советов, созыву областного и окружных Советов с принятием резолюций с требованием немедленного созыва II Всероссийского съезда Советов. ЦК РСДРП(б) считал необходимым приурочить к этому съезду и съезды профсоюзов, фабрично-заводских комитетов[3]. Местные партийные организации большевиков в октябре основное внимание в советском строительстве сосредоточили на перевыборах Советов, созыве районных, губернских, окружных и областных съездов Советов, на которых выносились резолюции с требованиями немедленного созыва II Всероссийского съезда Советов[4]. Инициативу по проведению съездов Советов взяли на себя комитеты РСДРП(б).

После перевыборов председателем исполкома Александровского Совета стал большевик И. А. Иванов[5].

© А. Г. Аннин, 2006

На перевыборах Тамбовского Совета рабочих и солдатских депутатов 30 сентября – 1 октября избрано 69 эсеров, 38 меньшевиков, 25 беспартийных, 24 большевика. В новый исполком 2 октября Совет избрал 8 эсеров, 4 меньшевика и 4 большевика. Председателем исполкома избран меньшевик Черноцкий, одним из его товарищей избран солдат большевик Илюшин[6]. Большевикам удалось увеличить свое представительство в Совете и исполкоме.

Под руководство большевиков перешел Козловский совет солдатских депутатов, председателем которого избран большевик И. И. Артемов[7]. Козловский совет рабочих и солдатских депутатов остался под влиянием эсеров и меньшевиков. Делегатами на съезд Совет избрал интернационалистов И. И. Ульянова (вскоре вступил в РСДРП(б)) и Н. В. Тишукова[8]. Большевистская фракция Совета через агитаторов поддерживала связь с крестьянами[9].

Совет рабочих депутатов Тамбовского порохового завода находился под влиянием фракции большевиков[10] и оказывал влияние на всю заводскую жизнь. Правые эсеры на заводе организовали провокации против фракции большевиков в Совете[11].

На перевыборах Усманского совета рабочих и солдатских депутатов в начале октября большевики получили большинство мест. 16 октября председателем Совета избран большевик Н. Н. Исполатов. Его депутаты избрали делегатом II Всероссийского съезда Советов[12].

Активизировали свои действия народническая организация и бундовцы в Ярославле, направившие своих депутатов в Совет[13].

К началу октября в Центральной России большинство Советов рабочих и солдатских депутатов промышленных центров находились на стороне большевистской партии, пролетарские массы требовали конкретных действий для установления рабоче-крестьянской власти[14].

При поддержке рабочих-хрустальщиков добились успеха на перевыборах Совета гусевские большевики. Из 13 мест большевики получили 8. Председателем исполнительного комитета стал большевик П. И. Хрульков, товарищем председателя – большевик А. Колотушкин[15].

Перевыборы Жиздринского и Людиновского советов рабочих и солдатских депутатов привели к тому, что большевики одержали блестящую победу. В Людиновский совет избраны 24 большевика, 11 эсеров, несколько беспартийных и ни одного меньшевика. В исполком депутаты избрали 8 большевиков и одного эсера[16]. На перевыборах Тверского совета рабочих депутатов большевики получили две трети мест[17].

В нижегородской меньшевистской газете «Жизнь» лидер сормовских меньшевиков Н. И. Быховский заявлял, что Советы должны прекратить существование, как только соберется Учредительное собрание[18]. В то же время меньшевики делали попытки установить связь с крестьянскими Советами[19].

Советам эсеры отводили роль гарантов выполнения решений Учредительного собрания и демократизации общественных отношений, не считая их готовой формой государственных органов[20].

Меньшевики и эсеры в октябре удерживали еще свои позиции в Советах, где преобладало мелкобуржуазное население с малым промышленным пролетариатом. В Центральной России к таким Советам относились Орловский, Смоленский, Тамбовский. Среди Советов промышленных городов таких было немного: Нижегородский, Тульский, руководство которыми удерживали соглашательские партии[21].

Принятые 10 и 16 октября ЦК РСДРП(б) решения о вооруженном восстании способствовали усилению влияния фракций большевиков в Советах страны, в том числе и в Центральной России. Рабочие и солдаты требовали передачи всей власти Советам, активно участвовали в перевыборах Советов и более энергично поддерживали фракции большевиков.

В Кинешме после принятия Советом большевистской резолюции о власти меньшевики и эсеры сложили с себя полномочий членов исполкома. После перевыборов Совета в новый исполком вошли 10 большевиков, один эсер-интернационалист и по 3 меньшевика и эсера-оборонца[22]. С изменением состава Советов и их исполкомов менялась их деятельность: более конкретными становились функции исполнительных комитетов, создавались революционные комитеты, штабы по формированию Красной гвардии[23]. В Середе 6 и 10 октября 500 рабочих после доклада по текущему моменту приняли резолюцию с требованиями передачи власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, освобождения из тюрем большевиков[24]. Большевистская фракция Совета, рабочие и солдаты в октябре также требовали установления власти Советов в Шунгинском совете рабочих и солдат-

ских депутатов Костромской губернии[25]. Рабочие Сормовского завода по вопросу о власти «встали на точку зрения большевиков»[26]. 15 октября Брянский районный съезд делегатов Брянска, Бежицы, Дятькова, Жуковки, Радицы, Хотьково высказался за передачу всей власти Советам. Председателем Совета рабочих и солдатских депутатов делегаты съезда избрали большевика И. И. Фокина[27]. Коломенский совет решил «проводить в жизнь лозунг "Вся власть Советам"»[28].

Аналогичные процессы происходили повсеместно: в Костроме[29], в Мышкинском уезде Ярославской губернии[30], в Диево-Городищенской волости Ярославского уезда[31], в Орехово-Зуево[32].

Большевики соблюдали демократические принципы избирательной системы, восстановив и гарантировав право отзыва депутатов[33]. Рабочие оружейного, патронного и других заводов в Туле отзывали из Советов меньшевиков и эсеров. На II Всероссийский съезд Советов из Тулы избрали двух большевиков и по одному делегату от эсеров и меньшевиков[34].

Фракции социалистов Советов Центральной России учитывали указания МОБЮСа о подготовке к II Всероссийскому съезду Советов[35], обсуждали вопросы текущего момента[36].

Районные Советы Москвы и других крупных промышленных и культурных центров установили прочные деловые связи с губернскими Советами, совместно решали общеполитические, социальные и другие вопросы[37].

Сильное влияние большевиков в октябре сохранялось в Советах Клинского уезда, в Высоковском, Заводском, Подольском, Солнечногорском, Щелковском районах Московской губернии[38].

Большевистская фракция Рязанского совета рабочих депутатов была в меньшинстве. Однако раскол в Рязанской организации эсеров на левых и правых, произошедший в начале октября, благотворно повлиял на рядовых членов фракции эсеров, которые по многим вопросам текущей политики в Совете и других организациях голосовали вместе с большевиками[39].

Среди делегатов Рязанского губернского съезда Советов из Рязани, Егорьевска, Зарайска, Скопина и Спасска было 28 большевиков, 10 левых эсеров, 8 меньшевиков и 3 интернационалиста. В состав губернского бюро Советов вошли 7 большевиков[40]. Председателем исполкома губернского Совета делегаты избрали большевика Н. В. Масалкова[41].

К середине октября большевики имели большое политическое и идейное влияние в Советах рабочих депутатов Владимирской губернии – Александрова, Владимира, Гусь-Хрустального, Иваново-Вознесенска, Коврова, Лемешков, Ликина, Орехово-Зуева, Шуи; Костромской губернии – Вичуги, Костромы, Кохмы, Родников, Середы[42].

В середине октября принцип формирования исполкомов губернских Советов изменился. 17 октября II Владимирский губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов сформировал губернский исполнительный комитет с учетом партийности депутатов[43]. Партийный принцип представительства уездных Советов в губернском исполкоме сохранился и использовался в первые годы Советской власти.

Единственный выход из критического положения, создавшегося в стране, депутаты видели в передаче всей власти Советам. 16 октября Исполком Ярославского совета солдатских депутатов, 17 октября Иваново-Вознесенский крестьянский съезд Советов, 17–19 октября II Тверской губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, 18 октября Московский губернский съезд Советов рабочих депутатов приняли решения о необходимости установления советской власти[44].

Система перевыборов во второй половине октября способствовала большевизации Советов рабочих и солдатских депутатов. Перевыборы усиливали влияние фракций большевиков и ослабляли фракции меньшевиков и эсеров. Крестьянские Советы, находившиеся под влиянием эсеров, в октябре не пользовались такой большой поддержкой крестьян, как это было весной 1917 г.

Партийный состав исполкомов городских Советов рабочих и солдатских депутатов Центральной России в сентябре–октябре характеризовался большевизацией[45]. Советы в стране прочно становились на большевистские позиции. За большевистский лозунг «Вся власть Советам!» высказались 250 Советов только крупных промышленных центров и районов России[46].

Анализ анкет делегатов большевиков II Всероссийского съезда Советов дает возможность характеризовать деятельность значительной части Советов накануне Октября. Из 123 Советов 55 установили рабочий контроль над производством, 47 – вели борьбу против безработицы, 78 – объявили о борьбе против спекуляции, приняли

меры по организации снабжения городов продовольствием. В классовой борьбе Советы все больше расширяли свои функции как органы демократической власти рабочих и крестьян[47].

В октябре политическая ситуация в губерниях Центральной России, как и во всей стране, находилась под сильным влиянием революционной активности пролетарских масс и все большей поддержки Советов рабочими, солдатами и крестьянами. Количество Советов постоянно увеличивалось. По сведениям иногороднего отдела ЦИК Советов, к 9 октября в стране насчитывалось 929 Советов рабочих и солдатских депутатов. К Октябрьской революции в России было 1 429 Советов, в том числе: объединенных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – 235, Советов рабочих и солдатских депутатов – 706, Советов солдатских депутатов – 33, Советов крестьянских депутатов – 455[48]. В городских Советах Центральной России в сентябре-октябре преобладали большевики и левые эсеры[49].

В результате массово-политической работы партии большевиков Советы освобождались из-под влияния соглашательских партий. Упорное сопротивление меньшевиков и эсеров в большинстве Советов было устранено при всесторонней поддержке рабочих, солдат и пролетарских масс крестьянства.

Примечания

[1] См.: Наш вестник. – 1917. – № 3–4. – С. 48; *Трукан Г. А.* Октябрь в Центральной России. – М., 1967. – С. 196, 197; *Серебрякова З. Л.* Областные объединения Советов России. Март 1917 – декабрь 1918. – М., 1977. – С. 68.

[2] Российский государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ), ф. 60, оп. 1, д. 26, л. 23.

[3] Там же, ф. 60, оп. 2, д. 14, л. 26.

[4] Там же, ф. 60, оп. 1, д. 26, л. 23.

[5] Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. 46, оп. 1, д. 184, л. 28, 29.

[6] Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО), ф. 683, оп. 8, д. 22, л. 68.

[7] Солдат и рабочий. – 1917. – 15 и 20 окт.

[8] Там же. – 1917. – 13 и 15 окт.

[9] РГАСПИ, ф. 60, оп. 1, д. 12, л. 77; д. 57, л. 75, 76.

[10] Там же, ф. 60, оп. 1, д. 57, л. 75, 76.

[11] Там же, ф. 60, оп. 1, д. 12, л. 76.

[12] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1235, оп. 2, д. 37, л. 5; Усманская газета. – 1917. – 20 окт.

[13] Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО), ф. 394, оп. 1, д. 33, л. 63, 64; *Груздев П. Н.* Борьба за Октябрь в Ярославской губернии. – Ярославль, 1927. – С.86.

[14] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. – М., 1958. – С. 74.

[15] РГАСПИ, ф. 60, оп. 1, д. 1, л. 175.

[16] Интернационал. – 1917. – 4(17) окт.

[17] РГАСПИ, ф. 60, оп. 1, д. 13, л. 49.

[18] Жизнь. – 1917. – 1(14) сент.

[19] Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИ КО), ф. 383, оп. 1, д. 22, л. 40, 130.

[20] Дело народа. – 1917. – 6 окт.; История политических партий России. – М., 1994. – С. 185–187.

[21] *Минц И. И.* История Великого Октября. – Т. 2. – М., 1968. – С. 833.

[22] Северный рабочий. – 1917. – 2 окт.

[23] *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в Октябрьской революции. – М., 1964. – С. 345.

[24] ЦДНИ КО, ф. 383, оп. 1, д. 22, л. 109; Наша звезда. – 1917. – 22 окт.

[25] Северный рабочий. – 1917. – 12 окт.

[26] Центр документации новейшей истории Нижегородской области (ЦДНИ НО), ф. 34, оп. 1, д. 5, л. 15.

[27] РГАСПИ, ф. 72, оп. 3, д. 497, л. 45; Известия Брянского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. – 21 окт.

[28] Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ), ф. 1588, оп. 1, д. 2, л. 63.

[29] ЦДНИ КО, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 80–111; Северный рабочий. – 1917. – 12, 14 окт.

[30] ЦДНИ ЯО, ф. 394, оп. 1, д. 37, л. 2.

[31] ЦДНИ ЯО, ф. 394, оп. 1, д. 92, л. 14; Установление Советской власти в Ярославской губернии: сб. док. – Ярославль, 1957. – С. 237.

[32] ЦАОДМ, ф. 1673, оп. 1, д. 6, л. 3.

[33] Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве: док. и материалы. – М., 1957. – С. 323–324; Известия Московского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 10 окт.

[34] Пролетарская правда. – 1917. – 17 окт.

[35] ГАВО, ф. 24, оп. 1, д. 1, л. 14, 15, 17, 110(об.); Государственный архив Рязанской об-

ласти, ф. Р-4, оп. 1, д. 1, л. 112; ЦДНИ КО, ф. 383, оп. 1, д. 22, л. 114.

[36] Центр документации новейшей истории Ивановской области, ф. 7, оп. 1, д. 3, л. 39(об.), 40.

[37] Социал-демократ. – 1917. – 5, 6 окт.; Известия Московского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 30 сент., 7 окт.

[38] РГАСПИ, ф. 60, оп. 1, д. 8, л. 96; ЦГАМО, ф. 56, оп. 1, д. 1, л. 22; ЦАОДМ, ф. 156, оп. 1, д. 1, л. 21(об.).

[39] РГАСПИ, ф. 60, оп. 1, д. 10, л. 24.

[40] Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии: сб. док. и материалов. – Рязань, 1957. – С. 110–115, 391–392.

[41] РГАСПИ, ф. 60, оп. 1, д. 55, л. 20.

[42] ГАВО, ф. 48, оп. 1, д. 1, л. 50.

[43] ГАВО, ф. 359, оп. 1, д. 5, л. 61, 62.

[44] РГАСПИ, ф. 60, оп. 1, д. 16, л. 47; Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917–1918 гг.): сб. док. – Владимир, 1957. – С. 104; Октябрьское восстание в Москве. – М., 1922. – С. 41; Очерки истории Ивановской организации КПСС. – Ч. 1. – Иваново, 1967. – С. 458; Октябрь в Твери: сб. док. – М., 1977. – С. 78.

[45] *Аннин А. Г.* Организации РСДРП(б) Центральной России в 1917 году. – Владимир, 2001.

[46] *Минц И. И.* История великого Октября. – Т. 2. – М., 1968. – С. 833.

[47] *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. – М., 1970. – С. 461.

[48] *Андреев А. М.* Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. – М., 1967. – С. 350, 351.

[49] *Аннин А. Г.* Организации РСДРП(б) Центральной России в 1917 году. – Владимир, 2001.

А. И. Османов

КРЕСТЬЯНЕ В КУПЕЧЕСКИХ ГИЛЬДИЯХ ПЕТЕРБУРГА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Преамбула. *В статье дается характеристика представителей крестьянского сословия, занимавшихся в Петербурге в конце XIX в. предпринимательской деятельностью по купеческим свидетельствам 1-й и 2-й гильдии. Показана роль и общественная деятельность выходцев из Костромской губернии в землячестве.*

Отмена крепостного права и реформы 1860–1870-х гг. стали мощным толчком в развитии крестьянского предпринимательства. «Положение о пошлинах на право торговли и промыслов» (1863), утвердившее свободу предпринимательства без сословных ограничений способствовало тому, что крестьянство становилось одним из основных источников пополнения купеческих гильдий.

Во второй половине XIX в. самым многочисленным сословием в Петербурге были крестьяне. Так называемые народные переписи зафиксировали в столице в 1869 г. более 31% крестьян по сословной принадлежности от общей численности населения, в 1881 г. – около 41%, а в 1890 г. – уже более 52%[1]. В 1900 г. к крестьянскому сословию причисляли себя около 909 тыс. жителей Петербурга[2]. Подавляющая их часть занималась мелочной торговлей или являлась наемными работниками (прислуга, приказчики, фабрично-заводские и ремесленные рабочие).

Крестьян, занимавшихся предпринимательством по купеческим свидетельствам 1-й и 2-й гильдий, было относительно немного. Для их характеристики могут быть использованы Справочные книги петербургской купеческой управы, издававшиеся ежегодно и содержащие информацию от самих регистрировавшихся.

Согласно Справочной книге 1898 г. составлена таблица 1, отражающая представительство крестьян по губерниям в гильдейском предпринимательстве Петербурга[3]. (Здесь и далее имеются в виду те лица, которые независимо от материального и социального положения причисляли себя к крестьянскому сословию, так как известно множество примеров перехода крестьян в другие сословия).

Из таблицы 1 видно явное преобладание выходцев из Ярославской губернии – явление вполне традиционное.

Таблица 2 позволяет судить о расселении крестьян, торговавших по купеческим свидетель-

© А. И. Османов, 2006

Таблица 1

Губерния	Крестьяне, чел.		
	1-й гильдии	2-й гильдии	Всего
Ярославская	3	234	237
Тверская		75	75
Московская		51	51
Рязанская		45	45
Олонецкая		35	35
С.-Петербургская		34	34
Костромская		31	31
Калужская		29	29
Вологодская		20	20
Тульская		11	11
Тамбовская		10	10
Владимирская		7	7
Новгородская	1	6	7
Смоленская		6	6
Орловская	1	–	1
Прочие (9 губерний)		20	20
Всего	5	612	617

ствам 1-й и 2-й гильдии в 1898 г. по административно-территориальным частям столицы[4].

Петербург, как известно, делился на 12 частей, которые состояли из участков. Преобладающее проживание крестьян в Спасской и Московской частях не случайно. Именно здесь находилась Садовая улица, Апраксин, Сенной и Ямской рынки. Рядом располагался и Гостиный двор.

Интересными представляются сведения о возрасте и сферах деятельности рассматриваемой категории предпринимателей (табл. 3)[5].

Большая часть, что вполне естественно, приходится на наиболее зрелый и активный период жизни человека, а по занятости – на торговлю. Интересно, что из 5 человек, имевших купеческие свидетельства 1-й гильдии, 4 содержали меняльные лавки и торговали ценными бумагами.

Из 617 крестьян, выбравших купеческие свидетельства 1-й и 2-й гильдий, 610 человек являлись православными[6], что вполне определенно показывает не только конфессиональный, но и этнический состав данной категории.

Крестьянам из провинций, приехавшим в столицу в поисках заработка, а еще лучше своего дела, было довольно сложно здесь адаптироваться, поэтому принцип землячества играл очень важную роль. Одной из крупных земляческих общин, из состава которой отчасти формирова-

Таблица 2

Часть	Крестьяне, чел.		
	1-й гильдии	2-й гильдии	Всего
Адмиралтейская		19	19
Казанская		17	17
Спасская	2	127	129
Коломенская		20	20
Нарвская		34	34
Московская	2	98	100
Ал.-Невская		89	89
Рождественская	1	58	59
Литейная		39	39
Васильевская		38	38
Петербургская		39	39
Выборгская		22	22
В другом городе		4	4
Не указано		8	8
Всего	5	612	617

Таблица 3

Купеческие свидетельства	Предприниматели, чел.										
	Возраст				Сфера деятельности						Всего
	Не указан	До 35 лет	35-60 лет	60 и более лет	Торговля	Производство	Обслуживание	Кредитная	Торговли не вели, не указ.	Прочие	
1-я гильдия		1	4		1			4			5
2-я гильдия	58	128	365	61	471	44	59	4	6	28	612
Всего	58	129	369	61	472	44	59	8	6	28	617

лась верхушка петербургского купечества, являлась костромская. Это объединение (в форме тех или иных общественных организаций), пополнявшееся за счет крестьян Чухломского, Буйского, Галичского и Солигаличского уездов Костромской губернии, насчитывало в своем составе ряд крупных столичных купцов. Видное место среди них занимали торговцы Дерновы, ставшие инициаторами создания в 1901 г. Костромского благотворительного общества (КБО). Семейное дело этих бывших костромских крестьян было основано в Петербурге в середине XIX в. Иваном Михайловичем Дерновым (1827–1885), мещанином посада Большие Соли Костромской губернии. В 1870 г. в звании купца 2-й гильдии он открыл на Ново-Александровском рынке три мануфактурные лавки (специализировался на продаже суровского полотна). Спустя несколько лет, стремясь расширить дело, И. М. Дернов привлекает в качестве компаньона своего земляка Петра Дмитриевича Шумилова (1849–1899)[7], с которым учреждает торговый дом (полное товарищество) «П. Д. Шумилов и И. М. Дернов» (торговля мануфактурным товаром в Апраксином дворе). После кончины И. М. Дернова совладелицей фирмы стала его вдова Анна Васильевна, вступившая вместе с сыном Михаилом Ивановичем в 1892 г. в купцы 1-й гильдии[8]. В начале XX в. в семейном деле произошел раздел. Торговый дом возглавил в качестве директора-распорядителя потомственный почетный гражданин М. И. Дернов. Он же состоял членом правления петербургского Общества Александро-Невской мануфактуры «К. Я. Паль». В 1911 г. совместно с женой и сыном Иваном он преобразовал торговый дом в товарищество на паях «П. Д. Шумилов и М. И. Дернов» с капиталом 500 тыс. рублей. Компания вела оптово-розничную торговлю мануфактурным товаром в Банковском переулке.

Брат М. И. Дернова – Иван Иванович – совместно с младшим братом купцом 1-й гильдии Николаем Ивановичем учредили собственный торговый дом «Братья И. и Н. Дерновы», в их собственности был мануфактурный магазин на Мариинском рынке. Кроме того, И. И. Дернов, подобно другим предпринимателям уроженцам Костромской губернии, был строительным подрядчиком. В начале XX в. в его собственности находились четыре дома. Однако большую известность принесла И. И. Дернову его общественная деятельность. Именно он стал председателем правления КБО (после его создания). Он занимал также должности председателя правления Мариинского общества торговцев, члена Учетного и ссудного комитета Петербургской конторы Государственного банка (по торгово-промышленным кредитам), члена Петербургского особого раскладочного по промысловому налогу присутствия, члена городской думской Комиссии по благотворительности, члена Николаевского комитета для разбора и призрения нищих, члена Городской больничной комиссии, члена совета и попечителя Обуховской больницы, члена благотворительного общества при церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радость. На первом общем собрании членов КБО И. И. Дернов предоставил часть помещений своего дома на Ивановской улице для размещения правления и хозяйственных служб Общества. При его же непосредственном участии были сформулированы основные задачи деятельности КБО: «1) прежде всего, оказывать помощь малолетним, сиротам, престарелым, выходящим из больницы, учащимся, вообще приезжающим в С.-Петербург, в том числе оказывать нравственную поддержку лицам, приехавшим для поступления в высшие учебные заведения и для приискания занятий, и 2) принять на себя заботу по наблюдению за малолетними костромичами, являющимися в С.-Петербург с целью изучения какого-либо мастерства, для чего и привлекать в состав членов Общества и Попечителей хозяев разных заведений и мастерских, а равно под-

рядчиков, устраивать для таких малолетних воскресные школы и, главным образом, озаботиться открытием в самом непродолжительном времени детского работного приюта для малолетних»[9]. В свою очередь, братья И. И. Дернова – гражданский инженер Георгий Иванович и купец 1-й гильдии Николай Иванович – занимали руководящие посты в Обществе попечения о бесприютных детях: первый являлся секретарем, а второй – казначеем этого учреждения. Общество содержало детский приют и школу художественного корзиноплетения на Ждановской набережной, санаторий на Карельском перешейке, школу садоводства и огородничества для мальчиков-сирот на даче Дерновых на Московском шоссе[10].

На примере Дерновых можно сказать, что землячество как институт не только помогало определиться в том, какие виды экономической деятельности в Петербурге были выгодны и жизнеспособны, но и формировало адаптивную эффективность деятельности предпринимателей, а также внутренней структуры фирм, например путем регулирования правил вхождения в рынок, способов управления единоличными предприятиями, торговыми домами и акционерными компаниями и степени организационной гибкости. Отметим, что партнерские (в том числе по строительным подрядам) и дружеские отношения связывали Дерновых и Шумиловых с купцами Парфеновыми[11]. Последние – владельцы крупной торгово-промышленной фирмы – были в числе инициаторов создания Костромского благотворительного общества в Петербурге, а также выступили активными деятелями городского Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви – ОРРНП, в недрах которого зародилось это благотворительное учреждение. Деятельность этих лиц, сыгравших видную роль в общественно-политическом объединении столичных предпринимателей, заслуживает отдельного освещения.

Дмитрий Лаврентьевич Парфенов (1852–1915) родился в бедной крестьянской семье в с. Спас-Серапихе Чухломского уезда Костромской губернии. В возрасте 12 лет он прибыл в Петербург и поступил «мальчиком» в чайную лавку бывшего костромского купца Н. Ф. Кулебякина. Здесь ему удалось показать большие организаторские способности, благодаря которым он вскоре стал приказчиком. В 1874 г. Д. Л. Парфенов переходит на службу в известный чайный магазин купца Шенке с окладом 125 рублей в год (для того времени весьма крупное жалование для служащего в возрасте 22 лет). Видимо, владельцы фирмы сумели правильно оценить коммерческие таланты молодого приказчика, поскольку жилось Парфенову при них «привольно и весело, хозяева его любили и баловали, катали его вместе с собой на тройках, приглашали на балы и вечеринки»[12].

В начале 1880-х гг. Д. Л. Парфенов покидает чайную фирму. Это решение, видимо, было связано с отсутствием для него возможности войти в число ее владельцев. Даже при наличии перспектив карьерного роста (хозяева сулили «золотые горы»), Шенке вряд ли бы допустил русского приказчика в круг близких себе людей. В 1882 г. вместе с братом Федором Д. Л. Парфенов приобретает в собственность колбасное заведение, принадлежавшее ранее дяде – С. А. Парфенову. Тогда же, после смерти первой супруги, оставившей ему дочь, он женился второй раз. В браке с Прасковьей Ивановной имел трех сыновей и дочь.

С 1890 г., после реорганизации торгового заведения, коммерческие и общественные дела Парфенова пошли в гору[13]. В 1892 г., с благословения о. Иоанна Кронштадского (крестного отца младшего сына Д. Л. Парфенова), он избирается старостой Троицкой церкви ОРРНП. За «труды и пожертвования» в ходе ее строительства был вскоре удостоен золотой медали на шею и благословения Священного синода. А спустя 4 года отправляется в Германию для изучения колбасного производства. Вернувшись вместе с немецким специалистом, Парфенов строит в 1897 г. современную для своего времени фабрику с холодильниками и ледниками на Киевской улице. В течение последующих 15 лет он успешно руководит предприятием. В начале XX в. братья Парфеновы учредили торговый дом «Братья Парфеновы» (оптовая торговля мясом; контора на ул. Горсткина, 1). Им же принадлежали 4 крупных специализированных колбасных магазина в Петербурге. Вскоре Д. Л. Парфенов избирается председателем совета Второго Петербургского общества взаимного кредита, а его брат Федор открывает контору по оптовой продаже мяса в Мучном переулке. Зять Дмитрия Парфенова – Павел Яковлевич Сопетин – содержал в свою очередь под фирмой «Братья Парфе-

новы» колбасный магазин на Васильевском острове. Заслуживают также внимания активные операции братьев с недвижимостью. Накануне Первой мировой войны они вошли в число крупнейших домовладельцев столицы, имея в собственности 16 домов. Еще более значимыми были благотворительные акции Д. Л. Парфенова. Например, когда он и его 4 компаньона «удачно продали крупную недвижимую собственность», в адрес ОРРНП последовал от каждого из них безвозмездный дар по 1 тыс. рублей на строительство Предтеченской церкви на Выборгской стороне[14]. В свою очередь Ф. Л. Парфенов состоял старостой церкви Святого Великомученика Пантелеимона, а также членом биржевого комитета Петербургской скотопромышленной и мясной биржи.

В начале XX в., на фоне нарастания кризисных явлений в экономической жизни империи, общественная и политическая деятельность Д. Л. Парфенова приобретает особую напористость и целеустремленность. В 1902 г. он избирается почетным членом и членом совета ОРРНП. Одновременно «за заслуги перед духовным ведомством» удостаивается ордена Святого Станислава II степени (1901 г.) и Святой Анны II степени (1903 г.). Вскоре Парфенов берет на себя хозяйственное обеспечение строительства церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала. Пятиглавый храм с шатровой колокольней, выполненный в осовремененных формах русской архитектуры XVII в., строился в 1904–1908 гг. по проекту архитекторов Г. Д. Гримма, Г. Г. Голи и А. Л. Гуна. Помощь в возведении церкви нашла высокую оценку в правительственных сферах: Д. Л. Парфенову был пожалован чин статского советника (1908 г.). В 1905 г. после смерти И. И. Дернова, он единогласно избирается председателем правления Костромского благотворительного общества (КБО). В 1907 г. на углу Киевской и Лубенской (ныне Заозерной) улиц, неподалеку от колбасной фабрики Парфеновых, КБО выстроило трехэтажный дом. При этом проект был безвозмездно составлен членом КБО техником-строителем В. С. Шороховым, подрядчик А. Д. Кононов (он же глава одноименного семейного торгового дома с капиталом более 1 млн рублей, а также председатель комитета Петербургской лесной биржи и член совета Петербургского общества взаимного кредита) бесплатно выделил кирпичи на постройку, а кладку бесплатно произвела артель каменщиков Сизова. В доме помещались правление общества, дешевые квартиры, сдававшиеся исключительно костромичам, и женская богадельня на 18 мест. Кроме того, КБО ежегодно выдавало пособия на сумму примерно в 5 тыс. рублей нуждающимся землякам, оказавшимся в столице, проводило собрания, вечера и балы[15]. По подсчетам Л. Я. Лурье и В. Г. Тарантаева, в составе 373 членов КБО (из общего числа 865 в 1908 г.), профессии которых удалось выявить, 140 (37,5%) были строительными подрядчиками или владельцами строительных мастерских, 9,4% владели торговыми заведениями по продаже продовольственных товаров, 12,6% – по продаже промышленных, 7% были хозяевами ремесленных заведений, 9,7% – чиновниками, 6,2% – священниками, 5,1% – хозяевами промышленных предприятий, 12,5% – прочими[16].

В 1912 г. Д. Л. Парфенов, болеющий сахарным диабетом, откажется от руководства фабрикой, сосредоточив в дальнейшем свои силы на общественной деятельности. Помимо занимаемого поста председателя Костромского благотворительного общества, он станет членом Учебного совета школ и председателем Комитета богадельни купцов Ф. М. Садовникова и С. Г. Герасимова (на Каменноостровском проспекте), попечителем Общества призрения калек несовершеннолетнего возраста и идиотов (этим учреждением содержались два приюта на Мариинской улице, близ железнодорожной станции Удельная), попечителем бесплатной столовой-чайной Общества вспоможения бедным прихода Казанского собора (на набережной Екатерининского канала), а также товарищем председателя Общества вспоможения нуждающимся ученикам Петербургского 3-го реального училища и почетным членом Эстонского православного братства. Кроме того, Парфенов вносил вклады во все церкви родного ему Чухломского уезда, а в селе, где родился, построил каменную церковь, приют с ремесленными классами и богадельню. Подвижническая деятельность этого человека была высоко оценена властями: в 1912 г. Парфенов будет награжден орденом Святого Владимира IV степени, а в 1914 г. удостоится чина действительного статского советника[17]. После его смерти вдова Прасковья Ивановна будет избрана почетным членом КБО (событие весьма неординарное, учитывая, что членами общества женщин не избирали)[18].

Накануне Первой мировой войны товарищем председателя Костромского благотворительного общества и соответственно близким другом и компаньоном Д. Л. Парфенова, состоял подрядчик строительных работ, потомственный почетный гражданин Михаил Дмитриевич Корнилов. Он же являлся председателем Общества пособий рабочим, пострадавшим при постройках. В Петербурге Корнилову принадлежали 8 крупных доходных домов[19]. Со смертью Д. Л. Парфенова Корнилов будет избран на пост председателя КБО.

Третью по значимости должность – казначея – занимал в КБО потомственный почетный гражданин, купец 2-й гильдии Николай Абрамович Серяков. Он происходил из крестьян с. Холопово Солигаличского уезда Костромской губернии. С 1796 г. Серяковы занимались торговлей металлом и хозяйственными товарами в Петербурге. В 1888 г., после смерти Лаврентия Авксентьевича Серякова (1824–1881, умер в Ницце), владевшего граверной мастерской (здесь проводились работы по металлу с использованием позолоты, серебряной инкрустации и т. д.), его племянник Николай Абрамович Серяков продолжил семейно-родственное дело. В начале XX в. он развернул широкую общественную деятельность: состоял выборным от петербургского купеческого сословия, членом правления КБО, членом совета бесплатной Коммисаровской школы, а также старостой церкви Владимирской Божьей матери и попечителем Владимирской приходской школы, членом правления и казначеем Общества вспоможения бедным прихода Владимирской церкви. Последним содержались богадельня для женщин на 40 мест, детский дневной приют, ночлежка на 100 мест, а также выдавались единовременные денежные пособия[20]. Примечательно, что председателем Общества вспоможения бедным прихода Владимирской церкви состоял крупный домовладелец, потомственный почетный гражданин С. Г. Раменский. В 1910 г., по рекомендации Н. А. Серякова, он будет избран в состав почетных членов КБО и войдет в правление этой организации. Самому Н. А. Серякову принадлежали три каменных дома в Петербурге.

Следует отметить активное участие костромичей в столичных организациях, осуществлявших взаимное кредитование предпринимателей. Речь идет об обществах взаимного кредита, занимавшихся приемом вкладов и открытием текущих счетов, учетом векселей, ссудами под залог векселей, ценных бумаг, товаров и товарных документов. Вступавшие в общества взаимного кредита были обязаны внести в кассу 10% от суммы разрешенных им кредитов и принимали ответственность в случае убытков в размере всего кредита. В этом заключалось отличие этих учреждений от коммерческих банков, в которых отсутствовал кредитный лимит и акционер располагал только внесенным капиталом. К началу XX в. эти учреждения являлись одной из наиболее динамично развивающихся структур кредитной системы Российской империи[21]. С середины 1890-х гг. костромичи были широко представлены во Втором Петербургском обществе взаимного кредита (устав этого учреждения был утвержден в 1894 г.)[22], в помещениях которого нередко проходили собрания КБО. Например, председателем совета общества (накануне Первой мировой войны его баланс составил 26,3 млн рублей) состоял Д. Л. Парфенов, его заместителем – потомственный почетный гражданин П. П. Шорохов. Последний – владелец известных в городе Белозерских бань (были выстроены в 1882 г. по проекту архитектора П. Ю. Сюзора на Петербургской стороне) и 12 доходных домов, помимо работы в костромском землячестве, состоял гласным Городской думы и членом ее комиссий по образованию и благотворительности, председателем 18-го городского попечительства о бедных в Петербурге, товарищем председателя Благотворительного общества в приходе Матфиевской церкви на Петербургской стороне, попечителем 4-го мужского городского училища и 4-го городского сиротского дома, а также членом Петербургского коммерческого суда. Еще одним членом совета Второго общества взаимного кредита состоял купец, потомственный почетный гражданин М. А. Сизов. После смерти Д. Л. Парфенова он станет товарищем председателя КБО и одним из крупнейших жертвователей этой организации.

Пример деятельности купцов, происходивших из Костромской губернии, свидетельствует, что создаваемые земляческие и религиозные (приходские) объединения позволяли уменьшить неопределенность, сопровождающую взаимодействие между предпринимателями различного социального статуса. Существовавшие в начале XX в. формальные (законы) и неформаль-

ные (традиции и обычаи) рамки поведения, вели к образованию вполне определенных учреждений (прежде всего в сфере взаимной деловой поддержки и благотворительности), структурирующих взаимодействие предпринимателей в условиях крайне непростой ситуации в обществе, с одной стороны, и позволяющих им с большей степенью полноты реализовать свои индивидуальные способности, интересы и потребности – с другой. Общность происхождения могла, например, уменьшать неопределенность положения купцов путем установления достаточно устойчивой структуры их взаимодействия. Складывавшиеся в связи с этим неформальные (земляческие) отношения позволяли с большей степенью результативности применять формальные (правовые) нормы для решения конкретных проблем деловой практики, а также обеспечивать координацию социально значимых действий.

Примечания

[1] *Пландовский В.* Народная перепись. – СПб., 1989. – С. 278, 287, 293.

[2] *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1813 гг.): Стат. очерки / под ред. С. Г. Струмилина. – М., 1956. – С. 44.

[3] Справочная книга о лицах Санкт-петербургского купечества и других званий, получивших в течении времени с 1 ноября 1897 г. по 1 февраля 1898 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов. – СПб., 1898.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. – Т. 4. – СПб., 1913. – С. 612.

[8] Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1343, оп. 39, д. 1378, л. 4.

[9] Отчет Костромского благотворительного общества в С.-Петербурге за 1901 год. – СПб., 1902. – С. 2.

[10] См.: Весь Петербург. – СПб., 1902.

[11] *Барышников М. Н.* Костромское землячество в деловой жизни Петербурга в начале XX в. // КЛИО. – 2005. – № 2. – С. 179.

[12] Памяти Д. Л. Парфенова. – Пг., 1915. – С. 4.

[13] Там же. – С. 5.

[14] Там же. – С. 44.

[15] *Лурье Л. Я., Тарантаев В. Г.* Крестьянские землячества в Петербурге // Невский архив: историко-краеведческий сборник. – Вып. 3. – СПб., 1997. – С. 414.

[16] Там же. – С. 414–415.

[17] Памяти Д. Л. Парфенова. – С. 11.

[18] Отчет Костромского благотворительного общества в Петрограде за 1916 год. – СПб., 1917. – С. 5.

[19] *Никитенко Г. Ю., Соболь В. Д.* Василеостровский район: энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. – СПб., 1999. – С. 274, 386, 402.

[20] См.: Весь Петербург. – СПб., 1913.

[21] *Петров Ю. А.* Общества взаимного кредита // Отечественная история с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. – Т. 1. – М., 1994. – С. 383.

[22] См.: Устав Второго Санкт-Петербургского общества взаимного кредита. – СПб., 1899; Итоги деятельности Второго Санкт-Петербургского общества взаимного кредита за десятилетие (1895–1905 гг.). – СПб., 1905.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

В. И. Цуриков

К ВОПРОСУ О РАЦИОНАЛЬНОМ ВЫБОРЕ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА

Преамбула. *Построена экономико-математическая модель поведения налогоплательщика, максимизирующего свой выигрыш путем выбора масштаба уклонения от уплаты налогов. Установлена связь между размерами средней налоговой ставки, штрафных санкций и других издержек уклонения от налогообложения с одной стороны, и стимулами экономического агента, величиной общественного богатства и уровнем коррупции с другой стороны.*

В работе В. Вишневского, А. Веткина «Уклонение от уплаты налогов и рациональный выбор налогоплательщика» (Вопросы экономики. – 2004. – № 2. – С. 96–108), посвященной анализу рационального поведения налогоплательщика, авторы выдвинули очень плодотворную, на наш взгляд, идею, указав на необходимость учитывать в качестве издержек экономического субъекта, уклоняющегося от уплаты налогов, помимо ожидаемой штрафной составляющей, те комиссионные, которые он уплачивает посреднику за содействие в уходе от налогообложения и соответствующие этому уходу трансакционные издержки. Соглашаясь в целом с позицией и аргументацией В. Вишневского и А. Веткина, мы хотели бы, во-первых, уточнить некоторые аспекты рассматриваемой проблемы и, во-вторых, несколько обобщить предлагаемую ими модель с тем, чтобы получить ответы на ряд дополнительных вопросов и, в частности, на такой отнюдь не маловажный вопрос: как именно могут отразиться на уровне коррупции, а также на размерах совокупного дохода налогоплательщика те или иные меры по борьбе с уклонением от уплаты налогов?

Прежде всего, отметим, что размер создаваемой экономическим субъектом стоимости определяется его (субъекта) соответствующими стимулами, на которые непосредственное влияние оказывает государство через такие параметры, как ставка налогообложения, эффективность работы налоговых служб, вероятность наложения штрафа за уклонение от уплаты налога и его величина, а также теми возможностями, которыми располагает субъект для оказания воздействия на некоторые из этих параметров. Поэтому величину совокупного дохода следует рассматривать в качестве эндогенной величины, а не постоянной, как в модели В. Вишневского и А. Веткина.

В основу предлагаемой ниже модификации положим, как и в вышеуказанной работе, предположение о том, что, с точки зрения налогоплательщика, осуществляемые им налоговые платежи не оборачиваются для него каким бы то ни было встречным потоком общественных благ. Налог выступает для налогоплательщика исключительно в виде финансового бремени и поэтому его рациональный выбор определяется стремлением к минимизации совокупных издержек, обусловленных как уплатой налогов, так и уклонением от этой уплаты.

Будем считать, что величина всего дохода D, создаваемого экономическим субъектом, зависит от объема осуществляемых им инвестиций, который мы будем обозначать буквой α. С ростом α величина дохода возрастает, поэтому считаем, что предельный совокупный доход положителен, убывающий с ростом инвестиций α, то есть

$$D'>0,\ D''<0. \qquad (1)$$

Обозначим через γ ту часть дохода D, которую налогоплательщик укрывает от налогообложения, а через p – вероятность уплаты штрафа в связи с обнаружением этого факта. Пусть k – издержки, обусловленные сокрытием части дохода в размере γD от налогообложения и выраженные в долях этой незадекларированной части дохода; отметим, что в эти издержки входят как комиссионные, уплачиваемые посреднику, так и соответствующие трансакционные издержки, за исключением тех издержек, которые несет налогоплательщик в связи с уплатой штрафа и подкупом чиновников в целях снижения величины p. Пусть t – средняя ставка налога, а f – величина штрафа, выраженная в долях неуплаченного налога[1]. Если факт уклонения от налогообложения обнаруживается и влечет за собой

© В. И. Цуриков, 2006

штрафные санкции, то налогоплательщик возвращает неуплаченную часть налога в размере $t\gamma D$, другими словами, в этом случае он уплачивает налог в полном объеме со всего дохода и, дополнительно, уплачивает штраф в размере $ft\gamma D$.

Сразу заметим, что из предлагаемого подхода может сложиться представление, будто речь идет исключительно о подоходном налоге. Чтобы подобного не произошло, обратим внимание на то, что любой налог так или иначе уплачивается из дохода. Даже в том случае, если речь идет об НДС или акцизах на потребительские товары или импортных пошлинах, продавец, фактически осуществляя передачу соответствующих платежей от покупателя государству, психологически склонен считать, что это именно он несет налоговое бремя, так как ему приходится расставаться с частью своей выручки. Поэтому представляется, что предлагаемый подход применим практически к любому налогу, а не только к подоходному. Просто в подобном случае номинальная ставка того или иного налога должна быть пересчитана применительно к доходу и выражать собой долю дохода, подлежащую уплате.

Для ожидаемой полезности U налогоплательщика с учетом сказанного и в предположении, что он нейтрален к риску, можно написать

$$U = \left(D - t(1-\gamma)D - k\gamma D - \alpha\right)\cdot\left(1-p\right) + \\ + \left(D - tD - k\gamma D - ft\gamma D - \alpha\right)p.$$

В результате элементарных преобразований с использованием обозначения $1+f \equiv F$ получим

$$U = D\left\{1 - t + \gamma\left[t(1-pF) - k\right]\right\} - \alpha\,. \qquad (2)$$

Выражение (2) полностью соответствует модели В. Вишневского и А. Веткина. Легко видеть, что если в (2) множитель при γ (величина в квадратных скобках) положителен, то налогоплательщику выгодно повышать γ – долю дохода, укрываемую от налогообложения. И, наоборот, в противном случае налогоплательщик должен снижать γ до нуля, т.е. ему выгодно уплачивать налог со всего получаемого дохода. Фактически в этой модели величина γ может принимать только два дискретных значения: 0 и 1. При самом незначительном изменении параметров, приводящих к изменению знака соответствующего множителя, доля γ сразу меняет свое значение от 0 до 1 или, наоборот, от 1 до 0. Соответственно налогоплательщик сразу переходит из статуса добросовестного налогоплательщика в статус 100%-го «теневика» и наоборот[2].

Очевидно, что действительность гораздо богаче, и в реальности укрываемая от налогообложения часть дохода может принимать любые значения в интервале от 0 до 1. Описанная выше ситуация обусловлена недостатком модели, состоящим в том, что в ней не учитывается зависимость вероятности обнаружения факта сокрытия дохода и уплаты штрафа от величины незадекларированного дохода. Действительно, если налогоплательщик уплачивает налог полностью, то он никак не может подвергаться штрафным санкциям за неуплату налога, т.е. если $\gamma = 0$, то и вероятность $p = 0$. Очевидно, что с ростом γ вероятность p при прочих равных условиях увеличивается.

С учетом существования зависимости p от γ найдем, что максимум полезности (2) достигается при следующем значении γ:

$$\gamma = \frac{t(1-pF) - k}{tFp'}\,, \qquad (3)$$

где p' – производная от p по γ. Необходимо обратить внимание, что равенство (3) справедливо только в том случае, в котором правая часть не превышает единицу и не меньше нуля. Если же правая часть (3) больше единицы, то $\gamma = 1$. Как будет видно из дальнейшего, два случая, отвечающие условиям $\gamma < 1$ и $\gamma = 1$, существенно различаются между собой.

Из (3) можно сделать следующий вывод: *величина γ – доля дохода, укрываемая от налогообложения, убывает с ростом k – величины комиссионных выплат и трансакционных издержек[3], с ростом F – уровня штрафных санкций, а также с уменьшением t – ставки налога.*

Для дальнейшего анализа предположим, что вероятность p линейно зависит от γ и, кроме того, явным образом учтем фактор коррупции в виде возможности налогоплательщика влиять на величину p, иначе говоря, будем считать, что вероятность p убывает с ростом объема взяток, выплачиваемых чиновникам. Используем следующие обозначения:

$$p = n\gamma h(\beta)\,, \qquad (4)$$

где $n \in (0;1)$ и характеризует эффективность работы налоговых органов[4]; $h \in (0;1)$, причем $h' < 0$; β – объем инвестиций, направляемых налогоплательщиком в снижение вероятности подвергнуться штрафу за сокрытие доходов. Как видно, величина β может рассматриваться в качестве показателя уровня коррупции.

С учетом (4) из (3) получим, что налогоплательщик максимизирует свою полезность, если выберет следующий уровень сокрытия доходов:

$$\gamma = \frac{t-k}{2nthF}. \qquad (5)$$

Опять же заметим, что равенство (5) справедливо только в том случае, если правая часть не превышает единицу и не меньше нуля.

Предположим сначала, что налогоплательщик укрывает от уплаты налога только часть дохода, другими словами считаем, что $\gamma < 1$ и, соответственно, равенство (5) выполняется. Сразу отметим, что в этом случае, как следует из (5), рост величины β, влекущий за собой снижение h, а значит и вероятности уплаты штрафа, оборачивается возрастанием укрываемой от декларирования доли дохода. С учетом (5) выражение для максимальной по γ полезности налогоплательщика принимает вид:

$$U = D\left(1 - t + \frac{(t-k)^2}{4nthF}\right) - \alpha - \beta. \qquad (6)$$

Теперь учтем, что экономический субъект, максимизируя свою полезность, выбирает не только величину недекларируемой части дохода, но и объемы инвестиций, направляемых как в увеличение совокупного дохода, так и в снижение вероятности подвергнуться штрафным санкциям.

Объемы инвестиций, максимизирующие полезность, определяются из условий: $U'_\alpha = 0$ и $U'_\beta = 0$, откуда следуют уравнения

$$\left(1 - t + \frac{(t-k)^2}{4nthF}\right)D' = 1, \qquad (7)$$

$$-\frac{h'}{h^2} D \frac{(t-k)^2}{4ntF} = 1. \qquad (8)$$

Уравнения (7) и (8) легко интерпретировать: предельные доходы субъекта равны его предельным издержкам, так как выражения, стоящие слева от знаков равенства представляют собой предельные по инвестициям α и β доходы экономического субъекта, а стоящие справа единицы выражают собой предельные издержки инвестирования.

Из уравнения (7) следует, что уменьшение по тем или иным причинам стоящего во внешних скобках множителя должно компенсироваться увеличением предельного совокупного дохода D', которое, согласно (1), обусловливается снижением величины инвестирования α, в силу чего в свою очередь происходит понижение величины дохода D. Таким образом, из уравнения (7) следует, что рост комиссионных платежей и трансакционных издержек (рост k), и/или ужесточение наказаний (рост F), и/или повышение эффективности работы налоговых служб (повышение n) снижает стимулы агента к инвестированию в создание стоимости, в результате чего величина совокупного дохода сокращается.

Теперь обратимся к вопросу о влиянии ставки налогообложения на совокупный доход и покажем, что рост налоговой ставки отрицательно влияет на его величину. Для этого достаточно показать, что множитель при D' в левой части (7) убывает с ростом t. Ради краткости используем для него обозначение:

$$x(t) \equiv 1 - t + \frac{(t-k)^2}{4nthF}.$$

Легко видеть, что производная от этой функции

$$x' = -1 + \frac{1}{4nhF} - \frac{k^2}{4nhFt^2}$$

принимает неотрицательные значения только в том случае, если выполняется условие

$$k^2/t^2 \le 1 - 4nhF, \qquad (9)$$

из которого, в частности, следует, что $2nhF < 1$. Вспомним, что мы рассматриваем случай $\gamma < 1$, а, значит, из (5) вытекает неравенство

$$\frac{t-k}{2nthF} < 1 \Rightarrow \frac{k}{t} > 1 - 2nhF. \qquad (10)$$

Если бы выполнялось условие (9), то из неравенства (10) следовало бы, что

$$k^2/t^2 > (1-2nhF)^2 \Rightarrow k^2/t^2 > 1 - 4nhF,$$

что противоречит условию (9). Как видим, предположение о неубывающем характере функции $x(t)$ приводит к противоречию. Следовательно, функция $x(t)$ является убывающей. Таким образом, рост ставки налогообложения приводит к снижению значения множителя при D' в левой части уравнения (7), что оборачивается ростом предельного совокупного дохода и, следовательно, уменьшением объема инвестиций α с соответствующим падением величины дохода. И наоборот, снижение налоговой ставки оборачивается возрастание дохода[5], что эквивалентно расширению налогооблагаемой базы.

Заметим, что из естественного требования убывания предельной по β полезности, а значит и предельного дохода, из (6) и (8) следует, что величина

$$-\frac{h'}{h^2} \qquad (11)$$

является положительной и убывающей по β. Поэтому, в силу уравнения (8), с возрастанием параметра *k*, и/или *n*, и/или *F* происходит рост этой величины (11), что означает снижение β, т.е. снижение уровня коррупции. В этом проявляется рациональность налогоплательщика, который в ответ на возрастание рисков снижает и укрываемую часть дохода, в соответствии с (5), и величину β. Максимизирующий эффект на экономии последней объясняется тем, что, во-первых, с уменьшением γ заинтересованность налогоплательщика в низком значении вероятности *p* убывает, а во-вторых, снижение γ и так влечет за собой спад вероятности *p*. Отметим, что в работе В. Вишневского и А. Веткина содержится прямо противоположное утверждение, согласно которому рост размеров штрафа не способствует ни снижения масштабов уклонения от уплаты налогов, ни понижению уровня коррупции. Важно подчеркнуть, что это их утверждение не вытекает из предлагаемой ими же математической модели, а привносится извне, фактически произвольным образом. Тем не менее существуют условия, и ниже они будут указаны, в рамках которых это утверждение оказывается справедливым.

Что же касается влияния ставки налогообложения *t*, то, согласно (8), ее рост снижает величину (11), что означает рост β, т.е. повышение спроса на коррупцию. Теперь рациональность выбора налогоплательщика выражается в повышении, согласно (5), скрываемой от налогообложения части дохода с одновременным ростом инвестиций в снижение вероятности *p*, что позволяет уменьшить риски.

Напомним, что полученные выводы справедливы при выполнении условия (5), или другими словами, при $0 < \gamma < 1$. Если же правая часть (5) не меньше единицы, т.е. если *при всех рассматриваемых значениях параметров* выполняется неравенство

$$\frac{t-k}{2nthF} \geq 1, \qquad (12)$$

то налогоплательщик укрывает от налогообложения весь доход и, следовательно, $\gamma = 1$, $p = nh$, и выражение для его полезности принимает вид

$$U = D(1-k-nhtF) - \alpha - \beta. \qquad (13)$$

В этом случае уравнения (7) и (8) сменяются уравнениями

$$D'(1-k-nhtF) = 1, \qquad (14)$$

$$-h'ntFD = 1. \qquad (15)$$

Из уравнения (14) следует, что рост величин *k*, *n*, *t*, *F* при $\gamma = 1$ приводит к увеличению предельного совокупного дохода, которое, как и в случае $\gamma < 1$, означает снижение дохода, обусловленное притуплением соответствующих стимулов[6]. Отметим, что изменение величины *k*, согласно уравнению (15), отражается на уровне коррупции только через изменение величины дохода *D*. Так как рост издержек уклонения от налогообложения приводит к снижению дохода *D*, которое в силу уравнения (15) оборачивается ростом убывающей по β величины $-h'$, то в результате наблюдается снижение спроса на коррупцию. Таким образом, *рост величины k и при* $\gamma < 1$, *и при* $\gamma = 1$ *способствует снижению уровня коррупции.*

Для того чтобы установить характер влияния на уровень коррупции параметров *n*, *t*, *F* предположим, что наряду с увеличением значений этих параметров происходит такое сокращение *k*, что величина *k*+*nhtF* не изменяется, а значит, согласно (14), сохраняется величина совокупного дохода *D*. В этом случае, согласно уравнению (15), величина $-h'$ сокращается, что означает возрастание спроса на коррупцию. В силу сохранения *D*, мы можем считать, что данное повышение уровня коррупции обусловлено не сокращением величины *k*, а возрастанием произведения *ntF*. Следовательно, *в отличие от случая* $\gamma < 1$, *при* $\gamma = 1$ *рост n и/или F приводит к росту спроса на коррупцию*. И в этом тоже проявляется рациональность налогоплательщика, ибо в условиях возрастающих рисков и укрывания от налогообложения *всего* дохода он может максимизировать ожидаемую полезность только путем снижения вероятности оказаться подвергнутым штрафным санкциям.

Следует особо подчеркнуть, что уравнения (7)–(8), а также (14)–(15) отвечают оптимальному для налогоплательщика уровню инвестирования, достижение которого предполагает наличие достаточных для этого возможностей. В реальных условиях тех ресурсов, которыми располагает экономический субъект, может оказаться недостаточно для достижения этого уровня. Поэтому полезно рассмотреть случай ограниченных ресурсов. Для этого предположим, что ресурсы, которыми располагает экономический агент, удовлетворяют условию

$$I = \alpha + \beta < \alpha_0 + \beta_0, \qquad (16)$$

где I – объем ресурсов, α_0 и β_0 – объемы инвестиций, удовлетворяющих уравнениям (7)–(8) или (14)–(15). Считаем, что экономический субъект в условиях ограниченных ресурсов стремится распределить их между двумя видами инвестиций таким образом, чтобы максимизировать свою полезность. Задача, как известно, сводится к отысканию условного максимума полезности при выполнении соответствующего «бюджетного» ограничения (16).

Сначала рассмотрим случай $\gamma < 1$ в предположении, что налогоплательщик оптимизирует уровень недекларируемой части дохода в соответствии с (5). Приравняв нулю производные от функции Лагранжа

$$L = U + \lambda(I - \alpha - \beta),$$

взятые по α и β, и исключив множитель λ, получим уравнение

$$\left(1 - t + \frac{(t-k)^2}{4nthF}\right) \cdot D' = -\frac{h'}{h^2} D \frac{(t-k)^2}{4ntF}, \qquad (17)$$

согласно которому максимум полезности достигается при условии равенства предельных доходов субъекта по обоим видам инвестиций α и β. Заметим, что согласно уравнениям (7) и (8), предельные доходы и в случае неограниченных[7] ресурсов также равны друг другу в силу их равенства соответствующим равным между собой предельным издержкам. В данном же случае ограниченных ресурсов предельные доходы превышают предельные издержки.

Для удобства анализа перепишем уравнение (17) в виде:

$$\frac{D}{D'} = -\frac{h}{h'} \cdot \left(1 + \frac{4nhF}{(1-k/t)^2} \cdot (1/t - 1)\right). \qquad (18)$$

Слева в (18) от знака равенства находится зависящая от α функция. Для краткости обозначим ее через $y(\alpha)$. Справа от знака равенства находится функция переменной β. Ее обозначим через $z(\beta)$. Так как с ростом α доход D возрастает, а предельный доход D', согласно (1), убывает, то функция $y(\alpha)$ является возрастающей. В силу того что величина (11) является убывающей по β, то обратная величина $-h^2/h'$, а значит, и величина $-h/h'$ являются возрастающими по β. Таким образом, функция $z(\beta)$ также является возрастающей.

На рисунке вертикальные оси y и z расположены на расстоянии $I = \alpha + \beta$ друг от друга. Переменная α отсчитывается от оси y, находящейся слева, и растет при движении слева направо. Переменная β, наоборот, отсчитывается от оси z и возрастает при движении справа налево. Точка пересечения графиков функций $y(\alpha)$ и $z(\beta)$ определяет распределение ресурса I между двумя видами инвестиций α и β.

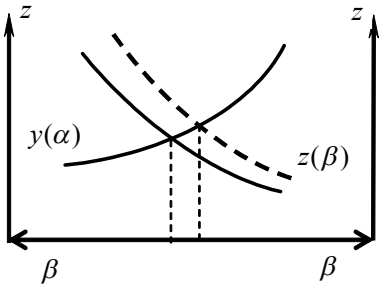

Рис.

Легко видеть, что смещение кривой $z(\beta)$ вверх, как показано пунктиром на рисунке, приводит к перераспределению ресурсов в пользу величины α. Другими словами, в этом случае уровень коррупции понижается, а инвестиции в - повышение совокупного дохода растут, что оборачивается ростом самого дохода. Из уравнения (18) следует, что подобное смещение кривой $z(\beta)$ обусловлено возрастанием множителя, стоящего в больших скобках. Таким образом, в простейших случаях благоприятное перераспределение ресурсов экономического субъекта достигается в результате возрастания величины n, и/или F, и/или k, либо в результате снижения налоговой ставки t[8].

Обратим внимание на то, что в полном соответствии с выводами В. Вишневского и А. Веткина выражения (5) и (18) указывают на те действия со стороны государства, в результате которых наблюдается рост параметра k, как на элементы наиболее эффективной стратегии борьбы с уклонением налогоплательщика от уплаты налогов. Только повышение издержек k до величины налоговой ставки t способно, как видно из (5), снизить долю γ до нуля. Никаким другим мерам (кроме соответствующего снижения t до уровня k) такой эффект не под силу. Аналогична, как это следует из (18), роль параметра k и в смещении кривой $z(\beta)$.

Таким образом, *повышение ставки налогообложения, как в случае ограниченных ресурсов, так*

и в случае неограниченных ресурсов влечет за собой ряд отрицательных последствий – растет и укрываемая от налогообложения доля дохода, и спрос на коррупцию с одновременной неблагоприятной деформацией стимулов экономического субъекта и снижением совокупного дохода.

Что же касается остальных параметров, а именно: эффективности работы налоговых служб, издержек уклонения от налогообложения и уровня штрафных санкций, – то их роль при переходе к случаю ограниченных ресурсов сохраняется в отношении уровня коррупции и доли дохода, укрываемой от налогообложения, которые по-прежнему снижаются с ростом перечисленных параметров. Меняется только характер их влияния на величину совокупного дохода: возрастание этих параметров в случае ограниченных ресурсов и увода от налогообложения только части дохода приводит к возрастанию совокупного дохода. Причина такого благотворного влияния кроется в превышении предельных доходов над предельными издержками инвестирования, характерного для условий ограниченных ресурсов. Снижение размеров β позволяет экономическому агенту использовать освободившиеся ресурсы для увеличения инвестиций в повышение совокупного дохода.

Теперь обратимся к случаю сокрытия от налогообложения всего дохода в условии «бюджетного» ограничения (16). Как легко видеть, в этом случае уравнение (18) сменяется уравнением

$$\frac{D}{D'} = -\frac{1}{h'} \cdot \left(\frac{1-k}{ntF} - h \right). \qquad (19)$$

Благоприятное смещение кривой $z(\beta)$ вверх на рисунке происходит при увеличении множителя в скобках, т.е. при снижении значений параметров k, n, t, F. Таким образом, в этом случае при $\gamma = 1$, в отличие от ситуации при $\gamma < 1$, рост размера штрафа и/или издержек уклонения от уплаты налогов оборачивается повышением уровня коррупции и снижением совокупного дохода. Несколько неожиданным в этой ситуации представляется повышение уровня коррупции вследствие роста величины k. Объяснение состоит в том, что рост издержек k снижает стимулы для инвестирования в совокупный доход, а так как в условиях ограниченных ресурсов предельные доходы хозяйствующего субъекта превышают предельные издержки инвестирования, то освободившиеся ресурсы инвестируются в снижение вероятности p.

Полученные результаты представлены в таблице. Вертикальная стрелка, стоящая возле латинской или греческой буквы, обозначает увеличение соответствующей величины, если она направлена вверх и, соответственно, снижение, если она направлена вниз. Как видно из последней строки таблицы, ужесточение штрафных санкций способно уменьшить размеры скрываемых от налогообложения доходов. Что же касается уровня коррупции, то однозначный ответ не просматривается: в одних случаях (при $\gamma < 1$) рост штрафов способствует сокращению коррупции, в других (при $\gamma = 1$), напротив, – его повышению. Неоднозначно влияет на уровень коррупции и повышение издержек уклонения от уплаты налогов. Безусловно, позитивное влияние на все параметры оказывает, как это видно из первой строки таблицы, снижение налоговой ставки. Однако заранее нельзя сказать, как эта мера отразится на бюджете в целом в краткосрочном периоде.

При внимательном рассмотрении таблицы становится очевидным, что случаи полного укрывания доходов от налогообложения ($\gamma = 1$) и частичного ($\gamma < 1$) требуют к себе различных подходов со стороны государства. При частичном уклонении от налогообложения меры, состоящие и в снижении налоговой ставки, и в повышении издержек уклонения от уплаты налогов, и в возрастании штрафных санкций, и в повышении эффективности работы налоговых служб, приводят к благоприятным последствиям, выра-

Таблица

Выводы, вытекающие из математической модели

	Ресурсы не ограничены		**Ресурсы ограничены**	
	$0 < \gamma < 1$	$\gamma = 1$	$0 < \gamma < 1$	$\gamma = 1$
$t\downarrow$	$\gamma\downarrow, \beta\downarrow, D\uparrow$	$\beta\downarrow, D\uparrow$	$\gamma\downarrow, \beta\downarrow, D\uparrow$	$\beta\downarrow, D\uparrow$
$k\uparrow$	$\gamma\downarrow, \beta\downarrow, D\downarrow$	$\beta\downarrow, D\downarrow$	$\gamma\downarrow, \beta\downarrow, D\uparrow$	$\beta\uparrow, D\downarrow$
$nF\uparrow$	$\gamma\downarrow, \beta\downarrow, D\downarrow$	$\beta\uparrow, D\downarrow$	$\gamma\downarrow, \beta\downarrow, D\uparrow$	$\beta\uparrow, D\downarrow$

жающимся в снижении как уровня коррупции, так и укрываемой от налогообложения доли доходов. Что же касается случая полного сокрытия дохода от уплаты налогов, то перечисленные меры (кроме одной, состоящей в снижении налоговой ставки) могут приводить к отрицательным последствиям и поэтому обязательно должны предваряться такими мерами, которые способны сначала вывести соответствующую деятельность «из тени» и сделать предпочтительным для налогоплательщика не полное, а частичное укрывание дохода от уплаты налогов.

В заключение хотелось бы напомнить, что в настоящей работе рассматривалось поведение только того налогоплательщика, который в той или иной степени утаивает свой доход от налогообложения, другими словами, мы ограничились изучением случая $\gamma > 0$, т.е. считали, что, согласно (5), $t > k$. Очевидно, что при $t < k$ налогоплательщику невыгодно уклоняться от уплаты налогов. В реальности такая ситуация вполне может складываться, например, в отношении налога на недвижимость, налога на наследство или подоходного налога в том случае, в котором доход полностью формируется зарплатой бюджетника[9]. В подобных случаях государство может повышать налоговую ставку, не опасаясь ни повышения уровня коррупции, ни возрастания масштабов уклонения от уплаты налогов.

Примечания

[1] В связи с тем, что согласно ст. 198 УК РФ и ст. 122 НК РФ величина штрафа определяется величиной неуплаченного налога, мы, как и авторы вышеуказанной работы, считаем, что размер штрафа пропорционален размеру неуплаченного налога.

[2] Вообще говоря, нечто подобное может иметь место. Налогоплательщик может заниматься различными видами деятельности или осуществлять трансакции на различных сегментах рынка. В тех случае, когда соответствующий множитель меньше нуля, он может вести себя как честный налогоплательщик, а в других – полностью скрывать свой доход. Например, так может поступать врач, оказывающий дополнительные платные услуги, преподаватель, занимающийся репетиторством, фирма, занимающаяся ремонтом квартир или бытовой техники и т.п.

[3] Механизмы повышения издержек уклонения от налогообложения подробно рассматриваются в упомянутой работе В. Вишневского, А. Веткина.

[4] Коэффициент n отражает зависимость эффективности работы налоговых органов от тех условий, которые мы здесь специально не оговариваем. Его величина зависит от частоты и тщательности осуществляемых налоговыми органами проверок. Кроме того, его значения могут сильно различаться на различных сегментах рынка. Например, преподаватель школы или вуза может совмещать официальную работу с оказываемыми в частном порядке репетиторскими услугами. Если в первом случае информация о его доходах открыта для налоговых органов и, соответственно, значение n близко к единице, то во втором случае его доходы документально не фиксируются и, соответственно, n близко к нулю.

[5] Отметим, что в простейшем случае добросовестного налогоплательщика, т.е. при $\gamma = 0$, уравнение (7) принимает вид $(1 - t)D' = 1$, из которого сразу следует, что снижение ставки налогообложения приводит к уменьшению предельного дохода D', что означает рост дохода D.

[6] У читателя может возникнуть следующий вопрос: если экономический субъект полностью скрывает свой доход от налогообложения, то каким образом может возникать зависимость его стимулов и полного дохода от ставки налогообложения? Дело в том, что от величины налоговой ставки t, как видно из (14) и (15), зависит *ожидаемый* размер штрафа. Поэтому рост t при прочих равных условиях влечет рост издержек и, соответственно, притупление стимулов к инвестированию в повышение дохода при одновременном, как будет видно из дальнейшего, возрастании стимулов к инвестированию в снижение вероятности p.

[7] Напомним, что под неограниченными ресурсами подразумевается возможность выполнения условий (7)–(8) или (14)–(15).

[8] Конечно же, благоприятное смещение кривой $z(\beta)$ и соответствующее перераспределение инвестиционных потоков возможно не только в этих случаях. Множитель, стоящий в больших скобках в выражении (18), может возрасти и в том случае, если, к примеру, отрицательное влияние роста налоговой ставки t будет скомпенсировано достаточным для этого увеличением параметра k, и/или F, и/или n. Для государства дешевле всего, конечно, увеличивать F. Отсюда следует, например, что переход к прогрессивной подо-

ходной шкале должен сопровождаться соответствующим ростом внимания к более высоким доходам, причем в отношении возрастающего дохода должен быть предусмотрен рост не просто размера штрафа за уклонение от налогообложения в денежном выражении, а рост его уровня (величины F), выраженного в долях неуплаченного налога.

[9] Естественно считать, что если налогоплательщик получает зарплату в бюджетной организации, то его издержки уклонения от уплаты подоходного налога весьма велики.

С. В. Машков, З. В. Брагина

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АНТИКОНКУРЕНТНЫМ СОГЛАШЕНИЯМ В РОССИИ

В преддверии XXI века наша страна начала переход к рыночной экономике, рыночному хозяйственному механизму. Разочаровавшись в административно-командной системе в экономике и в обществе, мы тем самым лишь осознавали предпосылки для рыночного хозяйства, становление которого не может произойти в одночасье. Дело в том, что исторически развитие рыночного хозяйства происходило как естественный процесс, предопределяющий во многом экономический и социальный прогресс человечества. Конечно, нам не надо повторять все этапы и перипетии, которыми богата история рынка. Мы могли воспользоваться опытом других государств. Но сложность задачи состоит в том, что до сих пор никто в мире не переводил на рыночные рельсы столь громадный хозяйственный комплекс, каким является российская экономика. Нет исторических аналогов этому процессу. Следует отметить тот факт, что российская экономика, в значительной степени ориентировавшаяся прежде на цели ВПК, была по своей природе изначально чрезмерно централизирована. Представители управляющих структур, руководители предприятий, само население – все привыкли к традиционно завышенной степени монополизации. В марксистской политической экономии (которой руководствовалась экономика СССР) длительное время тенденция к возрастанию концентрации производства явно преувеличивалась, а сам процесс концентрации абсолютизировался. Негативным следствием такого подхода было увлечение гигантоманией в бывшем СССР. Руководство страны ориентировалось на создание самых больших предприятий в Европе и мире, не учитывая экономическую целесообразность и эффективность гигантов. В результате проведения приватизации 1990-х годов в современной российской экономике в настоящее время одними из самых распространенных рыночных структур являются монополии и олигополии как результат производственного глобализма, доставшегося в наследство от прежней плановой экономики. Однако в чистом виде монополии сохранились лишь в немногих отраслях экономики. Наиболее же преобладающей формой современной рыночной структуры является олигополия.

Термин «олигополия» применяется в экономике для описания рынка, на котором существуют несколько фирм, отдельные из которых контролируют значительную долю рынка. Олигополия это такая рыночная структура, при которой существует несколько продавцов, доля каждого из которых настолько велика в общих продажах на рынке, что изменение в количестве предлагаемой продукции каждого из продавцов ведет к изменению цены.

На олигополистическом рынке конкурируют между собой несколько крупных фирм (3–6), и вступление на этот рынок новых фирм затруднено. Продукция, производимая фирмами, может быть как однородна, так и дифференцирована. Однородность преобладает на рынках сырья и полуфабрикатов: руды, нефти, стали, цемента; дифференциация – на рынках потребительских товаров (автомобили).

Существование олигополии связано с ограничениями входа на данный рынок. Один из них – необходимость значительных капиталовложений для создания предприятия в связи с крупномасштабным производством олигополистических фирм.

Немногочисленность фирм на олигополистическом рынке заставляет эти фирмы использо-

© С. В. Машков, З. В. Брагина, 2006

вать не только ценовую, но и неценовую конкуренцию, ибо последняя в таких условиях является более эффективной. Производители знают, что если они понизят цену, то их конкуренты сделают то же самое, чтобы не потерять свою долю рынка, поскольку потребителям выгоднее покупать аналогичную продукцию по более дешевым ценам, в результате нескольких понижений цен все олигополисты могут понести убыток. Поэтому вместо ценовой конкуренции, которая более результативна в условиях современной конкуренции, «олигополисты» используют неценовые методы борьбы: техническое превосходство, качество и надежность изделия, методы сбыта, характер предоставляемых услуг и гарантий, дифференциацию условий оплаты, рекламу.

Олигополия – особая рыночная структура, при которой на рынке доминирует несколько фирм. Характерная особенность олигополистического рынка – зависимость поведения каждой фирмы от реакции и поведения конкурентов. Крупные размеры и значительная их капитализация крайне немобильны на рынке, и в этих условиях наибольшие выгоды обещает именно сговор между олигополистическими фирмами в целях поддержания цен и максимизации прибыли. Производители договариваются о сотрудничестве и заключают (иногда открытое и даже оформленное) соглашение о дележе рынка – «картельное соглашение».

Картель представляет собой соглашение нескольких предприятий, устанавливающее для всех участников объем производства, цены на товар, условия найма рабочей силы, обмена патентами, разграничения рынков сбыта и долю каждого участника в общем объеме производства и сбыта. Его целью является повышение цен (сверх конкурентного уровня), но не ограничение производственной и снабженческо-сбытовой деятельности участников. Суть ее в сплаве координации и конкуренции. В то же время действует и общее правило: чем меньше фирм в отрасли и чем крупнее каждая из них, тем легче фирмам координировать свои действия и добиваться максимально высоких прибылей, регулируя цены на выпускаемую продукцию. И в этом смысле мы можем говорить о потенциальной опасности монополизации тех или иных отраслей экономики, в особенности олигопольных, для которых указанное правило наиболее близко по экономической структуре.

Если рассматривать историческую составляющую этого вопроса, то следует отметить, что картели оказали резко отрицательное воздействие на рыночную экономику. Более того, все недостатки чистой монополии на практике известны человечеству в основном из опыта деятельности картелей. А именно: худшие образцы завышения цен и занижения выпуска продукции дали именно картели. Как следствие, картели тормозили технический прогресс: с помощью экономии издержек новым изобретениям не давали ходу до тех пор, пока не износятся машины, выпускающие товары по старой технологии. Особенно сильное негативное воздействие на экономику картели оказали в период тяжелых кризисов перепроизводства в 1930-е годы. Именно благодаря картелям была доказана неэффективность действий предприятий в условиях осуществления согласованных действий.

Временем господства картелей был период с середины XIX века и до конца 30-х годов XX века, когда они имели легальную форму и были широко распространены. Если господство одной-единственной фирмы в отрасли представляет собой редкое и, как правило, кратковременное явление, то картели названного периода смогли создать монополистическую структуру рынка в целом ряде ведущих отраслей (электротехника, химия, металлургия, нефтяная промышленность). Причем создать ее не только в национальных, но и международных масштабах. И на длительное время. Засилье и распространенность картелей именно в этот период времени можно рассматривать как неизбежный процесс развития экономики. До середины XIX века постепенно, шаг за шагом шел процесс формирования и наращивания производства от мелких ремесленников до мануфактур. Большинство производителей работали самостоятельно, имея собственное сырье для производства, каналы сбыта, ресурсы. Модель того времени наиболее близко напоминала рынок совершенной конкуренции, когда между собой конкурировали как производители, так и потребители. Но объективное развитие производства постепенно достигло достаточных промышленных масштабов, поскольку в результате процессов объединений и поглощений на рынке образовались достаточно крупные для того времени фирмы, которые могли оказывать непосредственное влияние на рынок – так сказать, «первичные» олигополии.

Осознав, что легче разделить рынок между собой, чем конкурировать, предприятия стали образовывать официальные картели, чтобы максимизировать прибыли.

Стоит рассмотреть реакцию на эту проблему правительства США – страны, в которой было засилье картелей. Экономическая, политическая и правовая элита США была убеждена, что рынок сам по себе защищает общество до тех пор, пока законное право заниматься торговлей, и прежде всего свобода конкуренции, гарантированы конституцией. Несоответствие этому впервые стало очевидным, когда выяснилось, что революционные изменения в сфере железнодорожного транспорта, промышленное освоение юга страны и создание новых технологий предоставили возможность производителям товаров с низкими издержками овладевать рынками сбыта в регионах, которые до этого обслуживались только местными фирмами. Инвестиционный и финансовый капитал начал быстро переливаться в новые растущие предприятия, наметилась тенденция к концентрации капиталов и ресурсов. Кроме того, стали активно создаваться группы доверительных собственников (trustees), привлекающих ценные бумаги во временное доверительное управление от держателей акций в нескольких компаниях. Такая практика позволяла наиболее крупным трестам, например Standart Oil Co, контролировать множество крупных отраслей промышленности, включая производство горючего, сахара, хлопкового и льняного масла, свинца, виски и др.

В 1887 году правовед Ф. Стимсон предупреждал, что «американская находчивость изобрела правовой механизм, способный поглотить сто корпораций и сто человек, и затем, со всей безответственностью корпорации, сохранить их объединенную силу в компактной форме, сконцентрировав эту силу в руках одного-двух человек. Эти тресты могут осуществлять сатанинское вожделение – приобрести неограниченную власть, свободную от контроля извне или же контроля совести»[1].

После 1890 года антитрестовская политика в США зависела прежде всего от предпочтения государством конкуренции перед другими системами экономической организации. Однако первый опыт в сфере антитрестовского законодательства после 1980 года был «усложнен американской привычкой, с одной стороны, с уважением относиться к совершенству крупных масштабов, а с другой – опасаться политических и экономических последствий нарастания концентрации экономической власти».

Демократия в США, по мнению большинства собственников, ассоциировалась с возможностью иметь собственный бизнес, экономическую и политическую самостоятельность. Покушение на эти права со стороны трестов и монополий становилось серьезной угрозой для демократических институтов и было чревато нетерпимой социальной и политической гегемонией корпораций. В глазах многих американцев промышленный переворот в результате всех этих процессов воспринимался как антидемократическое явление в жизни нации. Противоконкурентное поведение корпораций гигантов обострило народное недовольство и усилило напряжение в обществе. В ходе президентской кампании 1912 года внимание общественности сфокусировалось на роли правительства в экономической жизни, в том числе в сфере антитрестовского законодательства. Кандидат в президенты Вудро Вильсон, выдвинувший программу «Новой свободы», предлагал дополнить закон Шермана более жестким набором требований и действий, которые предусматривали бы уголовное наказание за монополистические действия в любой форме для обеспечения власти мелких собственников на рынке. Закон Шермана, принятый в 1890 году был основным федеральным антитрестовским актом, который провозгласил уголовными преступлениями установления монополии, ограничение торговли, создание союза фирм и вступление в сговор с этой же целью; закон предоставил федеральному правительству или потерпевшей стороне право возбуждать судебное дело против тех, кто совершает такие преступления. Политически грамотный и экономически просчитанный акт Вильсона в предвыборной борьбе позволил ему не только победить на выборах 1912 года, но и создать прецедент государственного вмешательства в экономические процессы в обществе. В 1914 году конгресс сформировал Федеральную торговую комиссию и одобрил закон Клейтона – федеральный антитрестовский закон, усиливающий положения акта Шермана посредством объявления незаконными некоторых специфических методов деятельности фирм. Вильсон также настоял на создании административного органа – межштатной торговой комиссии, целью которой являлось со-

здание благоприятных условий для добросовестной конкуренции.

Таким образом, антитрестовское законы обеспечивали законодательное решение социально-политического конфликта в обществе и воплощали социальные предпочтения, дающие перевес силам рынка при ограничительном наблюдении правительства за экономикой.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что понятие сговора в экономике было положено благодаря картелям, поскольку их «официальное» существование на протяжении длительного периода времени показало, что экономическое законодательство развитых стран, где они получили наибольшее распространение, не было готово к их регулированию. Потребовалось время, чтобы разобраться и оценить влияние согласованных действий между предприятиями на экономику. Лишь после появления законодательных актов, запрещающих картели, антитрестовское законодательство смогло повлиять на сложившуюся ситуацию.

Но проблема согласованных действий актуальна и в настоящее время, поскольку возможность получать необоснованные прибыли без всяких экономических затрат весьма привлекательна для руководства предприятий и фирм, действующих на рынке. Как уже отмечалось, наиболее привлекательна данная стратегия поведения для олигопольных отраслей, где небольшому числу участников легче договориться между собой.

Пресечение такого рода соглашений в Российской Федерации возложено на Федеральную антимонопольную службу (ФАС) России. В соответствии с п. 6 ст. 18 Закона Российской Федерации от 22.03.91 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» запрещается заключение договора, иной сделки, соглашения или осуществление согласованных действий хозяйствующими субъектами, действующими на рынке одного товара.

Тайные картели между крупными предприятиями, стремящиеся к фиксированию цен, квот на производство и продажу, разделу рынка или запрету импорта и экспорта продукции, являются наиболее серьезными ограничениями конкуренции, с которыми сталкивается ФАС. Такая деятельность в конечном счете приводит к увеличению цен и снижению возможности выбора для потребителей. Более того, они наносят вред не только интересам потребителей, но и промышленности в целом. Путем искусственного ограничения конкуренции, которая должна существовать между компаниями, у предприятий пропадают стимулы, которые заставляют их вводить новшества как в развитие продукции, так и в повышение эффективности производственных процессов. Такая деятельность также приведет к покупке более дорогостоящего сырья и материалов у таких производителей. В долгосрочной перспективе это приведет к потере конкурентоспособности и сокращению рабочих мест на разрастающемся экономическом пространстве.

При всей актуальности данного вопроса выявление сговоров – весьма сложная и трудоемкая задача. Даже при всей очевидности осуществления хозяйствующими субъектами согласованных действий обоснование фактов, доказывающих это, весьма затруднено с юридической точки зрения, во-первых, отсутствием достаточной правовой базы в области антиконкурентного законодательства; во-вторых, отсутствием опыта и, как следствие, достаточного количества прецедентов по возбужденным и выигранным в суде делам, поскольку крупные предприятия, как правило, имеют квалифицированную юридической защиту; в-третьих, как уже указывалось, сложностью сбора доказательств и отсутствия методик и эффективных научных разработок, облегчающих данный процесс.

Примечание

[1] Экономическое развитие России и мировые тенденции на рубеже веков. – М., 1996. – С. 22–35.

Д. В. Пятницкий

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ СТОИМОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАПИТАЛА С ЦЕЛЬЮ ОПТИМИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПЛАНА В УСЛОВИЯХ АСИММЕТРИЧНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

Преамбула. *Оценка стоимости привлечения капитала обычно производится для случая, когда рассматривается вопрос о внедрении только одного проекта. В статье доказывается, что когда проектов несколько, причем ресурсы финансирования не обязательно ограничены, использование полученных теоретических значений СПК не обеспечивает выбор оптимального набора проектов.*

Допустим, имеются независимые проекты, требующие одинаковых инвестиций, но имеющие разные внутренние ставки доходности IRR. В этом случае проекты с более высокой IRR будут всегда внедрятся ранее менее эффективных проектов.

Уточняя содержание понятия «стоимость привлечения капитала» в рамках теоретического подхода, отметим, что в условиях наличия множества проектов их минимально достаточная доходность должна быть определена как такая доходность, при которой не ухудшается положение прежних акционеров по сравнению с тем положением, которое достигается при внедрении более эффективных проектов из имеющегося набора.

Прагматический подход к определению стоимости привлечения капитала не позволяет выбрать оптимальный набор проектов, то есть такой, при котором достигается максимальный курс акций.

Рассмотрим, как изменятся теоретические оценки стоимости привлечения заемного и собственного капитала в случае наличия нескольких проектов.

Вначале допустим, что проекты финансируются с помощью привлечения долга. Тогда, предполагая для простоты бесконечный период рефинансирования, имеем

$$S_j = \frac{X(1-\tau)}{\rho} + \sum_{i-1}^{j-1} \frac{\rho_i^*(1-\tau)I}{\rho} + \frac{\rho_j^*(1-\tau)I}{\rho} - \frac{r_d^j(1-\tau)\left(\sum I + I\right)}{r}, \quad (1)$$

$$S_{j-1} = \frac{X(1-\tau)}{\rho} + \sum_{i-1}^{j-1} \frac{\rho_i^*(1-\tau)I}{\rho} - \frac{r_d^{j-1}(1-\tau)\sum I}{r}, \quad (2)$$

$$S_j > S_{j-1}, \_ если \_ \rho_j^* > \rho\left(\frac{r_d^j}{r} + \frac{\sum I}{I}\frac{\left(r_d^j - r_d^{j-1}\right)}{r}\right), \quad (3)$$

где r_d^j – ставка процента по привлекаемому долгу, достаточному для финансирования j проектов; r_d^{j-1} – ставка процента по привлекаемому долгу, достаточному для финансирования (j-1) проектов; ρ_i^* – внутренняя ставка доходности i(j)-го проекта; I – инвестиции для внедрения одного проекта (предполагаются одинаковыми); ΣI – объем инвестиций, требующихся для внедрения (j-1) проектов; S_j – стоимость акций, если будут внедрены все проекты, включая j-й; S_{j-1} – стоимость акций, если будут внедрены все проекты, кроме j-го; X – прибыль корпорации; τ – ставка налога на прибыль; ρ – ставка дисконтирования прибыли; r – безрисковая ставка.

Для общего случая, когда период рефинансирования равен n годам, получим, что

$$S_j > S_{j-1}, \; если$$

$$\rho_j^* > \frac{\rho}{1-\tau}\left(\frac{r_d^j(1-\tau)(1+n\cdot\rho)+\rho-r}{(1+n\cdot r)\rho} + \frac{\sum I}{I}\frac{\left(r_d^j - r_d^{j-1}\right)(1-\tau)(1+n\cdot\rho)}{(1+n\cdot r)\rho}\right). \quad (4)$$

Как следует их выражений (3) и (4), чем значительнее повышается ставка процента r_d в связи с необходимостью профинансировать дополнительный проект и чем больше отношение ΣI/I, то есть чем больше объем инвестиций, требующихся для внедрения (j-1) проектов и чем меньше сумма инвестиций для внедрения j-го проекта, тем выше должна быть его доходность. Если проект с определенной внутренней ставкой доходности IRR бесконечно делим, то существует минимальный объем инвестиций, финансируемый по повышенной ставке процента, начиная с которого стоимость привлечения капитала опускается ниже IRR проекта. Для оценки данного минимального объема инвестиций достаточно преобразовать неравенства (3) и (4) так, чтобы величина I оказались в их левой части.

© Д. В. Пятницкий, 2006

Увеличение периода рефинансирования при прочих равных условиях всегда снижает стоимость привлечения капитала.

Теперь предположим, что проекты финансируются путем эмиссии акций. В этом случае минимально допустимая доходность проекта зависит от того, учитываются ли результаты внедрения проекта из имеющегося набора в цене эмитируемых акций. Когда делается предположение, что акции, выпускаемые для финансирования проекта, продаются на рынке с симметричной информацией, и, как следствие, цена акций до и после внедрения проекта одинакова, то для внедрения любого проекта из их набора необходимо и достаточно, чтобы его доходность была выше стоимости привлечения капитала, рассчитанной как $\rho/(1-\tau)$. Тот же вывод применим для случая финансирования проектов за счет реинвестирования прибыли.

Если же исходить из предположения, что информация асимметрична и акции продаются (имеются в виду те акции, которые эмитируются для финансирования проекта), например, по текущему рыночному курсу P_0 (10 руб. в описанном далее примере), то минимально допустимая доходность проекта ρ^* будет зависеть от потенциального роста курса акций, который может быть достигнут при внедрении более эффективных проектов из общего их портфеля:

$$P_j = \frac{\frac{X(1-\tau)}{\rho} + \sum_{i-1}^{j-1} \frac{\rho_i^*(1-\tau)I}{\rho} + \frac{\rho_j^*(1-\tau)I}{\rho}}{N + j \cdot M}, \quad M = \frac{I}{P_0}, \quad (5)$$

$$P_{j-1} = \frac{\frac{X(1-\tau)}{\rho} + \sum_{i-1}^{j-1} \frac{\rho_i^*(1-\tau)I}{\rho}}{N + (j-1) \cdot M}, \quad (6)$$

$$P_j > P_{j-1}, \_ если \_ \rho^* > Max\begin{cases} \frac{\rho}{1-\tau}\frac{S_0 + \Sigma\Delta S}{S_0 + \Sigma\Delta I} \\ \frac{\rho}{1-\tau} \end{cases} \quad (7)$$

где S_0 – стоимость собственного капитала фирмы, принимающей решение об объеме финансирования инвестиций (предполагается, что капитал этой фирмы полностью собственный); P – курс акций до внедрения проектов; P_j – цена, если будут внедрены все проекты, включая j-й; P_{j-1} – цена акций, если будут внедрены все проекты, кроме j-го.

Неравенство $P_j > P_{j-1}$ верно тогда, когда выполняется условие (7). Минимально допустимая доходность проекта, финансируемого путем продажи акций на рынке с асимметричной информацией тем выше, чем больше объем инвестиций, требующихся для внедрения более эффективных проектов, и чем выше их IRR.

Критерии (3) и (7) не могут претендовать на роль универсальных, как, например, $\rho/(1-\tau)$, и предназначены лишь для выявления и оценки направления влияния факторов, влияющих на минимально достаточную доходность проекта при выборе оптимального набора в условиях асимметричности информации.

Рассмотрим для иллюстрации конкретную ситуацию, которая позволит уточнить отдельные

Таблица 1

Исходные данные и результаты расчета стоимости привлечения заемного и собственного капитала*

Проект	IRR, %	Инвестиции, млн дол.	r_d, %	Стоимость привлечения капитала			
				Оценка каждого проекта		Проекты как часть общего инвестиционного плана	
				ρ_d	ρ_s	ρ_d	ρ_s
A	60	2	8,2	20,5	40,0	20,5	40,0
B	55	4	8,4	21,0	40,0	21,5	43,0
C	50	6	9	22,5	40,0	25,5	45,0
D	45	8	10	25,0	40,0	32,5	45,6
E	40	10	12	30,0	40,0	50,0	45,5
F	35	12	14	35,0	40,0	65,0	45,0
Формула расчета СПК				$\frac{r_d}{r}\rho$	$\frac{\rho}{1-\tau}$	$\rho\left(\frac{r_d^j}{r} + \frac{\sum I}{I}\frac{\left(r_d^j - r_d^{j-1}\right)}{r}\right)$	$\frac{\rho}{1-\tau}\frac{S_0 + \Sigma\Delta S}{S_0 + \Sigma\Delta I}$

* ρ_d, ρ_s – стоимость привлечения заемного и собственного капитала, соответственно; r_d – цена долга.

положения. Предположим, корпорация ожидает, что ее доходы от имеющихся активов, выплачиваемые полностью как дивиденды, будут оставаться 4 млн руб. ежегодно. Ставка налога на прибыль τ равна 50%, ρ – 0,2. Капитал фирмы полностью собственный и представлен 1 млн акций, текущая рыночная стоимость которых – 10 руб. Безрисковая ставка – 8%. Инвестиционные возможности текущего года, процентные ставки, связанные с привлечением заемного капитала для финансирования инвестиционных проектов, приводятся в таблице 1.

Сравним эффективность вариантов финансирования инвестиционных проектов. Допустим, все проекты будут профинансированы путем привлечения заемного капитала. Тогда, если использовать оценку стоимости заемного капитала, равную $\frac{r_d}{r}\rho$, то можно прийти к ошибочному выводу, что целесообразно внедрить все проекты. Инвестиции при этом должны составить 12 млн руб. Расчеты курсовой стоимости акций, оценка минимальной доходности проекта, выполненная по формуле (3), показывают, что в условиях, когда проценты по облигациям относятся на расходы, фирме целесообразно привлечь заемный капитал в размере лишь 8 млн руб. под 10% годовых. При этом курс акций вырастет более чем в 1,5 раза (до 15,5 руб.). Если проценты по облигациям выплачиваются из чистой прибыли, то следует привлечь только 4 млн руб. и рост курса будет менее впечатляющим.

Оценим вариант финансирования проектов, связанный с эмиссией акций. Результаты оценки будут зависеть от того, симметрична или асимметрична информация. В предположении симметричной информации целесообразно внедрить все проекты, для которых $IRR>\rho/(1-\tau)$. В этом случае должен быть отвергнут только проект F. Действительно, при доведении величины инвестиций до 12 млн руб. курс акций начинает снижаться. Это связано с тем, что СПК (40%) становится выше доналоговой доходности проекта F. Проведенный анализ показывает, что фирме, не имеющей возможности привлекать заемный капитал, целесообразно эмитировать акции на сумму 8–10 млн руб. При этом, если фирма привлекает собственный капитал на сумму 10 млн руб., у нее будет больше возможностей в дальнейшем финансировать высокоэффективные проекты путем эмиссии облигаций.

Если информация асимметрична (акции размещались по текущему курсу 10 руб., для финансирования каждого проекта эмитируется 200 тыс. акций), то рационально ограничиться только внедрением проектов A, B,C. Как можно увидеть из таблицы 2, для проекта D доналоговая доходность ниже минимально допустимой доходности (45,6%). Именно поэтому курс акций начинает с этого момента постепенно снижаться. Обращает на себя внимание та интересная особенность, что СПК, начиная с какого то момента (в нашем случае – это проект E), постепенно снижается. В любом случае при финансировании проектов путем эмиссии акций мы имеем более скромный рост курса акций, чем при привлечении заемного капитала (табл. 2).

Таким образом, рост r_d, асимметричность информации, высокая эффективность отдельных проектов, рост числа проектов, требующих небольших инвестиционных затрат, сдвигают кривую инвестиционного спроса влево по сравне-

Таблица 2

Влияние варианта финансирования инвестиций на курс акций

Проект	Курс акций после внедрения проектов, финансируемых путем			
	Эмиссии облигаций		Эмиссии акций	
	Проценты относятся на расходы	Проценты выплачиваются из чистой прибыли	Акции продаются на рынке с асимметричной информацией	Акции продаются на рынке с симметричной информацией
A	11,97	10,95	10,83	11,00
B	13,65	**11,55**	11,25	11,75
C	14,87	11,50	**11,41**	12,25
D	**15,50**	10,50	11,39	**12,50**
E	15,00	7,50	11,25	**12,50**
F	13,75	3,25	11,02	12,25

нию с тем положением, которое она занимала бы в случае более низких процентных ставок, симметричной информации и умеренной эффективности проектов, требующих относительно больших инвестиций.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что нерационально оптимизировать структуру капитала фирмы безотносительно к инвестиционным проектам так же, как в условиях совершенного рынка нерационально выпускать облигации с целью выкупа части акций для повышения курса оставшихся акций. Это повышение весьма незначительно. Кроме того, теряются возможности финансирования проектов путем привлечения заемного капитала, а это уже значительные потери. Таким образом, проблема оптимизации структуры капитала фирмы не может быть понята как статическая проблема (дана фирма, какова ее оптимальная структура капитала?). Это исключительно динамическая проблема. Финансирование проекта путем привлечения заемного капитала дает возможность (и это главное) не делить результат внедрения проекта между старыми и новыми акционерами. Новые акционеры (предполагается, что владельцы выпущенных акций не являются «прежними» акционерами) претендуют на значительно большую его часть, чем держатели эмитированных облигаций.

Значение налоговых преимуществ заключается в возможности эмиссии облигаций со ставкой процента более высокой, чем безрисковая. В отсутствие налоговых преимуществ фирмам целесообразно было бы занимать лишь по безрисковой процентной ставке. В условиях совершенного рынка, если бы проценты выплачивались из чистой прибыли, то рост курса не был бы таким впечатляющим, а проект было бы более выгодно финансировать путем эмиссии акций. Если бы акции продавались по текущей рыночной цене, мы получили бы лишь незначительно худшие результаты по сравнению с эмиссией таких облигаций (табл. 2).

Выводы

1. Когда проектов несколько, причем ресурсы финансирования не обязательно ограничены, использование теоретических значений СПК для одного проекта не обеспечивает выбор оптимального набора проектов. Если исходить из предположения, что акции продаются (имеются в виду те акции, которые эмитируются для финансирования проекта) по текущему рыночному курсу, то СПК данного проекта будет зависеть от характеристик более эффективных проектов, которые должны быть внедрены до него.

2. Если проект с определенной внутренней ставкой доходности IRR бесконечно делим, то существует минимальный объем инвестиций, финансируемый по повышенной ставке процента, начиная с которого стоимость привлечения капитала опускается ниже IRR проекта. Минимально допустимая доходность проекта, финансируемого путем продажи акций на рынке с асимметричной информацией, тем выше, чем больше объем инвестиций, требующихся для внедрения более эффективных проектов, и чем выше их IRR.

3. Высокая цена долга r_d, асимметричность информации, высокая эффективность отдельных проектов, рост числа проектов, требующих небольших инвестиционных затрат, сдвигают кривую инвестиционного спроса влево по сравнению с тем положением, которое она занимала бы в случае более низких процентных ставок, симметричной информации и умеренной эффективности проектов, требующих относительно больших инвестиций.

В. М. Каравайков, С. И. Кожурин, А. В. Куликов

О СИСТЕМНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Существующая на протяжении многих десятилетий практика, при которой размер возможного отпуска древесины рассчитывается для обширных территорий лесхозов, допускает вырубку лесов без учета сохранения экологических функций речных бассейнов. Сложившаяся система интенсивной эксплуатации лесных массивов во второй половине XX века резко изменила гидрологические условия многих водосборных бассейнов южнотаежных лесов, вызвав повышенный размыв обезлесенных территорий, помутнение воды в реках и их обмеление.

Гидрологическая роль леса исключительно велика и, в частности, заключается в его влиянии на распределение осадков. В безлесной местности поверхностный сток может превышать 80 %. В лесу поверхностный сток практически отсутствует, трансформируясь в грунтовый (внутренний) [1]. Таяние снега в лесу происходит медленнее, чем на открытой местности, и в густом ельнике, например, может запаздывать на 20–25 дней, поэтому влага лучше просачивается в почву. Почва в лесу промерзает на меньшую глубину, или совсем не промерзает, она более структурна, обладает лучшими фильтрационными свойствами и лучше поглощает влагу. Глубокое промерзание почвы на безлесных пространствах вызывает разрыв структурных образований, путей фильтрации поверхностной влаги и снижает ее противоэрозионную стойкость. Мерзлые почвы в период таяния снега не смываются, а оттаявшие сверху и подстилаемые снизу мерзлой прослойкой сильно податливы смыву. При весеннем снеготаянии смыв почвы тем больше, чем быстрее идет таяние снега. Большое значение имеет лесная подстилка. Она поглощает большое количество влаги, замедляет сток, изолирует почву от струй воды и сохраняет ее фильтрационные свойства.

Древесная растительность непосредственно влияет на сток, замедляет его. Вода легко и на всю глубину проникает в почву по ходам корней. Лес превращает поверхностный сток воды во внутренний, что положительно влияет на экологическую обстановку. Грунтовые воды не вызывают эрозии почвогрунтов, повышают сопротивляемость почвы смыву. Почва в лесу, защищенная от прямых солнечных лучей кронами деревьев и покрытая мульчей – лесной подстилкой, почти не испаряет влагу. При вырубке лесов на водосборных бассейнах без учета их средообразующей роли, происходит повышенная эрозия почв, деструктивно изменяется гидрологический режим рек, происходит их катастрофическое обмеление, помутнение воды. Все эти явления присущи многим рекам многолесных районов южнотаежного лесохозяйственного округа, в который входит Костромская область.

Из всех способов рубок, применяемых для заготовки древесины, наибольшие изменения в водорегулирующую и защитную роль лесов вносят сплошные рубки, с помощью которых заготавливается более 90 % древесины. При сплошных рубках интенсивность снеготаяния возрастает в 1,5–2 раза. Большие снегозапасы на сплошных вырубках, интенсивное снеготаяние и слабая водопроницаемость замерзших почв способствует образованию интенсивного поверхностного стока.

Известно, что после сплошных рубок в лесах южной тайги происходит естественное возобновление леса, в результате чего хвойные породы сменяются березой и осиной, а древостои этих пород, особенно в молодом возрасте, выполняют водоохранно-защитные функции значительно хуже хвойных и смешанных [2; 3].

Нами изучены исследования влияния лесоэксплуатации на гидрологический режим, проведенные на основе многолетних данных об объемах вырубки лесов в речном бассейне, а также статистика характерных гидрологических показателей реки Унжи.

На территории данного водосбора во второй половине XX века и по настоящее время заготавливается 40–45 % от общего объема добываемой древесины в Костромской области [4]. График изменения площадей вырубок для естественного возобновления леса приведен на рисунке 1.

Для изучения влияния лесоэксплуатации на гидрологический режим реки Унжи рассматриваются изменения максимальных расходов воды

© В. М. Каравайков, С. И. Кожурин, А. В. Куликов, 2006

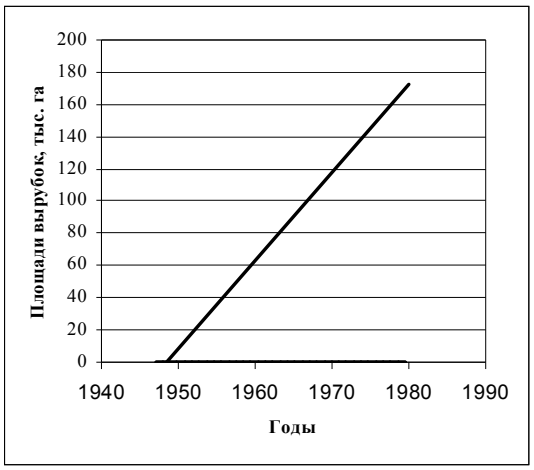

Рис. 1. График изменения площадей вырубок

в половодье и минимальных уровней воды в меженный период в условиях интенсивной лесоэксплуатации. Анализ гидрологического режима осуществлялся применяемыми в гидрологии методами с помощью прикладного программного обеспечения стандартного модуля ANALYS TOOL PAK 32 EXCEL 2000. Материалы по гидрологии реки Унжи в изучаемых створах были получены как из опубликованных источников (Гидрологические ежегодники), так и неопубликованных материалов, предоставленных Костромским ЦГМС и Государственным гидрологическим институтом [5].

Река Унжа характеризуется супесчаными легкосуглинистыми аллювиальными и торфяными почвами. Продолжительность периода с температурой выше 10 °С в среднем 120 дней, сумма среднесуточных температур воздуха выше 10 °С в пределах 1700–1800 °С. Рельеф бассейна реки преимущественно равнинный с небольшими холмами. На реке постоянно действуют три водомерных поста (города Кологрив, Мантурово, Макарьев Костромской обл.), производящих ежедневную съемку всех показателей гидрологического режима реки и имеющих данные за многолетний период (по посту г. Макарьева данные имеются с 1896 года).

Максимальный расход воды характерен для весеннего половодья. Используя ряд многолетних наблюдений, был построен график изменения максимальных расходов воды в р. Унжа (рис. 2).

Видно, что за последние 60 лет наблюдается значительный рост максимальных расходов воды. Это негативно отражается на русловом и эрозионном процессах бассейна и, особенно, поймы реки. Кроме того, данный фактор может привести к повреждению различных гидротехнических сооружений, рассчитанных и построенных исходя из недостаточных максимальных расходов воды предыдущих лет.

Величина минимального уровня воды – одна из важнейших характеристик гидрологического режима реки. Минимальный уровень рек Костромской области, в том числе р. Унжи, наблюдается в основном в летний период, в самый сухой летний месяц межени (рис. 3).

В изученном периоде минимальный уровень воды р. Унжа постоянно снижается на 0,005 м за год, в целом за 80 лет уровень понизился на 0,4 м. (Отрицательное значение уровней (рис. 3) объясняется тем, что замеры производились от некоторой фиксированной точки, с известной абсолютной высотой над уровнем моря.)

На основании приведенных выше данных найдены линейные зависимости увеличения максимальных расходов (рис. 4) и сокращения минимальных уровней воды (рис. 5) в зависимости от возрастания площадей вырубок в бассейне реки Унжи.

Анализируя характер зависимостей между вырубками леса и гидрологическими характеристиками р. Унжа, можно сделать следующие выводы.

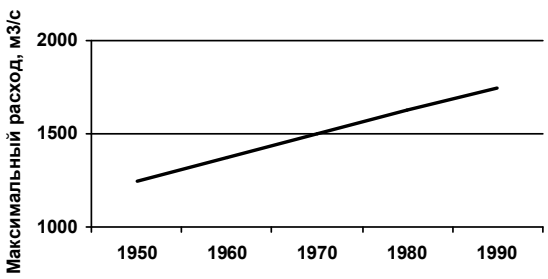

Рис. 2. Изменение максимального расхода воды р. Унжи

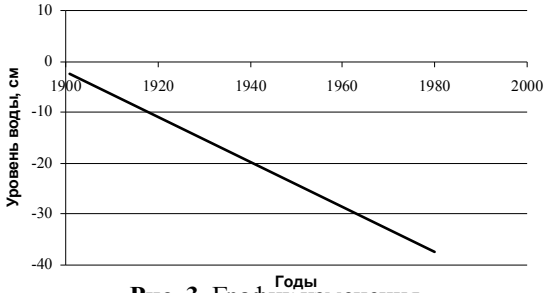

Рис. 3. График изменения минимальных уровней р. Унжа

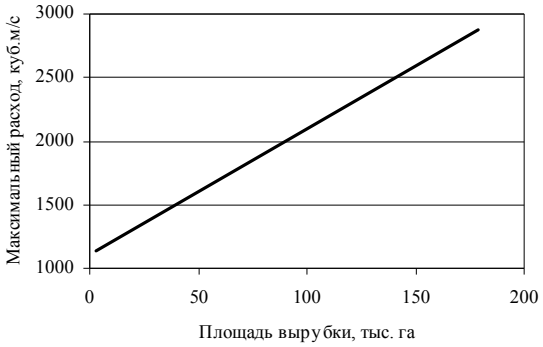

Рис. 4. График зависимости изменения максимальных расходов воды от увеличения площади вырубок леса в бассейне р. Унжа

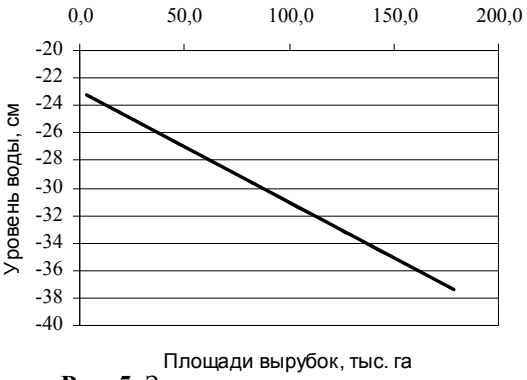

Рис. 5. Зависимость среднемеженных уровней воды от площадей вырубок леса в бассейне р. Унжа

1. Увеличение площадей вырубок леса на водосборной площади привело к резкому увеличению максимальных расходов воды в период весеннего половодья (рис. 4). Это происходит одновременно с выраженным увеличением на вырубках поверхностного стока в связи с повышенным, по сравнению с облесенной местностью, промерзанием почвы, а также интенсивным снеготаянием по причине устранения затененности кронами деревьев.

2. Превалирование поверхностного стока над грунтовым в весенний период приводит к резкому сокращению аккумуляции грунтовых вод, в результате сокращается дополнительное питание реки в межень, что влечет снижение уровней воды в меженный период (рис. 5).

3. Резко возрастающий поверхностный сток на вырубках ведет к интенсивной эрозии почвогрунтов, образованию наносов, замыванию русла реки. Снижение объемов и, соответственно, уровней грунтовых вод приводит к стойкому снижению уровней воды в реке. Системная взаимосвязь указанных факторов в процессе природопользования привела к радикальным деструктивным изменениям состояния реки – ее повсеместному очевидному обмелению и снижению полноводности.

4. Для предупреждения отмеченных негативных явлений необходима коррекция системы планирования и ведения хозяйства в лесном фонде, и, прежде всего, рубок главного пользования. Первоочередные меры – это отвод лесосек в рубку с учетом минимизации ущерба лесным насаждениям водосборов рек. В перспективе необходим переход на планирование лесозаготовок в пределах речных бассейнов исходя из принципа непрерывного лесопользования – объем вырубки не может превышать объема прироста на конкретном лесном водосборе.

Библиографический список

1. *Дьяченко А. Е.* Агролесомелиорация / А. Е. Дьяченко, Л. П. Брысова, И. Ф. Голубев, А. Е. Чечаев. – М.: Колос, 1979. – 208 с.

2. *Побединский А. В.* Водоохранная и почвозащитная роль лесов. – М.: Лесн. пром-сть, 1979. – 174 с.

3. *Белов С. В.* Лесоводство: учеб. пособие для вузов. – М.: Лес. пром-сть, 1983. – 352 с.

4. *Дудин В. А.* История костромских лесов. – Кострома: ДиАр, 2000. – 256 с.

5. *Кожурин С. И.* Природопользование и среда обитания. Системный подход / С. И. Кожурин, В. М. Каравайков, В. В. Шутов, В. А. Корякин [и др.]. – Кострома : Изд-во КГТУ, 2005. – 102 с.

Д. Б. Бабаев

ДЕНЬГИ И ИХ РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ

Проблема денег, определение их сущности, природы и роли в народном хозяйстве, включая вопросы эволюции денег (в данном случае особенно интересен и не совсем ясен вопрос об электронных деньгах), является одной из обширнейших областей экономической науки. Эта тема обладает особой притягательной силой вследствие того, что денежный феномен не просто загадочен (до сих пор ведутся дискуссии о том, что такое деньги, во всяком случае, по этому вопросу нет единства мнений), но и напрямую затрагивает интересы всех участников социально-экономической жизни. Зависимость развития экономики от денег, включая такие характеристики, как цикличность, темпы, структура народного хозяйства, настолько высока, что это послужило основой для возникновения теорий, которые считают денежное воздействие на экономику определяющим.

По вопросу понимания природы денег существуют две наиболее важные точки зрения. Деньги – это всеобщий эквивалент (К. Маркс и марксисты). Другой подход принадлежит мэйнстриму экономической теории: деньги это то, что они делают (Л. Харрис и др.). Но во втором определении стороной обходят проблему сущности денег. В то же время деньги трактуются в духе «совершенной ликвидности».

Все направления и теории, исследующие деньги, указывают на их важнейшее свойство – экономию трансакционных издержек (денежная экономика сравнивается с бартерной).

В любом случае, трактовка природы денег предполагает выделение и анализ их функций. В конечном счете все «крутится» вокруг трех функций: мера стоимости (в настоящее время возобновляется дореволюционная традиция, связанная с правильностью перевода немецкого эквивалента на русский язык, термин «стоимость» замещается понятием «ценность»), средство обращения, средство сохранения стоимости (накопления, сбережения). Эти функции можно рассматривать как первичные, правда, на наш взгляд, к указанным трем все же нужно присовокупить и средство платежа. Ведь если средство обращения связано с обменом товара, то средство платежа связано с выполнением долговых обязательств. Современную экономику очень часто и справедливо называют не просто денежной, а говорят о кредитной экономике. Такой подход возвышает функцию средства платежа. Правда, практикуются термины, например «платежные средства», которые трактуются в единстве покупательной и платежной функций.

Но говорят не только о деньгах, но и о их видах (иногда говорят и о формах денег). В связи с этим обратим внимание на то, что в какой-то степени является открытым вопрос: является ли какая-то из денежных функций наиболее важной или же эти функции неразрывно связаны между собой? В связи с этим появляется термин «частичные» деньги[1]. Так, вклады в банках являются средством обращения и платежа, однако в условиях высокой инфляции люди не рассчитывают на коммерческие банки как на учреждения, где можно сохранить стоимость своих денег (в связи с этим покупка устойчивой иностранной валюты, золота и драгоценных вещей, недвижимости и др.). Деньги в категорическом смысле слова – это те блага, которые эффективно выполняют все четыре функции. В настоящее время рубль на многих рынках утратил функцию меры стоимости и может рассматриваться как частичные деньги.

Теперь попытаемся обосновать собственную позицию по вопросу трактовки денег в современной экономике. Прежде всего, следует согласиться с теми исследователями, которые вопрос о сущности денег связывают с темой их происхождения. Однако при этом чаще всего показывают эволюцию денег, так или иначе опираясь на суждения К. Маркса о развитии формы стоимости (первый отдел первого тома «Капитала» К. Маркса). Но мы в данном случае исходим из того, что общими предпосылками возникновения денег и их последующего развития являются общественное разделение труда (необходимость обмена продуктами) и хозяйственное обособление производителей, наиболее развитой формой которого является частная собственность на средства производства (определяет обмен продуктов в товарной форме)[2]. Сам по себе прогресс в общественном разделении труда, а также в развитии отношений форм собственности обусловливает развитие денежной формы стоимости, усложнение ее форм и видов, про-

© Д. Б. Бабаев, 2006

никновение денег во все поры социально-экономической жизни. Как общественное разделение труда, так и хозяйственное обособление, особенно в частной форме, порождают комплекс противоречий, в разрешении которых (зачастую временно, поскольку потом противоречия появляются вновь) выдающаяся роль принадлежит деньгам. Такая постановка вопроса может служить основой создания целой теории, когда деньги трактуются в связи с необходимостью обеспечения нормального функционирования экономики, базирующейся на общественном разделении труда и хозяйственном обособлении (частной собственности), при этом деньги встраиваются в систему противоречий и способствуют их разрешению. Разумеется, в данном случае мы также вынуждены будем вернуться к главным (первичным) функциям денег, но вместе с тем будем широко оперировать и их производными функциями.

Наряду с общественным разделением труда и хозяйственным обособлением участников обмена необходимо в анализе денег опереться на понятие неопределенности, которая играет очень серьезную роль во всех современных экономических теориях. Л. Харрис в книге «Денежная теория» подчеркивает значимость фактора неопределенности (ссылается на Патинкина и др.). Правда, для него этот фактор важен в связи с такими вопросами, как потребность в деньгах, несовпадение сроков поставок продукции и ее оплаты, изменение во времени уровня цен и пр.[3] Этот фактор используется в монетарных моделях, мы же его рассматриваем как важный методологический принцип экономико-теоретического анализа. Сама неопределенность предполагает наличие лага между началом какой-либо сделки и ее окончанием. С одной стороны, в распоряжении совершающего операцию агента нет достаточно полной информации, с другой – объективные обстоятельства хозяйственной жизни не отличаются постоянством, в целом рыночная экономика достаточно динамична, при этом понятие динамичности может в разных случаях применяться и по отношению к сравнительно коротким периодам времени.

Еще один существенный методологический момент – это учет кредита и его необыкновенно высокой роли в современной экономике. Еще К. Маркс говорил, что капиталист одной рукой дает в кредит, другой – берет. Современная экономика в заметной степени «долговая экономика». Об этом свидетельствует динамика как потребительского кредита, так и банковского кредита для населения. Здесь важно подчеркнуть и активное участие населения в формировании страховых, пенсионных и иных фондов. Что касается предприятий и организаций, то в нормальной экономике кредитные отношения для них не просто обыденное явление, но это то, без чего они не могут нормально функционировать. Практически все государства мира как система госорганов имеют крупную задолженность – внутреннюю и внешнюю. С помощью кредита, формирования задолженности, ее погашения реально осуществляется громадная масса операций, недаром на смену термину «денежная экономика» пришло понятие «кредитная экономика». Это уже предполагает, с одной стороны, изменение форм денег, появление их новых видов, с другой – усиление роли денежного фактора как в национальной экономике, так и в мировой экономике. В связи с этим можно привести крылатую фразу М. Фридмена «деньги имеют значение». В кредитной экономике появляются новые виды денег и, как мы полагаем, их новые производные функции.

Уже сама кредитная экономика нацеливает исследователя на принятие в расчет, что деньги надлежит рассматривать не только как поток, например поток денежных доходов, поток денежных расходов, но и как запас, причем этот подход вновь содержит в себе намек на усиление внимания к деньгам как резервному фонду. Но если деньги трактуются в духе запаса, то они уже справедливо рассматриваются как форма богатства. Бумажные деньги могут выполнить эту свою роль и в том случае, если обладают необходимой устойчивостью или, будучи запасом, помещены в кредитные учреждения, которые выплачивают по вкладам доход не ниже уровня инфляции. В ход рассуждений рано или поздно необходимо ввести понятие инфляции и дефляции, которые существенны для понимания сохранения стоимости, хотя и не только для этого.

Следующий наш шаг заключается в введении понятия «финансовая экономика». По существу, если рассуждать упрощенно, к кредитной системе мы присовокупляем фондовый рынок, но в то же время нужно принимать во внимание и финансы домашних хозяйств, и финансы предприятий, и финансы государства как системы

госорганов. В рамках такого подхода «кое-что существенно меняется». Л. Харрис формирует «особый подход к теории денег», в основе которого лежит идея портфеля. Сам он портфельный подход увязывает с трактовкой денег как формы запаса, то есть как формы богатства, хранящегося в течение нескольких периодов. Он пишет: «Этот подход – основа всей современной денежной теории, и он составляет фундамент этой книги… Портфельный подход рассматривает индивидуума в момент времени, когда он владеет определенным фондом богатства и принимает решение по поводу вида активов, в которых он хочет хранить свое богатство на протяжении данного периода. В частности, лицо решает и вопрос, какую часть богатства следует хранить в виде денег»[4].

Понимание денег как запаса крайне существенно, но односторонне, возвышается функция сохранения стоимости. В то же время необходимо рассматривать деньги и в качестве потока. К. Маркс во втором томе «Капитала» в первом и втором отделах развивает мысль, что «капитал – это движение». Капитал можно понять только через его движение. Там рассматривается кругооборот промышленного капитала в его трех функциональных формах – денежной, производительной, товарной. Кругооборот неизбежно переходит в оборот. То же самое следует сказать и о деньгах, ибо невозможно разобраться в том, что это такое, если не сделать акцент на движении денег. Недаром распространены определения денег, акцентирующие внимание на функции обращения и платежа[5].

В качестве существенного методологического принципа при анализе денег мы выдвигаем экономическую динамику, которая предполагает непрерывные структурные сдвиги в экономике, развитую аллокацию ресурсов, которая невозможна без такой мобильной формы актива, как деньги. Может показаться, что в этом случае мы отходим от темы выяснения сущности и природы денег. Однако это не так. С одной стороны, природу денег мы связываем с их функциями, прежде всего первичными функциями, которых четыре, с другой – природу денег невозможно понять, если мы не поймем их роль в экономике. Эта идея для нас является ключевой. Подобно тому, как для Л. Харриса портфельный подход является основой исповедуемой им и его единомышленниками денежной теории, так и вопрос о роли денег в современной экономике, как мы полагаем, является ключевым для понимания их природы.

Экономическая динамика как ведущее начало развития современной экономики характеризуется изменениями, являющимися существенными и дающими долгосрочный эффект, при этом изменения носят структурный характер и оказывают мощное воздействие на различные стороны социально-экономической жизни. Хотя существует мощный инструментарий прогнозирования экономики и оценки возможных исходов реализации крупных инвестиционных проектов, тем не менее уровень неопределенности является чрезвычайно высоким, недостаток информации носит ощутимый характер. Роль финансов велика в инвестировании, но происходит развитие системы резервирования и страхования, при этом соответствующие формы предпринимательства и фонды развиваются высокими темпами. И там, и тут роль денег ключевая. На базе четырех главных функций денег формируются производные функции. Мы полагаем, что природу денег можно уяснить только в том случае, если мы выделяем указанные два круга функций. Но в этом случае речь уже идет о широком понимании роли и значения денег в современной экономике. Если Харрис считает, как мы уже указывали, что главный вопрос «денежных споров» – является ли одна из функций наиболее важной или все функции образуют целостность, – то мы считаем, что эту тему надо заменить другой и двинуться активно по пути определения производных функций на базе учета тех сдвигов в экономике, которые в целом и каждый сдвиг в отдельности выступают как выражение экономической динамики. Экономическая динамика, казалось бы, нарушает фундаментальную идею конкурентного равновесия в экономике. Но если ее дополнить идеей «шаг – стоп», то можно сохранить и равновесные подходы, и одновременно реализовать принцип динамичности. Как в рамках самоорганизации экономики, так и в связи с госрегулированием роль денежного хозяйства колоссальна.

Если мы трактуем сущность, внутреннюю природу денег как некое постоянное, то каким же образом мы можем утверждать, что познание денег возможно лишь в том случае, если их трактовать не только в качестве запаса и даже не просто в качестве потока, но как движение в гра-

ницах процессов экономической динамики общества? В данном случае можно иметь в виду, что любая категория имеет ядро, которое отличается жесткостью и сохраняется при всех пертурбациях. Есть основание в качестве такого ядра рассматривать понятие денег как всеобщего эквивалента стоимости (К. Маркс), которое раскрывается с помощью четырех главных функций – меры стоимости, средства обращения, средства сохранения стоимости, средства платежа. Есть и производные функции (это понятие мы вводим в оборот), на которые падает основная нагрузка в связи с развитием денег, изменением их роли в экономике, при этом такой подход вполне коррелирует с экономической динамикой.

Следующий важный методологический принцип – это принятие во внимание аспекта воспроизводства. Поскольку этот аспект достаточно разработан в литературе (по преимуществу марксистского характера), постольку обстоятельно мы его рассматривать не будем, напомним лишь, что воспроизводство – это единство сфер непосредственно производства, распределения, обмена и потребления. Распределение и обмен составляют сферу обращения (рынок).

Фаза распределения с денежной стороны характеризуется тем, что формируются финансовые фонды, которые распределяются и используются. В рамках экономикс наиболее полно эта идея реализована в отношении государства и его главной финансовой категории – государственного бюджета. В связи с формированием и исполнением госбюджета можно говорить о различных функциях денег как производных. Так, есть смысл говорить о налоговой функции денег в том смысле, что налоги взимаются в денежной форме, как льготы, так и санкции также предполагают использование денег, налоговая нагрузка и другие показатели также предполагают использование стоимостных измерителей. Деньги, будучи универсальным инструментом, позволяют облагать налогами различные объекты и предметы, благодаря денежной форме налоги вообще выступают как чрезвычайно мобильный инструмент мобилизации ресурсов. Для налогоплательщика уплата налогов – это функция платежа, для государства и муниципалитетов – это формирование доходов бюджета. Возникают вопросы, связанные с тем, в какой степени в налоговой практике имеет место совпадение или несовпадение интересов сторон. В то же время, когда речь идет о расходовании средств государственного или муниципального бюджета, можно говорить о бюджетной (расходной) функции денег, что в свою очередь вызывает комплекс интересных вопросов и в то же время противоречий, разрешение которых возможно лишь на основе использования денежной формы. В любом случае важные и ответственные функции денег, имеющие производный характер, могут быть четко обозначены в рамках фазы распределения. Благодаря этим функциям можно показать роль и значение фазы распределения в общественном воспроизводстве. Целесообразно заметить, что распределение – это такая фаза воспроизводства, к которой в современных условиях должно быть привлечено особое внимание и теоретиков, и практиков. Эта фаза функционирует не так, как того требуют интересы экономики, населения и государства, вследствие чего возникают разнохарактерные трудные вопросы. Из-за неэффективного и несправедливого распределения фонда жизненных средств подорвана мотивация значительной части работающего населения, в то же время относительно небольшой слой «новых русских» незаслуженно присваивают колоссальные ресурсы. Неэффективное функционирование фазы распределения привело к существенному подрыву капиталовложений в основной капитал, когда производственное строительство в решающей степени застопорилось, а жилищная проблема решается черепашьими темпами.

Само понимание сущности природы денег предполагает учет, что это не только категория обмена, но и важнейшая категория распределения и продукта, и богатства страны.

Следующее обстоятельство, которое представляется само собой разумеющимся, – это разграничение темы денег и темы их использования (денежного обращения). Книга М. А. Портного «Деньги: их виды и функции» (М., 1998) – это одно из очень немногих изданий постсоветского периода, где теоретически ставятся вопросы денег. Серьезная ценность этого исследования заключается в том, что проблема эволюции денег автором рассматривается в связи и на основе эволюции товарного производства. Это привычный, традиционный подход, но он отнюдь не устарел и весьма продуктивен, поскольку позволяет видеть объективные истоки изменений в деньгах. Альтернативы такому подходу в на-

учной литературе, по нашему мнению, нет, иные подходы носят поверхностный и чисто прагматический характер, лишая нас философской основы рассуждений. Отечественная литература по теме сущности денег в настоящее время скудна, что касается Запада, то его этот вопрос не интересует, равно как он не испытывает серьезного интереса к сущностно-содержательному подходу. В то же время литература по вопросам денежного обращения имеется в изобилии. В данном случае чувствуется не только влияние монетаристов, но и актуальность самой темы, особенно в связи с вопросами инфляции. Надо заметить, что монетаристы, введя понятие денежных агрегатов, используя наряду с категориями «узких денег», дефиницию «широких денег», в заметной степени отходят от самой проблемы сущности природы денег. Деньгами объявляется всякий актив, в обмен на который можно что-то приобрести.

В любом случае аспект изучения сущности и природы денег – это одни задачи, один круг категорий, свои способы решения. Тема денежного обращения – это уже другие задачи, свой круг понятий и проблем, путей решения. Эти два направления в исследованиях по существу в современных условиях разошлись, хотя, казалось бы, как можно корректно рассуждать об обращении денег, если мы не знаем, что это такое.

К числу методологических принципов необходимо отнести вопрос, который в духе западных подходов стали ставить и в нашей литературе, когда речь идет о том, в силу каких причин находятся в обращении бумажные деньги, неразменные на золото. В данном случае говорят о том, что в обществе должна присутствовать критическая масса агентов, которые согласны считать обращающиеся в национальной экономике деньги в качестве надежных платежных средств. Если обратиться к марксистской версии, объясняющей происхождение денег (отдел первый первого тома «Капитала» К. Маркса), то там говорится о том, что в силу растущего общественного разделения труда в условиях хозяйственного обособления индивидов возникали и нарастали трудности непосредственного обмена (бартера), в силу чего возникла объективная необходимость из большой массы товаров вытолкнуть один, который принимает на себя функцию всеобщего эквивалента. Эта тема К. Марксом разработана в связи с развитием форм стоимости. В данном случае процесс показан как объективный, этот товар навязывается людям помимо их воли и желания. В то же время тема «общественного договора» относительно денег носит поверхностный характер и фиксирует лишь то, что находится в воображении их авторов[6]. Но что касается квазиденег, то возможно, по этому вопросу необходимо определенное согласие группы лиц, которые действительно могли бы составить критическую массу, достаточную для того, чтобы создать соответствующий рынок. Именно в связи с квазиденьгами мы и должны принимать в расчет эту тему «общественного договора».

Важный методологический принцип связан с пониманием того, что появились «электронные деньги», природа которых в целом недостаточно ясна и которые исследователи в большинстве своем считают техническим средством обмена. В то же время приходится учитывать то обстоятельство, что электронные деньги вполне могут иметь общественную природу, в этом случае эту тему необходимо вплести в общую теорию денег, где ведущим признаком является признание денежной формы стоимости в качестве общественного явления. Заметим, что Л. Харрис, неоднократно нами упоминавшийся, и другие западные исследователи склонны признавать общественную природу денег. Даже суждения М. Фридмена «деньги имеют значение» можно истолковать в смысле признания их общественной природы. В любом случае новые информационные технологии, в первую очередь Интернет, оказали крайне существенное воздействие на деньги в аспекте их обращения. Но поскольку мы ввели понятие производных функций денег, постольку мы эту тему также должны ввести в монетарную теорию. Кстати, тема электронных денег приобретает определенную популярность, при этом она рассматривается, с одной стороны, как некая экзотика, но с другой стороны, исследователей привлекает вопрос – в какой степени эти специфические деньги можно рассматривать в границах общественной природы денег вообще.

Нельзя обойти тему «нейтральности» денег, поскольку такой подход в заметной степени доминирует в неоклассике. К месту вспомнить крылатое выражение М. Фридмена «деньги имеют значение». Монетаризм Фридмена принято рассматривать в рамках модификации количествен-

ной теории денег, где деньги «нейтральны». Однако высказывание этого исследователя дает веские основания думать, что деньги не так уж и «нейтральны» по отношению к производству. В то же время возникает вопрос о том, что же следует предложить взамен «классической дихотомии», характеризующей нейтральность денег, для того, чтобы показать, что «деньги имеют значение» (в нашей интерпретации это означает, что деньги воздействуют на производство, подчеркиваем, в нашем истолковании). Мы полагаем, что в данном случае следует рассматривать проблематику перетока средств из финансового сектора в реальный сектор, определяя каналы движения средств, «встроенные» механизмы, стимулирующие этот переток, формы и способы использования денежных средств в реальной экономике, возникающие социально-экономические последствия. В рамках такого подхода есть место вопросу о мотивах и теме экономического поведения хозяйственных агентов. Возможна формализация протекающих процессов. В то же время теоретические подходы оказываются в достаточной степени и практичными по принципу «нет ничего практичнее, чем добротная теория».

Последующее развертывание воздействия денег на экономику можно осуществить посредством выдвижения вопросов «координирующей» роли денег в воспроизводственном процессе, при этом, когда деньги «ослабевают», то приходится строить рассуждения на тему их значения в «раскоординированности» процесса воспроизводства.

В принципиальном виде роль денег как «великого координатора» хозяйственной системы заключается в том, что они, с одной стороны, «в достатке» имеются в экономике, при этом действует мощная тенденция к сбалансированности их спроса и предложения, с другой – деньги успешно выполняют свои четыре классические функции. Мы полагаем, что в данном случае необходимо особо подчеркивать эластичность денег, ибо только при соблюдении этого требования они могут эффективно выполнять свои координирующие и регулирующие функции в экономике. В данном случае мы в целом поддерживаем положение «новой неоклассики» о конкурентном равновесии с учетом оптимизационных решений и рациональных ожиданий, рассматривая этот подход как достаточно корректный для теоретических рассуждений, но в то же время наш общий взгляд на вещи выглядит шире, поскольку мы в целом придерживаемся идеи сочетания самоорганизации рыночного хозяйства с госрегулированием, не идущим вразрез с экономическими интересами хозяйственных агентов. Только в рамках такого подхода мы солидаризируемся с темой конкурентного равновесия, «улучшенного» за счет двух указанных моментов – оптимизации и рациональности решений.

В качестве примера «раскоординированности» воспроизводственного процесса можно взять, по Кейнсу, нехватку эффективного спроса, которую этот автор в заметной степени увязывает со склонностью к сбережению (тезаврация денег у хозяйственных агентов). В качестве хорошо известных примеров нарушения воспроизводственного процесса, в которых высока роль денег, являются как инфляция, так и дефляция.

Итак, деньги «имеют значение» в том смысле, что при правильном «течении денежных дел» экономика работает более или менее нормально, а при нарушении «денежных обстоятельств» имеют место процессы «раскоординированности» общественного производства.

Раскрывая методологические основы анализа денег с целью более глубокого понимания их природы, места и роли в общественном воспроизводстве, выскажем ряд соображений по поводу того, какие принципиальные изменения произошли в связи с появлением денег в экономике, в механизме функционирования товарного хозяйства, в экономическом поведении хозяйственных агентов.

1. Произошел подрыв натурального хозяйства и активно стали формироваться товарные рынки, приведшие к появлению в тех или иных границах единого экономического пространства. В этом смысле товар и деньги выступили в качестве мощного импульса, характеризующегося «безостановочной работой». В основе процесса – общественное разделение труда и хозяйственное обособление агентов рыночной экономики.

2. Товарно-денежные отношения породили сильнодействующий мотив хозяйственной деятельности – денежный интерес, накопление денег, не знающее границ. Этот интерес никогда не мешал самовыражению личности, а лишь только подпитывал эти позитивные личностные качества, тем более, что оценка людей в капиталистическую эпоху стала осуществляться по принципу «Кто богаче, тот и авторитетнее».

3. Деньги дали мощный толчок снижению трансакционных издержек, которые всегда были значительными в условиях непосредственного обмена (бартера), при этом издержки бартера тем выше, чем сложнее экономика с учетом ее пространственно расширявшихся границ. Надо заметить, что повышенные трансакционные издержки всегда являлись тормозом для предпринимательской деятельности. Когда само объяснение природы денег в существенной степени связано с тем, что они резко экономят трансакционные затраты.

4. Лишний раз необходимо выделить важнейшее свойство денег – их эластичность, когда они адекватно реагируют на изменения экономической конъюнктуры. Так, если появляется новый товар и он хорошо себя зарекомендовал как благодаря своим характеристикам, так и с помощью умело поставленной рекламы, то на него формируется спрос, при этом спрос, обгоняя предложение, «тянет» производство вверх с помощью растущего уровня цен (в данном случае мы можем говорить об эластичности денег, проявляющейся через динамику цен). В то же время при перепроизводстве товаров или при изготовлении продуктов с низкими характеристиками цены падают, подавая производителю сигнал о необходимости свертывания или даже прекращения производства. Вообще тема эластичности денег чрезвычайно важна для понимания их природы и роли в рыночной экономике. Одной из важнейших причин замены золотого стандарта в его монетной, слитковой и девизной формах бумажными деньгами, неразменными на золото, была необходимость не только преодоления недостатка денежного материала, но и создания более эластичных средств обращения платежа.

5. Важным следствием исторического процесса развития денег и появления бумажно-денежного обращения, когда происходило некоторое обособление денежного обращения от товарного, стал тот факт, что сформировались сильнейшие предпосылки для появления избыточного количества денег в обращении. Не входя в глубокое рассмотрение темы, отметим, что в современной экономике инфляция превратилась во внутренне присущее этой экономике свойство.

6. С появлением денег возникают и другие противоречия, которые широко рассматриваются в различных источниках, подвергаясь той или иной интерпретации. Так, мы уже говорили об абстрактной возможности кризисов перепроизводства, связанных с функцией денег как средства обращения. Большую роль начинают играть спекуляции, выступающие как мощное средство перераспределения существующих доходов. Спекуляция связана с повышенным риском, но тем не менее она живуча, рассматривается как нормальное явление товарного хозяйства. Скажем, спекулянты на фондовом рынке обеспечивают столь необходимую этому рынку ликвидность ценных бумаг. Возникающие противоречия, дестабилизируя экономику, в то же время побуждают хозяйственных агентов к эффективным действиям по преодолению сложностей и трудностей, в целом экономика развивается по восходящей, правда, неся потери и преодолевая трудности. Деньги несомненно имеют отношение и к цикличности развития. То, что деньги – противоречивый инструмент развития, общеизвестно, важно заметить то, что сами деньги в лице их обладателей приспосабливаются к меняющимся условиям, порождают различные финансовые инструменты адаптационного свойства. В этом отношении достаточно показателен пример с современным платежно-расчетным механизмом, где постоянно наблюдаются «финансовые инновации», повышающие эффективность денежного оборота.

7. Мы уже указывали на то, что есть такие трактовки денег, когда акцент делается на их «совершенную ликвидность», то есть ликвидность, близкую к единице. В данном случае подчеркиваются функции средства обращения и средства платежа. Но в условиях бумажно-денежного обращения это свойство денег проявляет себя надлежащим образом лишь в таких условиях, когда к ним высок уровень доверия «рыночной общественности». Хотя государство придает бумажным деньгам (банкноты также стали по существу бумажными деньгами, какими всегда были казначейские билеты, исчезнувшие из денежного оборота многих стран) принудительную силу, выделяя крупные зоны их обязательного обращения (уплата налогов в национальной валюте, расчеты через госучреждения также только в этих деньгах и др.), однако в условиях существенного падения доверия к национальным деньгам стихийно формируются зоны натурального обмена (бартера) и зоны с хождением иностранной валюты. Это свидетельствует о том, что есть объективные законы денежного обращения,

которые необходимо учитывать. Пользуясь терминами неоклассики, можно сказать, что деньги – эндогенные величины.

Как видим, появление и функционирование денег в товарной экономике действительно вызывает принципиальные сдвиги, которые лишний раз позволяют заметить, что тезис о «нейтральности» денег на все сто процентов не отвечает реалиям товарного хозяйства. Впрочем, представители количественной теории денег в заметной степени обосабливались от реальной экономики, концентрируя свое внимание на монетарных проблемах, в частности на вопросах совершенствования инструментов денежного обращения. Так, разработка денежных агрегатов – это одно из фундаментальных достижений денежной теории, связанной с именами М. Фридмена и др.

Еще один очень важный методологический момент, ориентированный в существенной степени на современную хозяйственную жизнь, связан с тем, что наряду с деньгами с их «совершенной или близкой к совершенной» ликвидностью, предполагающей сочетание принудительности денег с общественным доверием к ним, появились и приобрели широкое распространение квазиденьги. Они не являются «государственными деньгами», обладают «пониженной ликвидностью» (имеют свои зоны использования), их применение связано с определенными трансакционными издержками. Можно выдвинуть четыре главные объясняющие мотива существования этой разновидности денежного материала.

Во-первых, банковская структура разнообразит условия приема и хранения денег сообразно со вкусами и капризами клиентов. Соответственно происходит весьма существенная дифференциация депозитов по характеристике ликвидности. В этом случае возникают такие типы вкладов, которые уже нельзя отнести к деньгам в рамках агрегата М 0, М 1 и даже М 2, но в то же время, если от понятия «узкие деньги» перейти к понятию «широкие деньги» (агрегат L), то мы неизбежно выходим на понятие квазиденег. Кроме того, банки формируют финансовые инструменты, которые могут выполнять некоторые денежные функции. Вообще, еще одно важное свойство квазиденег заключается в том, что они в принципе не могут выполнять все четыре денежных функции, в любом случае они не выступают как мера стоимости. Речь идет, например, о различного рода банковских сертификатах.

Во-вторых, на базе акционерной формы предприятий, получившей колоссальное развитие во всем мире, возникли рынки ценных бумаг (фондовый рынок). Ликвидность ценных бумаг неодинакова, но акции известных и устойчиво работающих корпораций, определенные корпоративные облигации имеют хорошую репутацию, высокую ликвидность и могут рассматриваться как квазиденьги. Так, в современной экономике предприятия, имеющие обязательства друг перед другом, нередко погашают их корпоративными акциями и облигациями. В известной мере это даже становится нормой. Поэтому неудивительно, что в «широкие деньги» как в денежный агрегат включаются некоторые ценные бумаги, основными признаками которых являются устойчивость и высокая ликвидность.

В-третьих, выделим такой аспект «долговой экономики», как государственный долг. Ценные бумаги, выпускаемые государствами с хорошей «мировой репутацией» (США, Германия и др.), охотно покупаются и продаются, имеют широкое хождение на мировом рынке государственных ценных бумаг, поэтому также могут при необходимости быть включены в агрегат L. В рамках «долговой экономики» можно рассматривать такие виды деятельности и соответствующие им денежные фонды, как страхование в его самых разнообразных формах, пенсионное дело. Здесь тоже возникают свои финансовые инструменты, которые вовлекаются в денежный оборот, выполняя те или иные задачи для своих владельцев. В связи с «долговой экономикой» особо можно отметить роль коммерческого векселя, который, правда, в России пока не получил серьезного развития вследствие правовых несовершенств и залоговых трудностей (низкая ликвидность потенциального залога многих предприятий).

В-четвертых, операции с недвижимостью, включая землю. Само обращение к истории показывает, что с этим родом деятельности всегда было связано формирование и обращение различных получивших хорошую репутацию финансовых инструментов. Сюда же мы можем отнести и ипотеку, и сопровождающий ее «строй» конкретных видов долговых обязательств.

Квазиденьги являются предметом исследовательских работ. Нужно знать их генезис, а также понимать, какие дополнительные задачи в экономике они на себя принимают.

Прежде всего, квазиденьги обнаруживают себя в условиях нехватки денежных средств, недостаточной монетизации экономики (бартер, взаимозачеты и другие суррогаты).

В экономике складываются такие ситуации, когда интересы участников сделки вызывают необходимость замены денег квазиденьгами, причем это можно увязать в первую очередь с обменом правами собственности. Коммерческие векселя – это старинный испытанный финансовый документ, но можно указать на производные ценные бумаги.

Развивая тему предыдущего абзаца, заметим, что финансовые инструменты выступают как мощные средства перераспределения прав собственности и перераспределения вновь созданной стоимости. Они могут быть не просто гораздо удобнее денег, но и в большей степени могут соответствовать специфике той операции, которая осуществляется. Другими словами, квазиденьги в определенных условиях мощнее и эластичнее «обыкновенных» денег, поскольку их использование предполагает появление дополнительных прав и форм ответственности, оказывается таким финансовым орудием, которое позволяет субъекту эффективно решать свои специфические задачи. Так, кредитор дает заемщику ссуду под залог ценных бумаг, затем соглашается на погашение этой ссуды не деньгами, а этими ценными бумагами. Заемщик может согласиться на такую операцию как добровольно, так и в силу вынужденности обстоятельств. Кредитор становится совладельцем кредитуемого им предприятия.

В реальной жизни деньги постоянно переплетаются с квазиденьгами, последние, в свою очередь, широко выпускаются в порядке рыночной самоорганизации, что в целом может создавать такую ситуацию, когда центральные власти сталкиваются со сложностями и даже с частичной утратой контроля над денежной массой. Поэтому квазиденьги можно трактовать и как важное орудие разрешения возникающих в современной капиталистической экономике ответственных проблем, но также как и такие финансовые инструменты, которые могут оказывать дестабилизирующее воздействие на экономику.

Возникает вопрос: можно ли трактовать квазиденьги в том смысле, что они в условиях высокообобществленной экономики, к тому же непрерывно глобализирующейся, «теснят» на конкретных участках рыночного пространства «государственные деньги»? По-видимому, для такого утверждения есть веские основания. Деньги и квазиденьги не просто переплетаются друг с другом, но могут действовать на определенных территориях. Можно высказать суждение, что в данном случае происходит подрыв государственных денег, однако не такого масштаба и значимости, чтобы можно было утверждать, что государственные эмиссионные центры «приспускают флаги».

Мы четко вычленим два тезиса. Первый означает, что квазиденьги восполняют недостаток национальных денег в особых ситуациях, как это было в России в 1990-е годы. Второе положение: квазиденьги не просто заменяют национальную валюту, но они ее заменяют там, где они (не настоящие деньги) оказываются более эффективными и более «функциональными», даже выполняют «дополнительные обязанности» по отношению к деньгам. Таким образом, с квазиденьгами мы можем связывать новое «финансовое» качество экономики, подлежащее специальному рассмотрению.

Сказанное позволяет сделать вывод, что речь идет не о подрыве денежного обращения как такового, а о появлении таких зон в экономике, где уже чувствуется недостаточность денег как финансового инструмента, построенного на выполнении четырех классических функций. В литературе нам не приходилось сталкиваться с подобного рода рассуждениями. Квазиденьги необходимо исследовать именно в таком ключе, с тем чтобы более полно раскрыть их природу и роль в экономике. То их традиционное понимание, когда делается акцент на то, что они не являются «государственными» деньгами, их функционирование связано с дополнительными трансакционными издержками и они не могут одновременно выполнять все четыре классические функции, следует дополнить еще одним замечанием, что определенные виды этих «ложных» денег не просто замещают подлинные деньги в их некоторых функциях, но и несут дополнительную социально-экономическую нагрузку, выполняя функции в рамках (по институционализму) обмена правами собственности.

Следующий методологический тезис заключается в том, что целесообразно хотя бы в общем виде выделить те «финансово-экономические зоны» и процессы, где выдающуюся роль

играют деньги (в данном случае совместно с квазиденьгами). Задача крайне сложная, поскольку деньги везде и всюду. Но решение данной задачи – необходимая предпосылка для выявления истинной природы места и роли денег в современной экономике.

Рыночную экономику принято представлять как систему рынков, ключевыми характеристиками которых являются спрос, предложение, цена (так принято говорить во всех учебниках по экономикс). К этому целесообразно добавить еще три характеристики – конкуренция, интересы агента со стороны спроса и агента со стороны предложения, госрегулирование. Как бы то ни было, в условиях рынка цена как денежное выражение стоимости (К. Маркс) выполняет роль уравновешивания этих сторон. На этот счет исписаны горы бумаги, мы ограничимся констатацией этого факта, подчеркивая, что деньги надлежит рассматривать в рамках конкретных рынков, имея в виду, что именно здесь деньги выполняют все свои четыре функции.

В рамках национальной экономики мы можем «вырвать» и рассматривать по отдельности и во взаимодействии как товарное обращение, так и обращение денег. Это крупные «зоны ответственности» самих денег, где деньги также выполняют все свои четыре функции.

Теперь необходимо принять во внимание тему товарно-конкурентного механизма, в рамках которого могут быть вычленены аллокационные процессы как распределение ресурсов между сферами деятельности и хозяйственными территориями в соответствии с рыночными сигналами. Как уже отмечалось, мы склонны аллокационные процессы рассматривать в связи с деньгами в рамках перетока ресурсов из денежного сектора в сектор реальный. Мы намерены выделить аллокационную функцию денег. Тема сбережений как сбережений населения, предприятий, государства остается, она просто вплетается в аллокационный процесс. Но в то же время можно предложить и другой подход, когда многообразная проблематика сбережений выделяется в особую область исследования в связи с функцией денег «сохранение стоимости».

Настало время показать в качестве самостоятельной тему платежно-расчетного механизма. Так, в этом отношении достаточно интересны «электронные деньги». Важно показать влияние платежно-расчетного механизма на скорость обращения денег, а это тоже существенный вопрос теоретического характера, ибо связь скорости обращения денег и требуемой денежной массы общеизвестна. В целом высокую степень актуальности в экономике уже давно приобрел фактор времени, связь между этим фактором и рассматриваемой темой носит существенный характер.

Современная экономика характеризуется как кредитная, а с учетом роли фондового рынка – как финансовая экономика. В качестве понятия, объединяющего кредит и ценные бумаги, на наш взгляд, выступает долговая экономика. Ее формирование связано не только с деньгами в их функции средства платежа (иногда эту функцию трактуют упрощенно – с помощью денег осуществляется погашение долга, но здесь более существенен другой момент – продажа товаров в кредит, то есть с отсрочкой платежа), но и с функциями ценных бумаг, если их рассматривать как долговые обязательства (во многих случаях такое толкование правомерно, правда, необходимы особые условия, при которых ценные бумаги могут быть предъявлены к платежу). В сфере долговой экономики вообще колоссальна роль квазиденег, под которые вполне может попасть любая ценная бумага при определенных условиях. Долговая экономика не ограничивается кредитной экономикой и фондовым рынком, она включает в себя страховое дело, пенсионные фонды, ипотеку как особый вид кредитных операций.

Страховое дело целесообразно выделить в качестве отдельной сферы исследования с учетом того, что рыночная экономика характеризуется высокой степенью неопределенности (это можно трактовать как недостаток информации), рыночные процессы имеют свое начало, протекают во времени и имеют окончание (лаг), в целом капиталистическая экономика не отливается высоким уровнем стабильности, в связи с чем в товарных и иных сделках приобретает особое значение страховая оговорка. Кроме того, получило мощное развитие как предпринимательство страховое дело, достаточно выгодный вид бизнеса. Сами рынки выдвинули различные способы подстраховки, широко используемые в хозяйственной практике (хеджирование и др.). Мы полагаем, что есть не просто целесообразность, но необходимость особо выделить страховую функцию денег.

Отдельно можно говорить об информации, выделяя информационную функцию денег. Идет

информатизация общества. Однако мы речь ведем о деньгах, о том, что они выполняют информационную функцию, выдавая определенные сигналы производителям, посредникам, покупателям, всем участникам хозяйственной системы как рыночной. Эти сигналы могут быть адекватными ситуации, но они могут быть и искажены. Например, в России в нынешнее время выгодно работать в посреднических сферах. Но невыгодно работать в таких жизненно важных отраслях материального производства, как сельское хозяйство, легкая промышленность, машиностроение и некоторые другие. Денежные сигналы в этом отношении по существу искажают истинные общественные потребности, возвышая посреднический труд, но сильно принижая его основу – труд, производящий сами материальные ценности и оказывающий материальные услуги.

Любая система имеет в своей основе круг интересов, проявляющихся в трудовых и хозяйских мотивациях. Эти мотивации в товарном хозяйстве имеют денежную форму. Если ослаблен мотивационный механизм, то экономика либо развивается невысокими темпами, либо работает с заметными перебоями. Сам денежный интерес связан с доходами, доходы выступают как результат процессов распределения и перераспределения вновь созданной стоимости (определенным аналогом этой марксовой категории является добавленная стоимость, включающая в себя дополнительно амортизацию, причем эта категория более «практична», в то время как категория «вновь созданная стоимость» более «теоретична»). Современный взгляд на мотивации хозяйствующих субъектов, и прежде всего лиц наемного труда, связан с идеей мотивационного комплекса (мотивационных комплексов). Расшифровка этого понятия означает (упрощенно рассуждая), что все то, что окружает человека (или многое из этого), призвано стимулировать его деятельность. Если стимулирующую роль денег развертывать, то приходится говорить о различных экономических персонах – о наемном работнике в системе частного предпринимательства, а также в системе акционерного и государственного предпринимательства, о мелком индивидуальном товаропроизводителе и др.

Говоря о деньгах, нельзя обойти ценообразование. В целом приходится заметить, что функция денег как меры стоимости является «пасынком» в экономической теории. Идея ценообразования в маржинализме покоится на предельных величинах, марксизм исповедует стоимостную концепцию, исходящую из признания определяющей роли труда. Нужно упомянуть и теорию трех факторов производства. Но мы придерживаемся того суждения, что тема ценообразования выделилась в особый раздел экономической науки, где особое место занимают цена предложения и цена спроса. В основе первой лежит издержки производства, в основе второй – полезность продукта. Цена предложения близка к идее воспроизводственной цены, поскольку ее функции – возместить нормально работающему предприятию издержки производства и обеспечить нормальную прибыль. Однако рынок «проверяет» цену предложения, в конечном счете реализационная цена устанавливается с учетом рыночной конъюнктуры, если речь вести о свободном ценообразовании.

Теперь о социальной функции денег, которая связана с областью социальных отношений и в связи с которой можно вспомнить о домашнем хозяйстве. О социальной функции денег в экономической литературе сказано немало, при этом деньги рассматриваются и как добро (можно обеспечить нормальную жизнь, дать детям образование на платной основе и пр.), и как зло (мотив преступлений, моральное разложение людей, корысть как общественная зараза и пр.). При любом анализе денег невозможно обойти их социальную роль. В данном случае высока значимость факторов, имеющих отношение как к менталитету людей, так и к их поведению в системе социально-экономических отношений.

Итак, мы обозначили те исследовательские зоны, которые, по нашему мнению, важны для изучения вопроса о роли денег в экономике. По существу, показать место и роль денег в экономике – это значит исследовать всю рыночную экономику, но задачу можно упростить, если выделить те, уже производные, функции, которые выполняют деньги в товарном хозяйстве. Мы постарались сконцентрировать свое внимание именно на этих производных функциях денег, с тем чтобы ответить на вопрос, поставленный в заголовке статьи.

Примечания

[1] *Харрис Л.* Денежная теория / общ. ред. и вступ. сл. В. М. Усоскина. – М.: Прогресс, 1990. – С. 85.

[2] Принято считать, что это марксистский подход, однако такую позицию разделяют и исследователи немарксистского толка (см., напр.: *Харрис Л.* Указ. соч. – С. 78).

[3] *Харрис Л.* Указ соч. – С. 88–90.

[4] *Харрис Л.* Денежная теория. – С. 90–91.

[5] «Деньги – средство обращения, которое в данной экономической среде принимается продавцами в оплату их товаров и услуг, а также кредиторами в погашение долгов» (*Роджер Лерой Миллер, Дэвид Д. Ван-Хуз.* Современные деньги и банковское дело. – М., 2000. – С. 4).

[6] Тема общественного согласия в разделе «Деньги» представлена в «Экономической энциклопедии», выпущенной под редакцией Л. Абалкина. Эта тема относится к области субъективной экономики, она перекликается с суждениями Менгеля и др. Таким суждениям можно противопоставить позицию Н. И. Зибера, отечественного экономиста, который в своей работе «Очерки первобытной экономической культуры» с использованием богатого конкретно-исторического материала показывает процесс появления всеобщего эквивалента у разных народов.

С. А. Киреева

ФУНКЦИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РФ И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Характер взаимодействия государств в процессе реализации функции межгосударственной интеграции во многом складывается с учетом их экономического потенциала. Равноправное партнерство развивается, как правило, между субъектами, имеющими тождественный экономический статус.

В настоящее время все более очевидные очертания приобретает экономическое неравенство государств. Согласно данным ООН, всемирный валовой продукт вырос за последние 50 лет с 3 трлн до 30 трлн долларов. Но распределение созданных богатств идет крайне неравномерно, за исключением примерно 10 стран («больших возникающих рынков»: Бразилии, Индии, ЮАР, Турции, Польши, Южной Кореи, Китая, Аргентины, Мексики, Индонезии), население большинства стран Африки, Южной Азии и Латинской Америки испытало понижение жизненного уровня [1, с. 106].

Увеличилось и социальное расслоение мирового сообщества. Так, по данным, приводимым доктором экономических наук С. Глазьевым, в соответствии с размером ВВП на душу населения, все страны мира дифференцированы на 3 группы.

В первую группу стран, имеющих максимальный ВВП на душу населения (более 15 тыс. долларов), входят США, страны Евросоюза, Япония, а также нефтедобывающие страны – Оман, Саудовская Аравия. Вторую группу составляют страны с величиной ВВП от 5 до 15 тыс. долларов на душу населения (страны Латинской Америки, Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Россия). Третья группа объединяет страны с ВВП менее 5 тыс. долларов – Индия, Египет и ряд других [2, с. 7].

Несмотря на то, что Россия по названному показателю включена во вторую группу государств, это не вселяет особого оптимизма, поскольку по качеству жизни, экономического и человеческого развития она занимает 64-е место в мире (СССР занимал 35-е), а доход на душу населения составляет 8–9% от американского [3, с. 119–120].

Глобализация мировой экономики несет в себе определенные противоречия, затрагивающие интересы всех государств. Не является исключением и РФ. Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации, «наряду с дополнительными возможностями социально-экономического прогресса, расширения человеческих контактов такая тенденция порождает и новые опасности, особенно для экономически ослабленных государств, усиливается вероятность крупномасштабных финансово-экономических кризисов. Растет риск зависимости экономической системы и информационного пространства Российской Федерации от воздействия извне» [4].

Место России в мире определяется сегодня главным образом исходя из таких «атрибутов», как постоянное членство в Совете Безопасности ООН, наличие ядерного оружия, участие в сам-

© С. А. Киреева, 2006

митах «Россия – Евросоюз», натовской «двадцатке», «большой «восьмерке». Экономические показатели отходят при этом на второй план и оцениваются западноевропейскими государствами и США неоднозначно. С одной стороны, Россия отнесена к странам с рыночной экономикой, исключена из «черного списка» FATF (имеет там статус наблюдателя). С другой стороны, это еще не означает, что Россия признана полноценным участником межгосударственных отношений, о чем свидетельствует проводимая в ее отношении (как в экономической, так и в других сферах) политика «двойных стандартов», восприятие экономики России в качестве ресурсно-сырьевой. Последнее суждение подтверждается имеющимися фактами: на мировом рынке готовой продукции доля России составляет около 1%, на сырьевом же рынке она в лидерах (нефтяная доля РФ 11–13%, газовая – 56%; экспорт газа дает ежегодно Газпрому 15–17 млрд долларов, а экспорт нефти – 26 млрд долларов) [5, с. 10].

Данные факты попыталось подвергнуть некоторой корректировке министерство экономического развития и торговли РФ в своем прогнозе социально-экономического развития России на 2005 г. и параметрах прогноза на период до 2007 г. По утверждению названного министерства, роль нефти в экономике РФ будет снижаться (с 11–13% в 2004 г. до 3% в 2005–2007 гг.), а внешнеторговый оборот будет тем не менее расти (в 2004 г. – 160,7 млрд долларов; в 2005 г. – 163,2 млрд долларов; в 2006 г. – 172,5 млрд долларов; в 2007 г. – 181,9 млрд долларов). Рост экспорта связывается в представленном прогнозе с укреплением позиций машиностроения и металлообработки, давших за первую половину 2004 г. 36% прироста ВВП [6, с. 3]. Безусловно, намеченная тенденция является позитивной, остается лишь уповать на обоснованность сделанного прогноза.

Оценивая же значение процесса неравномерности социально-экономического развития государств для реализации функции межгосударственной интеграции, необходимо обратить внимание на следующие аспекты. Прежде всего, данная неоднолинейность и неоднопорядковость социально-экономического развития носит объективный характер, и вряд ли возможно представить себе реальное существование (даже в отдаленной перспективе) государств с абсолютно идентичным социально-экономическим уровнем. Поэтому одной из задач межгосударственной интеграции в экономической сфере выступает постепенное преодоление разрыва в социально-экономическом развитии, не предполагающее тем не менее полного экономического уравнивания государств, поскольку улучшение уровня жизни одних государств не должно осуществляться за счет его снижения в других.

В этой связи особую актуальность приобретают международные программы по борьбе с бедностью. Для привлечения внимания к проблеме бедности Генеральная Ассамблея ООН объявила 1997–2006 гг. Международным десятилетием по борьбе за ликвидацию нищеты. Целью этого мероприятия является искоренение абсолютной бедности и сокращение глобальной нищеты с помощью национальных усилий стран и международного сотрудничества по претворению в жизнь решений всемирных конференций ООН.

Программа развития ООН (ПРООН) предусматривает оказание помощи 174 странам, выделяя 90% своих основных ресурсов 66 странам, в которых проживают 90% крайне бедного населения мира. Донорские инвестиции в помощь бедным странам вносит также Международная ассоциация развития (МАР) Всемирного банка. Она предоставляет им ежегодно около 5–6 млн долларов в виде кредитов на проекты развития. Начиная с 1960 г. кредиты МАР 90 странам составили более 97 млрд долларов [7, с. 38–39].

Российская Федерация выступает активным субъектом экономической дипломатии, осуществляемой в рамках ООН. Она является участником ПРООН, сотрудничает с ЮНИДО (Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию). Именно при содействии ЮНИДО была разработана Программа технологического сотрудничества РФ со странами Центральной и Латинской Америки. Кроме того, эффективными инструментами для продвижения российских интересов при взаимодействии со странами Евросоюза, а также в АТР служат Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК), Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), форум АТЭС.

Несмотря на наличие существенного собственного внешнего долга, на погашение которого только 31 января 2005 г. было перечислено из Стабилизационного фонда 93,5 млрд рублей [8, с. 5], РФ проводит линию на списание долгов беднейшим развивающимся странам, под-

держивая инициативу МВФ / МБРР. Общая сумма долга этих государств перед Россией составляет около 26 млрд долларов, после применения условий инициативы она должна сократиться примерно до 600 млн долларов. При этом РФ по объему списания долгов беднейшим государствам находится на 4-м месте в «группе восьми» и на 1-м – по отношению суммы прощаемой задолженности к ВВП (0,3% по сравнению с 0,02% у США) [9, с. 19].

Не без определенного давления со стороны МВФ и ВБ Россия приняла решение о списании 80% долга Ирака (до 2003 г. он составлял 42 млрд долларов, к 2004 г. –после списания – 8,8 млрд долларов). «Прощение» долга будет поэтапным: 30% – немедленно; 30% – в рамках программы МВФ; 20% – в зависимости от степени успешности реализации плана МВФ [10, с. 1–2].

Сотрудничая со Всемирной продовольственной программой (ВПП) ООН, РФ выступает в качестве страны-донора, оказывая беднейшим государствам гуманитарную продовольственную помощь (только в 2003 г. на общую сумму 11 млн. долларов) [11, с. 276–277].

Одной из приоритетных внешнеэкономических задач для Российского государства в настоящее время является присоединение к Всемирной торговой организации (ВТО).

Несмотря на неоднозначность оценки экспертами российских перспектив в ВТО, вступление в организацию состоится неизбежно, однако при этом РФ следует взвешенно проанализировать условия вхождения в ВТО, преимущества и недостатки данного шага. Имеющиеся договоренности России и ЕС предполагают либерализацию только тех рынков, на которых собственные компании либо отсутствуют, либо достаточно конкурентоспособны. Средневзвешенные ставки таможенных пошлин по всем группам товаров (включая сельскохозяйственные) снизятся с нынешних 11% до 9–9,5% [12, с. 3].

Среди претензий, предъявляемых к России членами ВТО, можно назвать следующие: США и Канаду волнуют вопросы низких внутрироссийских цен на газ; Китай беспокоят таможенные тарифы на импорт текстиля, обуви, а также проблема либерализации въезда рабочей силы в РФ; Япония озабочена тарифами на импорт автомобилей (отечественные лоббисты автопрома настаивают на повышении пошлин до уровня 50% и выше).

В связи с готовящимся присоединением России к ВТО небезынтересным представляется мнение профессора Колумбийского университета, члена Национальной академии наук США, лауреата Нобелевской премии 2001 г. по экономике Джозефа Стиглица (с 1997 г. по 2000 г. являлся главным экономистом и старшим вице-президентом Всемирного банка, пост в котором вынужден был покинуть за свою критику неолиберальной доктрины, изложенную в книге «Глобализация: тревожные тенденции») [13, с. 178].

С точки зрения Дж. Стиглица, ВТО ограничивает возможности проведения определенной промышленной политики, индустриализации, получения доступа к технологиям. В ВТО существует неравноправие торговых режимов, поэтому в краткосрочной перспективе для России вступление в нее выгодным быть не может. Ученый также считает, что только справедливое распределение доходов от пользования природными ресурсами и контроль за корпоративными капиталами, полная информационная прозрачность бизнес-процессов, которую в силах обеспечить только государство, может доказать эффективность работы правительства [14, с. 13].

Критически оценивают стремление России войти в ВТО российские экономисты Н. Шмелев и С. Глазьев. Так, по мнению Н. Шмелева, «выгода РФ от вступления в ВТО сводится к 3 млрд долларов по экспорту, однако потери по импорту (будет задушена автомобильная, авиационная, потребительские отрасли) еще никто не посчитал и не в состоянии посчитать. Здесь полная тьма» [15, с. 9].

Аналогичны рассуждения С. Глазьева, считающего, что условия, предлагаемые России для вхождения в ВТО, «не принесут стране ничего хорошего, приведут к снижению конкурентоспособности экономики, росту безработицы…» Кроме того, как отмечает С. Глазьев, «в последние несколько лет ярко обозначился конфликт интересов стран-участниц ВТО. Более 60 развивающихся стран заявили, что не могут позволить себе расширять рамки либерализации торговых отношений, и выступили с предложением отсрочить введение ранее запланированного нового этапа либерализации внешней торговли» [16, с. 136–137].

С взглядами экономистов солидаризируется и доктор философских наук, профессор, руководитель Центра Института социально-политических исследований РАН В. П. Култыгин. Ис-

следователь видит в политике, проводимой ВТО, угрозу социальному равновесию, своего рода попытку «создать частное состоятельное будущее исключительно для среднего класса», в то время как «возможности заключать межклассовые контракты или создавать новые социальные учреждения в развивающихся странах будут ликвидированы благодаря существованию глобального рынка частного социального обеспечения» [17, с. 89–90]. К тождественным выводам приходят и немецкие авторы Г.-П. Мартин (доктор права) и Х. Шуманн (редактор журнала «Шпигель»). В частности, в своей книге «Западня глобализации» они пишут, что «тесные финансово-экономические связи между странами вынуждают последние соревноваться в снижении налогов, сокращении общественных расходов и отходе от принципов социального равенства, что приводит лишь к глобальному перераспределению от тех, кто на дне, к тем, кто на вершине. Вознаграждаются все те, кто создает наилучшие условия для крупных капиталовложений, а над любым правительством, сопротивляющимся этому закону джунглей, нависает угроза санкций» [18, с. 92].

Думается, что, рассматривая процесс интеграции России в ВТО, нужно видеть в нем все же и некоторые достоинства. К числу позитивных последствий вступления в ВТО для РФ можно назвать преимущества для предприятий топливно-энергетического комплекса, сталелитейной промышленности в результате отмены квот на их продукцию; расширение доступа населения к импортным товарам широкого потребления (после снижения пошлин они станут дешевле); экономические выгоды получат предприятия, использующие импортные комплектующие.

Негативные стороны данного процесса заключаются в следующем: не исключено углубление неравенства субъектов Федерации (будет идти обогащение экономически сильных регионов и обнищание слабых), ряд отраслей российской экономики (авиастроение, автомобилестроение, легкая промышленность, сельское хозяйство, банковский сектор, фармацевтическое производство), будучи не в состоянии выдержать конкуренции с иностранными товаропроизводителями, придут в упадок. В силу этих противоречий России целесообразно добиваться вступления в ВТО на стандартных, недискриминационных условиях, а также достичь договоренности об определенном переходном периоде, необходимом для ее полной адаптации к требованиям ВТО. При этом главной задачей внешнеэкономической интеграции РФ должно быть развитие российской экономики с целью повышения благосостояния граждан.

Как справедливо заметил академик РАН Н. Н. Моисеев, «целью не может быть показатель промышленного развития, количество произведенной энергии, стали или компьютеров. Они представляют интерес для экономистов-аналитиков и политиков, являются средствами достижения целей» [19, с. 124–125]. Иначе говоря, «голые» экономические и статистические данные не могут являться единственным критерием, определяющим успех (или неудачу) внешнеэкономической интеграции, поскольку, помимо этих показателей, должна быть учтена еще и морально-нравственная «цена» того или иного достижения.

Необходимы трансформация отечественного криминального, дикого капитализма в социальное рыночное хозяйство, преодоление недоверия между властью и народом, бизнесом и государством, трудящимся большинством и предприимчивым меньшинством [20]. И, хотя на практике вряд ли возможно существование гармонии между экономической выгодой и нравственностью, справедливостью, последние все же не должны рассматриваться в качестве абсолютной теоретической формальности.

Экономическая сторона функции межгосударственной интеграции проявляется также в процессе формирования единого хозяйственного комплекса интегрирующихся государств, в выработке согласованной экономической политики, создании наднациональных органов управления интеграцией. С позиции экономической науки, в качестве направлений глобализации выделяются: финансовая глобализация, становление глобальных ТНК, регионализация экономики, интенсификация мировой торговли, тенденция к конвергенции [21, с. 13–14]. В зависимости от характера и интенсивности интеграционного взаимодействия государств в экономической сфере, различается несколько типов региональной интеграции: зона свободной торговли, предусматривающая устранение торговых тарифов среди стран региональной группы; таможенный союз, предполагающий, помимо устранения торговых тарифов, установление общей структуры внешних тарифов для стран нечленов группы; Общий рынок, характеризующийся той

же тарифной политикой, что и таможенный союз, но, помимо этого, устанавливающий еще и свободу движения факторов производства (рабочей силы и капитала) среди его членов; экономический союз, характеризующийся гармонизацией экономической политики за пределами Общего рынка, а также ориентацией на унификацию монетарной (денежной) и финансовой политики среди его членов; политический союз, в рамках которого унифицирована вся экономическая политика [22, с. 324–325].

Как отмечает доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИГиП РАН Н. А. Ушаков, «экономическая интеграция на межгосударственном уровне нереальна, не имеет смысла, если она не сопровождается созданием адекватной политической межгосударственной структуры». Данная структура описывается термином «конфедерация государств» или «наднациональная межгосударственная организация». Таможенные союзы отнесены автором к разновидностям конфедерации [23, с. 51–52].

Экономический фактор выступает системообразующим для интеграционных процессов в СНГ. Четко заявлен экономический аспект сотрудничества стран-членов уже в его учредительных документах: Соглашении о создании Содружества Независимых Государств (ст. 4, 7), Уставе СНГ (преамбула, ст. 2–4, раздел V) [24, с. 468]. Последующие шаги участников Содружества в этом направлении были обозначены в Договоре о создании Экономического союза, Договоре между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Кыргызстаном об углублении интеграции в экономической и гуманитарной сферах [25, с. 56].

Следует отметить, что на практике экономическая интеграция в СНГ не является столь безоблачной. Так, к 1999 г. доля стран Содружества в товарообороте России сократилась до 24%, в 2003 г. – до 20%. Среди причин сокращения товарооборота можно назвать неплатежи, низкое качество продукции, разрушение производственной кооперации, сокращение объема ВВП стран СНГ. На саммитах СНГ 1997–1999 гг. возникали многочисленные взаимные претензии. Обнаружилось, что у членов СНГ различные экономические приоритеты. Украина, Молдавия и Грузия взяли курс на евроинтеграцию, и для них оказались неприемлемыми тесные экономические отношения с Россией, предполагающие создание Таможенного союза, решение о создании которого было принято еще в 1996 г. Россией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном [26].

Выходом из создавшихся противоречий стали модель «разноскоростной интеграции», двусторонние соглашения, формирование «интеграционных ячеек» за рамками СНГ. Одна из таких «интеграционных ячеек» – ЕврАзЭС, договор об учреждении которого был подписан главами государств-участников 10 октября 2000 г. в Астане [27]. Данное объединение включило в себя РФ, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. В числе целей и задач ЕврАзЭС в ст. 2 договора указано «эффективное продвижение процесса формирования Договаривающимися Сторонами Таможенного союза и Единого Экономического пространства».

На нынешнем этапе развития ЕврАзЭС доминирует сотрудничество в технологической сфере, приоритетным же является совершенствование зоны свободной торговли. Эксперты организации выявили и проанализировали более 700 инвестиционных проектов в странах ЕврАзЭС. Начинает создаваться единое энергетическое пространство, осваиваются гидроэнергетические ресурсы Центральной Азии [28, с. 9].

Помимо названного объединения, выделилась также Шанхайская организация сотрудничества, в которую интегрировались РФ, Казахстан, КНР, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. В п. 9 Декларации о создании ШОС зафиксировано, что «Шанхайская организация сотрудничества использует огромный потенциал и широкие возможности расширения взаимовыгодного сотрудничества государств-участников в торгово-экономической области» [29, с. 334].

Серьезным шагом вперед на пути к интеграции государств членов СНГ явилось заключение странами «четверки» (РФ, Беларуси, Казахстана и Украины) Соглашения о формировании единого экономического пространства [30]. Оно предусматривает создание экономического пространства, «объединяющего таможенные территории Сторон, обеспечивающего свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение единой внешнеторговой, денежно-кредитной и валютно-финансовой политики» (ст. 1).

Принятие данного Соглашения явилось итогом напряженных переговоров между его участниками. Особенно остро обнаружились противоречия в позициях России и Украины. Украин-

ская сторона, ориентированная в большей степени на европейскую и евроатлантическую интеграцию, была обеспокоена при этом сохранением собственного суверенитета, соответствием Соглашения о формировании ЕЭП национальному законодательству.

Разумеется, что создание ЕЭП потребует достаточно длительного времени. Предполагается подписание более 100 документов, необходимых для интеграции. К 2012 году (согласно прогнозу президента Казахстана) может быть введена и единая валюта [31, с. 2].

Оценивая соглашение о ЕЭП, нельзя признать убедительным суждение, высказанное А. Дугиным, о том, что, «ограничив число участников ЕЭП четырьмя странами, его архитекторы поступили в высшей степени дальновидно; экономические системы России, Украины, Казахстана и Беларуси наиболее унифицированы и прозрачно регламентированы, они оптимально готовы к интеграции не только друг с другом, но и к ее дальнейшему этапу – к совместной и скоординированной интеграции в европейскую экономику» [32, с. 12].

Во-первых, ограниченный субъектный состав государств-учредителей является не столько результатом их воли, сколько выражением воли других участников СНГ (не случайно ст. 8 Соглашения гласит о том, что оно «открыто для присоединения других государств, разделяющих его цели и принципы»).

Во-вторых, Соглашение не предусматривает синхронности интеграционных процессов (в ст. 5 закрепляется «разноуровневая и разноскоростная интеграция», а также содержится указание на то, что «ни одна из Сторон не может препятствовать другим Сторонам ускоренно продвигаться к более высокой степени интеграции»).

Думается, что названные положения не влекут за собой выводов, сделанных А. Дугиным. Нам представляется, что интеграцию государств в рамках любых структур и межгосударственных объединений должны отличать как ее добровольный характер, так и открытость к сотрудничеству на базе общих целей и принципов. Именно эти составляющие и лежат в основе Соглашения о формировании ЕЭП.

Одной из наиболее болезненных сторон межгосударственной интеграции в СНГ выступает проблема вхождения в ВТО. Как отмечалось нами ранее, для РФ этот процесс является весьма противоречивым, имеющим множество «подводных камней». В то же время нельзя не заметить, что ряд государств членов Содружества уже вошли в данную организацию (Киргизия – в 1998 г., Грузия – в 2000 г., Молдавия – в 2001 г., Армения – в 2002 г.), что фактически означает усиление влияния на них со стороны ЕС, США на фоне дезинтеграции в рамках СНГ.

Если объективно оценивать сложившуюся ситуацию, эти государства воспользовались своим субъективным правом заключения международных договоров как участники международного права. С другой стороны, вновь заключенные договоры и членство в тех или иных международных организациях не должны противоречить ранее принятым обязательствам в рамках СНГ. При этом ни один из участников СНГ, на наш взгляд, не должен чинить препятствий на пути реализации этого права, если новые обязательства не противоречат универсальным принципам международного права.

Думается, что избранная модель «разноскоростной» интеграции членов Содружества в настоящее время является безальтернативным вариантом его сохранения. Такой подход в большей степени основан на современных реалиях, выступая своего рода компромиссом между тенденциями интеграции и дезинтеграции стран Содружества. Путь к интеграции в СНГ согласно избранной модели будет проходить через формирование «интеграционного ядра» в комплексе с двусторонним сотрудничеством без излишнего форсирования, поэтапно и постепенно.

Библиографический список

1. *Уткин А. И.* Мировой порядок XXI века. – М., 2002.

2. *Глазьев С.* Благосостояние и справедливость: как победить бедность в богатой стране. – М., 2003.

3. *Никонов В. А.* Россия в глобальной политике XXI века // Общественные науки и современность. – 2002. – №6.

4. Концепция внешней политики Российской Федерации // Российская газета. – 2000. – 11 июля.

5. *Сивкова В.* Чем богата Россия? // Аргументы и факты. – 2003. – № 15.

6. *Мытарев В.* Оптимистический взгляд на будущее. Роль нефти в экономике России снижается // Российская газета. – 2004. – 18 авг.

7. *Бобков Ф. Д., Иванов Е.* Современный глобальный капитализм. – М., 2003.

8. *Мытарев В.* Нефтедолларам ищут работу // Российская газета. – 2005. – 11 февр.

9. *Иванов И.* Внешняя политика России в эпоху глобализации. – М., 2002.

10. *Арсюхин Е.* Россия простила Ираку 80 процентов долга // Российская газета. – 2004. – 23 нояб.

11. *Иванов И.* Россия в современном мире: Ответы на вызовы XXI века. – М., 2004.

12. *Латкин А., Моисеев И.* На каких условиях Россия вступит в ВТО // Известия. – 2004. – 26 мая.

13. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. – М., 2003.

14. *Спиренков Ю.* Нестандартный американец // Российская газета. – 2004. – 21 апр.

15. Панорама новостей // РФ сегодня. – 2003. – № 9.

16. *Глазьев С.* Благосостояние и справедливость: как победить бедность в богатой стране. – М., 2003.

17. *Култыгин В. П.* Незападные концепции глобализации // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Вып. 1–2 (11–12).

18. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западня глобализации. Атака на процветание и демократию / Пер. с нем. Г. Р. Контарев. – М., 2001.

19. *Моиссев Н. Н.* На пути к созиданию. – М., 1992.

20. *Цыбулевская О. И.* Нравственные основания современного российского права. – Саратов, 2004. – С. 20; Она же. Мораль. Право. Власть. – Саратов, 2004.

21. *Кузнецов В. И.* Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 2.

22. *Арин О. А.* Мир без России. – М., 2002.

23. *Ушаков Н. А.* Государство в системе межгосударственно-правового регулирования. – М., 1997.

24. Соглашение о создании СНГ // Международное публичное право: сб. док. / Сост. К. А. Бекяшев, А. Г. Ходаков. – М., 1996. – Т. 2. – С. 468; Устав СНГ // Российская газета. – 1993. – 12 февр.

25. Дипломатический вестник. – 1996. – № 4.

26. *Валовая Т.* Экономическое «взвешивание» // Четыре года с Путиным. – М., 2004. – С. 55–56; *Николаев Н.* Ближнее зарубежье удаляется // Российские вести. – 2004. – 24 марта. – С. 11.

27. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества // СЗ РФ. – 2001. – № 22. – Ст. 2122.

28. *Велетминский И.* «Пятерка» под высоким напряжением // Российская газета. – 2004. – 21 сент.

29. Декларация о создании ШОС // Иванов И. С. Новая российская дипломатия. – М., 2002.

30. Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 7.

31. *Колесниченко А.* СНГ: к 2012 г. – единую валюту // Аргументы и факты. – 2004. – № 38.

32. *Дугин А.* Новая экономическая империя // Российская газета. – 2003. – 4 нояб.

ФИЛОЛОГИЯ

В. В. Тихова

ВОПРОСЫ ОБЩЕЯЗЫКОВОГО И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ЭЛЕКТИВНОМ КУРСЕ «ОБУЧЕНИЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЮ»

Преамбула. *Данная статья продолжает обоснование отбора содержания образования к элективному курсу профильной гуманитарной школы, начатое в данном журнале в № 1, 3 за 2005 год.*

Разрабатываемый нами элективный курс «Обучение рецензированию» является составной частью системы учебных дисциплин филологического цикла гуманитарной профильной школы. Он учитывает основные тенденции развития филологического школьного образования в начале XXI века, связанные с одновременным проявлением двух подходов: интегративного и дифференцированного – и имеет общий со школьными филологическими дисциплинами предмет изучения – текст. «Сосредоточившись на тексте, создавая к нему служебный комментарий, филология под этим углом зрения вбирает в свой кругозор всю ширину и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного» [1, с. 372]. В элективном курсе «Обучение рецензированию» реализуется не только эта идея филологии, но и ее возможность совершенствовать природный речевой дар человека, формировать его языковую личность.

Согласно общепринятому мнению, «…каждый человек *обладает родовой способностью быть языковой личностью*, но каждый *индивид еще должен стать ею»* [4, с 26]. Становление языковой личности – длительный процесс. Выявленная наукой зависимость формирования уровней языковой личности от возраста человека говорит о том, что в последние годы обучения в школе, когда подростки превращаются в юношей и девушек, происходит стабилизация и завершение нескольких уровней развития языковой личности, а именно: в речи носителя языка наступает мощное обогащение словаря, овладение множеством грамматических форм, осознание своих речевых возможностей и прошлого речевого опыта. В дальнейшей жизни происходит лишь совершенствование тех умений, которые составляют этот уровень языковой личности. Кроме того, в этом возрасте приобретается свобода выбора на формы текстов и происходит освоение разных видов целых текстов в единстве реализации коммуникативной и эстетической функции языка [4, с. 36]. Индивидуальный речевой опыт старших школьников при этом, по мнению М. М. Бахтина, «в известной мере может быть охарактеризован как процесс освоения – более или менее творческого – чужих слов». Именно поэтому так важна системная работа с текстом в юношеском возрасте, и в первую очередь с текстом образцовым.

Элективный курс «Обучение рецензированию» призван обеспечить это. Кроме того, рецензирование, как доминирующая учебная деятельность, лежащая в основе курса, имея определенную специфику [11, с. 89–93], позволяет решить большой круг специальных задач, обозначенных в Обязательном образовательном минимуме содержания образования 2004 г.

В области познания «человеческого бытия» обучение рецензированию позволяет учащимся практиковаться в исследовании реальных связей и зависимостей жизненных, литературных и языковых явлений; создает возможности для тренинга в определении актуальности и объема содержания проблем, высказанных в художественных и публицистических текстах; позволяет использовать элементы предметного, причинно-следственного и структурно-функционального анализа темы, идеи, сюжета, композиции, языка и стиля литературного произведения. Учебное сочинение, создаваемое в жанре отзыва или рецензии, тренирует учащихся в умении наблюдать интеллектуальную и духовную жизнь литературных героев, давать им сущностные характеристики, оценивать художественную специфику языка и авторскую манеру повествования рецензируемого текста. Практикование в рецензировании дает возможность школьнику сделать самостоятельный выбор критериев для сравнения, сопоставления и оценки как всего литературно-

© В. В. Тихова, 2006

го или публицистического произведения, так и его фрагментов. Кроме того, любой из видов рецензии, который создается в процессе обучения, является авторским произведением ученика, реализующим его оригинальные замыслы, умения творческой импровизации, индивидуального использования разнообразных языковых средств, что формирует его языковую личность.

В области информационно-коммуникативной деятельности работа над рецензией любого типа формирует у учащихся умения находить нужную информацию в первоисточнике, извлекать ее из него, что невозможно осуществить без владения разными видами чтения и навыками исследования художественного и публицистического текста. Создание отзыва, рецензии, эссе тренирует учащихся в комплексе умений самостоятельно формулировать тезисы и систему доказательств к ним, учит развернуто обосновывать свое суждение, привлекая с этой целью точно отобранные факты первоисточника и соотносительных с ним произведений, которые собраны в ходе наблюдений и служат доказательством выдвинутой основной мысли.

Кроме того, в этой сфере деятельности обучение рецензированию предполагает формирование умений редактирования и разнообразной переработки текста.

В области рефлексивной деятельности рецензирование учит определять собственную позицию по отношению к проблеме и героям литературного или публицистического произведения, тренирует в способах высказывания своего мнения и конструктивном восприятии чужих мнений и идей, способствует формированию умения оценивать свою жизненную позицию, свои поступки в сравнении с жизненным опытом других людей, отстаивать свою точку зрения в полемике.

Перечисленные выше образовательные и развивающие черты процесса обучения рецензированию не исчерпывают весь перечень его дидактических возможностей, но каждая из названных черт, как можно заметить, восходит к важным мировоззренческим идеям: к осознанию сущности языка как общественного явления и особой знаковой системы, имеющей предназначение – реализовывать коммуникацию – и проявляющуюся во множестве функций (когнитивной, апеллятивной, экспрессивной, эмотивной, эстетической, фатической и др.); к пониманию речи как особого вида человеческой деятельности; к уяснению диалектической связи мышления, речи, языка, сознания и др.

К освоению этих вопросов школьники обращались в общих чертах с разной степенью подробности, обучаясь по любой из трех ныне действующих программ по русскому языку для 5–9 классов и соотносительных с ними действующих учебников. Это, безусловно, стало предпосылкой для формирования мировоззренческих основ личности школьника. Однако *«…*мировоззрение как следствие постепенного приобретения опыта общественного поведения, роста морального сознания, изучения основ наук в школе, формирования теоретического мышления начинает складываться в старшем школьном возрасте» [8, с. 201]. Причем оно не формируется автоматически, само собой. Для его становления необходимы определенные условия, среди которых ученые в первую очередь называют переход знаний в убеждения.

Это научное положение является основанием для введения в обучение рецензированию названных выше мировоззренческих аксиом. Подтверждает необходимость отбора мировоззренческого материала в содержание обучения рецензированию также позиция известных психолингвистов, Л. С. Выготского и А. А. Леонтьева. По мнению А. А. Леонтьева, «…обучение письменной речи (в нашем случае – рецензированию. – *В.Т.*) имеет ту же специфику, которую Л. С. Выготский отнес к изучению грамматики в школе» [9, с. 23]. А именно: «Ребенок владеет известными умениями в области речи, но он не знает, что он ими владеет. Эти операции не осознаны… ребенок научается в школе… осознавать, что он делает, и, следовательно, произвольно оперировать своими собственными умениями. Его умения переводятся из бессознательного автоматического плана в план произвольный, намеренный и сознательный» [6, с. 267–269]. Это позволяет сделать вывод: все развивающие, образовательные и воспитательные возможности процесса обучения рецензированию могут полноценно реализоваться лишь при условии сознательного отношения школьников к языку, речи, своей речевой деятельности и способам ее организации.

Наш вывод не противоречит и самым современным научным идеям в области методики преподавания русского языка в школе: «…*формирование лингвистической компетенции включа-*

ет в себя овладение знаниями о языке как общественном явлении и знаковой системе, формирование навыков оценки своей деятельности (в том числе и речевой. – *В.Т.*), *овладение навыками анализа явлений и фактов языка»* [5, с. 31].

В специальный блок общих лингвистических понятий, которые должны раскрыть круг основных мировоззренческих идей в курсе обучения рецензированию, могут войти основополагающие понятия традиционного языкознания, когнитивной и антропоцентрической лингвистики, психолингвистики: *язык; речь; коммуникативная (речевая) деятельность человека; речь и мышление; речь – сознание; структура речевого действия; внутренняя речь – внешняя речь; информативная речь; фатическая речь; языковая картина мира; языковая личность.*

Рассмотрим с разной степенью подробности наиболее важные из них, не обращаясь к полному раскрытию сути некоторых понятий, известной по классическим лингвистическим изданиям, но прибегая к методическому комментарию этих аксиом в том преломлении, которое, на наш взгляд, требуется в целях инструментализации обучения рецензированию.

Язык. Это лингвистическое понятие знакомо школьникам с 5 класса. Наша задача актуализировать его и наполнить тем смыслом, который будет «работать» на обучение рецензированию. Это в первую очередь связано с акцентировкой тех дифференцирующих признаков понятия, которые позволяют обосновать оппозицию «Язык – речь, язык – речь – мышление – сознание», а также сформировать понятие фатической речи, восходящей в своем содержании к фатической функции языка. В связи с этим в содержание обучения следует ввести *информацию о языке как знаковой системе*, имеющей две формы существования, соответствующие противопоставлению понятий «язык» и «речь», *и о речи как воплощении, реализации языка*, который обнаруживает себя только в речи [2, с. 255–258, 410–412]. Важными для обучения рецензированию являются, кроме того, сведения об основных функциях языка: коммуникативной – осуществлять общение, когнитивной – обозначать явления внеязыковой действительности, эмотивной – орентироваться на говорящего и выражать его отношение к содержанию общения, а также дополнительной, – фатической функции, реализующейся такими высказываниями, которые имеют целью организацию коммуникации.

В кругу понятий, смежных и соотносимых с понятием «речь», существенно значимыми для нас являются понятие речевой деятельности, а также сведения об информативной направленности речи, о цели коммуникаций, типах речевых актов и видах речевых жанров.

Речевая деятельность человека. Определяя место этой проблемы в науке о языке, А. А. Леонтьев когда-то писал: «…совместная работа ученых разных специальностей на поприще языка крайне затруднена отсутствием у многих из них ясного представления о сущности изучаемого объекта – *речевой деятельности*, особенностях подхода к нему со стороны различных речеведческих наук и возможностей их взаимодействия» [10, с. 4]. Сегодня же, когда теория речевой деятельности в основных своих положениях устоялась в психолингвистике (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, Л. С. Цветкова и др.), а в методике преподавания русского (родного) языка реализовалась – в большей или меньшей степени в каждом отдельном случае – не только в проекциях обучения, но и в действующих школьных учебниках, думается, создана база для введения в школьное преподавание родного языка (хотя бы в рамках профильного обучения) названного выше лингвомировоззренческого понятия. Введение его в содержание элективного курса, как мы полагаем, будет способствовать усилению уже сформированного на предыдущих этапах изучения родного языка сознательного отношения ученика к себе как к «человеку разумному», как к личности, способной через язык воспринимать, осознавать картину мира, совершенствовать свой взгляд на нее, а значит, интеллектуально и творчески развиваться. Введение в теоретическую часть курса сведений о структуре речевого действия и его составляющих (ориентировка, планирование, реализация и контроль) позволит обосновать для учащихся управляемость процесса речепроизводства и представить необходимость обучения всем этапам речевых действий при создании отзыва, рецензии, эссе.

Введение в теоретическую часть курса сведений о *языке – речи – мышлении, мышлении – языке, речи – сознании* реализует, на наш взгляд, формирование сознательного отношения к коммуникации, откроет возможности для более полного осмысления ответственности за произнесенное или написанное слово, а также обеспе-

чит проникновение в смысл морального требования «единство слова и дела», которое должно быть присуще высоконравственному человеку. Кроме того, осознание названных оппозиций позволит подвести учащихся к ознакомлению их с содержанием и способами совершенствования речевой деятельности человека, сможет способствовать формированию у них желаний и возможностей положительно воздействовать на бытовую и социальную речевую практику общения близкого и дальнего круга коммуникантов, а также познакомить школьников с государственной языковой политикой, с теми направлениями лингвистической науки, которые обеспечивают противостояние языковой и речевой деградации и осваивают пути и способы обогащения русского (родного) языка, совершенствование социальной практики общения на нем.

Фатическая речь. Овладение понятием фатической речи тесно связано с осознанием фатической функции языка, «реализующейся такими высказываниями, которые имеют целью завязывание, продолжение и прекращение коммуникации. <….> Термин фатическое (или контактоустанавливающее) был введен английским этнографом Б. Малиновским применительно к диалогам, беседам, целью которых является создание «уз общности» путем пустого обмена словами: «Ну что, брат Пушкин?» – «Да так, брат», – отвечает, бывало, «так как-то все…» (Гоголь) [2, с. 385–386.]. Фатическая речь, сопровождающая речь информативную, является обязательным элементом вторичных оценочных текстов (рецензии и отзыва) и с особой яркостью проявляет себя в отзыве и эссе. Точная выраженность содержательных и формальных черт фатической речи в структуре этих жанров – та сторона обучения рецензированию, которая неизвестна школьникам и которую они должны постичь в целях совершенствования своей коммуникативной компетентности в ходе освоения элективного курса. Обязательным элементом содержания обучения рецензированию, кроме того, на наш взгляд, должны стать сведения о способах организации фатической речи: 1) диалогизация текста: (а) непрямое обозначение лица автора, имитирующее совместные размышления с читателем; (б) вопросы); 2) преднамеренные отступления от темы, раскрывающие процесс восприятия текста; 3) личные мотивы и др. Опора на эти сведения обеспечит формирование сознательного отношения учащихся к введению элементов фатической речи в структуру создаваемых ими текстов».

Языковая картина мира. Это понятие тесно связано с понятиями *язык, мышление, сознание.* Оно обслуживает новое направление в языкознании – когнитивную лингвистику. Его введение в наш курс может быть взято кем-то под сомнение уже потому, что в методике русского языка действует «золотое правило» – отбирать в содержание образования только те понятия, которые устоялись в лингвистике. Но понятие языковой картины мира не совсем новое для школьников. Школьные учебники, раскрывая идею о том, что язык является посредником между человеком и миром (устоявшиеся в языке *единицы отражают суть предметов, явлений, понятий, представлений*, и язык помогает человеку познать их, сформировать отношение человека к окружающей действительности, другим людям, самому себе), выходят *на это понятие, терминологически его не обозначая.* А, как известно, отсутствие соотнесенности понятия с термином, его обозначающим, затрудняет работу с этим понятия. Таким образом, введение его в наш курс инновационно только в той мере, что связь *человек – язык – мышление – сознание* приобретает словесно обозначенное выражение: *языковая картина мира.* Каждому человеку свойственен свой «взгляд на мир». И поэтому картина мира несет в себе черты своего создателя, отражает специфику его способа миропонимания. Таким образом, для каждого человека, говорящего на каком-либо языке, язык является средством выхода на образ мира. Языковая картина мира не может быть одинаковой у носителей разных языков. Еще в начале XX века лингвист Л. В. Щерба отметил, что «мир, данный человеку в его непосредственном опыте, постигается по-разному в различных языках». В связи с этим, по мнению ученого, большинство слов-понятий любого языка несоизмеримо со словами-понятиями другого языка: у разных наций разная ментальность, разные природные, географические условия существования, разная история, культура, быт, кухня, и т. д. Все эти особенности зафиксированы в языке. Ознакомление старших школьников с этими мировоззренческими положениями, на наш взгляд, является средством формирования их языкового сознания: «Оязыковленная и всегда культурноокрашенная картина мира воздей-

ствует на человека, формируя его языковое сознание, а вместе с тем культуронациональное самосознание» (В. Н. Телия) [цит. по: 5, с. 135]. Представление о национальной картине мира, кроме того, влияет на формирование менталитета школьников, воспитывает в них уважение к другим нациям и народностям.

Языковая личность. «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, пользователю, носителю, к конкретному человеку», – пишет известный лингвист Ю. Н. Караулов [7]. При этом под языковой личностью им понимается не какая-то сторона из многочисленных сторон полноценной характеристики человека, а способ полноценного представления личности, включающий в себя психический, социальный, этический, интеллектуальный и другие аспекты содержания, представленные *через ее речь*.

Термину *языковая личность* близки такие известные термины, как язык и стиль писателя, речевой портрет персонажа или какого-либо человека.

Таким образом, для понимания сути конкретной языковой личности очень важно понимание того, *как она знает язык и как им владеет.* А сам язык через языковую личность предстает и как система, и как текст, и как способность.

Каждая языковая личность переживает сначала процесс формирования и становления, а потом на протяжении всей жизни постоянно совершенствуется и развивается. В процессе становления языковой личности важнейшую роль, по мнению исследователей, играет установление человеком индивидуальных ценностей и важнейших смыслов в языковой картине мира [4, с. 7].

Очень значимо для языковой личности то, что она может усвоить из общерусского языкового типа. Это, во-первых, системный языковой строй, который, несмотря на исторические изменения и эволюцию, преломляется в сознании носителя языка и опознается как русский. Во-вторых, это та вариативная часть картины мира, которая абсолютно индивидуальна и неповторима и специфична лишь для данной личности. В-третьих, важным в становлении языковой личности является план целей и мотивов, движущих развитием личности, управляющих ее поведением и речью и в конечном итоге определяющих иерархию смыслов и ценностей в ее языковой картине мира.

В структуре языковой личности ученые выделяют несколько уровней. Процесс формирования первого уровня развития языковой личности (правильности речи), по мнению некоторых ученых, завершается примерно к семи годам. Именно к этому возрасту «языковая личность становится обладателем языкового механизма», правила использования которого ей предстоит постигать в процессе речевой практики. Второй уровень развития языковой личности, главным приобретением которого является переход к внутренней речи, завершается примерно к 11 годам. Именно в это время становится доступным планирование своего высказывания и восприятие чужих планов речи. Третий уровень развития (11–15 лет) характеризуется тем, что в речи носителя языка происходит мощное обогащение словаря, овладение множеством грамматических форм, осознание своих речевых возможностей и прошлого речевого опыта. В дальнейшей жизни происходит лишь совершенствование тех умений, которые составляют каждый из названных трех уровней языковой личности. Кроме того, впоследствии приобретается свобода выбора формы текстов (четвертый уровень) и происходит освоение разных видов целых текстов в единстве реализации коммуникативной и эстетической функции языка (пятый уровень).

Социальными факторами, влияющими на становление языковой личности, ученые считают семью, круг общения, школу, средства массовой информации, массовую культуру. Из внутренних факторов они особо выделяют темперамент, возраст.

Объективное представление о языковой личности трудно создать по одному – двум ее речевым произведениям. Конечно, и они, бывает, способны раскрыть ее некоторые типичные черты. Но для более полного и объективного представления о языковом портрете носителя языка, как считает большинство исследователей этой проблемы, необходимо собрать информацию по нескольким векторам: исходные данные личности, характеристика фонетических, лексических, синтаксических особенностей речи, особенности коммуникативного поведения, готовность к самоконтролю, готовность к творчеству.

Завершая обзор основных мировоззренческих понятий, которые, на наш взгляд, обязательны для содержания обучения по элективному курсу «Обучение рецензированию» в профильной школе, мы хотим подчеркнуть, что осознаем: важным условием формирования научного мировоззрения школьников является не только

качественное освоение ими комплекса выше представленных понятий, но и превращение их в убеждения. «…Знание тогда приобретает характер убеждений, когда учебный материал связан с эмоциональным переживанием его бесспорности, убедительности, когда приобретение знаний… связано с активной самостоятельной мыслью ученика» [7, с. 202]. Но этот тезис – основа для наших размышлении в другой публикации.

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* Филология // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979. – С. 372–374.

2. *Арутюнова Н. Д.* Функции языка // Русский язык. Энциклопедический словарь. – М., 1977. – С. 385–386.

3. *Арутюнова Н. Д.* Язык // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979.

4. *Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Дисс. … д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 354 с.

5. *Быстрова Е. А.* Цели обучения русскому языку... // Обучение русскому языку в школе / Под ред. Е. А. Быстровой. – М.: Дрофа, 2004. – С. 20–40.

6. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. Избранные психологические исследования. – М., 1956. – С. 267–269.

7. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

8. *Крутецкий В. А.* Психология обучения и воспитания школьников. – М., 1976. – 303 с.

9. *Леонтьев А. А.* Психологические единицы и порождение речевого высказывания – М.: УРСС, 2003. – 235 с.

10. *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. – М.: УРСС, 2003. – С. 4.

11. *Тихова В. В.* Лингвистические понятия «Рецензия», «Отзыв», «Рецензирование» как методические ориентиры обновления содержания образования по совершенствованию коммуникативной компетенции школьников // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2005. – №3 – С. 89–93.

М. А. Фокина

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТРАДИЦИОННОМ НАРРАТИВЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ XIX ВЕКА

Преамбула. *Статья посвящена исследованию особенностей функционирования фразеологических единиц (ФЕ) в традиционном нарративе (повествовании) от 1 и 3 лица. Прослеживается динамика способов и приемов создания авторской позиции средствами фразеологии в повестях И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» и П. В. Засодимского «Темные силы».*

Типы повествования представляют собой композиционные единства, организованные точкой зрения автора, повествователя или персонажа, они имеют определенное содержание и функции, характеризуются относительно закрепленным набором конструктивных признаков и речевых средств [6, с. 104]. Современные исследователи традиционно выделяют перволичную повествовательную форму, где рассказчиком является персонаж, и аукториальное повествование от 3 лица. Существует также нетрадиционный нарратив, который ученые определяют по-разному: свободный косвенный дискурс [9, с. 335–337], несобственно-авторское повествование [8, с. 100]. Е. А. Попова называет такую повествовательную форму несобственно-прямым дискурсом – это «тип повествования с неперсонифицированным, прагматически не мотивированным повествователем, который, обладая абсолютным знанием, этого никак не обнаруживает, а старается быть незаметным, “пропуская” на передний план персонажа, мысли которого вербализует» [10, с. 8]. Тип повествования входит в число тактических приемов автора, поэтому анализ языковых средств, свойственных определенным повествовательным формам, позволяет определить авторскую стратегию в коммуникативном пространстве художественного текста (ХТ).

Охарактеризуем хронологически особенности использования ФЕ в произведениях XIX века, принадлежащих к разным типам повествования. Обычно художественной прозе XIX века свойственен традиционный нарратив от 1 или 3 лица, соответственно повествование имеет субъективированный или объективированный

 © М. А. Фокина, 2006

характер, авторская позиция может быть выражена имплицитно или эксплицитно. Характеризуя перволичное повествование, Е. А. Иванчикова выделяет тексты с эпическим рассказчиком, в которых центром изображения являются внешние объекты художественной действительности (лица, факты, события), и тексты с лирическим рассказчиком, в которых объектом повествования является сам рассказчик: его мысли, чувства, связанные с ним события [5, с. 250]. Е. А. Попова отмечает, что в перволичном нарративе проявляются два уровня создания текста: на первом (нарративном) уровне в контакт вступают рассказчик и его слушатели или читатели, на втором (внешнетекстовом) – автор и читатели. Связующим звеном между этими коммуникативными ситуациями является читатель. Так, в повествовании от 1 лица складывается четырехэлементная коммуникативная система: *автор – {рассказчик – слушатели/читатели} – читатель* [10, с. 27].

Обратимся к анализу фразеологических средств создания образа лирического рассказчика в повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850), где выраженность авторской позиции зависит не только от типа повествования, но и от жанровой специфики текста. Писатель использует прием самохарактеристики персонажа: рассказчик сам мотивирует свои коммуникативные намерения, адресуя написанное предполагаемому читателю. Главный герой повести Чулкатурин, смертельно больной человек, в последние дни своей жизни доверяет дневнику самые сокровенные мысли, рассказывая драматическую историю израненной души. Это искренняя исповедь обреченного героя, посылающего миру свое «последнее прости». Дневниковые записи насыщены ФЕ, характеризующими речемыслительную деятельность рассказчика, что отражает специфику жанра произведения. Одним из средств организации повествования являются фразеологические повторы, создающие психологизм перволичного нарратива и объединяющие отдельные фрагменты текста в общее структурно-смысловое целое. Рассмотрим ряд фразеологических конфигураций, которые характеризуют сам процесс рассказывания, отражая нарративный уровень создания текста в сфере рассказчик – читатели:

«Но мне *приходит в голову*: точно ли стоит рассказывать мою жизнь?

Нет, решительно не стоит… Жизнь моя ничем не отличалась от жизни множества других людей. Родительский дом, университет, служение в низменных чинах, отставка, маленький кружок знакомых, чистенькая бедность, скромные удовольствия, смиренные занятия, умеренные желания – *скажите на милость*, кому не известно все это?» (запись от 22 марта);

«Я все это замечал, потому что не лишен проницательности и дара наблюдения; я вообще не глуп; мне даже иногда *в голову приходят* мысли, довольно забавные, не совсем обыкновенные; но так как я *человек лишний и с замочком внутри*, то мне и жутко высказать свою мысль, тем более что я наперед знаю, что я ее прескверно выскажу…<…> …*признаться сказать*, и у меня, несмотря *на мой замочек*, частенько *чесался язык*; но действительно произносил слова я только в молодости, а в более зрелые лета почти всякий раз мне удавалось *переломить себя*. Скажу, бывало, вполголоса: “А вот мы лучше немного помолчим”, и успокоюсь…» (запись 23 марта);

«Одно только средство, признаюсь, откровенно, никогда мне *не приходило в голову*, а именно: я ни разу не подумал лишить себя жизни. Отчего это мне *не пришло в голову*, не знаю… Может быть, я уже тогда предчувствовал, что мне и без того жить недолго» (запись 26 марта);

«Когда страдания доходят до того, что заставляют всю нашу внутренность трещать и кряхтеть, как перегруженную телегу, им бы следовало перестать быть смешными… но нет! с*мех не только сопровождает слезы до конца, до истощения, до невозможности проливать их более* – где! он еще звенит и раздается там, где *язык немеет* и замирает сама жалоба…» (запись 27 марта);

«Я хотел написать свой дневник, и вместо того что я сделал? рассказал один случай из моей жизни. Я разболтался, уснувшие воспоминания пробудились и увлекли меня. Я писал не торопясь, подробно, словно мне еще предстояли годы; а теперь вот и некогда продолжать. Смерть, смерть идет. Мне уже слышится ее грозное crescendo… Пора… Пора!..

Да и *что за беда*! *Не все ли равно*, что бы я ни рассказал? *В виду смерти исчезают последние земные суетности*. Я чувствую, что утихаю; я становлюсь проще, яснее. Поздно я *хватился за ум*!.. Странное дело! я утихаю – точно, и вместе с тем… жутко мне. Да, мне жутко. До половины *наклоненный над безмолвной, зияющей бездной,* я со-

дрогаюсь, отворачиваюсь, с жадным вниманием осматриваю все кругом» (запись 31 марта); фразеологические конфигурации цитируются по изданию: [11, с. 354, 356, 380, 389].

Перечисленные текстовые фрагменты характеризуют коммуникативное поведение рассказчика на разных этапах повествования, содержат объяснения мотивов, причин и особенностей психологического состояния, побуждающих начинать, продолжать, приостанавливать или завершать дневниковые записи. Фразеологическими средствами осуществляется межфразовая связь анализируемых фрагментов, объединенных текстовыми повторами устойчивых оборотов, относящихся к сфере речемыслительной деятельности. Образуется фразеосемантическое поле, ядром которого являются фразеологические антонимы: *приходит в голову* (*приходить в голову* ‘доходить до сознания, думаться’) – *не приходило в голову*; *чесался язык* (*язык чешется* разг. ирон. ‘кто-либо не может утерпеть, удержаться от разговора, от высказывания’) – *язык немеет* (ср. с узуальной ФЕ *язык отнялся* разг. ‘кто-либо замолчал от неожиданности, удивления, страха; потерял вдруг способность говорить’). Дефиниции ФЕ здесь и далее цитируются по словарям: [1; 3; 7; 12; 13]. Данные ФЕ, характеризуя противоположные состояния сверхэмоционального и неуравновешенного героя, связывают в единую повествовательную ткань два временных плана: момент написания дневника (акт рассказывания) и период описываемых событий, о которых вспоминает рассказчик: *мне* ***приходит в голову****: точно ли стоит рассказывать мою жизнь?* (зачин исповеди, размышления о замысле предстоящих записей); *одно только средство… никогда мне* ***не приходило в голову****… я ни разу не подумал лишить себя жизни* (характеристика давнего психологического состояния в кульминационный момент уже пережитых событий). Устойчивые обороты передают диалектику чувств рассказчика, замыслившего поведать историю своей жизни. Рефлектирующий автор дневника, анализируя свое речевое поведение, называет себя человеком *с замочком внутри*: *у меня, несмотря* ***на мой замочек****, частенько* ***чесался язык****; но действительно произносил слова я только в молодости, а в более зрелые лета почти всякий раз мне удавалось* ***переломить себя***. Метафорические обороты *с замочком внутри, мой замочек* образуют ассоциативные смысловые связи с узуальной ФЕ *держать рот на замке* (разг. ‘молчать, не вступать в разговор’), антонимичной устойчивому обороту *чесался язык*. Природная молчаливость, внутренняя закрытость героя сочетаются в нем с желанием рассказать свою жизнь, что побуждает к созданию дневниковых записей: *приступаю к обещанному рассказу*. Так, в дневнике наряду с описанием сиюминутных ощущений настоящего дня появляется яркое повествование об одном прошлом событии, явившемся большим личным потрясением в жизни героя. Этот рассказ о нежной любви и последующем разочаровании также проникнут контрастными состояниями рассказчика: ***смех не только сопровождает слезы до конца, до истощения, до невозможности проливать их более*** *– где! он еще звенит и раздается там, где* ***язык немеет*** *и замирает сама жалоба.* Ср. с узуальной ФЕ *и смех и горе* разг. ‘трагикомично; смешно и грустно в одно и то же время’; с крылатым выражением Н. В. Гоголя *смех сквозь слезы*. Анализируемое высказывание содержит градацию *до конца, до истощения, до невозможности*, которая усиливает эмоциональное напряжение героя, нарастание драматизма его сложного состояния. Далее происходит интересный психологический феномен, обусловленный особенностями восприятия: воспоминания о прошлом потрясении как будто переживаются заново, в настоящий момент повествования. Рассказчик погружен в ситуативный контекст, что влияет на его дальнейшее речевое поведение: он испытывает такие же сильные чувства, что и раньше, поэтому не в состоянии писать далее *(язык немеет).* Так фразеологические антонимы *язык чешется – язык немеет* не только связывают два фрагмента в единое смысловое целое, но и мотивируют различные речевые реакции автора дневника: побуждение к письму *(язык чешется)* или невозможность продолжать записи вследствие сильного эмоционального потрясения *(язык немеет).*

В заключительных дневниковых записях рассказчик, подводя итоги, соотносит свой предварительный творческий замысел (что хотел написать) с тем, что реально создал. Он сначала испытывает неудовлетворенность от того, что слишком увлекся и успел рассказать только один случай из своей жизни, поэтому сожалеет, что некогда продолжать: неотвратимо приближается смерть. Но потом понимает, что перед лицом

вечности отступает все житейски мелкое и повседневное: *Да и* ***что за беда! Не все ли равно****, что бы я рассказал. В виду смерти исчезают последние земные суетности.* То, что казалось важным, достойным описания в предшествующих фрагментах, становится незначительным в финале. Бесстрастная оценка прежних крайних состояний передана ФЕ *что за беда* разг. экспрес. ‘не имеет никакого значения’; *не все ли равно* (узуальная ФЕ *все равно* ‘одинаково, безразлично’). В процессе перспективного развертывания повествования ФЕ передают изменения эмоциональной тональности текста, динамику чувств рассказчика от контрастных, бурных переживаний до более взвешенного, сосредоточенного, самоуглубленно-спокойного предсмертного состояния. Неожиданное осознание этих внутренних перемен выражено восклицанием *Поздно я* ***хватился за ум!..*** (узуальная ФЕ *браться (взяться) за ум* разг. ‘становиться благоразумным’). Метафорическая самохарактеристика *наклоненный над безмолвной, зияющей бездной* передает душевную тревогу, страх героя перед неизбежной смертью.

Особую непринужденность и занимательность речи рассказчика придают разговорные ФЕ *скажите на милость* ‘удивительно, трудно поверить’; *признаться сказать* (употребляется для подтверждения искренности, справедливости сообщения). Данные устойчивые обороты осуществляют литературную коммуникацию в сфере *рассказчик – читатель*: являются одним из средств моделирования образа адресата и характерны для ситуации устного общения собеседников. Такие речевые особенности, свойственные перволичному нарративу, отражают жанровую специфику повести-дневника.

Обратимся далее к анализу фразеологических средств выражения авторской позиции по отношению к рассказчику, охарактеризуем языковые способы создания литературной коммуникации в сфере *автор – читатель*. Поскольку все повествование выдержано в форме исповеди героя и носит преимущественно моносубъектный характер, авторская позиция выражена неявно, имплицитно. Текстовую модальность создают заголовок повести, ключевые слова и авторские обороты, самооценки и взаимооценки персонажей, вовлеченных в интригу вокруг любовной истории, поведанной Чулкатуриным в его дневнике. Фразеологические антонимы характеризуют резкую перемену чувств пылкого рассказчика, динамически передают его душевное состояние в разные периоды времени, формируют неоднозначное отношение читателя: *словно* ***крылья*** *вдруг* ***выросли*** *у меня за плечами* (состояние влюбленности); *мне пришлось* ***опустить свои ошибенные, и без того несильные, крылья*** (разочарование в любви); *в ложном свете,* ***словно сквозь окрашенные очки;*** *расписал князя* ***самыми черными красками***. Группа семантически сближенных ФЕ организует повествование в кульминационных фрагментах повести, передает духовный крах героя, испытавшего на себе пренебрежение любимой девушки и унижение соперником: *все во мне* ***было перевернуто кверху дном****; я* ***был разбит наголову*** *с первого же натиска; я решительно* ***потерял чувство собственного достоинства*** *и не мог оторваться от зрелища своего несчастия*. Меняющиеся взаимоотношения героя с окружающим обществом также выражены с помощью ФЕ-антонимов: *Этот человек своим великодушием окончательно* ***втоптал*** *меня* ***в грязь****; общественное мнение преследовало его и Лизу, а меня, напротив,* ***превозносило до небес***. Негативные самохарактеристики рассказчика, осуждающего себя за недостойные поступки, создаются индивидуально-авторскими преобразованиями ФЕ путем расширения компонентного состава: «Я проводил дни в совершенном одиночестве и только *совершенно окольными и* ***даже низменными*** *путями* мог узнавать, что происходило в семействе Ожогиных…» (узуальная ФЕ *обходной путь* разг. ‘средства, меры, способы, не прямо ведущие к цели’); «Но я, я-то к чему тут примешался?.. что за ***глупое*** *пятое колесо в телеге!..*» (узуальная ФЕ *пятое колесо в возу (колеснице)* разг. ирон. ‘лишний, ненужный в каком-либо деле человек’).

Помимо оценочной позиции автора в тексте имплицитно выражена его идеологическая позиция. Система образных средств повести раскрывает концептуальное содержание смысловой доминанты *лишний человек*, ставшей впоследствии известным крылатым выражением Тургенева, сквозным образом русской литературы XIX века. Текст произведения становится контекстом порождения метафоры-характеристики, определяющей социальный статус человека (ФЕ *лишние люди* ист. ‘тип людей, не умеющих найти применения своим силам и способностям

в общественной жизни'; книжн. 'социально бесполезные, ненужные люди'). Семантику выражения *лишний человек* в повести эксплицирует концептуальное поле, основанное на текстовых повторах: «я был совершенно *лишним человеком* на сем свете или, пожалуй, совершенно *лишней птицей*»; «*лишний* – да и только. *Сверхштатный человек* – вот и все. На мое появление природа, очевидно, не рассчитывала и вследствие этого обошлась со мной, как *с нежданным и незваным гостем*»; «Во все продолжение жизни я постоянно *находил свое место занятым*»; «что за *глупое пятое колесо в телеге*». В смысловое ядро концептуального поля входят метафоры *лишний человек; лишняя птица* (ср. с узуальными ФЕ с компонентом *птица*, характеризующими социальное положение человека: *важная птица; крупная птица; птица высокого полета; птица низкого полета* и др.); *сверхштатный человек; нежданный и незваный гость* (ср. с пословицей *Незваный гость хуже татарина).* Трансформированная ФЕ *глупое пятое колесо в телеге* отражает и оценочную, и идеологическую позицию автора.

Являясь средством имплицитного выражения авторской позиции, ФЕ в повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» участвуют в создании коммуникативной системы перволичного нарратива в сферах *рассказчик – читатель*, *автор – читатель*. Как известно, Тургенев был мастером так называемой «тайной психологии» и доверял умному и догадливому читателю. Неявная выраженность авторской позиции в его прозе нередко приводит к множественности интерпретаций текстов, где представлены амбивалентные герои, противоречивые характеры, сложные и неоднозначные жизненные ситуации. Чаще всего произведения писателя воспринимались русской литературной критикой по-разному, вызывали бурную полемику, столкновение противоположных точек зрения относительно трактовки идейной направленности текстов. Творческой манере Тургенева свойственны изящество художественного слова и тонкий лиризм повествования, глубина мысли и многозначительная недосказанность, что во многом определяет специфику образа автора в его произведениях.

Более развернутой и убедительно выраженной является авторская позиция в повествовании от 3 лица, где представлен аналитический (объясняющий) метод изображения действительности. Для такого текста характерен неперсонифицированный повествователь – абстрактная фигура, «которая находится между вымышленным миром героев и реальным миром автора и читателя»; «всезнающий творец, не только обладающий полной информацией об изображаемых событиях, но и открыто заявляющий о своем знании» [10, с. 27]. Третьеличному нарративу свойственна авторская интроспекция (проникновение повествователя во внутренний мир персонажа). В тексте осуществляется исследование характеров, поведения, обстоятельств, между которыми устанавливаются отношения причин и следствий. Между причинами, обусловившими поведение персонажа, повествователь устанавливает отношения равноправия и дополнительности или неравноправия, когда одна из причин выделяется в качестве главной [10, с. 28].

Рассмотрим фразеологические средства эксплицитного выражения авторской позиции в повести П. В. Засодимского «Темные силы» (1870), где устойчивые обороты занимают центральное место в коммуникативном пространстве повествовательного текста. Являясь явными сигналами адресованности читателю, ФЕ обширно включены в авторские метатекстовые комментарии изображаемых событий и ситуаций. Один из наиболее драматичных эпизодов повествования содержит языковые средства, прогнозирующие возможную реакцию читателя:

«С первого же раза… в своих новых родных Настя встретила непримиримых врагов, которые с великим наслаждением *высосали бы* из нее *последнюю каплю крови*. Пока муж заступался за молодуху, молодухе жилось сносно. *Но бедному,* **как читатель, вероятно, уже заметил,** *быть добрым и любящим несравненно труднее, чем пройти толстой веревке сквозь игольное ушко*. Враждебные столкновения с ближними, неудачи и обиды, которым Гришин подвергался постоянно, подобно всякому рабочему, печально отзывались и на его отношениях к жене. К тому же, словно бы *на беду,* Настю постигла болезнь, не скоротечная болезнь, но сулившая долгую, мучительную жизнь. Не успел еще пройти и *золотой медовый месяц*, как Настя захворала…» [4, с. 394].

Смысловым центром фразеологической конфигурации является трансформированная устойчивая фраза *Бедному быть добрым и любящим несравненно труднее, чем пройти толстой ве-*

ревке сквозь игольное ушко. Ср. с узуальным выражением библейского происхождения: *Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие небесное* ‘одно только богатство не очищает душу и не делает человека счастливым’. Индивидуально-авторское преобразование придает устойчивой фразе следующий смысл: ‘бедность не делает человека сострадательным, а заставляет поступать жестоко и несправедливо’. Семантика оборота полнее раскрывается и конкретизируется использованием в пределах конфигурации ФЕ *высосали бы последнюю каплю крови* (ср. с узуальными ФЕ *высосать кровь* ‘безжалостно обобрать кого-либо, жестоко эксплуатируя’; *до последней капли* ‘все без остатка, целиком’) и *на беду* ‘к сожалению; к несчастью’). В эмоционально-экспрессивном плане данные ФЕ противопоставлены устойчивому обороту *золотой медовый месяц* (*медовый месяц* ‘начальная, наиболее счастливая пора супружеской жизни’). Характеристика сложных взаимоотношений Насти с мужем и новыми родственниками является иллюстрацией авторской сентенции, перефразирующей известный библеизм. Писатель, оправдывая своих героев, говорит о том, что в несчастьях Насти виноваты не люди, а обстоятельства. Автор подчеркивает типичность ситуации, сложившейся в доме Гришиных: подобным образом жили в то время многие рабочие семьи. Засодимский выражает свои мировоззренческие позиции, изображая семейный конфликт как следствие социального кризиса, результат несправедливого расслоения общества. Авторская ремарка *как читатель, вероятно, уже заметил* является здесь вставной конструкцией, побуждающей адресата мысленно вернуться назад, воспринимая контекст в ретроспективе относительно предшествующих глав, а также в процессе дальнейшего чтения заставляет обращать внимание на другие авторские рассуждения, обобщающие отдельные фрагменты повествования. Так можно восстановить этапы предполагаемой познавательной деятельности читателя, соотнести данный авторский сигнал адресату с предшествующими и последующими эпизодами текста, выстроить цепочку проспективно-ретроспективных сигналов, определяющих точность и глубину интерпретации, программа которой «задана особой организацией языковых элементов» [2, с. 56]. Такая совокупность ряда ключевых контекстов не только последовательно создает образ автора, интегрирующий весь текст в единое смысловое целое, но и позволяет моделировать образ имплицитного (т. е. подспудно присутствующего в тексте) адресата, так как обращенность авторских рассуждений способствует формированию коммуникативного пространства текста, обладающего чертами диалогичности в сфере автор – читатель.

Адресат в процессе чтения зависим от автора, он следует тем творческим путем, которым его ведет создатель произведения. В тексте можно выявить языковые механизмы восприятия, поскольку автором заложена программа воздействия на читателя. Авторская тактика – это комплекс приемов, в том числе языковых, используемых автором при создании текста и реализующих его стратегию, в понятие которой входит замысел произведения. Тактика и стратегия автора «образуют двуединство и демонстрируют нераздельность – неслиянность содержания и формы художественного текста» [10, с. 18].

Проанализируем далее фрагмент одной из предшествующих глав повести Засодимского, которая имеет символическое название «Два венца… терновые» (*терновый венец* книжн. ‘символ страдания, мученичества’). Автор повествует о девичнике накануне свадьбы, описывает переживания невесты, выдаваемой замуж за нелюбимого, так как бедная семья стремится побыстрее пристроить повзрослевшую дочь:

«Стол поутру был выскоблен и вымыт… в тот день все в каморке столяра показывало, что готовится нечто праздничное, нечто веселое; но веселья было мало. Жених отпускал свои пошлые шуточки… и хохотал так неистово, что… маленький Андрюша… боязливо прятался за сестру. А сестра неподвижно сидела в обычной позе невесты, поникнув головой и сложив руки на коленях, – и в этой трагической позе было что-то безвыходно-грустное, возмутительно-тяжелое, тяжелое до одури, от отчаяния… По временам поднималось пение – не веселее погребального…

Насте *нечего делать... Поговорка: не так живи, как хочется, а как можется, – для бедных не поговорка, а закон*» [4, с. 366–367].

Фразеологическая конфигурация состоит из двух абзацев. Заключительный абзац является авторским обобщением, содержит оценочные суждения, выраженные фразеологическими средствами: устойчивым оборотом *нечего делать* (узуальная ФЕ *делать нечего* ‘иного выхо-

да нет'); устойчивой фразой, входящей в состав авторской сентенции *Поговорка:* ***не так живи, как хочется, а как можется****, – для бедных не поговорка, а закон* (ср. с узуальным выражением *Не так живи, как хочется, а как Бог велит*). Трансформируя оборот, автор утверждает мысль о том, что бедным невозможно жить по божьим заповедям, они вынуждены существовать любыми средствами, чтобы обеспечить себе выживание. Фразеологический контекст построен на антитезе и градации, которые усиливают безвыходность ситуации, драматизм невеселого предсвадебного вечера, больше напоминающего поминки: *готовится нечто праздничное, нечто веселое; но веселья было мало; что-то безвыходно-грустное, возмутительно-тяжелое, тяжелое до одури, до отчаяния; поднималось пение – не веселее погребального.* Использование афористических высказываний в речи автора и авторские комментарии к ним (*для бедных не поговорка, а закон)* являются для читателя важными сигналами, помогающими раскрыть идеологические позиции писателя. Каждое последующее рассуждение, обобщающее эпизод повествования, воспринимается адресатом в ретроспективе. Так выстраивается текстовая парадигма – ассоциативно-семантическая сеть в общей смысловой структуре ХТ.

В анализируемой повести в двух последующих главах, аналогично предшествующим, доминантами смысла также являются устойчивые фразы, иллюстрирующие дальнейшие события и способствующие развитию авторской идеи, развертыванию и концентрации содержания произведения. Глава «Беда одна не ходит» повествует об эпидемии тифа, быстро распространившейся по бедным семьям провинциального городка и его окрестностей:

«Тифозная горячка… догадалась, что попала в гостеприимный, радушный уголок, в котором можно хозяйничать по-свойски. Мигом целые деревни… *свалила* она *с ног*... <…> Из города хотели было «дохтура» прислать, единственно для проформы, ибо одному доктору с сотнями отчаянно больных *делать нечего*, да так, впрочем, и не прислали по причине болезни другого городского врача. *Таким образом, вопреки известной народной поговорке случилось, что* ***семеро ждали одного***. По деревням между тем в ожидании «дохтура» люди *валились, как мухи*…

Из деревень горячка перебралась и в самый Болотинск. <…>

В числе первых жертв тифа оказался Андрюша, а за ним заболела и Катерина Степановна. <…>

По истечении месяца, вследствие болезни жены, финансы Долгого, никогда и прежде не процветавшие, пришли в такое печальное состояние, что Долгий крепко-накрепко призадумался и чаще прежнего принялся *чесать* себе *затылок. Именно* ***беда одна не ходит****, но всегда или по большей части водит за собой целую гурьбу разных бед, больших и малых.*

О радости я не слыхал, чтобы говорили то же самое…» [4, с. 421].

Приведенный эпизод можно разделить на две смысловые части, каждая из которых завершается авторским обобщением: 1) *Таким образом, вопреки известной народной поговорке случилось, что* ***семеро ждали одного*** (ср. с узуальной устойчивой фразой *Семеро одного не ждут* 'говорится тогда, когда многие не хотят (не могут) ждать одного, или тому, кто заставляет многих ждать себя'); 2) *Именно* ***беда одна не ходит****, но всегда или по большей части водит за собой целую гурьбу разных бед, больших и малых* (ср. с узуальной устойчивой фразой *Беда никогда не ходит одна*). Расширяя компонентный состав ФЕ, писатель использует гиперболу: *беда одна не ходит, но... водит за собой* ***целую гурьбу разных бед***. Гипербола создает психологизм повествования, усиливает ощущение трагического в общей эмоциональной тональности текста, является активным средством воздействия на читателя, вызывает его сопереживание. В последующей добавочной фразе происходит субъективация нарратива 3 лица – неожиданно проявляется авторское перволичное начало: *О радости* ***я*** *не слыхал, чтобы говорили то же самое*. Это попутное замечание автора является продолжением его размышления, выраженного известной пословицей. Соотнося антонимические понятия *беда – радость*, повествователь замечает, что русским народом больше всего сложено пословиц и поговорок о несчастье, что отражает национально-культурные особенности русских людей, привыкших преодолевать трудности, горе. Продвижению повествования о тифозной эпидемии, одолевшей бедняков, способствуют фразеологические синонимы с процессуальной семантикой: *свалила с ног* (*свалить с ног* кого 'довести до тяжелой болезни'); *валились, как*

мухи (*мрут как мухи* прост. ‘погибают в огромном количестве’).

Размышлениями о счастье и несчастье завершаются авторские рассуждения в заключительной главе «Кто не виноват?». Повествователь рассказывает о том, как не сбылись надежды молодой служанки Палаши, мечтавшей о свободе и счастье:

«Тогда Палаша думала, что если захочет что она, – то все может выполнить; захочет, например, быть вольною – и останется ею навсегда. <…>

Но так думала Палаша тогда. А теперь? Теперь уж она ясно видела, что смело она шла и смело, *очертя голову, полетела в пропасть*, что не устроила она себе счастья…

Так всегда: одни *на костях* других *строят* себе *нечто призрачное* – подобное счастью, и ничего не успевают сделать, потому что *на их костях* третьи хотят созидать что-то, а те, в свою очередь, *попадают в руки* четвертым – и так далее до бесконечности. *Не устраивается счастье на несчастье других; а строить счастье на ином основании люди не могут, не умеют*...» [4, с. 430].

Автор пытается оправдать грехопадение Палаши, забеременевшей от Федора, мужа больной и несчастной Насти. По мысли писателя, бедные люди не виноваты в том, что они несчастливы, их стремления к лучшему ущемляют интересы таких же обездоленных и угнетенных: *Не устраивается счастье на несчастье других; а строить счастье на ином основании люди не могут, не умеют*. Авторская завершающая сентенция, восходящая к узуальной устойчивой фразе *Своего счастья на чужом несчастье не построишь*, занимает заметное место в графическом пространстве текста – выделена курсивом, что служит сигналом для читателя: это одна из сильных позиций текста, раскрывающих замысел писателя. Предшествующее размышление о том, что бедные вынуждены быть жестокими, обогащается здесь новыми семантическими оттенками путем использования лексико-фразеологических повторов: *одни* ***на костях*** *других* ***строят*** *себе* ***нечто призрачное; на их костях*** *третьи* ***хотят созидать что-то*** (узуальные ФЕ *на костях* ‘ценою гибели людей’; *строить на песке* ‘пытаться основать на ненадежных данных (планы, расчеты)’; *строить воздушные замки* ирон. ‘предаваться необычным мечтам, придумывать неосуществимые планы’). В результате смыслового взаимодействия ФЕ *на костях строят нечто призрачное*, трансформированной путем контаминации и замены компонентов, с устойчивым оборотом *попадают в руки* (*попадать в руки* ‘оказываться в чьем-либо владении, распоряжении’), характеризующих столкновение мечты и грубой реальности, происходит усиление доминантных сем ‘гибель, угнетение’. Так выстраивается вертикальный контекст, сигнальными точками которого являются фразеологизмы, репрезентирующие концептуальное содержание базовых понятий *бедность, беда, несчастье*. Контактно расположенные ФЕ *очертя голову, полетела в пропасть* передают авторскую оценку необдуманных поступков героини, инстинктивно поддавшейся греховной страсти (*очертя голову* разг. ‘безрассудно смело, не думая о последствиях’; *лететь в тартарары* ‘рушиться, пропадать, гибнуть’). Ср. метафорическое выражение *полетела в пропасть* с использованием сквозного образа *бездны*, *пропасти* в «Дневнике лишнего человека» И. С. Тургенева: *наклоненный над безмолвной, зияющей бездной.*

Последовательное рассредоточенное расположение нескольких сентенций в повествовательной ткани произведения формирует авторский замысел, создает текстовый потенциал воздействия, позволяет моделировать образ читателя, воссоздавать процесс восприятия произведения, выстраивать ключевые фазы познавательной деятельности адресата. Особенностью коммуникативного пространства повести П. В. Засодимского «Темные силы» является использование фразеологических контекстов, эксплицирующих семантику устойчивых оборотов – названий глав, важных в композиционно-смысловом плане: «Два венца… терновые» (глава 3); «Беда одна не ходит» (глава 10); «Кто не виноват?» (глава 13). В результате семантического взаимодействия ряда авторских ремарок и сентенций осуществляются фразеологические повторы, способствующие дополнению, обогащению ведущей мысли новыми оттенками, происходит кумуляция концептуального содержания текста, концентрация его идейного смысла, что определяет специфику развертывания повествования. Каждая последующая сентенция, воспринимаемая читателем ретроспективно, является символической аллюзией, создающей лейтмотив текста. Ключевые ФЕ – смысловые доминанты ХТ – формируют авторскую стратегию, осуществляя литературную

коммуникацию в сфере *автор (повествователь) – адресат (читатель)*.

Исследование особенностей функционирования фразеологизмов в текстах разных повествовательных типов выявляет общие и различные черты их использования в традиционном нарративе. ФЕ отражают повествовательную точку зрения, участвуют в формировании позиции автора и персонажей. В перволичном нарративе Тургенева литературная коммуникация шире представлена в сфере рассказчик – читатель, а в третьеличном нарративе Засодимского – в сфере автор – читатель. В обоих типах повествования общим способом выражения авторской позиции являются философские сентенции, репрезентирующие концептуальное содержание произведений: *В виду смерти исчезают все земные суетности* (Тургенев)*; Но бедному… быть добрым и любящим несравненно труднее, чем пройти толстой веревке сквозь игольное ушко* (Засодимский). В повествовании от 1 лица преобладают самохарактеристики рассказчика-персонажа: *с замочком внутри; лишняя птица; глупое пятое колесо в телеге* (Чулкатурин в повести Тургенева). В третьеличном нарративе значительное место занимают собственно авторские оценки: *валились как мухи; очертя голову; полетела в пропасть* (Засодимский). Индивидуальные приемы формирования повествовательной точки зрения в анализируемых произведениях обусловлены спецификой идейного содержания текста, мировоззренческими позициями писателя и художественно-эстетическими принципами творчества, характеризующими своеобразие его языковой личности.

Библиографический список

1. *Ашукин Н. С.* Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М.: Современник, 1996. – 560 с.

2. *Болотнова Н. С.* Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск: ТомГУ, 1992. – 312 с.

3. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – 4-е изд. – М.: Рус. язык, 1991. – 534 с.

4. *Засодимский П. В.* Темные силы // Русские повести XIX века 60-х гг. Т. 2. – М.: Госуд. издво худож. лит., 1956. – С. 345–432.

5. *Иванчикова Е. А.* Автор в повествовательной структуре исповеди и мемуаров (на материале произведений Достоевского) // Язык как творчество: Сб. ст. к 70-летию В. П. Григорьева / Ин-т рус. яз. РАН. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 250–255.

6. *Кожевникова Н. А.* О соотношении типов повествования в художественных текстах // Вопр. языкознания. – 1985. – № 4. – С. 104–114.

7. *Мелерович А. М.* Фразеологизмы в русской речи: словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Рус. словари, 1997. – 864 с.

8. *Николина Н. А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Издат. центр «Академия», 2003. – 256 с.

9. *Падучева Е. В.* Семантика нарратива // Падучева Е. В. Семантические исследования. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – С. 195–418.

10. *Попова Е. А.* Коммуникативные аспекты литературного нарратива: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Липецкий госпедун-т. – Елец, 2002. – 42 с.

11. *Тургенев И. С.* Записки охотника. Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1979. – 608 с.

12. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.

13. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – М.: Рус. язык, 1986. – 543 с.

Э. Л. Шубина

К ВОПРОСУ О ВАРИАНТНОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕМЕЦКИХ АВТОРОВ XVII ВЕКА

Преамбула. *Грамматическая система немецкого литературного языка рассматриваемого периода обнаруживает известную нестабильность, а также параллелизм ряда грамматических средств, приводивший к значительной вариантности в оформлении некоторых синтаксических конструкций. Речь идет о способах грамматического оформления конструкций типа Nquant+AdjN, а также о предполагаемой зависимости их синтаксической организации от грамматических характеристик конституентов и от индивидуальных авторских предпочтений.*

Данная статья посвящена недостаточно изученной в немецком языкознании теме, связанной с проблемами выбора синтаксической связи в квантитативных словосочетаниях с распространенным прилагательным (причастием) вторым компонентом: Nquant+AdjN. Словосочетания рассматриваемого типа могут оформляться в современном немецком языке либо при помощи генитивного управления *ein Paar schöner Augen*, либо при помощи предложного управления *ein Schwarm von weißen Vögeln*, либо при помощи согласования *ein Eimer kaltes Wasser*, или при помощи примыкания *einem Tropfen siedendes Öl**. В современном немецком языке реально как конкуренты могут выступать конструкции с генитивным управлением и согласованием *ein Paar schöner Augen* и *ein Paar schöne Augen*. Как зарубежные, так и отечественные языковеды пытались найти причину данной нормативной неустойчивости. Так, Б. Бетке [4], О. Мензинг [8] связывают выбор вида подчинительной связи с функциональным стилем. По их мнению, конструкции с согласованием типичны для обиходно-разговорной речи. Авторы девятого тома из серии "Der Duden in 12 Bänden", посвященного трудностям современного немецкого языка, полагают, что словосочетания, первый компонент которых обозначает единицы измерения веса, длины и т. п., а второй компонент – существительное в единственном числе, должны оформляться при помощи согласования (*ein Glas guter Wein (gehoben) guten Weines*). Словосочетания, второй компонент которых – существительное во множественном числе, а первый компонент обозначает определенное количество и при этом стоит в именительном и винительном падежах, оформляются также при помощи согласования (*ein Dutzend frische Eier (selten: frischer) Eier).* Эти авторы считают, что в данных случаях словосочетания, оформленные при помощи генитивного управления, употребляются в «…торжественных случаях и производят впечатление высокопарности» [6].

Словосочетания, первый компонент которых стоит в дательном падеже, а второй компонент – существительное во множественном числе, могут быть организованы на основе управления и примыкания: *mit einem Korb reifer (reife) Äpfel (вместо mit einem Korb reifen Äpfeln).*

Отечественные германисты неоднократно подчеркивали зависимость выбора вида подчинительной связи от семантики первого компонента и пытались классифицировать существительные, выступающие в качестве первого компонента. На мой взгляд, наиболее подробная классификация предложена М. В. Раевским и Е. С. Кутасиной. Так, существительные могут обозначать: 1) числа *(Paar, Dutzend*); 2) единицы измерения веса, объема, длины и т. п. *(Gramm, Meter*); 3) бытовые единицы измерения *(Glas, Löffel, Tasse*); 4) стандартную меру или количество *(Flasche, Schoppen*); 5) не называемое точно, но известное количество *(Portion, Lage);* 6) часть целого *(Teil, Rest*); 7) неопределенно-большое количество *(Menge, Unzahl*); 8) неопределенно-малое количество *(Prise*); 9) некоторое неопределенное количество *(Anzahl, Gruppe*) [3]. Вышеупомянутые авторы полагают, что наиболее часто согласование проводится в словосочетаниях с первым компонентом, выраженнным существительными, обозначающими а) единицы измерения веса, длины, площади и т. п.; b) бытовые единицы измерения; с) стандартную меру или количество. Наименее интенсивно вытеснение управления согласованием протекает в словосочетаниях с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающими большое количество.

© Э. Л. Шубина, 2006

Таким образом, во всех вышеупомянутых работах, в которых затрагивались вопросы грамматического оформления данных словосочетаний, предметом анализа была зависимость выбора вида синтаксической связи от грамматических характеристик первого и второго компонентов, а также от семантики существительных, выступающих в роли первых компонентов. Однако авторами этих работ не рассматривались варианты грамматического оформления этих субстантивных словосочетаний в XVII веке, когда процессы нормализации немецкого литературного языка еще только начинались. Историческое рассмотрение этого вопроса показывает динамику изменения способов синтаксической организации рассматриваемых словосочетаний на протяжении времени, предшествующего кодификации собственно современной грамматической нормы немецкого языка.

Как отмечает М. М. Гухман, «со второй половины XVII в. начинается эпоха непосредственного формирования немецкого национального языка, а к концу XVII в. – началу XVIII в. этот процесс, в основном, приближается к завершению в сфере письменной речи. Здесь складывается определенная, хотя и допускающая известные колебания норма, как орфографическая, так и грамматическая, действующая почти на всей территории немецкой языковой области» [2]. В сфере устной речи к этому времени оформляется (в речи образованных людей) определенная тенденция к смягчению некоторых наиболее грубых диалектных признаков. Но она еще очень слаба, и диалектные различия явственно выступают в речи каждого немца.

Большую роль играла развившаяся быстрыми темпами в XVII в. художественная и философская литература, а также описания путешествий. Наряду с переводными книгами здесь все большее распространение получают оригинальные произведения Г. Я. К. Гриммельсгаузена, К. Вайзе, Г. М. Мошероша, Ф. фон Цезена, К. Ройтера, Й. Б. Шуппа, А. Олеариуса, А. Грифиуса, Абрагама а Санта Клара, К. Штилера. Произведения указанных авторов и явились источниками языкового материала, анализируемого в данной работе.

Имеющийся материал показывает, что при наличии препозитивного определения перед вторым компонентом квантитативных словосочетаний обнаруживаются следующие возможности грамматического оформления второго компонента, указывающие одновременно на вид подчинительной связи, с помощью которой эти словосочетания организованы.

1. Независимо от падежной формы первого компонента второй компонент выражен существительным в родительном падеже, что сигнализируется формой прилагательного и возможно лишь при *генитивном управлении* как виде подчинительной связи между обоими членами словосочетаний: *…wiewol noch* ***eine große Pfann gebackener Eier*** *dort stunde* (Г. Я. К. Гриммельсгаузен).

2. Второй компонент употреблен в том же падеже, что и первый, что сигнализируется формой прилагательного и также свидетельствует о подчинительной связи между ними, оформленной на этот раз как *согласование*: *…und er wollte ihm* ***einen Trunck Spanischen Wein*** *zu bringen* (И. Б. Шупп).

3. Есть также примеры, допускающие двоякое толкование подчинительной связи между компонентами: и как управления, и как согласования. Это наблюдается в тех случаях, когда первый компонент, стоящий в дательном падеже, предшествует второму компоненту – существительному женского рода: *…in dem wir aber über dieselbe mit* ***5 Stunden saurer Arbeit*** *uns gewunden…* (А. Олеариус).

Также невозможно однозначно определить вид подчинительной связи в субстантивных словосочетаниях, в которых употребляются слабые окончания определительных прилагательных при существительных, выступающих в роли вторых компонентов. Существительные, выступающие в роли первых компонентов, стоят в нашем материале только в дательном падеже. В роли вторых компонентов употребляются существительные мужского (Seckt, Wein, Zwirn, Käse) и среднего рода (Rindfleisch) в единственном числе: *…denen der Wirth mit* ***einem Trunck warmen Seckt*** *begegnete…* (К. Вайзе); *…fanden wir den Tisch schon bedeckt und mit einem Botthast,* ***einem stück kalten Rindfleisch*** *aus dem Salz wie auch mit einem Trunck Hamburger Bier geziert* (Г. Я. К. Гриммельсгаузен). Двоякое толкование подчинительной связи между компонентами (как согласования, так и примыкания) возможно в тех словосочетаниях, в которых существительное – второй компонент лишено какой бы то ни было флексии, а определительное прилагательное выступает в несклоняемой форме: *Im Martio*

werde ***ein guter Trunk bitter Wein*** *des Morgens sehr gesund sein* (И. Б. Шупп).

Что касается употребления прилагательных в краткой форме, то еще в начале XVII в. М. Риттер указал в своей грамматике, что после неопределенного артикля может стоять, как краткая так и полная форма: *ein reicher Mann* и *ein reich Mann*. В трудах по грамматике XVII в. авторы неоднократно возвращаются к этому вопросу, причем они допускают употребление кратких форм по преимуществу при имени существительном среднего рода [2]. В нашем материале в роли вторых компонентов выступают преимущественно существительные среднего рода в единственном числе: *…das waren* ***vier und siebenzig Marck ungemüntzt fein Silber****...* (Г. Я. К. Гриммельсгаузен); *…und er schrieb* ***ein hauffen närrisch Zeug*** *hinein* (К. Ройтер). В некоторых случаях в качестве вторых компонентов выступают существительные мужского и женского рода в единственном числе: *…****12 große Stück geräuchert Fisch*** (А. Олеариус); *…daß er alles, was er im Magen hat, heraus geben muß, da dann* ***große Stücken geronnen Milch****, grünlich sich finden...* (А. Олеариус). Краткая форма определительного прилагательного употребляется и перед существительными во множественном числе: *…verehrte er der Corinne* ***ein paar Seiden Strümpff****...* (И. Б. Шупп).

4. В материалах данного синхронного среза *примыкание* как разновидность подчинительной связи не представлена.

В описываемый период для словосочетаний, организованных на основе управления, существуют следующие возможности грамматического оформления: a) словосочетания, второй компонент которых стоит во множественном числе, оформлены таким же образом, как и в современном немецком языке: *Er ist aber mit* ***einer Reyhe kleiner Inseln*** *besetzet...* (К. Штилер); b) словосочетания, второй компонент которых – существительное женского рода в форме единственного числа, оформлены таким же образом, как и в современном немецком языке: *Gewiß ist es, daß es auch Sinnreiche geschnitzte Bilder an sich gehabt, welche gleich wie sie* ***ein Theil großer Kunst*** (К. Штилер); c) субстантивные словосочетания, второй компонент которых – существительные мужского или среднего рода, только в двух примерах оформлены таким же образом, как в современном немецком языке (прилагательное имеет слабое окончание *-en*, а существительное сильного склонения получает флексию родительного падежа *-s*): *...dieser hat mit* ***eine Bissel weißen Meels*** *alle Bitterkeit abgewendt* (Абрагам а Санта Клара). В других примерах определительное прилагательное получает окончание *-es*, несмотря на наличие того же дифференцированного окончания *-s* у существительных среднего рода: *...dann neben* ***seinen großen Summen baares Geldes*** *hat es hin und wieder viel Häuser* (А. Олеариус). Как показывает материал, сильная форма прилагательного достаточно часто используется в квантитативных словосочетаниях, оформленных с помощью генитивного управления. В этих словосочетаниях новые формы соседствуют со старыми. В нашем материале из десяти примеров шесть оформлены с использованием окончания *-es*.

Выделяются случаи, когда способ синтаксической связи выражен только с помощью формы существительного. Это имеет место в примерах, где существительное среднего рода, выступающее в роли второго компонента, маркировано с помощью окончания *-s*: *…daß einer für* ***eine Summe geliehen Geldes*** *einen Garten versetzet* (А. Олеариус).

Таким образом, субстантивные словосочетания типа Nquant+AdjN могут быть организованы в описываемый период на основе двух видов подчинительной связи: управления и согласования. Различия в количестве случаев, которыми в нашем материале представлен тот или иной вид подчинительной связи, свидетельствуют об их неодинаковой употребительности и дают основания полагать, что эти три вида подчинительной связи не следует рассматривать как равновероятные способы соединения компонентов в названных словосочетаниях.

Различия в употребительности согласования и управления обусловлены прежде всего рядом чисто языковых причин. Несмотря на то, что позиции родительного падежа в группе существительного еще чрезвычайно прочны, здесь также в это время происходят значительные сдвиги. Как отмечает В. Г. Адмони, «одним из сдвигов в группе существительного, ведущим к некоторому оттеснению родительного падежа, является быстро распространяющаяся замена партитивного родительного падежа в группе, обозначающей меру + множество, формой, согласующейся с определяемым существитель-

ным» [1]. Согласно данным, полученным В. Бондцио, уже в XIV в. наметилась тенденция к оформлению конструкций типа Nquant+N и Nquant+AdjN при помощи согласования, а в некоторых текстах XVI в. (речь прежде всего идет о деловой переписке, канцелярских текстах и текстах по домоводству) словосочетания рассматриваемого типа оформляются преимущественно при помощи согласования [5].

Большинство отечественных и зарубежных авторов, как уже ранее было отмечено, указывают, что предпочтение одного вида подчинительной связи другому в современном немецком языке зависит от семантики существительного, выступающего в роли первого компонента. Проанализированный материал показывает, в какой степени проявляется эта зависимость в произведениях авторов XVII в.

В первой группе субстантивных словосочетаний интересующего нас типа с общим значением «определенное количество каких-то предметов и т. п.», первые компоненты представлены следующими существительными: ***Paar, Dutzend, Schock (60), Hundert, Tausend, Million.*** Словосочетания данной семантической группы организованы в нашем материале на основе двух видов подчинительной связи: генитивного управления и согласования (словосочетания с согласованием встретились в два раза чаще): *…das war ein grauer Hut,* ***ein paar rother scharlachner Hosen*** *und ein grauer Rock* (А. Олеариус); *…guckte das junge Geelschneblichen mit* ***einem paar rothen Backgen*** (К. Вайзе). Материалы показали, что словосочетания данной семантической группы оформляются при винительном падеже первого компонента чаще всего на основе согласования.

Словосочетания семантической группы с общим значением «конкретное число стандартных единиц измерения предметов, веществ и т. п.», представлены существительные со значениями единиц измерения веса: ***Pfund***; объема: ***Tonne***; длины: ***Elle, Arsin***; а также наименованиями денежных знаков: ***Marck, Reichsthaler, Ducaten***. Словосочетания данной семантической группы могут быть организованы на основе двух видов подчинительной связи: управления и согласования (словосочетания с согласованием встретились в семь раз чаще): *...bei Vermehrung einer Strafe von* ***zwölf Marck lötiges Goldes****…* (И. Б. Шупп); *Darauff schickten ihm die Gesandten* ***… ein Pfund Deutschen Toback*** (А. Олеариус). В данной группе также существует некоторая зависимость от падежа существительных, выступающих в роли первых компонентов. Так, словосочетания данной семантической группы оформлялись при дательном падеже первого компонента исключительно при помощи генитивного управления.

Словосочетания семантической группы с общим значением «определенное число бытовых единиц измерения предметов, веществ и т. п.», первые компоненты которых представлены существительными ***Schale, Trinckgläslein, Krug, Pfann, Handvoll,*** оформлены также при помощи генитивного управления и согласования (одинаковое количество примеров): *…wie ein Esel, dem irgends einer* ***eine Handvoll scharffer Distel*** *oder Brenn-Nessel unter den Schwanz gelegt* (Г. Я. К. Гриммельсгаузен); *Er solte sich* ***eine Schale geglueten Wein*** *bringen lassen…* (К. Вайзе). Словосочетания данной семантической группы оформляются при винительном падеже первого компонента в большинстве случаев при помощи согласования, также прослеживается определенная зависимость в оформлении конструкций рассматриваемого типа от числа существительных, выступающих в роли вторых компонентов. Так, словосочетания со вторыми компонентами – существительными во множественном числе оформлены только при помощи генитивного управления.

Словосочетания семантической группы с общим значением «конкретное число стандартных мер какого-то вещества», первые компоненты которых представлены существительными ***Flasche, Faß, Mas, Stübichen***, оформлены при помощи исключительно согласования: *Unsere Gesandten ließen ihm* ***eine Flasche Französischen Brandwein*** *verehren* (А. Олеариус).

Словосочетания семантической группы с общим значением «некоторое количество частей целого» представлены существительными ***Stück, Theil, Schmarren, Schnitlein.*** Конструкции организованы на основе двух видов подчинительной связи: генитивного управления и согласования (конструкции с согласованием встретились в три раза чаще): *…und sie unterander auch* ***solche stücklein gesegnetes Brodts*** *auftheilen* (К. Ройтер); *Endlich wirfft man* ***ein Schnittlein geröstete Semmel****…* (К. Ройтер). В данной семантической группе не прослеживается определенной зави-

симости от грамматических характеристик конституентов.

Словосочетания семантической группы с общим значением «неопределенно-большое количество вещества, предметов, людей» представлены существительными ***(eine) Menge, Haufen***. Словосочетания оформляются в нашем материале с помощью генитивного управления и согласования (примерно равное количество примеров): *…als* ***eine grosse Menge unglaublicher Schönheit*** *an seiner Geliebten ihn aufzurichten* (К. Штилер); *...was für* ***ein hauffen sündliches Greulwesen*** *würde man nicht darinnen finden und antreffen* (Г. Я. К. Гриммельсгаузен). Здесь также не существует жесткой зависимости в оформлении конструкций исследуемого типа от грамматических характеристик первого и второго компонентов.

Словосочетания семантической группы с общим значением «неопределенно-малое количество вещества» представлены существительными ***Bissel, Trunck, Tröpffelein***. Конструкции оформлены преимущественно при помощи согласования: *…dieser hat mit* ***eine Bissel weissen Meels*** *alle Bitterkeit abgewendt in dem Kraut-Topff* (Г. Я. К. Гриммельсгаузен); *In der Schnur Gasse, im wilden Mann ist* ***ein köstlicher guter Trunck rother Wein*** (И. Б. Шупп). Согласно полученным данным, в рассматриваемой группе прослеживается определенная зависимость в оформлении конструкций от падежной формы существительных, выступающих в роли первых компонентов. Так, словосочетания оформлялись при дательном падеже исключительно при помощи генитивного управления.

Словосочетания семантической группы с общим значением «некоторое неопределенное количество предметов, людей и т. п.» представлены существительными ***Reihe, Anzahl, Truppe, Schwarm, Regiment.*** Квантитативные конструкции оформлены в нашем материале преимущественно при помощи генитивного управления: *…worinnen* ***ein grosse Anzahl viel kostbarer Edelgestein*** *liegt...* (Абрагам а Санта Клара); *…begegneten uns anfänglich* ***etliche starke Troupen wol ausgeputzte Reuter***… (А. Олеариус). Словосочетания со вторыми компонентами – существительными во множественном числе оформлены в подавляющем большинстве случаев при помощи управления. Таким образом, прослеживается определенная зависимость от числа существительных, выступающих в роли вторых компонентов.

Подводя итоги исследования квантитативных словосочетаний типа **Nquant+AdjN** в произведениях немецких авторов XVII в., на основе гипотезы о том, что синтаксическое оформление их определяется не только грамматической характеристикой их компонентов, но и семантикой входящих в их состав существительных, а также индивидуальными авторскими предпочтениями, можно сделать следующие выводы:

1. Квантитативные словосочетания организованы преимущественно при помощи согласования (конструкции с генитивным управлением составляют примерно 29%, словосочетания, оформленные при помощи согласования, составляют примерно 44%). Необходимо отметить, что в современных произведениях немецкоязычных авторов данное количественное соотношение выглядит иначе. Так, словосочетания с генитивным управлением составляют примерно 58%, а с согласованием примерно 36% от общего количества словосочетаний. Таким образом, можно утверждать, что вытеснение генитивного управления из анализируемых конструкций характерно именно для изучаемого периода. В современном немецком языке управление не только не исчезает из словосочетаний рассматриваемого типа, но и остается наиболее распространенным видом подчинительной связи.

2. Генитивное управление как вид синтаксической связи в словосочетаниях рассматриваемого типа может иметь в XVII в. следующие формальные характеристики: a) определительное прилагательное перед вторым компонентом, выраженным существительными мужского и среднего рода, получает окончание *-es*, несмотря на наличие окончания *-s* у существительных, выступающих в роли вторых компонентов; b) прилагательное перед вторым компонентом имеет нулевой показатель, а существительные мужского или среднего рода маркированы с помощью окончания *-s*. Обращает на себя внимание тот факт, что в современном немецком языке также спорадически встречаются словосочетания, для которых характерны вышеупомянутые особенности генитивного управления. Так, примерно 2% информантов–носителей языка не считают ошибочным использование окончание *-es* у прилагательного, несмотря на наличие окончания *-es* у существительных, выступающих

в роли вторых компонентов: *von ungezählten Hektar unbestellt**es** Land**es**;* также примерно 3% информантов–носителей языка допускают употребление прилагательного с нулевым показателем: *einigen Haufen trocken Maisstrohs*. Кроме того, среди конструкций, в которых способ грамматического оформления не устанавливается, представлены преимущественно словосочетания с краткой формой прилагательного и причастия. В современном немецком языке подобные словосочетания можно встретить исключительно в художественной литературе: *...daß nicht zufällig daraus **ein Tropfen siedend Öl** auf ihn falle und der Schmerz ihn erwecke* (Т. Манн); *Ich griff **einen Kanten trocken Brot*** (Г. Грасс). Однако здесь употребление краткой формы прилагательного связано с застыванием данных словосочетаний, как, например, Kölnisch Wasser.

3. Материалы XVII в. показали, что ни в одной из упомянутых семантических групп не существует жесткой зависимости, на которую указывают современные нормативные грамматики, от грамматических характеристик компонентов.

4. Что касается предполагаемой зависимости грамматического оформления данных словосочетаний от индивидуальных авторских предпочтений, то оказалось, что при сопоставлении материалов всех семантических групп обнаруживается определенная тенденция выбора авторами художественных произведений того или иного вида подчинительной связи. Так, выявлена группа авторов, которые выбрали генитивное управление как единственный вид подчинительной связи. К ним относятся: Ф. фон Цезен, Г. М. Мошерош, Й. Г. Шоттелиус. Наиболее многочисленная группа авторов прибегает примерно в равной степени как к генитивному управлению, так и к согласованию. Среди них такие авторы, как Г. Я. К. Гриммельсгаузен, А. Грифиус, Абрагам а Санта Клара, К. Штилер. Нижеперечисленные авторы отдают большее предпочтение согласованию. К ним относятся: Й. Б. Шупп и А. Олеариус. К. Ройтер и К. Вайзе оформляют немногочисленные словосочетания рассматриваемого типа исключительно при помощи согласования.

Примечания

* Этот вид подчинительной связи бесспорно констатируется лишь для тех случаев, в которых первый компонент выражен существительными либо в родительном, либо в дательном падеже. В этих случаях определение формы второго компонента как именительного падежа не вызывает затруднений. Вместе с этим ни один из авторов не допускает использования примыкания в словосочетаниях, где в качестве второго компонента выступает существительное в единственном числе. Так, например, У. Энгель считает употребление словосочетаний типа *mit einem Sack guter Zement u eines Sacks guter Zement* грамматически неправильным [7]. Опрос информантов-носителей языка показал, что для единственного числа второго компонента примыкание допускают два процента опрошенных (ср.: *Ein einsames Fräulein saß bei **einem Glas grüner Likör***.)

Библиографический список

1. *Адмони В. Г.* Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высш. шк., 1963. – 335 с.

2. *Гухман М. М.* От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Т. I–II. – М., 1958–1959.

3. *Кутасина Е. С., Раевский М. В.* Еще раз о виде подчинительной связи словосочетаний типа ein Liter Wasser и падежной форме их второго компонента // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1985. – №2. – С. 48–56.

4. *Betcke B.* Deutscher Sprach – Ratgeber. – Lpz.: Brockhaus, 1947. – 267 S.

5. *Bondzio W.* Untersuchungen zum attributiven Genitiv und zur Nominalgruppe in der deutschen Sprache der Gegenwart: Habilitationsschrift. – B., 1966. – 293 S.

6. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. – 953 S. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)

7. *Engel U.* Deutsche Grammatik. – Heidelberg, 1988.

8. *Mensing O., Erdmann O.* Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. – Stuttgart: Gotta, 1898. – 2. Abt. 276 S.

Н. Г. Коптелова

А. П. ЧЕХОВ В ВОСПРИЯТИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО (1908–1914 гг.)

Преамбула. *Известно, что Д. С. Мережковский одним из первых литературных критиков «открыл» и поддержал талант молодого А. П. Чехова, а затем не раз обращался к проблемам художественного наследия писателя. Однако его рецепция личности и творчества автора «Вишневого сада» недостаточно глубоко исследована современным литературоведением. Цель данной статьи – проследить, как и почему менялась концепция творчества Чехова в работах Мережковского 1908–1914 гг., охарактеризовав некоторые особенности его критического метода.*

Согласно концепции М. М. Бахтина, диалогичность составляет основу литературного творчества. Она, например, заложена в самой природе литературной критики, существование и развитие которой обусловлено, как правило, реакцией на высказывания предшественников и предполагает «активность вопрошающую, провоцирующую, отвечающую, соглашающуюся, возражающую и т. п.» [1, с. 304, 310, 371, 373]. Современные последователи М. М. Бахтина и В. С. Библера [2] справедливо подчеркивают, что диалогическое начало активизируется в творческом мышлении Серебряного века: «С серебряного века начался в русской литературе большой диалог разных поэтических школ, направлений, ориентаций, художественных систем – большой диалог в культуре» [6, с. 92–93].

В критическом наследии Д. С. Мережковского, ярчайшего представителя культуры Серебряного века, можно видеть богатство проявлений диалогичности. Так, интересны и разнообразны содержательные аспекты и формы диалогичности, реализованные в статье Мережковского «Асфодели и ромашка» (1908), поводом создания которой стала публикация «Писем из Сибири» А. П. Чехова. В этой работе, полемически опрокидывающей концепцию статьи «Чехов и Горький» (1906), можно наблюдать сочетание и взаимодействие разных диалогических моделей: «внешнего» авторского диалога-спора с писателями-современниками, чье творчество, с точки зрения Мережковского, показывает непродуктивные в художественном отношении тенденции развития литературы, а также своеобразного «внутреннего» диалога-самокритики, обращенного к себе, как представителю модернизма. Любопытно, что этот сложно построенный «диалог», представленный в статье Мережковского, ведется как бы с позиций эстетики и поэтики А. П. Чехова, которые для критика в контексте данной работы оказываются идеалом, вершиной, к которой необходимо стремиться. Мережковский замечает: «Надо было наговорить столько лишнего, сколько мы наговорили, надо было столько нагрешить, сколько мы нагрешили святыми словами, чтобы понять, как он (Чехов. – *Н.К.*) был прав, когда молчал о святом. Зато его слова доныне – как чистая вода лесных озер, а наши, увы, слишком часто похожи на трактирные зеркала, засиженные мухами, исцарапанные надписями» [9, с. 210]. Противопоставление «*живого*» слова Чехова «*умирающей*» «новейшей русской литературе» выражено через ряд символических антитез: «*мир живых*» – «*загробный мир теней*», «*цветы смерти, пышные пыльные асфодели*» (разновидность декоративных лилий) – «*смиренная полевая ромашка*» (курсив мой. – *Н.К.*) и т. д. (Интересно, что уподобление творчества Чехова «скромному полевому цветку» встречается и в критике современника Мережковского Б. К. Зайцева) [18, с. 156].

Заметим, что символ лилии – характерный образ раннего символизма. В лирике Серебряного века чаще всего лилия символизировала близость смерти. Такая семантика образа встречается в поэтическом триптихе Д. Мережковского «Леда», написанном в форме монолога лирического персонажа:

Где я, что со мной – не ведаю:
Это – смерть, но не боюсь,
Вся бледнея,
Страстно млея,
Как в ночной грозе *лилея*,
Ласкам бога предаюсь
(курсив мой. – *Н.К.*) [11, с. 551].

Подобный вариант смыслового наполнения образа лилии встречается и в стихотворении З. Н. Гиппиус «Иди за мной»:

Полуувядших *лилий* аромат
Мои мечтанья легкие туманит.

© Н. Г. Коптелова, 2006

Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет
(курсив мой. – *Н.К.*) [5, с. 60].

Любопытно, что, уподобляя дарование Чехова «живому цветку», Мережковский спорит не только со своими высказываниями из статьи «Чехов и Горький», но и с прежними суждениями о писателе, встречающимися в работах Гиппиус. Он буквально полемически пересоздает критическую концепцию статьи Гиппиус «О пошлости», в которой произведения Чехова сравниваются с «*яркими*», но «*отравленными цветами*» (курсив мой. – *Н.К.*): «<...>от их запаха в душе поднимается предсмертная тошнота, темная тоска» [4, с. 271].

Каждая реплика критического диалога, реализованного в статье Мережковского «Асфодели и ромашка», обращена к той или иной творческой личности, представляющей конкретную тенденцию развития современной литературы, которую автор вслед за Чеховым отрицает. Так, критик спорит с Вяч. Ивановым, как создателем эстетических утопий, искусственно навязывающим современной литературе «мифотворчество». Мережковский отвергает стилизацию и сопутствующую ей экзотику, во многом определяющие, как он считает, творческие искания С. Городецкого, К. Бальмонта, А. Блока, Эллиса, Сологуба и др. Критик не принимает идеи самоценности поэзии, настойчиво декларируемой Брюсовым. Для Мережковского оказываются в равной степени неприемлемыми и желание И. Бунина чувствовать себя «гражданином вселенной» (рассказ «Тень птицы»), и «мистический анархизм» М. Кузмина и Л. Андреева. За столь разными тенденциями развития современной литературы Мережковский видит «эмпирическое «неприятие» России, вытекающее из более глубокого метафизического «неприятия мира», из «отрицания «рождества» [9, с. 214].

Автор статьи «Асфодели и ромашка» дерзко уподобляет миропонимание своих писателей-современников «бунту против рождества» Смердякова, героя романа «Братья Карамазовы», и тем самым опосредованно сближает Чехова и Достоевского, которых так настойчиво разводила в статьях «О пошлости», «Быт и события» З. Гиппиус. Да и сам Мережковский в работе «Чехов и Горький» объявлял антиподами авторов «Вишневого сада» и «Братьев Карамазовых». Он писал: «Вопрос о бессмертии, так же, как вопрос о Боге, – одна из главных тем русской литературы от Лермонтова до Л. Толстого и Достоевского. <...> Чехов первый на него ответил окончательным и бесповоротным *нет*, поставив средоточием душевной трагедии всех своих героев мысль о смерти как об уничтожении» (курсив Мережковского. – *Н.К.*) [12, с. 363]. Таким образом, и «внешний», и «внутренний» диалоги организуют структуру статьи «Асфодели и ромашка» и выполняют определенное полемическое задание. Они создают в критическом сознании Мережковского своеобразный «контрапункт», весьма продуктивный в творческом отношении: знаменующий смену его духовных координат и фиксирующий момент диалектического развития его эстетических воззрений. В эссе «Асфодели и ромашка» Мережковский радикально пересматривает свои взгляды на Чехова, обнаруживая в тайниках сознания писателя, открывшихся в его «Письмах из Сибири», глубины религиозности.

Новая веха в постижении феномена Чехова поставлена Мережковским в «Юбилейном чеховском сборнике». Известно, что Мережковский скептически воспринял идею празднования юбилея писателя, но все-таки напечатал в сборнике эссе «Брат человеческий» (1910), в котором весьма значимо мемуарное начало. Критик стремится воссоздать, прежде всего, облик Чехова–человека, припомнив все нюансы, возникающие в его отношениях с писателем. В этой работе продолжается оформление концепции «чеховщины», начатое в статье «Чехов и Горький». Критическое мышление Мережковского вновь движется по линии «антитезы». Стараясь угадать веяние нового времени, требующего, с его точки зрения, активных действий в целях социального и духовного преобразования России, критик-символист опять вступает в спор с самим собой, призывая в эссе «Брат человеческий» «сознательно отодвинуть Чехова в прошлое, пережив – перерасти чеховщину» [10, с. 251]. Кроме того, Мережковский полемизирует с теми интерпретаторами творчества Чехова, которые, поддавшись его художественным «чарам», объявляют писателя «учителем» и «властителем» дум. На этот раз Мережковский солидаризируется с теми читателями и критиками, кто воспринимает Чехова не как учителя, а как «брата, равного, погибающего <…> и погибшего» [10, с. 251]. Их рецепцию и оценку чеховского творчества

Мережковский передает через воображаемую ответную реплику, обращенную к «любимому» автору: «Да, мы такие, как ты говоришь, и все вокруг такое, как ты говоришь. Но ведь каждый из нас, самый маленький, самый серенький, – замечателен; в каждом из нас может проснуться сила, чтобы сказать «нет» – и сну своему, и серому небу русскому, которое нас давит. Не хотим мы больше утешаться мечтой о жизни через двести-триста лет. Если мы не проснемся – не будет этой «хорошей» жизни не только через триста, но и через тысячу лет» [10, с. 251]. Примечательно, что в эссе «Наш "Антоша Чехонте"», напечатанном в том же «Юбилейном чеховском сборнике», Розанов также говорит о том, что «беспорывный» Чехов есть некий предел, завершение огромного отрезка пути русской литературы, за которым должно утвердиться иное, «античеховское», направление словесного искусства. Он отмечает: «<…> тот гений, та виртуозность, до которой Чехов довел обыкновенный рассказ об обыкновенном событии, свидетельствует, как и великий апогей и вершина, что мы подошли к краю, за которым начинается "перевал к другому"…» [16, с. 423]. Как видим, в статьях, напечатанных в «Юбилейном чеховском сборнике», голоса критиков: Мережковского и Розанова – звучат в унисон. Их обоих не устраивает в творчестве Чехова отсутствие духовного «горения», которое они находили в наследии Достоевского. Мережковский и Розанов говорят о необходимости преодоления чеховских традиций, ожидают в литературном развитии России «поднятия большой волны» героического, мечтают о новом «огне» духовного преображения, зажженном отечественном словесностью.

Поводом для создания эссе «Чехов и Суворин» (1914) стало знакомство Мережковского с письмами автора «Палаты № 6» к редактору «Нового времени». Письма Чехова открыли, что Суворин был для писателя одним из самых дорогих и любимых людей. Мережковский в названной работе продолжает борьбу за «живого», «бессмертного» Чехова, начатую в эссе «Брат человеческий». Он призывает отделить истинного Чехова не только от «чеховщины», но и от «суворинщины», под которой критик понимал «обывательщину», бездну русского нигилизма. По мнению Мережковского, именно нигилизмом, который является национальной русской болезнью, Суворин заразил не только близкого ему Чехова, но и другого своего духовного сына – В. Розанова. Не случайно в диалогической структуре этого эссе своеобразным стержнем оказывается полемика критика не только с Суворинym и Чеховым, потерявшими, по мнению Мережковского, в жизни и творчестве общественные и религиозные ценности и ориентиры, но и с Розановым, благословлявшим «грязную, сорную, вонючую Россию – «Свинью матушку» [13, с. 291]. Для того чтобы подчеркнуть родство «нигилизма общественного» и «нигилизма религиозного» Суворина, Чехова и Розанова, Мережковский использует оригинальный прием. Он причудливо монтирует, накладывает друг на друга «цитаты», «аллюзии» из писем и произведений всех трех авторов и создает единую реплику коллективного оппонента-нигилиста, раскладывающуюся на три голоса: «Идет и слышит издали чавканье, хрюканье «Свиньи матушки» (узнается образное мышление В. Розанова. – *Н.К.)*: «Я люблю этот юмор, – все к черту, все трын-трава! Из кабака прямо в церковь, а из церкви – прямо в кабак! (из письма А. Суворина к В. Розанову. – *Н.К.).* И вдруг сам начинает подхрюкивать: «Та-ра-рабумбия, сижу на тумбе я… Через двести, триста лет такая будет жизнь на земле! (из произведений Чехова. – *Н.К.)* [13, с. 293].

Диалогический контекст эссе «Чехов и Суворин» обогащается и творческим освоением в нем текста баллады Гете «Лесной царь» в переводе В. А. Жуковского. Диалог Мережковского с этим стихотворением, по сути, выполняет мифотворческую функцию, раскрывая подоплеку иррациональной, необъяснимой привязанности и даже, как представляется критику, «слепой» любви Чехова к Суворину. Точно замечает С. Поварцов: «Строфы этой баллады как лейтмотив или аккомпанемент проходят через всю статью критика. Младенец погибает в руках отца, скачущего на коне сквозь ночной лес, оттого что страшный царь заворожил его своим гипнотическим взором. Лесной царь <…> – это Суворин» [14, с. 346]. М. И. Цветаева в эссе «Два лесных Царя» убедительно доказала, что баллада В. А. Жуковского – «это уже не перевод, а подлинник». Она отмечала, подчеркивая национальную окраску стихотворения Жуковского: «Это просто другой "Лесной Царь". Русский "Лесной Царь" – из хрестоматии и страшных детских снов» [17, с. 432]. Примечательно, что в работе Мережковского «Лесной царь» Суворин

оборачивается русским «лешим», со всеми его характерными приметами, обозначенными в произведениях фольклора [7; 8; 15]. «Леший-Суворин» затягивает, «засасывает» Чехова в «плесень болотную», в «русские потемки», которые и символизируют в образной системе эссе Мережковского «безвременье 90-х годов» [13, с. 289]. Он, подобно русскому лешему, способен «заукать», «загоготать на всю лесную дебрь». Мережковский в традиции стилистики русской сказки «озвучивает» реплику «лешей нечисти», с которой Суворин мог бы обратиться к Чехову: «–А, голубчик, попался! Узнал, кто я, – ну, и знай! А я тебя не выпущу!» [13, с. 293]. Диалогическая система эссе «Чехов и Суворин» свидетельствует о повороте критика в начале 1910 гг. к идеалу «религиозной общественности», предполагающему соединение «революции и религии». В рассмотренной работе Мережковский вступает в диалог-согласие не только с Толстым и Достоевским, считая их носителями идей «религиозного народничества», но и с прежними своими оппонентами: Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским. Последних он называет «идеалистами 80-х, 90-х годов». Диалог-единение критик выстраивает и с предтечами народников: Белинским, Добролюбовым, Некрасовым [13, с. 290–291].

Итак, рецепция личности и творчества Чехова в рассмотренных критических статьях Мережковского (1908–1914), как и в работах предшествующего периода, оказывается подвижной. Причем развитие концепции феномена Чехова, созданной критиком-символистом, определяется принципом антитезы. Если в статье «Асфодели и ромашка» Мережковский объявляет Чехова эталоном истинной религиозности, писателем, избежавшим духовной девальвации, то в эссе «Брат человеческий» и «Чехов и Суворин» его творчество оценивается лишь как определенный этап в исканиях русской литературы, причем этап завершившийся. Как и Розанов, Мережковский считает, что продолжение чеховских традиций в современности, перед которой стоят новые «жизнетворческие» духовные задачи, невозможно. В 1910 годы в критическом сознании Мережковского окончательно оформляется антиномия «Чехов и чеховщина», намеченная в статье «Чехов и Горький» (1906). «Чеховщина» и «суворинщина» ассоциируются у критика, когда-то причастного к открытию таланта писателя, с пессимизмом, общественным индифферентизмом, безверием и даже нигилизмом, как главными духовными болезнями России. По верному замечанию В. Н. Быстрова, «зрелому Мережковскому, как критику–проповеднику, неизменно был дорог образ художника, творчество которого обращено к будущему, проникнуто верой, сближающей людей» [3, с. 78].

Особая смысловая многоплановость, яркость и убедительность рассмотренных работ Мережковского о Чехове достигаются за счет использования в них символической образности, которая имеет индивидуально-авторскую семантику и в то же время соотносится с рядом литературных топосов («ромашка», «лилия», «рождество») и архетипов («лесной царь», «леший и погубленное им дитя»). Своеобразный полифонизм указанных статей создается благодаря тому, что в их композиции стержневую роль играют разнообразные диалогические модели. Вообще, многопланово выражающаяся диалогичность является одной из характерных черт критического метода Мережковского, в указанный период парадоксально сочетающего элементы мифотворчества, «импрессионизма, публицистики, религиозно-философского проповедничества» [3, с. 80].

Библиографический список

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 304, 310, 371, 373.

2. *Библер В. С.* Нравственность. Культура. Современность. – М., 1990; *Библер В. С.* М. М. Бахтин или поэтика культуры. – М., 1991.

3. *Быстров В. Н.* Исповедание красоты и веры (Творчество Д. Мережковского-критика) // Русская литература. – 2005. – № 2.

4. *Гиппиус З.* О пошлости // Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. – М., 1999. – Кн. 1.

5. *Гиппиус З.* Сочинения: Стихотворения. Проза. – Л., 1991.

6. *Доманский В. А.* Культурологический подход к изучению литературы // Вестник Томского государственного университета. – 1998. – Т. 266.

7. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. – М., 1991.

8. *Зиновьев В. П.* Мифологические рассказы Русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1987.

9. *Мережковский Д.* Асфодели и ромашка // Мережковский Д. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. – М., 1991.

10. *Мережковский Д.* Брат человеческий // Мережковский Д. Акрополь.

11. *Мережковский Д.* Собр. соч.: в 4 т. – М., 1990. – Т. 4.

12. *Мережковский Д.* Чехов и Горький // Мережковский Д. Не мир, но меч. – М., 2000.

13. *Мережковский Д.* Чехов и Суворин // Мережковский Д. Акрополь.

14. *Поварцов С.* Возвращение Мережковского // Мережковский Д. Акрополь.

15. *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М., 1975.

16. *Розанов В. В.* Наш «Антоша Чехонте» // Розанов В. В. Сочинения. – М., 1990.

17. *Цветаева М.* Собр. соч.: в 7 т. – М., 1994. – Т. 5.

18. *Яркова А. В.* И. Тургенев и А. Чехов в творческой интерпретации Б. Зайцева и в критике Серебряного века // Символизм и русская литература XIX (памяти А. С. Пушкина и А. Блока): Материалы международной научной конференции. – СПб., 2002.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

М. С. Шалумов

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И СВОБОД

Одним из первых документов современной России, в котором права и свободы человека, его честь и достоинство провозглашены высшей ценностью общества и государства, с полным правом можно назвать Декларацию прав и свобод человека и гражданина, принятую Верховным Советом РСФСР в ноябре 1991 г. Глава 2 «Права и свободы человека и гражданина» в новой Конституции РФ, основана на положениях Декларации. Тем самым Конституция РФ 1993 г. закрепила гарантии обеспечения данных прав и свобод, механизм их защиты и восстановления.

Поскольку Россия стала президентской республикой, важным звеном в этом механизме выступает *Президент Российской Федерации*. Согласно ст. 80, он как глава государства является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. Для этого Президент вправе и обязан использовать все свои полномочия и возможности. Существует специальная президентская структура – Администрация Президента РФ, в составе которой действует Управление по работе с обращениями граждан. Оно организует прием граждан, рассмотрение письменных обращений, поступающих в адрес Президента. Так, по информации данного Управления, ежегодно в Администрации Президента обрабатывается около миллиона обращений к главе государства [1].

Конституцией РФ предусмотрено учреждение специального должностного лица – *Уполномоченного по правам человека в РФ*, в обязанности которого входит защита прав и свобод человека и гражданина. Уполномоченный назначается Государственной думой ФС РФ. В субъектах Федерации могут вводиться аналогичные должности уполномоченных по правам человека республик, краев, областей.

В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина возложен на *органы прокуратуры Российской Федерации*. Для выполнения данной функции прокуратура наделена властными полномочиями, в том числе по опротестованию актов, нарушающих права и свободы граждан, освобождению незаконно задержанных и содержащихся в местах заключения граждан, привлечению виновных в нарушениях лиц к административной и уголовной ответственности.

Однако во всех перечисленных мною случаях речь шла о таких гарантиях и механизмах защиты прав и свобод граждан, которые *связаны с деятельностью органов исполнительной или контрольной власти, то есть чиновников*. Отечественная и международная практика показывает, что какими бы совершенными ни были чиновничьи структуры, они не могут обеспечить такую степень эффективности защиты конституционных прав и свобод, какую способна обеспечить судебная защита. Дело в том, что Президент РФ, сотрудники его Администрации, Уполномоченный по правам человека, прокурор – это должностные лица, которые рассматривают и разрешают обращения граждан единолично, без соблюдения какой-либо специальной процедуры, а их решения по результатам рассмотрения обращений не носят обязательного характера. Поэтому *судебный механизм защиты прав и свобод считается наиболее демократичным и эффективным*, поскольку он позволяет заинтересованному гражданину лично или с помощью адвоката отстаивать свои нарушенные права, представлять доказательства, заявлять ходатайства, выслушивать мнение противоположной стороны, обжаловать судебное решение в вышестоящий суд. Правовой основой судебной защиты прав и свобод граждан является статья 46 Конституции РФ, которая содержит следующие важные положения: каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц

© М. С. Шалумов, 2006

могут быть обжалованы в суд; каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Во исполнение данной конституционной нормы был принят Закон РФ от 27 апреля 1993 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», действующий с изменениями и дополнениями до настоящего времени.

В механизме судебной защиты прав и свобод граждан задействованы *все звенья судебной системы* начиная с Конституционного Суда и заканчивая мировыми судьями.

Каждое звено судебной системы играет в этом механизме свою особую роль. К примеру, тот же Конституционный Суд проверяет соответствие Основному закону страны нормативных актов, но не рассматривает обращения граждан по конкретным фактам нарушений их прав. В этом плане огромное значение имеет *деятельность судов общей юрисдикции*.

Верховный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал, что конституционная норма, гарантирующая право граждан на обжалование в суд любых решений и действий, нарушающих их права, подлежит непосредственному применению, так как она гарантирует возможность судебной защиты любых прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, *в настоящее время гражданин вправе обратиться непосредственно в суд за защитой гарантированных Конституцией РФ прав и свобод без каких-либо ограничений.*

Ф. К. Габидуллина и др. (всего 10 чел.) обратились в суд с заявлением, указывая, что пункт 14.3 Инструкции о порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина РФ (утв. приказом МВД РФ от 15.09.97 № 605), в силу которого для получения паспорта гражданин должен предоставить две фотографии с четким изображением лица строго анфас без головного убора, не соответствует ст. 28 Конституции РФ и нарушает права верующих мусульманок, так как исповедуемая ими религия запрещает показывать посторонним лицам все части тела, кроме овала лица и кистей рук. Решением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ в удовлетворении заявленного требования было отказано. Данное решение по жалобам заявителей отменено Кассационной коллегией Верховного Суда РФ, которая сама приняла решение об удовлетворении заявленных требований и указала следующее: в соответствии со ст. 28 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Такие же гарантии закреплены в ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Из этих правовых норм следует, что Российская Федерация, являясь светским государством, гарантирует право каждого действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями в пределах, ограниченных Федеральным законом. *Инструкция МВД России является подзаконным нормативным правовым актом, поэтому не может содержать нормы, выполнение которых требует от граждан действовать в противоречие со своими религиозными убеждениями.*

Кассационная коллегия признала недействующим и не подлежащим применению со дня вынесения настоящего решения пункт 14.3 Инструкции в части, исключающей право граждан, религиозные убеждения которых не позволяют показываться перед посторонними лицами без головных уборов, представлять для получения паспорта гражданина Российской Федерации личные фотографии с изображением лица строго анфас в головном уборе [2].

Вступление России в *Совет Европы*, подписание *Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.* и ее ратификация вместе с протоколами открывает отдельным лицам, группам граждан, неправительственным организациям возможность обращения с индивидуальными жалобами о защите нарушенных прав и свобод, закрепленных в Европейской конвенции, в Европейский суд по правам человека. Одним из обязательных условий рассмотрения такого рода жалоб служит исчерпание всех национальных средств правовой защиты.

Так, *Бурдов* был мобилизован военными властями для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, пострадал от чрезмерной дозы радиоактивного излучения. В 1991 г., в свя-

зи с ухудшением здоровьем заявителя ему была назначена компенсация, которая не выплачивалась. В 1997 г. заявитель подал иск к Управлению социальной защиты населения по г. Шахты о выплате указанной компенсации, суд вынес решение в пользу заявителя, постановил выплатить ему компенсацию и пеню за имевшую место задержку выплаты компенсации. Фактически причитающиеся денежные средства в полном объеме были выплачены Бурдову только в 2001 г. По этим причинам он утверждал, что существенные и необоснованные задержки исполнения вступивших в законную силу решений суда нарушили его права, закрепленные в Конвенции. Европейский суд по правам человека (постановление от 7 мая 2002 г.) признал Бурдова *жертвой нарушения Европейской конвенции* и обязал Россию выплатить ему 3 тыс. евро в качестве компенсации морального вреда [3].

15 июля 2002 г. Европейский суд принял постановление по делу *«Калашников против Российской Федерации»*. Заявитель, будучи обвиняемым по уголовному делу, длительное время (более 4 лет) содержался до суда в следственном изоляторе в условиях, которые, по его мнению, унижают человеческое достоинство и не соответствуют требованиям международных норм о правах человека. Европейский суд признал, что тем самым был *нарушен ряд положений Европейской конвенции*: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию»; «Каждый задержанный или заключенный под стражу… имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд», и обязал государство-ответчика (Россию) в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу выплатить заявителю 5 тыс. евро в возмещение морального ущерба и 3 тыс. евро в возмещение издержек и расходов [4].

Следует, однако, подчеркнуть, что ни Европейская конвенция, ни Конституция государства, ни иной закон, какими бы хорошими они ни были, сами по себе не решают и не могут решить существующие в обществе социально-экономические проблемы. Важно, чтобы законы создавали определенные гарантии, механизмы обеспечения тех прав граждан, которые они провозглашают. На сегодняшнем этапе развития российской государственности задача состоит в том, чтобы совершенствовать и развивать эти механизмы.

Библиографический список

1. Официальный сайт Президента Российской Федерации / www.president.kremlin.ru.

2. Определение Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 15 мая 2003 г. № КАС 03-166.

3. Дело «Бурдов против России» (Жалоба № 59498/00) // Российская газета. – 2002. 4 июля.

4. Российская газета. – 2002. 17 окт.; 19 окт.

Е. В. Каравайкова

СИСТЕМНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРАВОЗАКОННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Законность – это требование строжайшего, неукоснительного соблюдения и исполнения всех юридических норм, всех правовых предписаний всеми субъектами, то есть гражданами, их объединениями, должностными лицами, государственными органами [1, с. 78].

Правозаконность, предполагающая единство права и законности, является фундаментальной, базовой социально-правовой ценностью и в этом качестве – важнейшим принципом права [2]. При таком подходе закон выступает по отношению к праву наиболее адекватной формой его выражения, а законность – наиболее адекватной формой, методом упрочения правопорядка. Законность предстает как специфический механизм обеспечения прав и свобод личности, необходимый компонент становления гражданского общества и правового государства. В то же время именно на этом пути законность обретает единство с правом. Явление правозаконности связывается с середины XX века с развитыми гражданскими и демократическими институтами.

Согласно концепции правозаконности право рождается в самих общественных отношениях в процессе согласования сталкивающихся, а порой и конфликтующих интересов субъектов этих отношений. В центре данной концепции – идея социального согласия в вопросах права, восходящая к Цицерону. Право предстает в ней как «дитя» общества, а не государства и издаваемых им законов.

Именно праву в качестве выработанной обществом меры свободы должен соответствовать закон. Тогда он может предписываться как правовой закон. Поэтому законность (правозаконность) предполагает верховенство правового закона. Ведь давно известно, что в форму юридического закона может быть облечен и произвол государства. Тем большее значение приобретает ограничение правом государства. Право, в соответствии с таким подходом, рассматривается как одинаковая, равная мера свободы для правящих и подвластных.

Правовой режим законности предполагает господство права во всех сферах общественно-политической жизни. Господство права означает при этом социальный феномен, обусловленный приоритетом прав человека в качестве субстанционального признака (принципа) законности. Признается непосредственное юридическое значение индивидуальных прав, обвязывающих все ветви государственной власти.

С учетом сказанного правовое государство может быть названо также государством правозаконности. Главная цель деятельности такого государства – обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Режим законности предполагает здесь ответственность не только граждан перед государством, но и государства перед гражданами.

В правовом государстве законность становится основополагающим принципом деятельности граждан, общественных организаций, всех государственных органов. Правовое государство – это государство, связанное правом, а это предполагает, что государство берет на себя обязанность обеспечивать и защищать права человека и гражданина. Проблема демократии, прав человека и граждан актуальна на современном этапе преобразований общественной, экономической и политической жизни Российской Федерации, когда осуществляются преобразования, главной целью которых является обеспечение свободной безопасности, достойной и благоустроенной жизни человека [3, с. 66–69].

Неотчуждаемые права человека – основная базовая ценность права и законности. Речь идет не об игнорировании иных социальных благ, а о признании первенства индивидуальных прав по отношению ко всем другим социальным благам. Лишь при такой постановке вопроса реальное значение приобретает принцип: «разрешено все, что не запрещено законом». Из базовой ценности индивидуальных прав проистекают все основные условия (в определенном смысле – требования) законности, имеющие функциональный характер.

Соблюдение этих условий зависит от уровня развития институтов гражданского общества, демократической политической системы в той или иной стране. Важнейшее значение имеет состояние правовой культуры общества. По сути, речь идет о реальности законности, то есть,

© Е. В. Каравайкова, 2006

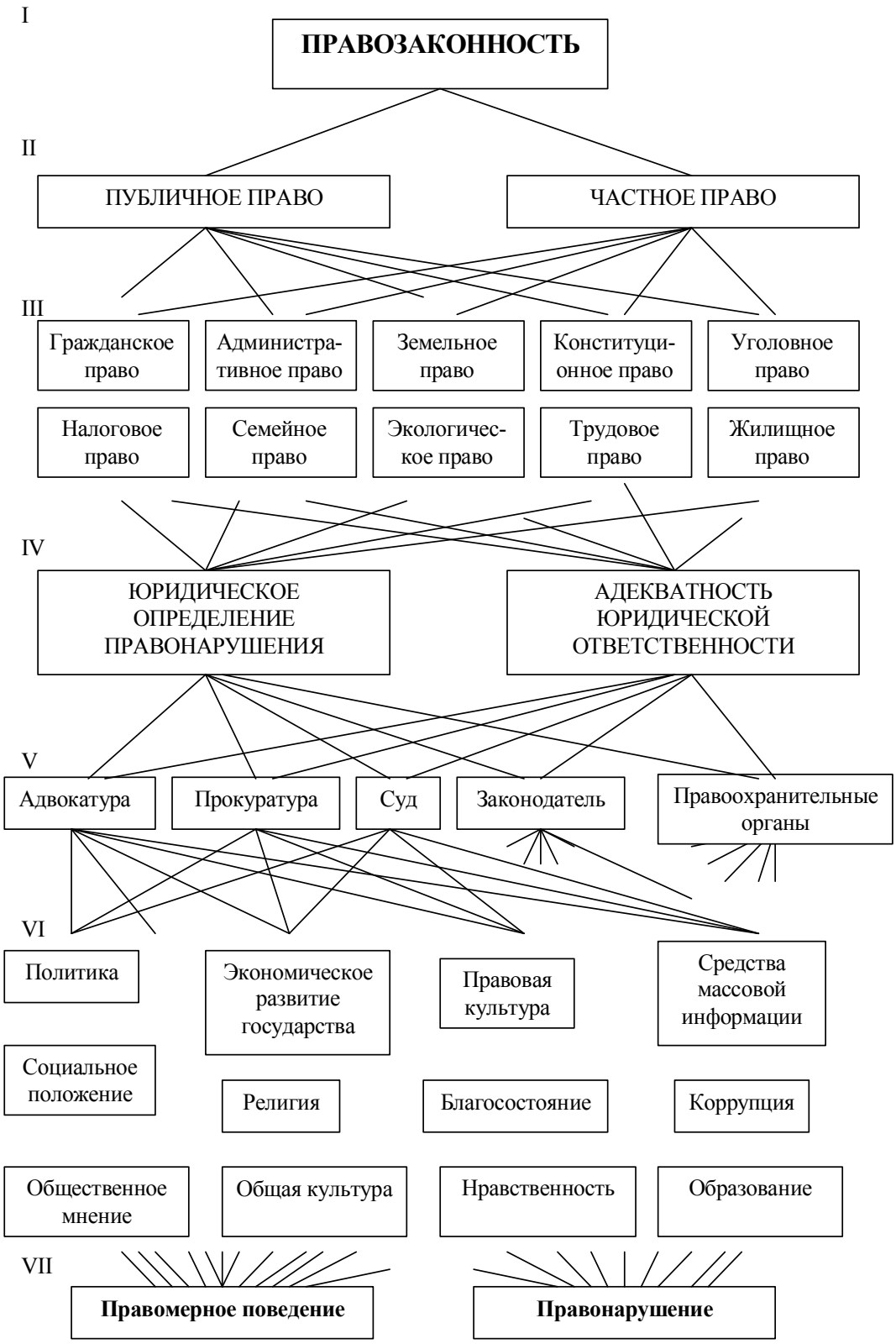

Рис. Иерархическая система правозаконности

прежде всего, о системе гарантий и контрольных механизмов защиты основных прав и свобод человека. Такие механизмы должны существовать, независимо от того, гарантированы ли основные права и свободы действующей конституцией. Если они, однако, оказываются не эффективными, то первоочередной задачей становится конституционное закрепление гарантий прав, в первую очередь, соответствующего судебного контроля. В сегодняшней, конкретной обстановке вряд ли кто рискнет назвать Российскую Федерацию сформировавшимся демократическим, правовым, социальным государством. Происходящий процесс становления Российского правового государства требует глубокого теоретического осмысления и обоснования.

В данной работе предпринимается попытка осмысления с общетеоретических позиций правозаконности как основного принципа права, попытка дать общую характеристику правозаконности в публичном и частном праве в новых условиях функционирования общества.

Современный этап научного знания, в том числе и правового, характеризуется увеличением аспектов изучения одного и того же объекта. Поэтому в нашей работе правозаконность изучается не только на уровне общетеоретическом, но и на уровне отдельных отраслевых юридических наук. Это позволяет сделать общетеоретические выводы на основе изучения правозаконности различных отраслей права.

Анализ общих проблем механизма правового регулирования в данной работе осуществляется на основе метода системного анализа и синтеза.

Мы рассматриваем правозаконность как иерархическую систему, схема которой представлена на рисунке. Главной целью функционирования этой системы является построение правового государства. На втором уровне рассматриваемой иерархии определяется значимость влияния публичного и частного права на достижение поставленной цели.

Деление права на частное и публичное было проведено, как известно, в Древнем Риме. Широкую известность получила формула юриста Ульпиана: публичное право охраняет общие интересы государства, а частное – интересы отдельных лиц. После революции 1917 года в России деление права на частное и публичное было категорически отвергнуто и только сейчас, в условиях становления демократического, правового государства и рыночной экономики, вновь стали выделять эти две основные группы отраслей Российского права. Раньше анализ правовых явлений и категорий осуществлялся, в основном, в пределах самостоятельных отраслей права (уголовного, гражданского, трудового, административного и др.). В настоящее время очевидна недостаточность такого подхода, объективно обусловленная существенным обновлением сложившихся отраслей права, появлением новых, как в рамках установившихся отраслей, так и смежных, самостоятельных, базирующихся на коренных изменениях экономической, государственной, политической основ России. Необходимость исследования правовых проблем в рамках этих двух «суперотраслей» обусловлена и тем, что само подразделение права на две группы отраслей обозначает наличие у этих групп свойственных им общих черт, закономерностей развития и функционирования.

Анализ рассматриваемой в работе системы основан на методе, который способен помочь в оценках суждений по тому или иному вопросу и формулировании на основании этих оценок выводов, отражающих различные научные знания, опыт, политические мотивы и т.д. в соответствующей сбалансированной форме. Применяемый в работе метод анализа иерархий [4] делает возможным обоснование теоретических выводов при дефиците информации и в условиях наличия существенных расхождений интересов и предпочтений участников обсуждения юридических проблем, позволяет проводить анализ различных теоретических положений при достаточно сложной и конфликтующей целевой системе. Метод анализа иерархий (МАИ) включает процедуры синтеза множественных суждений, получения приоритетности критериев и нахождения альтернативных решений. МАИ основан на принципе идентичности и декомпозиции, принципах дискриминации, сравнительного суждения и синтезирования [4].

Для всех уровней иерархии вводятся свои матрицы предпочтений $A=\{a_{rs}\}$, где a_{rs} – предпочтение цели (альтернативы) r перед s относительно определенной цели высшего порядка. Из группы матриц парных сравнений формируется набор локальных приоритетов, которые выражают относительное влияние множества элементов на элемент примыкающего сверху уровня. Приоритеты синтезируются, начиная со второго

уровня вниз. Локальные приоритеты перемножаются на приоритет соответствующего критерия на вышестоящем уровне и суммируются по каждому элементу в соответствии с критериями, на которые воздействуют этот элемент. Это дает составной, или глобальный, приоритет того элемента, который затем используется для взвешивания локальных приоритетов элементов, сравниваемых по отношению к нему как к критерию и расположенных уровнем ниже. Определение влияния и значимости определенных подцелей или альтернатив на главную цель целесообразно, так как суммируются всего лишь все те величины, которые отражают влияние на главную цель через отдельные непосредственно вышестоящие цели.

На каждом уровне иерархии исследуется приоритетность факторов, характеризующих и определяющих законность на современном этапе развития Российского общества:

уровень II – парное сравнение значимости публичного и частного права на данном этапе их развития в России;

уровень III – попарное сравнение различных отраслей законодательства (уголовное, гражданское, трудовое, административное, конституционное, экологическое, налоговое, жилищное, семейное и т. д.) с точки зрения их приоритетности в формировании публичного и частного права;

уровень IV – парное сравнение юридического определения правонарушения и адекватности юридической ответственности в каждой рассматриваемой отрасли законодательства с точки зрения построения правового государства;

уровень V – попарное сравнение значимости государственных правовых структур в формировании юридического определения правонарушения и адекватности юридической ответственности в рассматриваемых отраслях законодательства;

уровень VI – попарное сравнение влияния политических, социальных, общественных и иных факторов на профессиональную деятельность государственных правовых структур.

На VII-м уровне рассматриваются две альтернативы: правомерное поведение и правонарушение. Здесь мы находим ответ на вопрос, какая из этих альтернатив будет преобладать при существующей системе правозаконности в современном Российском обществе.

Очевидно, такой системный анализ позволит определить приоритетные направления в построении правового государства.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Государство и право. – М.: Юридическая литература, 1996.

2. Кузнецов Э. В. Законность, правомерность и правопорядок (анализ понятий) // Правовое государство и органы внутренних дел. Сб. науч. трудов / Под ред. С. Ф. Зыбина. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1995. – Вып. 2.

3. *Максимовская И. Н.* Законность в правовом государстве // Право: теория и практика. – 2005. – № 10. – С. 66–69.

4. *Саати Т.* Принятие решений. Метод анализа иерархий: пер. с англ. – М.: Радио и связь, 1993. – 320 с.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. В. Скоробогатько

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ПРИНЦИПЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Широта поставленной проблемы предполагает наработку целого ряда принципов, позволяющих, сколь то возможно, точно отразить суть вопроса. Немаловажно определиться и с историческими рамками в исследовании поставленной проблемы. Исследователь природы русского мировоззрения С. Л. Франк, к примеру, ограничил свое исследование XIX столетием, «дабы работа не стала необъятной»[1].

Анализируя под своим углом зрения XIX век, он выделяет 30–50-е годы как те, в которые русское мировоззрение попыталось оформиться в целостную систему взглядов на мир, соотнесло себя с основными направлениями мировой культуры. В этот период общественная мысль России разделилась на два интеллектуальных направления – славянофильство и западничество, которые на длительную перспективу ставшие главными идейными течениями современности, по-разному смотрящими на проблемы общественного развития.

Именно в XIX веке появился ряд мыслителей, которые отразили специфику русского общественного строя и попытались предложить общественный идеал, следуя которому возможно разрешить проблемы, стоящие не только перед Россией, но и перед всем человечеством. Круг таких мыслителей сравнительно невелик, и о каждом из них знает сегодня русская и мировая общественная мысль. Непреходящее значение их идей проверено временем, а сами они своим творчеством оказали большое влияние на всю русскую общественную мысль, а не только на философскую. Подбор персоналий русской социальной философии может, таким образом, быть основан на том, насколько тот или иной мыслитель полно и адекватно передал специфику русского мировоззрения, русского общественного идеала. Исходя из этого нас будут интересовать прежде всего те мыслители, которые пытались подняться выше идеологических рамок и собственных представлений. Некоторые персоналии русской социальной философии, вынесенные на рассмотрение, специально занимались теорией общественного идеала и сделали довольно много для его разработки. К ним относятся прежде всего С. Л. Франк, П. И. Новгородцев и С. Н. Булгаков. Именно этими мыслителями написаны специальные работы по данному вопросу, и именно эти философы и дают нам богатую пищу для размышлений о специфике русского, общественного идеала, решают некоторые методологические его проблемы.

В работах названных социальных философов дается подробный анализ всех имевшихся в России социально-политических, идейных направлений общественной мысли от леворадикальных до крайне консервативных. Это, конечно, не дает оснований подменять данным кругом философов весь спектр социальной мысли по названной проблеме. В той или иной степени нам удалось показать достаточно широкий круг социальных мыслителей, полезных нам для правильного осмысления проблемы общественного идеала.

Исследование этой проблемы будет неполным, если мы не будем учитывать мнение других представителей русской духовной культуры, особенно великих русских писателей этого периода. Общественный идеал представлен в произведениях русской классической литературы, и этот факт следует принимать во внимание хотя бы потому, что русская социальная философия постоянно обращалась к литературе, да и многие философы сами нередко облекали свои взгляды в литературную форму. Большинство из анализируемых нами философов вело активную полемику по вопросам общественной жизни с видными литераторами того времени, а в некоторых случаях рассматривало их, как активных творцов русского национального мировоззрения и посвящало им значительную часть своих исследований в области социальной философии.

Рассматривая проблему общественного идеала, следует учитывать, что общественный идеал в социально-философской теории не может

© А. В. Скоробогатько, 2006

быть полностью тождествен идеалам народа, от имени которого часто говорит философия. Это несовпадение особенно характерно для России. Основным недостатком русской интеллигенции являлась ее оторванность от объективных факторов исторического процесса, идеализм как метод исторического и философского познания. Противоречие между должным и действительным проявилось во всех течениях и направлениях общественной мысли от славянофилов до марксистов-материалистов. У последних оно выразилось лишь в иной форме, чем у представителей идеалистического направления общественной мысли.

Общественный идеал обладает одним важным свойством, заключающимся в том, что между творцом идеала и его носителем должна быть тесная взаимосвязь. Самый высокий и совершенный идеал может стать прекраснодушным пожеланием, плодом фантазии мыслителя на общественные темы, если он не созвучен духовному опыту, социальной зрелости, особенностям национального характера и многому другому, тому, кому он предпослан. Общественный идеал нельзя никому даровать, его нельзя ни у кого позаимствовать, он с полным основанием является плодом сотворчества социального мыслителя и народного духа.

Общественный идеал, являющийся результатом духовного опыта русского общественного сознания, не может быть строго структурирован и описан с точки зрения его содержания. В попытках рационалистически описать его мы уйдем ненамного дальше, чем иной западный человек, говорящий о «загадочной русской душе». Полного и исчерпывающего ответа на вопрос: Каков русский общественный идеал? – мы не найдем и у знатоков русского мировоззрения – С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. И. Новгородцева. Нет на него ответа и в русской художественной литературе.

Следует также сказать, что само понятие «общественный идеал» вводит нас в определенные рамки. Специфика этого идеала состоит в том, что перед нами, в первую очередь, некая универсальная, идеальная модель общественного развития, а не нечто частное, преходящее. Вот что пишет по этому поводу один из главных исследователей русского общественного идеала П. И. Новгородцев: «Когда, например, едино спасающим идеалом общественного устроения объявляется народовластие, парламентаризм, социализм и т.п., то, очевидно, что в этих случаях временные и конкретные средства осуществления абсолютного идеала, предсказанные теми или другими затруднениями и нуждами общественной жизни, принимаются за существо самого идеала»[2].

Общественный идеал так же, как теория, идея, может быть истиной и ложью. Правильно сформированный идеал может стать моделью, идеальным планом позитивного преобразования действительности. А может превратиться в социальную утопию, вариант человеческого заблуждения по поводу механизмов общественных преобразований. Вся сложность проблемы общественного идеала состоит в том, что и второй вариант идеала может приниматься как отдельными людьми, так и целыми народами за первый тип общественных идеалов. Главным судьей, определяющим истинность или ложность идеала, является историческая практика. Время рассудило многих, показав ложность идеалов, казавшихся абсолютной научно обоснованной истиной. На это свойство общественного идеала обратили внимание многие его исследователи. Одним из первых к этой проблеме обратился Вл. Соловьев в своей работе «Идолы и идеалы»[3]. В последующем этому вопросу много внимания уделяли С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. И. Новгородцев и др.

При анализе общественных идеалов прошлого и современности исследователи сталкиваются с проблемой научной объективности, беспристрастности в оценках. Всякому, кто берется за эту работу, необходимо наиболее последовательно и полно отразить суть и природу общественных идеалов и при этом не раствориться в многообразии направлений, школ, авторских позиций. Для этого исследователь должен прежде всего определиться с методологией познания этой сложной проблемы, найти наиболее оптимальный подход, который по возможности максимально отражал бы основной мотив социального мышления русского общества.

Рассматривая проблему общественного идеала, исследователь должен отдавать предпочтение нравственному объективизму, хотя традиция русской социальной мысли требует учета и его противоположности – нравственного субъективизма. Так в первую очередь пытались поступать представители религиозно-философского на-

правления русской общественной мысли. Самым ярким ее представителем, и тем, у кого эта синкретичность философского мышления проявилась в наибольшей степени, был Н. А. Бердяев.

В исследовании общественного идеала следует принимать во внимание логику социального мышления русского человека. На нее обратили внимание еще ранние славянофилы Хомяков и Киреевский. Русский человек, считали они, не может мыслить схемами реальной предметной действительности. Он стремится к гармонии веры и рассудка и тем самым к «всецелому разуму». Обсуждая любые проблемы общественной жизни, этот человек не следует одной голой логике, а всегда готов апеллировать к идеалу, к такому русскому понятию, как «правда», которая не во всем совпадает с понятием «истина». Истиной более всего дорожит мыслитель западный. Правда же является более предпочтительным и более употребляемым понятием для русских, поскольку в ней как бы соединены этическое с формально-логическим и правовым. Обратимся еще раз к С. Л. Франку, который писал: «Правда – это единство справедливости, богоугодной жизни и теоретической истины, т.е. усвоение подлинного, истинного бытия»[4]. Поиск правды у русского человека во многом тождествен поиску идеала. Это обстоятельство следует всегда учитывать.

Несмотря на несомненную специфичность русского общественного идеала, нельзя сказать, что он является продуктом исключительно русской духовной культуры и не зависит от других течений и направлений мировой культуры. Исследователи русской философии всегда отмечали глубокое влияние западноевропейской мысли. Для большей части рассмотренных нами представителей русской философии это обстоятельство также актуально. Славянофильский общественный идеал, к примеру, сформировался не без влияния немецкого идеализма. Немецкий идеализм, как известно, дал много теоретического материала для русской философии, в том числе и по рассматриваемой проблеме.

Русская философия постоянно обращалась к немецкому идеализму, видя в нем не только вершину философии, но и то, что близко и созвучно русскому мироощущению. Идеализм немецкой философии начала XIX века оказался русским философам ближе, чем эмпиризм и материализм, захвативший сознание западного человека.

Русская философия, как и классическая немецкая философия, осознавала силу и мощь духа, идеи, идеала. На немецком идеализме оттачивали философскую культуру многие русские философы. У каждого из представителей русской философии были к тому свои причины, важно другое: через него прошли и русские материалисты, и те, кого мы можем причислить к идеалистическому, религиозно-философскому направлению мысли. На некоторых из них, к примеру Вл. Соловьеве и Н. А. Бердяеве, это влияние особенно заметно.

Ярким примером обращения к немецкому идеализму явилось русское неокантианство. Оно появилось во многом благодаря наметившемуся кризису в теории социального познания. Кризис был связан не только с позитивизмом, но и с субъективизмом и релятивизмом в общественных науках. Неокантианство пыталось преодолеть эти недостатки и выйти на метод, позволяющий дать истинно научную картину социального мира. Не случайно, что именно в рамках этого течения русской социальной мысли работали социальные мыслители, посвятившие свое творчество проблеме общественного идеала. П. И. Новгородцев в своей книге «Об общественном идеале»[5] исходил из кантианской идеи об относительности и несовершенстве всех форм бытия, включая общественный идеал в его исторических формах.

Анализ русской социальной философии привел к выводу, что общественный идеал представляет собой систему ценностей, которая в определенных вариациях присутствует практически в каждой развитой философской системе. Русская социальная философия развивалась не только по законам национально-специфического, но и в рамках мировой философской культуры. Русская философия не представляла бы для мировой философской науки никакой ценности, если бы она являлась чем-то абсолютно исключительным, некой русской «выдумкой». Только в серьезном диалоге с западной философской мыслью родилась столь оригинальная философия. Русский общественный идеал также не мог бы быть верно понят и сформирован, не будь этого спора.

Русская социальная философия, знакомясь с системой общечеловеческих ценностей, рефлектируя в них, отрицая или принимая их, объективно двигалась в направлении идейно-философского синтеза. Если проанализировать про-

блематику, идейную направленность русской и западной философии, особенно конца XIX – начала XX века, то станет ясно, что мы имеем вполне сопоставимую и во многом близкую философскую традицию. Как на Западе, так и в России на рубеже веков усилились антипозитивистские, идеалистические и аксиологические тенденции. Наиболее отчетливо и последовательно в России они проявились у представителей религиозно-философского направления. Это направление русской мысли и стало самым продуктивным течением, дало более всего для осмысления проблемы русского общественного идеала.

Оказать влияние на процесс формирования, определить себя по отношению к другому – все это важно, но при этом мы всегда должны помнить, что природа идеала не предполагает абсолютного синтеза, компромисса даже с родственными по характеру идеалами. Идеал тем и отличается от идеи, что осознается его носителями как абсолютное совершенство. Идея же всегда предполагает развитие, становление, отрицание, она по своей природе не может быть статичной, и только абсолютная идея, тождественная Богу, является высшим совершенством (Гегель).

Попытка дополнить или видоизменить идеал рассматривается его носителями как покушение на него. Очевидно, не случайно Н. А. Бердяев практически не употреблял термина «идеал», а предпочитал ему термин «идея». Ее он и рассматривал в «Судьбе России» и в «Русской идее» как некий аналог понятию «идеал». Бердяевская русская идея предстает во всей сложности, противоречивости, движении и развитии, она нигде не дана им как абсолют. Закономерным является и то, что философия С. Н. Булгакова, много писавшего об идеале, по оценке Бердяева, страдает догматизмом. Перед нами два достаточно различных типа мировоззрения: одно ставило творческую свободу выше любой самой современной формы, другое искало вечное и непреходящее, т.е. идеал.

Русская философия в значительной своей части является религиозной и в силу этого имеет дело с абсолютными, идеальными началами, они составляют ее основной предмет. Естественным является и то, что в русской социальной философии у представителей религиозной философии мы встречаем попытку сформулировать религиозные основы общественности. Наиболее последовательно это осуществил С. Л. Франк в одноименной работе «Религиозные основы общественности»[6] и продолжил эти поиски в более обстоятельной работе «Духовные основы общества: Введение в социальную философию»[7]. Вот, что он пишет о роли религиозного начала в жизни общества: «Нужно помнить, что – хотим мы того или нет, знаем ли мы то или нет – жизнь наша управляется некими независимыми ни от каких человеческих представлений, не подчиненными никакой моде и никаким историческим веяниям Божественными началами, и что от нас зависит не создавать или изменять их, а только либо знать их и сознательно направлять по ним нашу жизнь, либо, не ведая, нарушать их и гибнуть от карающих последствий нашего неведения и нечестия»[8].

С. Л. Франк был убежден, что религиозные основы являются стержнем общества, вокруг которого выстраиваются остальные элементы общества. В русской социальной философии эта мысль особенно отчетливо прозвучала у славянофилов. В период нарастания кризисных явлений в русском обществе и особенно, когда кризис обернулся социально-политическим крахом, русская философия осознала ошибочность многих прежних идеалов и ясно поняла, что у России осталась единственная надежда и опора, ее последняя крепость – православная вера.

К религии обратились мысленные взоры почти всех русских социальных мыслителей, даже тех, у кого религия не играла в жизни почти никакой роли. История рассудила теоретические споры русских философов по поводу религии. Во многом неправыми оказались те, кто жестко критиковал православие, предлагал ему обновиться и реформироваться. Своею деятельностью они невольно помогли социальным революционерам в разрушении гражданских и государственных основ общества. Споры вокруг православной веры и ее идеалов продолжились и в послереволюционный период.

Русская социальная философия после безуспешных поисков онтологических основ общественного бытия, его идеальных форм пришла к выводу, что идеальные формы возможны только в религиозной области. Она пришла также к заключению, что идеал христианский, религиозный отличается от общественного, земного тем, что земной предполагает счастье и совершенство в будущем. Общественный идеал всегда направлен в будущее и является идеальной формой, к ко-

торой человечество должно стремиться, но который не может достигнуть. Христианский идеал позволяет разрешить это противоречие, поскольку служение Богу дает возможность пребывать с идеалом, каким является сам Бог, здесь и сейчас. Через богоугодную жизнь и молитву верующего человека становится возможным соприкоснуться с идеалом в реальной жизни. Такой путь предлагала православная вера для преобразования общественности, по этому пути призывала идти и русская религиозно-философская мысль.

Примечания

[1] *Франк С. Л.* Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – С. 162.

[2] *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. – М., 1991. – С. 119–120.

[3] *Соловьев В. С.* Идолы и идеалы // Смысл жизни в русской философии. – М., 1995. – С. 220.

[4] *Франк С. Л.* Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – С. 209.

[5] *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. – М., 1991.

[6] *Франк С. Л.* Религиозные основы общественности // Путь: Орган русской религиозной мысли. – Кн. 1. – М., 1992.

[7] *Франк С. Л.* Религиозные основы общества // Русское зарубежье. – Л., 1991.

[8] *Франк С. Л.* Религиозные основы общественности. – С. 10.

Н. В. Рязанова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО В ПОЗНАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению – правде-истине, правде объективной, и, в то же время, охранять правду-справедливость, правду субъективную, – такова задача всей моей жизни.

Н. К. Михайловский

В публикациях о русских философах последней четверти XIX века творчеству Николая Константиновича Михайловского отводится несколько страниц в ряду остальных мыслителей «серебряного» века [1; 2].

Собрание сочинений Н. К. Михайловского в шести объемных томах, опубликованное редакцией журнала «Русское Богатство» в 1896–1897 гг. [3] и переиздававшееся лишь в 1906 г., представляет библиографическую редкость для российского читателя. Между тем именно его статьи послужили толчком для написания критического этюда Н. А. Бердяева «Индивидуализм и субъективизм в общественной философии» (1901) [4]. Эта работа вместе с предисловием П. Струве представляет глубокий анализ социологических идей Н. К. Михайловского. Значительная по размеру и интересная по содержанию книга содержит противоречивую оценку научного вклада Н. К. Михайловского в познание социального развития от утверждения «Мы очень высоко ценим самую постановку задачи» [4, с. 52, 53] «…система правды (правды-истины, правды-справедливости) – это величайшая и прекраснейшая задача всякого мыслителя, сознающего свою кровную связь с жизнью» [4, с. 92–93] до высказываний: «Объективная критика не оставляет камня на камне от мировоззрения г. Михайловского» и «Направление, которому он служил, умерло, и новая мысль воздвигает на его развалинах свой храм» [4, с. 302]. На что, в свою очередь, последовал достаточно эмоциональный ответ Михайловского «О книге г. Бердяева с предисловием г-на Струве и о самом себе» [4, с. 305–354].

Что же вызвало противоречивую оценку творчества Н. К. Михайловского и послужило столь активному научному спору талантливых ученых? Какие мысли актуальны сейчас в теории познания общества, спустя более чем сто лет, когда оценка социальной перспективы общества осложнилась глобальными проблемами экологического выживания человечества в целом?

Анализ развития общества с позиции разделения общественного труда как основы солидар-

© Н. В. Рязанова, 2006

ности общества (Эмиль Дюркгейм) [5] и абсолютизация бесконечного роста производительности труда (Адам Смит), подвергнутые критике уже в начальной стадии развития капитализма, как способа товарного производства, основанного на частной собственности (Карл Маркс) [6], уменьшающего способности каждого человека, взятого в отдельности, в настоящее время все более и более отожествляются с нарастающим клубком противоречий, вызывающих необходимость пересмотра парадигмы социального развития (Аурелио Пиччеи) [7].

Человеческая революция и изменение способа хозяйствования в индустриальном обществе представляются необходимым условием выживания цивилизации в XXI веке по ресурсным моделям «World-1», «World-2», «World-3» Дж. Форрестора и Д. Медоуза, проследивших взаимосвязь четырех основных переменных: ресурсов, населения, промышленного производства и загрязнения окружающей среды. Разочарование и пессимизм саммитов по устойчивому развитию цивилизации (1992, 2002) говорят о невозможности выполнения коллективных соглашений, в которых сталкиваются глобальные финансовые интересы ведущих экономически развитых стран.

Основатель концепции постиндустриального общества Даниел Белл, рассматривая перспективу социального развития и происходящую трансформацию занятости населения из сферы труда в сферу услуг, подчеркивает активизацию интеллектуальной деятельности человека [8]. Он отмечает, что промышленность второй половины XX столетия ориентируется на привлечение людей из университетов и колледжей, людей, готовых к выполнению творческой работы, способных синтезировать и анализировать. При этом «невозможность выживания, которая связывалась пролетариями прошлого столетия с невозможностью воспроизводства их рабочей силы, превращается для работников научной и культурной сфер в невозможность применения своих творческих способностей на рабочем месте» [8, с. 203]. Старые формы организации жизни в противостоянии природе и попытках заменить природный миропорядок техническими решениями, определявшие цель существования человека, все более и более отчуждая человека от природы, а затем и от технического производства, далеки от решения проблем взаимодействия человека и общества. Д. Белл замечает: «Проблема групповой жизни, безусловно, является одной из самых старых трудностей человеческой цивилизации, восходя своими корнями к пещерному образу жизни и родовому строю» [8, с. 662].

Реальность настоящего времени для человека представляет социальный мир информационного общества, в котором существует угроза, что «поведение человека может быть запрограммировано, а сознание – изменено» [8, с. 663], социальный мир, в котором экономические проблемы уступают место социальным. Кризисные явления истории в конце XX в. рассматриваются как кризис «классического человека» и «классического социума» [9], и главной проблемой является неадекватность сложности человека сложности окружающего мира.

Поиск решений глобальных противоречий развития цивилизации заставляет вновь обратиться к методологии научного познания общественного развития. Частичное знание, представляемое обществу средствами массовой информации, ангажированными представителями правящей верхушки общества, как правило, акцентирует прогрессивное развитие в интересах экономически более развитых стран, создавая мифы и иллюзию прогрессивного развития всей цивилизации в повторении опыта этих стран в глобальном масштабе, критикуя недостатки в развитии общества в пределах конкурентоспособности индивидуумов, отстаивающих свои личные интересы вне взаимодействия с обществом, разъединяя вопросы микро- и макросоциологического анализа.

Именно в плане формирования целостного знания об обществе интересны научные позиции Н. К. Михайловского.

Сущность субъективного метода, объединяющая истину и справедливость, не согласуется с мировоззрением ни материалистов, ни идеалистов, абсолютизирующих материальную или духовную сторону жизни. Для Н. К. Михайловского правда-истина и правда-справедливость сливаются в одно целое и составляют цель его исканий: «Все меня занимало исключительно с точки зрения великой двуединой правды».

Субъективный метод в процесс познания вводит оценочный момент.

По Н. Бердяеву: «Всякий акт познания предполагает познающего субъекта; в познающем субъекте мы открываем элементы обязательные для всех познающих; они составляют логичес-

кие условия познания, необходимые предпосылки… Опытное происхождение этой познавательной категории не давало бы никаких гарантий для ее всеобщности, мы не имели бы никаких ручательств за то, что будущий опыт не представит нам беспричинных явлений и вообще каких угодно сюрпризов… Объективность познания и строго законосообразный характер познаваемого объекта гарантируется логическим a priori, вносимым в акт познания познающим субъектом».

По формуле Михайловского, «в области явлений общественных наблюдение неизбежно и теснейшим образом связано с нравственной оценкой». Человек как разумное существо несет в себе новую силу, он «…весьма редко удовлетворяется комбинацией ощущений и впечатлений, получаемых им от процессов и результатов естественного хода вещей». Можно сказать, что человек бессознательно стремится к гармонии, которую он не получает, основываясь лишь на логических истинах. «Законообразность человеческих действий есть великая истина, но она не должна посягать на это право» – право быть великой истиной. Логические истины (даже при наличии в них принципов этики, которые подчинены пониманию действительности) представляют собой лишь часть познания, неполное знание, оставляющее место для мифов и иллюзий и манипуляции сознанием и уводящее от понимания сущности явлений. Критерий истины коренится в трансцендентальном сознании, предшествующем опыту, оперирует элементами, предшествующими акту познания, и не отражает сущность наблюдаемого явления, как результата нового состояния развития, определяя часть знания, что зачастую хуже незнания, когда «выводы более или менее узких наблюдений принимаются за степень непреложных общих законов»

В дополнение к трансцендентальным (общеобязательным) логическим знаниям Н. К. Михайловский вводит опосредствованное знание, представленное *субъективной оценкой* нравственных норм наблюдаемого общественного явления, соответствующее определенной цели и определенной позиции (заданной точке наблюдения), устанавливающей необходимость смены логического обоснования рассматриваемого общественного явления. При этом в основании как логической истины, так и субъективной этической оценки лежит психологическая деятельность индивидуумов, рассматривающих социальные факты.

Этот подход к определению сущности этической оценки вызвал неприятие субъективного метода Н. Бердяевым. Для него понятие духовного связано с «божественным» началом. Но, оставляя за церковью возможность «отпускать грехи» и «наставлять на ум», а Бердяеву «конструировать единство космического и социологического процессов и поиск оснований» для своей необыкновенной этики в «законодательстве сверхиндивидуального сознания трансцендентальной апперцепции», в той области, где лежит абсолютная истина, абсолютное добро и абсолютная красота, в том, что «предшествует всякому бытию», Н. К. Михайловский пишет: «Я не вхож в эту область, я не знаю, что было до всякого бытия (вероятно потому, что «из другого теста сделан»); да признаюсь меня туда и не тянет: по нашему ограниченному условиями бытия и, конечно, неверному представлению, там, где никакого бытия, то есть ровно ничего нет, должно быть ужасно холодно, темно и скучно. Притом же, если бы я даже очень хотел бы проникнуть в эту область, я все-таки не знал бы кого взять в руководители: г. Бердяева или г. Струве» [10]. Понятие «трансцендентальная апперцепция» ведено И. Кантом. «…Для нас, – пишет И. Кант, – невозможны никакие знания, никакая связь и единство без того единства сознания, которое предшествует всем данным созерцаний и лишь в отношении к которому возможно всякое представление о предметах. Это чистое первоначальное, неизменное сознание я буду называть трансцендентальной апперцепцией».

Оставаясь на позициях опытного знания как в понимании правды-истины, основанной на трансцендентальном, общеобязательном, логическом знании, так и правды-справедливости, основанной на субъективной опытной оценке нравственных норм, Н. К. Михайловский ограничивает действие своего субъективного метода земным бытием и вполне реальными явлениями психической жизни. Все, недоступное нашему наблюдению, все, чего не в состоянии познать наш разум, не может быть предметом науки, и субъективный метод это отвергает, оставляя метафизические вопросы (вопросы сущности духовного или материального) религии или философской вере.

Этическая оценка логических истин в общественных явлениях предполагает согласие или несогласие с логическим обоснованием наблю-

даемого процесса, смену логического обоснования, приближение логических норм к сущности наблюдаемых явлений и изменение действительности в соответствии с определенными целями и идеалами.

Н. К. Михайловский советует: «Делай историю, двигай ее в направлении своего идеала, ибо в этом и состоит повиновение законам истории». И добавляет: «Не бороться с фатальным ходом вещей предлагают только те и в таких случаях, кому в каких случаях эта борьба невыгодна». Он определяет круг задач социологического исследования: «Социолог должен прямо сказать: Желаю познавать общественные отношения, существующие между обществом и его членами, но кроме познания я желаю еще осуществления таких-то и таких-то моих идеалов, посильное оправдание которых при сем прилагаю». И далее: «существенная задача социологии, как мы ее определили, состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой породы получает удовлетворение» и «в основе исследования будет лежать субъективное начало желательности и нежелательности, субъективное начало потребности» и «признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного» и действовать в направлении «устранения разногласия о нравственном и безнравственном, справедливом и несправедливом, вообще желательном и нежелательном». В этих действиях священным правом личности признается «право нравственного суда над собой, право познания добра и зла, право называть мерзавца мерзавцем, право осуществлять свои цели, право критиковать великий Божий мир с точки зрения своего кусочка мозга». При этом личность является личностью тогда и только тогда, когда это всецело и всестороннее развитая личность.

Отстаивая субъективный метод в познании действительности, Н. Г. Михайловский решительно выступает против перенесения методов естественных наук в науки социальные, против органической теории эволюции общества Спенсера, при котором общество стремится подчинить и разбить личность, превратить личность из индивида в орган. По его мнению, индивидуум, пользующийся одной способностью, доводит ее до совершенства, но при этом другие способности атрофируются. Если для Геккеля целое тем совершеннее, чем несовершеннее его части и обратно, организм тем совершеннее, чем разнороднее функции его составляющих тел, то для Михайловского приближение к идеалу есть путь прогресса. Гармоническое же развитие личности может вызвать только полное, разностороннее и равномерное развитие всех сил и возможностей, в то время как «работа жизни становится все многосложнее и, следовательно, все труднее сохранить или восстановить гармонию сил» и «закон развития неудержимо и постоянно толкает материю вперед, к дальнейшему усложнению».

Н. Г. Михайловский говорит об обществе, разрушающем личность. В этом вопросе он находит поддержку со стороны Н. А. Бердяева: «Тема, поставленная еще Белинским и Герценом, о конфликте между человеческой личностью, индивидуумом и природным и историческим процессом приобретает своеобразный характер в социологических работах Михайловского»; «Н. Михайловский был совершенно прав, когда восставал против перенесения методов естественных наук в науки социальные и настаивал на том, что в социологии неизбежны оценки» [11]. Нужно стремиться к устройству общества, при котором индивидуум будет не органом и функцией, а высшей целью и который на определенной ступени развития станет личностью. Личность должна бороться за свою индивидуальность.

Характеризуя личность, Михайловский рассматривает разные степени и типы развития. Степень развития, достигаемая личностью в результате развития какой-либо одной способности за счет других, может быть очень высока, а тип развития личности, тем не менее, понижается, если усиливается дифференциация общественного труда различных индивидуумов. При этом высокую степень развития личности в европейских капиталистических обществах он характеризует низким типом развития, связанную с обособлением индивидуумов и их функций, и, наоборот, в России видит высокий тип развития, но низкой степени развития. То есть в одном случае мы имеем высокую степень одностороннего развития личности, в другом случае – невысокую степень многогранного развития личности.

Михайловский устанавливает три фазы развития человечества: объективно-антропоцентристскую, эксцентрическую (метафизическую) и субъективно-антропоцентрическую, отражающие конфликт между личностью, индивидуумом

как дифференцированным организмом и обществом как дифференцированным организмом. При этом на объективно-центристской ступени развития человек считает себя объективным центром мира, в эксцентричной фазе развития центральное место занимает объективный мир, которому подчиняется человек и на третьей фазе развития человек и его этические нормы ставятся в центр мира, предопределяя значение нравственных ценностей для развития общества.

В настоящее время научная картина мира немыслима без социологических исследований. Изучение явлений общественной жизни «…содержит в себе и этические элементы; давление этических элементов неизбежно, – отмечает Н. К. Михайловский, – но это давление, часто происходящее помимо нашего сознания, должно быть регулировано; и так как метод есть путь, которым мы сознательно идем к определенной цели, так я называю это регулирование субъективным методом».

Переустройство общества и общественных отношений на базе этических норм представляет сложнейшую задачу, которую предстоит решать человечеству. Инерция мышления технократического развития и слабая восприимчивость к реализации идей всестороннего развития личности, адекватной сложности окружающего мира, неспособность к выполнению закона опережающего развития качества человека и качества общественного интеллекта как элементы Внутренней Логики Социального Развития вступили в противоречие с Большой Логикой Социоприродной Эволюции [12]. Деятельность человека противоречит естественному ходу природного развития и разрушает основания бытия, представляя в настоящее время системный кризис цивилизации. Альтернативы необходимости формирования целостной личности и изменения способа хозяйствования нет, и субъективный метод смены логических норм на основании этических норм, создав очередной элемент в системе научного знания [13], служит достижению цели прогрессивного развития общества и занимает свое достойное место.

Библиографический список

1. *Лосский Н. О.* История русской философии. – М.: Высш. шк., 1991. – 559 с.

2. *Зеньковский В. В.* История русской философии. – Л.: ЭГО, 1991. – 280 с.

3. *Михайловский Н. К.* Сочинения: в 6 т. – СПб.: Издание редакции журн. «Русское Богатство», 1886–1887.

4. *Бердяев Н. А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском / Сост. и коммент. В. В. Сапова. – М.: Канон, 1999. – 480 с.

5. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / пер. с фр. А. В. Гофмана; примеч. В. В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 482 с.

6. *Маркс К.* Социология: сб. / пер. с нем.; вступ. статья Ю. Н. Давыдова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 1996. – 482 с.

7. *Левашов В. К.* Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегия. – М.: Academia, 2001.

8. *Белл Даниел.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. – М.: Academia,1999. – 956 с.

9. *Субетто А. И.* Теория фундаментальных противоречий человека. – СПб.: Астерион; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004. – 59 с.

10. *Михайловский Ник.* О книге г. Бердяева с предисловием г-на Струве и о самом себе // Русское богатство. – 1901. – №1, 2.

11. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Судьба России. – М.: ЗАО «СВАРОГ и К2», 1997. – 541 с.

12. *Субетто А. И.* Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?). – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2003. – 148 с.

13. *Вернадский В. И.* О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – Дубна: Изд. центр «Феникс», 1997. – 576 с.

В. А. Семенов

«СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА» П. СОРОКИНА КАК МЕТАТЕОРИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА

Творчеству Питирима Сорокина посвящены десятки книг и сотни статей. Тем не менее следует отметить, что его основной труд – несокращенный четырехтомный вариант «Социальной и культурной динамики» [3], самый монументальный и амбициозный из всех когда-либо написанных работ по социологии, так и не переведен на русский язык. Центральная тема «Динамики» – социальные и культурные флуктуации, их причины, формы и последствия – даже после перевода на русский язык сокращенного варианта этой работы, подготовленного самим П. Сорокиным [2], не привлекла особого внимания специалистов по теории конфликта. Формально такое невнимание можно объяснить тем, что П. Сорокин не использует в обоих вариантах «Динамики» термин «конфликт» в качестве одного из своих основных теоретических или методологических понятий. Но из истории познания известно, что даже если некоторый термин и отсутствует в каком-нибудь тексте буквально, т. е. в качестве самостоятельной лексической единицы, то вовсе не означает, что он там отсутствует имплицитно, концептуально. Подобное, как будет показано, фактически произошло в рассматриваемом сочинении П. Сорокина с термином «конфликт». Подлинная же причина отсутствия интереса теоретиков конфликта к «Динамике» заключается, на наш взгляд, в том, что ее построения и выводы кажутся большинству специалистов слишком далекими от насущных проблем не только прикладной, но и теоретической конфликтологии. Лишь специальный перевод на язык современной теории конфликта и интерпретация полученных П. Сорокиным результатов могут сделать содержание «Динамики» доступным рабочим материалом для теоретиков и практиков конфликта.

По нашему мнению, общее значение «Динамики» П. Сорокина наиболее адекватно выражает ее определение как *метатеории социокультурного конфликта*. Вычленение и эксплицитная формулировка основных требований такой метатеории составляет главную цель настоящей статьи. Их научное значение мы видим в том, что они позволяют унифицировать теоретические и эмпирические утверждения и данные, полученные исследователями разных школ и направлений, стать единым базисом новой конфликтологической парадигмы, открыть новые горизонты исследования. Конкретно, в данной работе предлагается исследовать следующие принципиальные для метатеории социального конфликта темы:

1. Эмпирическую социокультурную систему как субъект всех социальных и культурных конфликтов.
2. Природу социокультурного конфликта.
3. Конфликт как внутреннюю и основную причину развития и самодетерминации эмпирических социокультурных систем.

Ни одна универсальная теория социокультурных изменений невозможна без четко определенного понятия эмпирической социокультурной системы, полагает П. Сорокин. По этой причине он уделяет большое внимание поиску необходимых и вместе достаточных признаков такой системы. Таких признаков оказалось три: наличие (1) каузальной (функциональной) и (2) логико-смысловой связи элементов системы (агентов действий и контрдействий), (3) эмпирическая включенность смыслов системы в социокультурную реальность. Социокультурная система считается каузально интегрированной, если образующие ее «культурные элементы образуют вместе каузальное (функциональное) единство» [3, vol. 1, p. 14]. Это означает, что «любой культурный синтез считается функциональным, когда, с одной стороны, исключение одного из его важных элементов заметно влияет на функции и структуру остальной части синтеза; и когда, с другой стороны, отдельный элемент, будучи включенным в совершенно другую комбинацию, перестает существовать в ней или должен подвергнуться существенной модификации, чтобы стать ее частью» [там же, p. 15]. Только каузально интегрированные социокультурные системы не являются в полном смысле такими системами. Кроме каузальной интеграции культурных элементов, необходима также их логико-смысловая интеграция. Для каузальной интеграции характерно наличие единообразия связи всех взаимодействующих элементов системы в качестве ее общего знаменателя. При логико-смыс-

© В. А. Семенов, 2006

ловой связи таким знаменателем становится главный смысл (основное значение), или идея социокультурной системы. «Сущность логико-смыслового метода познания состоит... в нахождении центрального принципа (аргумента), который пронизывает все компоненты, дает смысл и значение каждому из них и превращает таким образом хаос неинтегрированных элементов в единый космос» [там же, p. 32]. Общим критерием логико-смысловой интеграцией является «логическая совместимость и логическая зависимость или взаимозависимость каждого элемента-значения от всей системы и всей системы от каждого элемента» [3, vol. 4, p. 21]. Учитывая невозможность эмпирического существования социокультурных феноменов, которые были бы связаны каузально, но при этом не имели никакой логико-смысловой связи, П. Сорокин делает вывод, что «все... социокультурные системы осмысленны и каузальны в одно и то же время» [там же, p. 44]. Системы, отличающиеся смысловым единством своих значений, каузальным единством средств выражения и распространения этого смысла, а также наличием человеческих агентов, П. Сорокин называет эмпирическими, т. е. интегрированными в социальную реальность, социокультурными системами. Именно такие системы составляют подлинные элементы культуры в целом. Именно в таких системах смысловая интеграция (дезинтеграция) обладает приоритетом в формировании (разрушении) каузального единства.

В целом, каждая развитая эмпирическая социокультурная система характеризуется (1) объединяющим все ранее считавшиеся полностью или частично независимыми смыслы *общего смысла существования и назначения*; (2) эмпирической *объективацией* общего смысла системы в материальные средства его выражения, восприятия, распространения (трансляции) и защиты; (3) *социализацией* объективированного общего смысла – поиском, вербовкой агентов и созданием организации, способной защищать, пропагандировать ее ценности, развивать ее постулаты, достигать поставленные ею цели на практике.

Например, возникновение новой научной школы невозможно без создания новой концепции или существенной ревизии старой, т. е. формирования новой смысловой парадигмы; без создания средств ее пропаганды и распространения, т. е. ее объективации; без приобретения последователей, организации их в устойчивую социальную группу, т. е. внедрения объективированного смысла новой школы в социальную реальность.

Важно отметить, что П. Сорокин отвергает «согласие», «солидарность» и «гармонию» элементов в качестве необходимых признаков социокультурных систем. «“Синг Синг”, как и любая другая тюрьма, представляет систему с тесной взаимозависимостью своих членов и все же она крайне далека от состояния солидарности между заключенными и охранниками» [там же, p. 10]. Переводя это заключение на современный язык, получаем, что социокультурные системы могут быть не только синергетическими, когда взаимозависимость складывается из взаимной поддержки системы и всех ее частей, но и антагонистическими, с взаимозависимостью противоборствующих подсистем в пределах одной объединяющей системы. Согласно П. Сорокину, возможны также и смешанные виды систем, в которых присутствуют как синергизм, так и антагонизм элементов [3, vol. 3, p. 15–16].

Каждый из указанных признаков социокультурной системы в отдельности необходим, а все вместе они достаточны для ее возникновения и существования, будь то государство, научная школа, религиозная секта или какой-нибудь клуб по интересам. Соответственно без любого одного из них социокультурная система перестает быть реально действующим динамическим единством. Она превращается в конгломерат элементов, чья связь или не имеет никакого логического и культурного смысла, или этот смысл не имеет средств для своего объективного выражения, распространения, понимания и защиты, или он не находит сторонников и адекватных организационных форм, или и то, и другое, и третье.

Как отмечалось, П. Сорокин не использует термин «конфликт» в качестве одного из своих рабочих понятий. Мы попытаемся доказать, что на самом деле это понятие представляет необходимое дополнение к словарю основных концептов П. Сорокина. С этой целью достаточно расшифровать основной конфликтологический смысл понятия социокультурной системы и ее основных свойств, о которых речь пойдет ниже. Такое доказательство представляется нам особенно актуальным, потому что парадигмальные возможности современной теоретической конфликтологии можно считать практически исчер-

панными. Новое прочтение и истолкование «Социальной и культурной динамики» П. Сорокина, возможно, позволит найти выход из создавшегося тупика.

Понятие конфликта имплицитно присутствует уже в начальном определении культуры, предшествующем всей «Динамике». «В самом широком смысле под культурой можно понимать все, что создано или изменено тем или иным способом в результате сознательной или бессознательной активности двух или более взаимодействующих или влияющих на поведение друг друга индивидуумов» [3, vol. 1, p. 3]. Этим определением утверждается, что как культура в целом, так и ее отдельные части – системы с *каузальной и логико-смысловой связью* своих элементов, подчиняющиеся общему закону: каждая часть системы каузально или функционально влияет на все другие части и на всю систему в целом, система воздействует аналогичным обратным образом на все свои части. И поскольку вне культуры по определению ни одно социальное явление существовать не может, значит, конфликт возможен только как *системное, т. е. как логико-смысловое и каузальное явление*. Интерпретируя логико-смысловое как структурное, а каузальное как динамическое, получаем следующее метатеоретическое, т. е. относящееся к правилам построения теории социального конфликта и соответствующее базисным положениям «Динамики» П. Сорокина, требование:

С1. Социальный конфликт представляет системное, т. е. структурное (логико-смысловое) и динамическое (каузальное) явление, продукт деятельности социокультурной системы в целом.

Требование системного подхода к построению теории социокультурного конфликта выдвигается давно. Но кроме общих пожеланий о необходимости его реализации ничего фактически не сделано. Между тем, системная, т. е. структурная и динамическая (смысловая и каузальная), природа социального конфликта имеет чрезвычайное значение для становления новой конфликтологической парадигмы. Например, принятие С1 несовместимо с предположением о существовании так называемых независимых внешних факторов (отдельных маргинальных личностей, социальных групп, наций и национальностей, государств-изгоев, якобы по своей природе предрасположенных к террору и насилию, уничтожению всех, кто с ними не согласен). Требование С1 также несовместимо с распространенной в наши дни практикой разрешения социальных конфликтов – изоляционизмом, введением санкций, подавлением, принуждением и тому подобными мерами по отношению к указанным «внешним факторам». Системная природа социокультурных явлений заставляет исходить из того, что всякий социальный конфликт – продукт деятельности *всей* системы в целом, интегральный показатель определенных отношений между *всеми* ее частями. Следовательно, считать, что причиной социокультурного конфликта является какое-то внешнее условие или отдельная часть системы – значит игнорировать его системную природу, т. е. взаимозависимость всех элементов друг от друга и от системы в целом; не признавать приоритет целого над частью. Соответственно, разрешать социокультурный конфликт посредством «исключения» того или иного внешнего фактора или отдельной части в прямом или переносном смысле также означает игнорировать системную природу конфликта. Ведь если конфликт – продукт деятельности всей системы, то даже после «изоляции» части, вступившей с ней в конфронтацию, система через некоторое время обязательно породит равнозначный или еще более разрушительный конфликт.

Признание системной природы социального конфликта открывает также путь к его эффективному математическому моделированию в терминах теории означенных графов и диграфов, построению динамических моделей, применению теоретико-игровых и теоретико-драматических методов анализа.

Можно ли на основании истинности требования С1 предположить, что социокультурный конфликт – это синоним дезинтеграции логико-смысловых и каузальных связей элементов системы и как таковой представляет процесс, противоположный ее интеграции? По нашему мнению, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Дезинтеграция связей социокультурной системы означает возникновение определенного рассогласования действий и контрдействий элементов системы как в отношении друг друга, так и в отношении всей системы, препятствующего ее дальнейшему нормальному функционированию и прогрессу. Дезинтеграция может быть только логико-смысловой (например, в виде противоречия между общим назначением системы и частным интересом ее отдельного элемента),

только каузальной (например, произошедший сбой в работе вследствие повреждения или разрушения какого-либо материального элемента системы) или смешанной. Но при всей наглядности дезинтеграционные процессы не выражают самого главного – причину своего появления и развития. Следовательно, они не могут быть приравнены к базисным конфликтам систем. Скорее, их можно считать разрушительными проявлениями скрытых системных причин. Конфликт, как следует из С1, – системное явление. Значит, он должен быть объяснен исходя из внутренних причин становления и развития всей системы.

С момента своего рождения каждая социокультурная система представляет самостоятельно и непрерывно изменяющуюся, а также саморегулирующуюся целостность элементов, которая сама в себе несет причину своего изменения, сама определяет природу своих функций, основные фазы своего существования и свою собственную судьбу. Первое из этих свойств эмпирических социокультурных систем П. Сорокин назвал «принципом имманентного изменения», второе – «принципом имманентной самодетерминации». Оба принципа представляют, на наш взгляд, важнейшие открытия П. Сорокина и составляют теоретическую суть новизны всех идей «Динамики». Они не только объясняют все динамические свойства социальных систем, но и указывают на их общую фундаментальную причину – неустранимую внутреннюю противоречивость каждой системы, ее подлинный базисный конфликт.

Проблема изменения социокультурных систем ставит три теоретических вопроса. Во-первых, насколько изменение необходимо для их существования? Во-вторых, какие факторы, внутренние или внешние, являются определяющими для процесса изменения? В-третьих, как изменяющаяся система способна сохранять свою идентичность (тождественность)? Ответы, которые были даны на эти вопросы П. Сорокиным, имеют, как показывает анализ, фундаментальное значение для становления новой конфликтологической парадигмы.

Принцип имманентного изменения утверждает, что «система не может не изменяться, даже если внешние условия ее существования неизменны» [3, vol. 4, p. 590]. Изменение внутренне присуще социокультурной системе, составляет ее неотъемлемую черту и не отчуждаемо от нее ни при каких условиях и обстоятельствах. Запретить системе изменяться – значит лишить ее жизни. Если система существует, она проявляет активность, т. е. порождает определенные следствия не только во внешней среде, но и в самой себе. Каждое такое следствие быстро или медленно меняет состояние активности системы, ускоряя, замедляя или вовсе прекращая ее и тем самым жизнь всей системы. Значит, изменение системы – это ее *modus agendi* и *modus vivendi*. «Пока социокультурная система существует и функционирует, она непрерывно порождает следствия, которые представляют результат не внешних условий, а существования и активности самой системы. Как таковые, они продукт деятельности всей системы, независимо от того, хороши они или плохи, желательны или нежелательны для нее, планировались ею или нет» [там же, p. 60].

Возникнув, каждая социокультурная система сталкивается с одной и той же проблемой: как сохранить свою идентичность (целостность) в процессе непрерывного изменения (становления) своих частей? Эмпирическая система не может существовать, не изменяясь ни в одной из своих частей. Но если процесс изменения не будет подчинен задаче сохранения идентичности системы, ее «самости», она немедленно прекратит свое существование. П. Сорокин предлагает следующее общее решение данной проблемы: «Эмпирическая система сохраняется независимо от того, какие изменения происходят во вторичных – периферийных – элементах всех трех ее компонентов, пока (1) ее интегральный смысл остается неизменным, она (2) обладает материальными средствами существования и (3) ее поддерживают человеческие агенты» [там же, p. 65].

На первый взгляд, не всякое изменение отдельной части системы порождает изменение всей системы. Опыт убеждает, что системы часто игнорируют изменения своих частей. Но, возражает П. Сорокин, вследствие смысловой и/или каузальной взаимозависимости всех частей любое изменение отдельной части вызывает, пусть не синхронное и не всегда пропорциональное, изменение *всей* системы. Социокультурная система всегда изменяется вместе с изменением своих частей, хотя это не всегда регистрируется наглядно, не только потому, что они связаны друг с другом и взаимозависимы, но и потому, что это противоречит идее существования как принципу сохранения своей идентичности в процессе непрерывного изменения. Подобное качество систем

он называет «свойством совместного изменения и функционирования». «Синхронность или несинхронность изменения частей, или переменных, во времени и смежность или отсутствие таковой в пространстве не является и не может быть реальным критерием совместного изменения. Единственным критерием служит наличие каузальной или смысловой (или смешанной) связи между этими частями, или переменными. Когда это имеет место, изменение и функционирование частей и системы происходит совместно; когда этого нет, переменные системы изменяются независимо, даже если процесс изменения протекает синхронно во времени и затрагивает части, смежные в пространстве» [3, vol. p. 68–69].

Находясь в постоянном и совместном изменении всех своих частей, социокультурная система сама определяет свои цели, направление их достижения, формы, фазы, ритм изменения, т. е. обладает способностью к *самодетерминации (самоуправлению)*. Таким свойством она обладает благодаря способности к определенной автономии, независимости от внешних условий, точнее, способности самостоятельно управлять этими условиями. Внешние условия могут замедлять или ускорять, усиливать или ослаблять реализацию внутренних возможностей системы, могут даже уничтожить систему, но они не могут изменить ее существенные характеристики, ее базисное качество (предназначение, судьбу). «Как только социокультурная система возникает, принципиальная и "нормальная" траектория ее существования, формы, фазы, виды деятельности, ее жизненная карьера или судьба определяются прежде всего ею самой, ее потенциальной природой и целостностью ее свойств. Внешние обстоятельства влияют на развитие системы, но главным образом как фактор, замедляющий или ускоряющий раскрытие ее внутреннего предназначения... однако эти обстоятельства не могут заставить систему проявить то, чем она потенциально не обладает; стать тем, чем она по внутренним причинам не может стать; делать то, что она не способна делать» [3, vol. 4, p. 602]. Желудь, как утверждал еще Аристотель, может или погибнуть при неблагоприятных внешних условиях, или стать дубом и только им при благоприятных. Стать дубом – это имманентное предназначение желудя, определяемое исключительно его внутренней природой. Все остальное относится лишь к сфере более или менее успешной актуализации этого предназначения.

Принцип самодетерминации социокультурных систем П. Сорокина бросает настоящий вызов всей современной конфликтологии и одновременно, как можно надеяться, указывает реальную перспективу ее будущего развития. В частности, этот принцип несовместим с настойчивым стремлением некоторых практических конфликтологов превратить теорию конфликта во всеобщий «конфликт-менеджмент». Принцип самодетерминации, разъясняет П. Сорокин, не отменяет роль внешних факторов. Последние конкретизируют действие и форму проявления внутренних причин, но никогда не могут их заменить, потому что цель существования данной системы и способы ее достижения определяются исключительно внутренней природой самой социокультурной системы. Значит, разрешение конфликта никак не может быть приравнено к манипуляции его внешними факторами и причинами. Учитывая, что сторонники «конфликт-менеджмента» отстаивают прямо противоположное мнение, нетрудно понять, почему они не только не обсуждают, но даже и не упоминают принцип самодетерминации.

С учетом сказанного к первому метатеоретическому требованию следует добавить еще три:

С2. Непрерывное и совместное изменение всех частей эмпирической социокультурной системы, включая и ее саму, представляет ее всеобщее и необходимое свойство.

С3. В каком бы направлении ни изменялась эмпирическая социокультурная система, ее внутренняя природа всегда сохраняет приоритет над внешними условиями существования.

С4. Самодетерминация – основная причина сохранения изменяющейся эмпирической социокультурной системой собственной идентичности, управления собственным развитием.

Из С2 следует, что изменение социокультурных систем – необходимое условие их конфликтов. С3 позволяет утверждать, что конфликт социокультурной системы составляет значительную часть ее внутренней природы (в противоположность внешним условиям). С4 позволяет предположить, что самодетерминация социокультурных систем каким-то образом связана с их конфликтами.

Из сказанного ясно, что при всей своей важности приведенные метатеоретические требования, однако, еще недостаточны для ответа на центральный вопрос «Динамики»: *что же на*

самом деле является причиной непрерывного, совместного и самодетерминированного изменения социокультурных систем, как именно конфликт связан с их самодетерминацией? Ответы на эти вопросы, как ни на никакие другие, связаны с прояснением значения понятия конфликта в общей системе аргументов П. Сорокина.

Назовем конфликт, порождающий непрерывное, совместное и самодетерминированное изменение социокультурной системы базисным. Что именно тогда следует считать его необходимыми и достаточными признаками? Ответ на этот вопрос не будет чрезмерно долгим и запутанным, если принять во внимание философский (онтологический) контекст всей «Динамики». Здесь П. Сорокин лидирующие позиции отводит Аристотелю и Гегелю [3, vol. 4, p. 700–701]. У первого мыслителя он заимствует идею становления природных вещей как их перехода из состояния потенциальности (лишенности вещи своей формы «по природе») в противоположное состояние актуальности (приобретения вещью своей формы «по природе»). У второго мыслителя П. Сорокин перенимает идею тотальной противоречивости всего существующего и внутреннего противоречия как ведущей причины изменения и развития. Объединение обоих предположений порождает принцип имманентной самодетерминации.

Возникнув, каждая социокультурная система вынуждена решать следующее фундаментальное противоречие самодетерминации. Система уже существует, но это существование по отношению к ее цели, ради реализации которой она возникла, является лишь потенциальным. Так, желудь – потенциальное существование дуба, так как он всего лишь возможность дуба. Ученик в той или иной отрасли знания – потенция будущего мастера, потому что он – только возможность мастера, а не действительное бытие в этом качестве. Внутренняя природа системы оказывает положительное воздействие на скорость изменения потенциального существования системы в актуальное. Система «желает» как можно быстрее самореализоваться. Но обратное воздействие будет отрицательным до тех пор, пока актуальное состояние системы не будет соответствовать ее внутренним стандартам. Так, природа всякого обучения требует от обучаемого как можно быстрее стать мастером своего дела (положительная связь), но обратная зависимость будет отрицательной до тех пор, пока фактический уровень его мастерства не станет соответствовать его внутренним возможностям.

Наличие противодействующих друг другу положительной и отрицательной связей в одной системе и составляет ее базисное противоречие самодетерминации. Данное противоречие не уничтожает и не деформирует систему, а приводит ее согласно законам динамики конфликта в движение, стимулируя к актуальной реализации своих возможностей [1]. Так, решая свои базисные конфликты, желудь растет и превращается в дуб, ученик учится и становится мастером.

Сказанное позволяет ввести еще одно, центральное по своей значимости, метатеоретическое требование:

С5. Базисный конфликт эмпирической социокультурной системы представляет противоречие (дисбаланс) ее самодетерминации, – несоответствие результатов самоуправления системы ее же внутренним критериям (требованиям, потребностям, целям).

Требование С5 фактически утверждает, что ни одна полноценная теория социального конфликта не может пренебрегать тем фактом, что базисный конфликт социокультурной системы – это причина и цель ее саморазвития, потенциал принципиального изменения (набор экзистенциальных возможностей, выбор между которыми производят внешние условия).

Принятие принципа самодетерминации социокультурных систем требует, согласно П. Сорокину, ответа на следующие три вопроса [1]. Если каждая социокультурная система несет в самой себе причину своего изменения, сама определяет свою судьбу, то: 1) существует только одна строго определенная возможность или несколько альтернатив ее возможного развития; 2) являются ли пределы самодетерминации одинаковыми для всех социокультурных систем; 3) от чего в принципе может зависеть уровень самодетерминации социокультурной системы?

С точки зрения метатеории социального конфликта, эти вопросы можно интерпретировать следующим образом. Если всем социокультурным системам присущ один и тот же вид базисного конфликта, означает ли это, что 1) его разрешение должно приводить всегда к одному исходу или возможно несколько исходов даже для одной системы; 2) является ли одинаковым потенциал разрешимости базисного конфликта для

всех социокультурных систем; 3) от чего в принципе зависит потенциал разрешимости социокультурного конфликта?

Отвечая на первый вопрос, П. Сорокин отмечает, что, хотя система жестко детерминирована в своем развитии своей же внутренней природой, «реально существующие внешние условия не позволяют считать ее жизненную карьеру абсолютно предопределенной с самого начала ее возникновения» [3, vol. 4, p. 606]. Разброс во внешних условиях существования социокультурных систем обусловлен тем, что все системы обладают, как правило, множеством возможностей развития. Выбор из этого множества происходит под давлением внешней среды. Поэтому, несмотря на то, что все социокультурные системы содержат и подчиняются одному и тому же виду базисного конфликта, способы его разрешения для каждой конкретной системы не являются жестко предопределенными, или фатальными. В разных внешних условиях одна и та же система способна разрешать свой базисный конфликт разными способами.

Отвечая на второй вопрос, П. Сорокин утверждает, что «уровень самодетерминации системой своей собственной судьбы, как и степень ее зависимости от внешних условий не являются постоянными для разных социокультурных систем» [там же, p. 608]. Переводя этот ответ на язык метатеории социального конфликта, можно констатировать, что разные социокультурные системы имеют разный потенциал разрешимости своих базисных конфликтов. В периоды детства, юности и зрелости качество и количество альтернативных возможностей разрешения базисного конфликта у каждого человека принципиально различны и, кроме того, выбор среди них в большой степени варьирует в зависимости от внешних условий. Сказанное справедливо для любой социокультурной системы. Если система развивается, то развивается и потенциал разрешимости ее базисного конфликта.

Отвечая на третий вопрос, П. Сорокин отмечает, что для однородных социокультурных систем действует следующая закономерность. «При прочих равных условиях (включая и внешние) их самодетерминация в определении своей собственной судьбы (как и их автономия от окружающей среды) тем сильнее, чем сильнее и качественнее степень их интеграции» [3, vol. 4, p. 610]. Согласно этому утверждению социокультурные системы с более высокой степенью смысловой и/или каузальной связи (при прочих равных условиях) обладают большей властью над своей судьбой, чем с менее высокой. Кроме того, они меньше зависят от внешних условий. Метатеоретическая интерпретация этого утверждения означает, что потенциал разрешимости базисного конфликта социокультурной системы также прямо пропорционален степени и качеству интегрированности ее элементов. Социальные группы, отличающиеся высокой степенью сплоченности, более быстро и эффективно решают свои проблемы, включая решение межличностных и межгрупповых конфликтов, чем менее сплоченные. Это утверждение легко верифицируется наблюдением за спортивными, научными, военными и иными коллективами, решающими задачи, требующими совместных усилий и координации.

Сказанное позволяет сформулировать новое метатеоретическое требование:

С6. Уровень самодетерминации эмпирической социокультурной системы и потенциал разрешимости ее базисного конфликта прямо пропорциональны степени смысловой и каузальной интегрированности ее элементов.

Требование С6 утверждает, что объективный потенциал разрешимости социального конфликта прямо пропорционален степени интегрированности элементов соответствующей социокультурной системы.

Изменение социокультурных систем подчиняется принципу самодетерминации. Вместе с тем, как убеждает опыт, оно сопровождается, как правило, разнообразными отклонениями, ритмами, изменениями направления. Все это говорит о том, что изменения эмпирических социокультурных систем никогда не бывают линейными и однонаправленными. Согласно П. Сорокину, объяснение всех подобных черт изменения социокультурных систем требует дальнейшей конкретизации принципа самодетерминации.

По определению, самодетерминация эмпирической социокультурной системы – это ее свобода выбирать принципиальные возможности своей самореализации, быть относительно независимой от внешних обстоятельств. Ни одна такая система не обладает и не способна обладать бесконечным или очень большим набором таких возможностей, а также безграничной способностью порождать новые. Если бы это было так, тогда системы могли бы трансформировать-

ся во что угодно и перестали быть распознаваемыми сущностями. Значит, каждая система обладает ограниченным перечнем принципиальных возможностей своего развития, или, как утверждает П. Сорокин, подчиняется *закону пределов (границ) изменения*. Все эмпирические социокультурные системы развиваются в пределах и направлениях, заданных внутренними границами, и не могут их нарушить или изменить. Если же такое происходит, возникает перерыв, меняется направление изменения, начинается новая фаза ритма или разрушается базисное качество системы, и она перестает существовать как данная социокультурная система.

Закон пределов П. Сорокина опирается на допущение ограниченных возможностей изменения эмпирическими социокультурными системами своих причинно-функциональных связей, направления и базисных альтернатив развития. Это допущение, как показывает исследователь, подтверждается многочисленными естественными и социальными данными. Пока система не переберет под влиянием внешней необходимости все указанные возможности, в ее развитии нет остановок, повторений, и, что более важно, нет ритма. Именно ритм изменения – верный показатель ограниченного числа принципиальных альтернатив изменения системы в каком-либо одном направлении. Только системы с бесконечным числом возможностей развития или с одной-единственной такой возможностью не имеют ритма в своем изменении. «Если не для всех, то по меньшей мере для громаднейшего числа действующих социокультурных систем, число фундаментальных возможностей принципиального изменения направления, появления новых форм, паттернов и внешнего проявления ограничено. Конкретное число этих возможностей различно для разных систем, но оно всегда конечно. Использовав их все, система либо прекращает свое существование, либо, если продолжает функционировать, вынуждена возвращаться к тем фазам, через которые она уже прошла. В последнем случае существование системы обнаруживает себя в виде повторяющихся качественных, количественных, пространственных ритмов, поворотов, паттернов, форм, темпов и т. п. (безотносительно к тому, периодичны эти повторы или нет)» [3, vol. 4, p. 702].

Наличие ритма свидетельствует также о наличии саморегуляции социокультурной системы, о том, что, достигнув какого-нибудь одного предела, одной «точки насыщения» своего развития, чтобы не погибнуть, она инвертирует свое изменение, т. е. начинает развиваться в обратном направлении, к исходному пределу, начальной «точке насыщения». Достигнув его, она снова инвертирует свое изменение и начинает развиваться в обратном направлении и так до тех пор, пока не будет исчерпан потенциал систем и/или не помешают внешние обстоятельства. Подобные инверсии порождают колебания, т. е. *флуктуации* изменения системы. И насколько неустранима изменяемость социокультурных систем, а следовательно, и их самодетерминация в определенных внутренней природой границах, настолько же неустранима ритмичность и флуктуация значений и отношений их переменных. Известным примером социальных флуктуаций является платоновская теория последовательной смены форм политической организации государства – аристократии, тимократии, олигархии, демократии и тирании в результате исчерпания потенциала каждой из них. Так как, по Платону, существует ограниченное число таких форм, государство, сменив их все, обязательно вернется к исходной форме политической организации и тем самым начнет новый цикл своего политического существования.

Таким образом, согласно многочисленным логическим и фактическим свидетельствам «совершенно бесспорно, что громадное число социокультурных систем и процессов имеют ограниченный ранг возможностей своего изменения, порождения новых форм» [3, vol. 4, p. 710]. Это является причиной появления в изменениях эмпирических социокультурных систем разнообразных ритмов. Сказанное имеет также и глубокий конфликтологический смысл, что обосновывается следующим метатеоретическим требованием:

С7. Чем более ограничен потенциал базисного конфликта эмпирической социокультурной системы, тем в более явном виде проявляется ритмический характер форм (видов) его разрешения.

Это чрезвычайно важное требование почти не учитывается современной теорией и практикой конфликта. Вся так называемая практическая конфликтология держится весьма сомнительного положения о том, что конфликты допускают «единственное» и «правильное» решение, игнорируя тот факт, что любое решение с динамической точки зрения всего лишь частный мо-

мент непрерывного изменения социокультурной системы и что оно оказывает обратное воздействие на ее поведение, очень часто порождая новые непредвиденные конфликты. Теоретически более существенен вопрос не столько о том, разрешим или нет тот или иной социальный конфликт, так сказать, «раз и навсегда», а какие формы его решения допускаются данной системой в принципе, т. е. из каких альтернатив состоит ее потенциал разрешимости, в какой степени он ограничен, и существует ли между отдельными видами решения конфликта какая-нибудь необходимая ритмическая последовательность.

Последний метатеоретический вопрос, исследуемый П. Сорокиным в связи с проблемой изменения эмпирических социокультурных систем, – это соотношение линейных, сохраняющих основное направление изменения и качество систем и нелинейных, не сохраняющих неизменным их направление развития и качество, ритмических флуктуаций. Наглядными примерами социальных нелинейных флуктуаций являются, согласно П. Сорокину, войны, разрушающие межгрупповые связи, и революции, разрушающие внутригрупповые связи [3, vol. 3, p. 259–506].

Закон пределов изменения объясняет возможность возникновения линейных флуктуаций. Автор «Динамики» рассуждает следующим образом: «В состоянии изоляции или стабильности внешнего окружения социокультурная система, которая обладает одним единственным трендом изменения, будет линейно изменяться в соответствии с этой возможностью на протяжении всего своего существования» [3, vol. 4, p. 715]. При этом форма линейности может быть самой разнообразной – прямой, осциллирующей, спиралевидной или разветвляющейся (многолинейной). Линейность изменения, безусловно, присуща неорганическим, органическим и социокультурным процессам. Но она носит ограниченный как в пространстве, так и во времени характер. Поэтому вполне вероятно, что в большинстве линейных процессов «линейность в лучшем случае является продолжительной, но, тем не менее, всегда ограниченной характеристикой. С точки зрения более длительных периодов времени, спроецированных как в будущее, так и в прошлое, очень вероятно, что обнаруженный линейный тренд окажется всего лишь частью параболы или другой нелинейной кривой. ...Если и существуют где-нибудь длительные линейные процессы, их линейность можно считать наполовину фиктивной; эта характеристика настолько расплывчата и неопределенна, что, по сути дела, она только тень подлинной нелинейности» [там же, p. 725–726].

П. Сорокин подвергает сокрушительной критике концепции линейного социокультурного развития. Сторонники линейного прогресса утверждают, что история культуры представляет плавный и постепенный процесс накопления знаний, разумности, альтруизма и справедливости. Сторонники линейного регресса – аналогичный, но обратно направленный процесс накопления ошибок, глупости, эгоизма и несправедливости. В обеих версиях линейного развития социокультурное изменение мыслится исключительно как количественный и кумулятивный процесс, не создающий принципиально нового качества и, самое главное, движущийся в одном и том же направлении – к всеобщему прогрессу или к не менее всеобщему регрессу. В связи с этим П. Сорокин отмечает следующее: «Множество теорий, провозглашающих существование устойчивой тенденции прогресса к еще большей и лучше организованной социальности, солидарности и альтруизму (фемилизму) или их противоположности – непрерывно растущему принуждению и антагонизму, не подтверждается данными этого исследования, как, впрочем, и других» [3, vol. 3, p. 124].

Линейные социокультурные процессы, безусловно, существуют, но они всегда ограничены во времени и в пространстве. За их пределами скрывается сущностная, нелинейная природа таких процессов. Объясняет ли ее закон пределов изменения П. Сорокина? Современная практика показывает, что исследование подобных флуктуаций представляет главный предмет синергетики, которую можно определить как науку о причинах и формах нелинейных флуктуаций. П. Сорокин не дает прямого ответа на поставленный вопрос. Но его анализ флуктуаций войн и революций позволяет сделать некоторые предварительные заключения.

Данные о флуктуации внутренних беспорядков, отмечает П. Сорокин, «наводят на мысль, что не существует никакого серьезного основания для квалификации некоторых государств как “склонных к беспорядку”, а некоторых других как “склонных к порядку”. Эти данные также свидетельствуют, что возникновение беспорядков, их частота и длительность контролируют-

Таблица

Динамические характеристики изменения социокультурной системы

Конфликтные траектории изменения системы		Бесконфликтные траектории изменения системы	
Линейно нестабильные	Линейно стабильные	Линейно стабильные	Линейно нестабильные
$R \le -1$	$-1 < R < 0$	$0 \le R < 1$	$R \ge 1$
Область нелинейного конфликтного изменения	Область линейного конфликтного и бесконфликтного изменения $-1 < R < 1$		Область нелинейного бесконфликтного изменения

ся, по-видимому, силами и условиями, лежащими очень глубоко, гораздо глубже конкретных культурных и иных обстоятельств, различающих сравниваемые страны. ... Под фразой "факторы, лежащие очень глубоко" я имею ввиду, что как смерть внутренне связана с жизнью и неизбежна для любого живого существа независимо от любых внешних, культурных и климатических условий, так и социальный беспорядок представляет, по всей вероятности, неустранимую черту социокультурной жизни как таковой и в своих существенных особенностях проявляется одинаково во всех социальных организмах» [3, vol. 3, p. 479].

Порядок (возникновение внутренних связей) и беспорядок (разрушение внутренних связей) представляют, по мнению П. Сорокина, те абсолютные пределы изменения всякой социокультурной системы, флуктуации между которыми не может избежать ни одна из них. «Подобное колебание от порядка к беспорядку и наоборот имеет, по-видимому, свои пределы и относится ко всем социокультурным явлениям точно так же, как и ко всем физико-химическим и биологическим процессам. Помимо свидетельства о сравнительно невысоких значениях максимума и минимума флуктуации наших индикаторов вышеизложенное наводит на мысль, что глубоко внутри социальной жизни имеются силы, возможно, разделенные на два противоположных множества, действие и контрдействие которых проявляется в подобных пульсациях. Когда одно множество сил становится слишком сильным, другое немедленно начинает действовать в противоположном направлении» [там же, p. 481].

Окончательный ответ П. Сорокина такой. Изменение социокультурных систем в длительной перспективе всегда происходит в форме нелинейных флуктуаций. Любая социокультурная система, будучи самодетерминируемой с момента своего возникновения, обладает ограниченным числом базисных альтернатив самореализации и после их перебора вынуждена, согласно закону пределов изменения, либо прекратить свое существование, либо повторять в непредсказуемом порядке все или некоторые пройденные фазы, т. е. флуктуировать до полного исчерпания всех возможностей своего изменения.

Результаты, полученные П. Сорокиным, позволяют сформулировать следующее метатеоретическое требование к теории социального конфликта:

С8. Линейное развитие конфликтов составляет ограниченное подмножество множества всех возможных траекторий изменения социокультурной системы.

Анализ литературы показывает, что синергетика, заявившая абсолютные права на изучение феномена нелинейности и самоорганизации в природе и обществе, полностью игнорирует понятие конфликта, а подавляющее число современных теорий конфликта если и использует понятие нелинейности, то в метафорическом смысле.

Содержание требования С8 становится более ясным, если использовать нижеследующую таблицу, составленную на основании результатов, полученных В. А. Светловым при исследовании динамических свойств конфликтных и бесконфликтных систем [1, с. 218–249].

Всякий конфликт имеет определенные динамические свойства. Они управляются особым параметром, который в специальной литературе называется *характеристическим множителем*. С его помощью измеряют скорость, с которой траектория движения динамической системы приближается или, наоборот, удаляется от предельного цикла (аттрактора, точки стабильности, устойчивого решения конфликта) и рисуют фазовые портреты ее движения. Следуя В. А. Светлову, мы назовем данный параметр суммарным коэффициентом обратной связи всех циклов исследу-

емой системы R. Его динамическое значение обусловливается тем, что он указывает точные границы, отделяющие конфликтные траектории изменения системы от неконфликтных, а также отделяет линейные траектории изменения от нелинейных. Сравнение интервалов значений коэффициента R, в которых социокультурная система развивается линейно ($-1 < R < 1$) и нелинейно (все остальные значения R), подтверждает основной вывод П. Сорокина. Линейное конфликтное или бесконфликтное развитие системы действительно является всего лишь собственным подмножеством множества всех траекторий, составляющих область ее возможного изменения.

«Динамика» заканчивается исследованием вопроса, почему линейная или нелинейная фаза развития социокультурных систем с течением времени не превращается в доминирующую или даже единственную. Почему все социокультурные процессы колеблются, или флуктуируют, между этими двумя полюсами, никогда не становясь абсолютно линейными, единообразно-унылыми прогрессами или регрессами, или абсолютно нелинейными, никогда не повторяющимися инновациями? Ответ на этот вопрос позволяет, согласно П. Сорокину, решить одну из основных проблем социальной истории – является ли она, представляя универсальную социокультурную систему, вопреки флуктуациям частного характера своих подсистем, вечно одной и той же или всегда абсолютно новой. Свой вариант ответа П. Сорокин формулирует следующим образом: «Неисчерпаемо разнообразный и всегда новый процесс культуры возникает как из ограниченного изменения ее систем, так и постоянного замещения умерших систем вновь родившимися. ...Такой результат обязан не только тому факту, что каждая из многочисленных подсистем, из которых она состоит, сама непрерывно изменяется, но благодаря главным образом тому, что история использует метод непрерывного замещения систем, выполнивших свое назначение и достигших конечной стадии абсолютно новыми системами. ...Творческие силы человеческой истории постоянно используют этот метод; реализовав все возможности каждой созданной системы, они отбрасывают ее и начинают создавать новую систему. Выжав из нее все, что она могла дать, они готовят ей нового наследника и так далее до бесконечности. Отсюда неисчерпаемая творческая сила человеческой – социальной и культурной – истории» [3, vol. 4, p. 729–730].

В итоге, социокультурная история всегда ограничена в существенных параметрах своего изменения. Наоборот, в случайных параметрах, а также, что важнее, в создании систем с новыми возможностями развития у нее нет принципиальных ограничений. Единство обеих тенденций и делает историю всегда старой и всегда новой одновременно. «По всей видимости, – отмечает П. Сорокин, – историю нельзя считать ни монотонно однообразной, ни бессильной в создании нового, как полагают сторонники строгой периодичности, “железных законов” и “универсальных регулярностей”; но она не является и бездумной машиной, механически штампующей одно и то же число революций в единицу времени. Она повторяет свои “темы”, но почти всегда с новыми вариациями. В этом смысле она всегда новая и всегда старая, потому что ее спуски и подъемы повторяются вновь и вновь» [3, vol. 3, p. 359–360].

Сказанное позволяет сформулировать последнее метатеоретическое требование к теории социального конфликта:

С9. Конфликты эмпирических социокультурных систем представляют их единственное условие (творческого или нетворческого) изменения и тем самым самодетерминации.

Значение требования С9 может показаться, на первый взгляд, малозначительным. На самом деле это не так. Существующая традиция в исследовании конфликтов сводится в основном к поиску их «окончательных решений». Такая установка подразумевает, что конфликты в общем, деструктивные социальные явления. «Конфликт-менеджеры» соревнуются друг с другом в создании методик, позволяющих оптимально решать (а фактически исключать) конфликты. При этом никто из них даже не пытался поставить вопрос о существовании созидательного потенциала конфликта и возможностях его оценки. Между тем это – актуальнейшая теоретическая и практическая проблема сегодняшнего дня.

Предположим, что социокультурная история человечества изменяется бесконфликтно. Тогда возможны два устойчивых состояния ее изменения: синергизм и антагонизм. Допустим, имеет место антагонизм. В соответствии с его законом через некоторое время должна остаться одна единственная социокультурная система, остальные

ные все погибнут. Победившая система продолжит существование по закону синергизма, что означает, что она будет либо линейно прогрессировать, либо линейно регрессировать, либо флуктуировать между этими двумя трендами. В любом случае в истории этой системы никаких качественных инноваций не может быть. Значит, бесконфликтные системы неспособны на социальные и культурные открытия, творческое развитие. Если же допустить, что базисная социокультурная система допускает соперничество, конфликты, но при этом в равной мере поддерживает все «соперничающие стороны», то последние, чтобы победить, будут вынуждены реализовать весь свой потенциал, которым они обладают. История развития конфликтной (в соответствии с указанными стандартами) социокультурной системы окажется в высшей степени творческой и плодотворной.

Анализ «Динамики» П. Сорокина убедительно показал, насколько узок контекст современной теории и практики разрешения социальных конфликтов. Метатеоретические требования С1÷С9 не только расширяют этот контекст, но и представляют, как нам кажется, вполне обоснованные метатеоретические «пролегомены» ко всякой будущей теории социального конфликта.

Библиографический список

1. *Светлов В. А*. Конфликт: модели, решения, менеджмент. – СПб., 2004.

2. *Сорокин Питирим*. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. –СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 1054 с.

3. *Sorokin Pitirim*. Social and Cultural Dynamics. – Vol. 1–4. – New York, 1962. – 3rd edition (1st edition in 1937–1941).

Vol. 1: Fluctuation of Forms of Art (Painting, Sculpture, Architecture, Music, Literature, and Criticism). – 745 p.

Vol. 2: Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, and Law. – 727 p.

Vol. 3: Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution. – 636 p.

Vol. 4: Basic Problems, Principles, and Methods. – 804 p.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

В. С. Секованов

СЦЕНАРИЙ УДВОЕНИЯ ПЕРИОДА В РАМКАХ СПЕЦКУРСОВ ДЛЯ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ

Преамбула. *В данной статье представлен математико-информационный проект, связанный с фракталами, динамическими системами, математическим моделированием процесса Ферхюльста. Выполнение данного проекта позволит студенту расширить свой кругозор, установить связь математики с другими науками.*

Одним из тех, кто осознал важность изучения процесса Ферхюльста, был биолог Роберт М. Мэй, который в 1976 году писал: «…Я настоятельно советую, чтобы люди знакомились скажем, с уравнением Ферхюльста, на раннем этапе своего обучения математике. <…> Такое изучение очень обогащало бы интуитивные представления учащегося о нелинейных системах. Для всех нас было бы лучше, если бы не только в научной работе, но и в повседневной политической и экономической жизни как можно больше людей поняло, что простые нелинейные системы не всегда обладают простыми динамическими свойствами».

Процессу Ферхюльста уделено много внимания в различных монографиях и учебных пособиях, научных статьях, сайтах, где в основном констатируются основные факты, полученные разными исследователями. Однако отсутствует целостная разработка методики изучения этого явления, наблюдающегося в различных природных процессах. В данной статье предлагается целостное изучение сценария удвоения периода по Ферхюльсту в рамках разработанного автором математико-информационного проекта «Динамика Ферхюльста и универсальность Фейгенбаума», составляющего основу одного из читаемых автором статьи спецкурсов для студентов физико-математических специальностей университета.

Мы будем понимать под образовательным математико-информационным проектом (МИП) форму организации занятий по математике с использованием современных информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), предусматривающую комплексный характер деятельности всех участников, способствующую формированию креативной личности каждого студента при получении конкретной продукции за заданный промежуток времени. Занятия по плану МИП (рис. 1) позволят, на наш взгляд, будущему специалисту – учителю математики, инженеру, программисту и т. д. – осуществлять творческую математическую деятельность, способствующую развитию его мировоззрения, интеллекта и креативности. У обучаемого вырабатываются такие личностные качества, как стремление к новизне, развитие толерантности и неприятие конформизма, необходимые для творческого процесса в любой сфере деятельности. МИП – это многоэтапная форма творческой деятельности, основные этапы которой предусматривают: изучение динамики Ферхюльста, построение с помощью компьютерных программ «Деревьев Фейгенбаума» и создание с помощью данных объектов художественных композиций на основе ИКТ. Фактически многоэтапные задания в рамках МИП являются творческой лабораторией для школьника и студента. Они познакомят его с новыми направлениями науки – фрактальной геометрией и синергетикой, которым посвящены многочисленные исследования (см., напр., [1–8]). При выполнении данного проекта у студента появится возможность активного познания мира с помощью выдвижения гипотез и их проверки, обобщения и аналогии, развития интуитивного, пространственного, критического мышления. Данная работа многогранна. Зачастую студенту приходится проявлять гибкость мышления, перестраивая мыслительные процессы с одной области знаний на другую, с одного метода на другой. В рамках МИП студент решает математические задачи, доказывает теоремы, строит математические объекты, математические модели, то есть он не приобретает готовые знания (изучает готовую математику), а становится непосредственным участником математического творчества. Он открывает для себя знания, ставит новые задачи и устанавливает связь с другими науками.

© В. С. Секованов, 2006

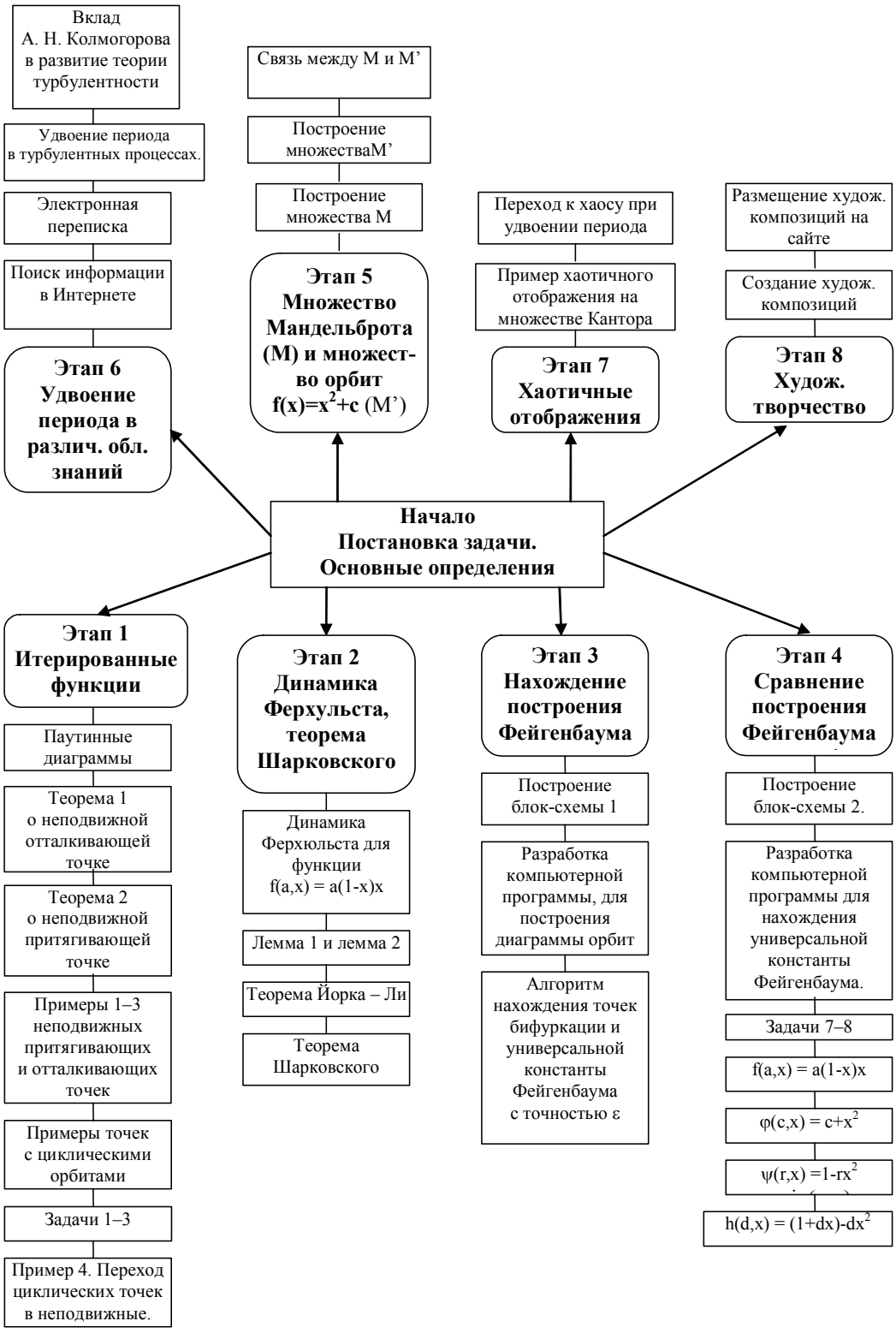

Рис. 1. Схема математико-информационного пректа «Динамика Ферхюльста и универсальность Фейгенбаума»

Остановимся кратко на истории вопроса. В 1845 году Ферхюльст вывел модель ограниченного роста популяции в виде уравнения $x_n+1=ax_n(1–x_n)$. Наиболее важным отличительным признаком уравнения Ферхюльста и его следствий является нелинейность, что, как оказалось позднее, позволяет моделировать различные явления в природе и обществе. Наиболее впечатляющим в динамике Ферхюльста является не хаос как таковой, а сценарий, по которому порядок превращается в хаос. При точном анализе точек бифуркации в процессе Ферхюльста обнаруживается закономерность, имеющая исключительное значение в мире нелинейных явлений.

Закономерность касается длин интервалов значений параметра, при которых устойчивым является периодическое движение с некоторым определенным периодом. Данные интервалы сокращаются при каждом удвоении периода, причем множитель, характеризующий сокращение, приближается к универсальному значению δ=4,66920201660910…, когда период растет.

Это число, десятичные знаки которого были впервые опубликованы Гроссманом и Томе в 1977 году, появляется снова и снова во многих других процессах. Огромный вклад при выявлении универсальности множителя δ внес Фейгенбаум. Это число называется теперь «числом Фейгенбаума». Исследователь проделал вычисления для ряда различных процессов и получил в каждом случае один и тот же множитель, равный значению δ, что послужило открытию универсальности этого числа.

Данное число является такой же характеристикой для сценариев удвоения периодов, как число π для отношения длины окружности к ее диаметру.

Остановимся на открытии Фейгенбаума наиболее подробно. Фейгенбаум анализировал уравнение Ферхюльста $x_n+1=ax_n(1–x_n)$.

Уравнение Ферхюльста заслуживает особого внимания. Оно имеет глубокие исторические корни. Сначала Мальтус исследовал модель неограниченного роста популяции в виде уравнения: $x_n+1=a\cdot x_n n=0, 1, \ldots$, где a – параметр роста. Неограниченный рост следует геометрической прогрессии $x_n=a^n x_0$, что означает, что в каждом поколении популяция будет в a раз больше, чем в предыдущем поколении. Ясно, что при $a>1$ популяции неограниченно возрастают. Число a называется показателем Мальтуса. Однако хорошо известно, что ограниченное количество ресурсов ограничивает рост популяции. Проще всего уменьшение фактора роста моделируется заменой a на $a(1–x_n)$. Тогда при приближении x_n к некоторому пределу (в нашем случае единице) параметр роста стремится к нулю. Ферхюльст считал, что численность популяции, заполняющей данную экологическую нишу, не может быть больше некоторого максимального числа R. То есть для того, чтобы ограничить рост популяции, Ферхюльст заставил коэффициент роста a меняться вместе с изменением численности популяции.

После краткой исторической справки здесь уместно дать студентам задания для самостоятельной работы в виде реферата:

а) найти информацию в Интернете, касающуюся истории вопроса, связанного с динамикой Ферхюльста;

б) найти информацию в Интернете, касающуюся истории вопроса, связанного с вычислением универсальной константы Фейгенбаума;

в) указать имена математиков, внесших существенный вклад в развитие динамики Ферхюльста и универсальность Фейгенбаума;

г) указать процессы и явления, приводящие к удвоению периода.

Опишем сначала краткое содержание этапов 1–4. На данных этапах даются основные определения, доказываются теоремы о неподвижных точках. Приводятся примеры, указывающие переход от циклических точек к неподвижным точкам, приводится ряд задач, связанных с построением примеров отталкивающих, нейтральных и притягивающих неподвижных точек. Далее исследуется динамика Ферхюльста для функции $f(a,x)=a(1–x)x$, доказывается частный случай теоремы Шарковского – теорема Йорка – Ли: Если непрерывное отображение $f:I\to I$ имеет точку периода 3, то данное отображение имеет также точки периода n=1, 2, 3,… Приведены иллюстрации, когда данная теорема не имеет места. Указано упорядочение Шарковского, строится блок-схема и разрабатывается компьютерная программа для построения диаграммы орбит, разрабатываются алгоритмы нахождения точек бифуркации и универсальной константы Фейгенбаума. Далее рассматриваются алгоритмы нахождения универсальных констант Фейгенбаума для функций $\psi(r,x)=1–rx^2$, $\varphi(c,x)=c+x^2$, $h(x,d)=(1+dx)–x^2$, $f(a,x)=a(1–x)x$.

Укажем ряд определений и примеров, рассмотренных в этапах 1–4.

Пусть x_0 – некоторое вещественное число. Будем называть последовательность $x_1=f(x_0)$, $x_2=f(x_1)$, …, $x_n=f(x_{n-1})$ итерационной схемой.

Начальная точка x_0 и функция f – пример простейшей динамической системы.

Определение 1. Назовем последовательность $\{x_n\}_{n=0}^{\infty}=\{f^{(n)}(x_0)\}_{n=0}^{\infty}$, где $f^{(n)}(x_0)=f(f\ldots f(x_0))$ (функция f берется n раз. Если $n=2$ то $f^{(2)}(x_0)=f(f(x_0))$, если $n=0$, то $f^{(0)}(x_0)=x_0$ орбитой точки x_0 или итерационной схемой.

Определение 2. Функцию f вместе с итерационной схемой будем называть итерированной функцией.

В фрактальной геометрии, динамических системах и других современных математических дисциплинах итерированные функции имеют огромное значение.

На первом этапе проекта «Итерированные функции» вводятся определения неподвижной, притягивающей, отталкивающей и нейтральной точек. Доказываются теоремы об отталкивающей и притягивающей точках. Вводится понятие паутинной диаграммы (диаграммы или «лестницы» Ламерея).

Приведем примеры дифференцируемых функций, имеющих неподвижную точку, модуль значения производной в которой равен 1. Данная неподвижная точка может оказаться притягивающей, отталкивающей, не притягивающей, не отталкивающей.

Пример 1. $f(x)=x-x^2$. Находим: $f'(x)=1-2x$. $f(0)=0, f'(0)=1$. Прямая $y=x$ является касательной к графику функции $y=f(x)$ в точке $O(0,0)$. Очевидно, что данная точка O не является ни отталкивающей, ни притягивающей. Точка $O(0,0)$ нейтральна (рис. 2). Отметим, что данная точка притягивает орбиты слева и отталкивает справа.

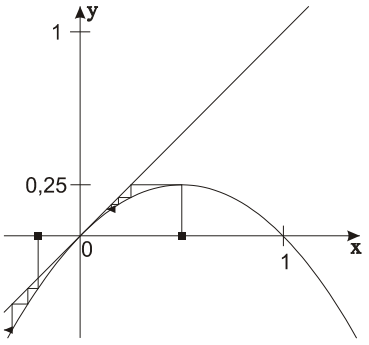

Рис. 2.

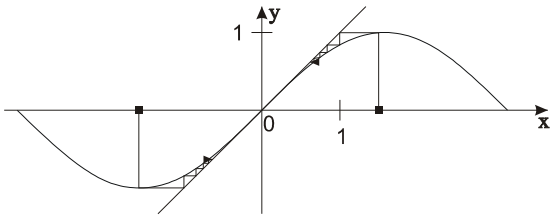

Рис. 3.

Пример 2. $f(x)=\sin x$; $f(0)=\sin 0=0$. $f'(x)=\cos(x)$; $f'(0)=\cos(0)=1$.

В данном случае $f'(0)=1$. Однако точка $O(0,0)$ – притягивающая (рис. 3).

Пример 3. $f(x)=x^3+x$. Имеем $f'(x)=3x^2+1$; $f(0)=0$; $f'(0)=1$. Поскольку $f'(x)>0$, то $\forall\, x\in R$ $f(x)$ всюду возрастает. $f''(x)=6x$. Точка $O(0,0)$ – точка перегиба. В точке $O(0,0)$ будем иметь уравнение $y-0=f'(0)(x-0)$; $y=x$. Точка $x_0=0$ является отталкивающей несмотря на то, что $f'(0)=1$ (рис. 4).

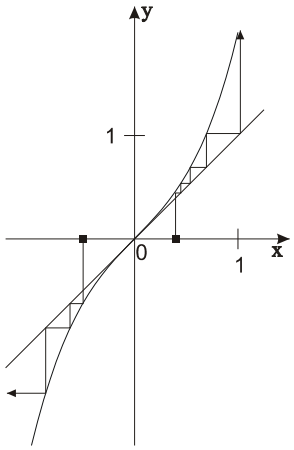

Рис. 4.

В предлагаемом проекте рассматривается функция $f(x)=a(1-x)x$ и исследуется поведение ее орбит в зависимости от значения $a\in[0; 4]$. Показано аналитически и с помощью диаграмм Ламерея, что при $a\in[0; 3]$ орбиты будут сходиться к одной точке (рис. 5–6).

При $a=\sqrt{5}+1$ орбиты будут сходиться уже к двум неподвижным точкам (рис. 7). Покажем как отыскать значение $a=\sqrt{5}+1$. Потребуем, чтобы $f(f(x))=0{,}5$. Диаграмма Ламерея указывает нам, что уравнение $f(f(x))=0{,}5$ имеет решение. Тогда получим:

$f^{(2)}(x)=f(f(x))=a(ax-ax^2)-a(ax-ax^2)^2=a(ax-ax^2)(1-(ax-ax^2))=a^2x(1-x)(1-ax(1-x))$.

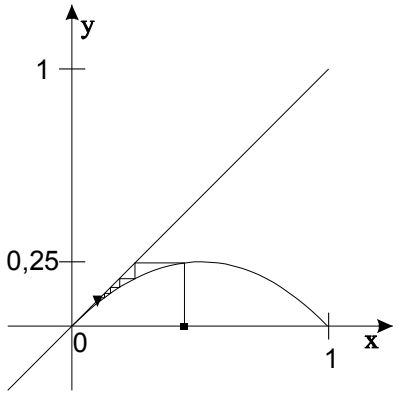

Рис. 5. a=0,4

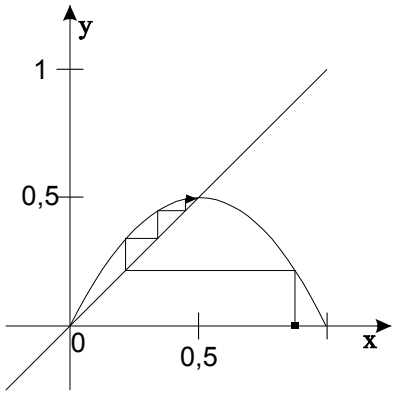

Рис. 6. *a*=3

Таким образом, $a^2x(1-x)(1-ax(1-x))=x$ или же имеем: $a^2(1-x)(1-ax(1-x))=1$.

$a^2(1-x)(1-ax+ax^2)=1$.

Подставим $x=\frac{1}{2}$: $a^2\left(1-\frac{1}{2}\right)\left(1-\frac{a}{2}+\frac{a}{4}\right)=1 \Leftrightarrow$

$$\Leftrightarrow \frac{a^2}{2}\left(1-\frac{a}{4}\right)=1 \quad \Leftrightarrow \quad -\frac{a^3}{8}+\frac{a^2}{2}=1 \quad \Leftrightarrow$$

$$\Leftrightarrow -a^3+4a^2=8 \quad \Leftrightarrow \quad a^3-4a^2=-8 \Rightarrow$$

$$\Rightarrow a^3=4a^2-8.$$

Решим данное кубическое уравнение относительно *a*:

$a^3-2a^2-(2a^2-8)=0 \Rightarrow a^2(a-2)-2(a-2)(a+2)=0 \Rightarrow$

$\Rightarrow (a-2)(a^2-2a-4)=0;$

$a_1=2$ не устраивает поскольку $a_1 \notin [0,\ 1]$;

$a_2=1-\sqrt{5}$ не устраивает, ибо $a_2<0$.

Следовательно, нужный нам корень равен a_3.

То есть $a_3=\sqrt{5}+1\approx 3{,}3260679$.

Рассмотрим $f(x)=(\sqrt{5}+1)x-(\sqrt{5}+1)x^2$.

Найдем $f(0{,}5)$.

$$f\left(\frac{1}{2}\right)=\left(\sqrt{5}+1\right)\frac{1}{2}-\frac{\sqrt{5}+1}{4}=\frac{\sqrt{5}+1}{4}\approx 0{,}8090...$$

Таким образом, $x_1=\frac{\sqrt{5}+1}{4}\approx 0{,}8090...$

Нетрудно убедиться, что $f^{(2)}(0{,}5)=0{,}5$. Действительно $f(x_0)=f(0{,}5)=f^{(1)}(0{,}5)=\frac{\sqrt{5}+1}{4}=x_1$.

$$f(x_1)=f\left(\frac{\sqrt{5}+1}{4}\right)=0{,}5.$$

Если, например, *a*=3,5, то орбиты точек будут принимать уже четыре значения (рис. 8).

Дальше следить за динамикой процесса Ферхюльста становится все труднее. При возрастании параметра *a* орбиты точек будут принимать 8, 16… значений вплоть до области хаоса, где при каждом фиксированном *a* орбиты точек могут заполнять целые полосы. Как известно каскад удвоений периода завершается «хаотической» орбитой при $a=a_\infty=3{,}5699\ldots$

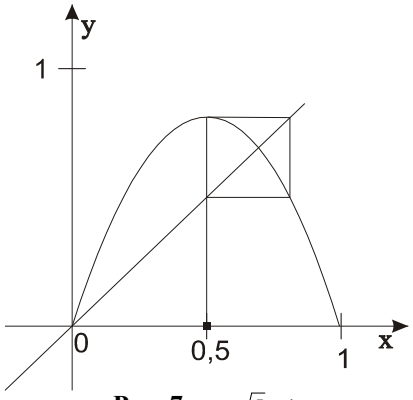

Рис. 7. $a=\sqrt{5}+1$

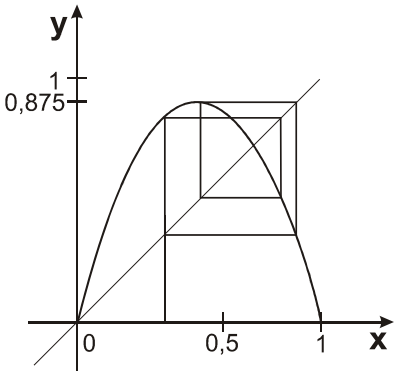

Рис. 8. *a*=3,5

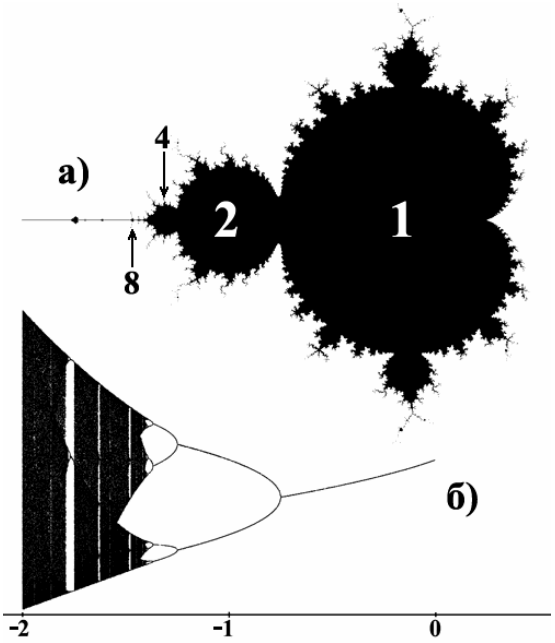

Рис. 9.

Следует отметить, что каскад бифуркаций удвоения периода сменяется хаосом (плотные заполненные полосы), который перемежается «окнами периодичности» (рис. 9б). На данном рисунке показано «поведение» итерированной логистической параболы, то есть значения ее итераций x_n, когда параметр a изменяется от 3 до 4. Наиболее заметно окно с периодом 3 при $a=\sqrt{8}+1$. Следует отметить, что в окне периода 3 снова происходит удвоение, приводящее к орбитам с длинами периода 6, 12, 24…, в которое вложено другое окно с периодом 3 и т. д. согласно упорядоченности Шарковского.

Далее в рамках проекта вычисляются координаты точек бифуркации a_n, где a_1, a_2, a_3... есть возрастающая последовательность тех значений параметра, при которых происходит бифуркация удвоения периодов, и находится величина выражения $\delta=\lim_{n\to\infty}\frac{a_n-a_{n-1}}{a_{n+1}-a_n}$ с точностью ε (известно, что предел $\delta=\lim_{n\to\infty}\frac{a_n-a_{n-1}}{a_{n+1}-a_n}$ существует и δ=4,6692016). При выполнении заданий, рассмотренных в этапах 5–8, с помощью компьютерных программ строятся множество Мандельброта и диаграмма точек орбит для функции $\varphi(c,x)=c+x^2$ (рис. 9а–9б). Приводятся примеры использования удвоения периода в различных областях знаний, изучаются хаотические отображения, создаются и размещаются на сайте художественные композиции.

Диаграмма орбит функции $\varphi(c,x)=c+x^2$ имеет тесную связь с множеством Мандельброта. Она указывает (рис. 9), что происходит на вещественной оси множества Мандельброта. Бифуркации соответствуют прорастанию почек, периодические окна, разрывающие хаотическую пелену, соответствуют малым копиям множества Мандельброта, расположенным на главной антенне (рис. 9). На рисунке 9 изображен ряд участков-обрамлений множества Мандельброта, соответствующих существованию притягивающих периодических точек различных периодов. Нетрудно заметить, что точки вещественной прямой, принадлежащие главной кардиоиде множества Мандельброта, определяют длину периода 1 в диаграмме орбит. Окружность, примыкающая к главной кардиоиде слева определяет в диаграмме орбит длину периода, равную 2 и т.д.

Удвоение периода – распространенное явление. Рассмотрим экологический пример: песцы и лемминги. Здесь возможны различные варианты в зависимости от значения a: популяция песцов может вымереть; численность популяции может стабилизироваться; численность может испытывать периодические колебания, повторяясь через некоторое число сезонов; численность популяции может меняться хаотически. Отметим, например, что при умеренном воспроизводстве песцов ($a<3$) количество леммингов может оказаться достаточным для «пропитания» песцов. В результате устанавливается равновесие между численностью песцов и леммингов. Однако, если песцы уничтожат столько леммингов, что в следующем сезоне их количества не хватит для того, чтобы прокормить всех песцов, популяция песцов пойдет на убыль. Уменьшение хищников даст леммингам шанс на восстановление своей популяции, но как только леммингов станет больше, возрастет и поголовье песцов. Мы получаем цикл в с периодом в два сезона. Если a приблизится к a_∞, то популяция песцов будет приближаться к хаотическому изменению ее численности.

Следуя [8], рассмотрим пример из гидродинамики, важнейшей составляющей которой является турбулентность. Одним из основателей теории турбулентности считается академик

А. Н. Колмогоров. Известный своими работами по фрактальным моделям однородной турбулентности, Уриэл Фриш отмечает, что даже чистая турбулентность порождает фрактальные множества. Основная характеристика турбулентности – спектральная функция – распределение энергии по различным масштабам движения или скорости движения от масштаба. Для вихревой турбулентности имеет место спектр Колмогорова – Обухова, полученный для изотропной и однородной турбулентности несжимаемой жидкости (плотность жидкости считается постоянной). В 1980 году Либахера и Маурера в эксперименте по конвекции жидкости показали, что тепловой поток переходит в турбулентное состояние, следуя сценарию Фейгенбаума. В данном эксперименте слой жидкого гелия в стеклянном прямоугольном ящике подогревался снизу. В качестве управляющего параметра использовалось число, пропорциональное ΔT – разности температур между нижней и верхней поверхностями жидкости. Когда разность температур мала, то существует тепловой поток, но жидкость неподвижна. При некотором $\Delta T_{кр}$ возникает роликовая конвекция: горячая жидкость поднимается в середине ящика, холодная опускается вдоль краев, возникает два вала (ролика) с направленным течением жидкости. С ростом разности температур валы становятся неустойчивыми; вдоль пробегает волна; теплая жидкость поднимается по одному краю вала, холодная опускается по другому. В измеряемом спектре мощности теплового потока при конвекции в таком слое при увеличении ΔT имела место последовательная смена режимов – появлялись субгармоники, кратные частоте f_0 периодического движения: $\frac{f_0}{2}, \frac{f_0}{4}, \frac{f_0}{8}\ldots$

При изучении данного вопроса студенты имеют возможность посещать сайты или вести переписку по электронной почте для приобретения новых знаний и обмена разного рода информацией. Например, на сайте http://mathgydro.com.ru/turb.html «Математическая гидродинамика» можно познакомиться с основными понятиями «турбулентность», «ламинарное течение», «гидродинамическая неустойчивость», «вязкость» и др.

Далее исследуются функции $\psi(a,x)=a\sin(\pi x)$, $\varphi(a,x)=a+x^2$, $h(x)=(1+a)x-ax^2$ и находятся координаты точек бифуркации, по которым вычисляются постоянная Фейгенбаума с точностью до двух знаков.

При организации занятий в рамках МИП дается определение хаотичного отображения, приводится его пример.

Определение 1. Пусть (X, ρ) – метрическое пространство и $f: X \mapsto X$, $x \in X$, а U – открытое подмножество, содержащее x. Отображение f обладает существенной зависимостью от начальных условий. Если для некоторого $\delta > 0$ существует такое целое $n>0$ и такая точка $y \in U$ что $\rho(f^{(n)}(x), f^{(n)}(y))>\delta$.

Определение 2. Отображение f называется транзитивным, если для любой пары U, V открытых множеств существует такое $n \geq 0$, что пересечение $f^{(n)}(U) \cap V$ не является пустым множеством.

Пусть M – множество периодических точек отображения f в метрическом пространстве X.

Определение 3. Отображение f называется хаотическим, если оно обладает тремя свойствами:

а) f обладает существенной зависимостью от начальных условий;

б) f транзитивно;

в) замыкание множества M совпадает с множеством X (то есть $\overline{M} = X$).

Несколько видоизменив и дополнив рассуждения, приведенные в [2], покажем, что $f(x) = \begin{cases} 3 \cdot x, & x \leq \frac{1}{2} \\ 3 - 3 \cdot x, & x > \frac{1}{2} \end{cases}$ хаотична на множестве Кантора K.

Проверим сначала существенную зависимость от начальных условий. Возьмем $x \in K$ и $\delta = \frac{1}{3}$. Пусть U – открытое множество, содержащее точку x. Тогда существуют такие числа: $n_0 \in N$, $\alpha \in R$, $\beta \in R$, $x \in [\alpha;\beta] \subset U$ и $[\alpha;\beta] \subset K_{n_0}$ (см. [7]). Заметим, что $f^{(n_0)}([\alpha;\beta]) = [0;1]$, где $f^{(n_0)}(x)$ есть линейная функция на отрезке $[\alpha;\beta]$, с угловым коэффициентом отличным от нуля, заданная на отрезке $[\alpha;\beta]$. Далее замечаем, что $\alpha \in K$, $\beta \in K$. Следовательно,

либо $\left| f^{(n_0)}(\alpha) - f^{(n_0)}(x) \right| > \frac{1}{3}$,

либо $\left| f^{(n_0)}(\beta) - f^{(n_0)}(x) \right| > \frac{1}{3}$.

Проверим теперь транзитивность отображения f. Пусть U, V – открытые множества в множестве K. Тогда существуют такие $n_0 \in N$, $\alpha_1 \in R$, $\beta_1 \in R$, что $[\alpha_1;\beta_1] \subset U$ и $[\alpha_1;\beta_1] \subset K_{n_0}$. Кроме того, существуют такие $m_0 \in N$, $\alpha_2 \in R$, $\beta_2 \in R$, что $[\alpha_2;\beta_2] \subset V$ и $[\alpha_2;\beta_2] \subset K_{m_0}$. Поскольку $f^{(n_0)}([\alpha_1;\beta_1]) = [0;1]$, а $0 \le \alpha_2 \le 1$, $0 \le \beta_2 \le 1$, то пересечение $f^{(n_0)}(U) \cap V$ непусто.

Замечаем, что график функции $f^{(n)}(x)$, заданной на отрезке [0; 1], является ломаной, состоящей из 2^n звеньев. Кроме того, звено данной ломаной $l_i^{(n)}(x)$ отображает частичный отрезок $[\alpha_i;\beta_i] \subset K_n$ (i=1, 2, …, 2^n) на отрезок [0; 1]. Следовательно, графики функций $y_1 = f^{(n)}(x)$ и $y_2 = x$ пересекаются в 2^n точках. Таким образом, каждая из этих 2^n точек является неподвижной для функции $f^{(n)}(x)$. Замечаем, что каждая неподвижная точка принадлежит множеству Кантора K. Кроме того, каждый частичный отрезок разбиения $[\alpha_i;\beta_i] \subset K_n$ имеет две неподвижные точки для отображения $f^{(n+1)}(x)$. Пусть теперь $x_0 \in K$ и U – произвольная окрестность данной точки. Существуют $n \in N$, $\alpha \in R$, $\beta \in R$, $x \in [\alpha;\beta] \subset U$ и $[\alpha;\beta] \subset K_n$. Отрезок $[\alpha;\beta]$ имеет две неподвижные точки для функции $f^{(n+1)}(x)$, которые являются периодическими для функции $f^{(n)}(x)$ с периодом p, равным 2. Пусть M – множество периодических точек функции $f(x)$. Тогда по доказанному $\overline{M} = K$. То есть множество периодических точек функции $f(x)$ плотны в K.

После знакомства с хаотическими отображениями студенты анализируют хаотичные отображения, порождаемые итерированными отображениями, которые используются в динамике Ферхюльста. В рамках МИП создаются художественные композиции. Деревья Фейгенбаума имеют фрактальную структуру в тех областях, которые моделируют хаотическое поведение системы. Фрактальные множества являются одними из самых красивых математических объектов. Преподавателю целесообразно, используя современные ИКТ, вовлекать студентов в художественную творческую деятельность, что будет повышать интерес к изучаемым предметам «Динамические системы», «Фрактальная геометрия», «Программирование», а также воспитывать чувство гармонии и красоты (рис. 10).

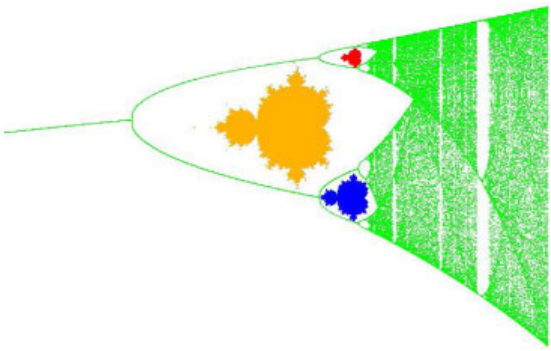

Рис. 10.

Автор выражает благодарность своим ученикам Андрею Смирнову и Артему Зобову за помощь в иллюстрации фрактальных множеств и проведение вычислительных экспериментов.

Библиографический список

1. *Божокин С. В., Паршин Д. А.* Фракталы и мультифракталы. – М.; Ижевск, 2001.

2. *Кроновер Р. М.* Фракталы и хаос в динамических системах. – М.: Постмаркет, 2000.

3. *Малинецкий Г. Г.* Математические основы синергетики. Хаос, структуры, вычислительный эксперимент. – М.: URSS, 2005.

4. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. – М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2001.

5. *Пайтген Х.-О, Рихтер П. Х.* Красота фракталов. – М.: Мир, 1993.

6. *Секованов В. С.* Формирование креативной личности студента вуза при обучении математике на основе новых информационных технологий. – Кострома, 2004.

7. *Секованов В. С.* Элементы теории фрактальных множеств. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005.

8. *Трубецков Д. И.* Введение в синергетику. Хаос и структуры. – М.: УРСС, 2004.

Ю. Н. Дулин

ЦЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРОВ КАК СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Цели образования выполняют системообразующую функцию в педагогической деятельности, поскольку именно от выбора целей в наибольшей степени зависит выбор содержания, методов и средств обучения. Формулирование педагогических целей отвечает на вопрос, для чего учить и какие задачи (профессиональные, жизненные, предметные, этические, эстетические) должен уметь решать студент с помощью полученных знаний, умений, навыков, убеждений, установок и т. п. [1]. Цели образования, выполняя системообразующую функцию подвергаются постоянному уточнению, коррекции в зависимости от развития общества. Авторы в педагогических исследованиях постоянно указывают на сложность решения задачи по определению целей образования, их структуризации, ссылаясь на исследования И. В. Бестужев-Лада, Э. Д. Днепрова, В. П. Елютина и других ученых. Н. А. Селезнева, например, отмечает: «…главные цели образовательной системы как социального института и сферы духовного производства человека задаются через требования общества к человеку» [2]. Существует и другое представление: «Цель современного образования – развитие тех способностей личности, которые нужны ей самой и обществу; включение ее в социально-ценностную активность; обеспечение возможностей эффективного самообразования (в частности, повышения квалификации) за пределами институциализированных образовательных систем» [1].

Излишняя общность и неконкретность постановки образовательных целей подвергается постоянной критике. «Обычно, минуя описание цели, педагоги сразу устремляются к конструированию учебных планов, программ, пособий и других учебно-методических средств. Современные методологические принципы организации сложных систем объясняют, что такой поход не может дать ничего, кроме сумятицы и путаницы, бесконечных дискуссий и формального теоретизирования, так как в системе отсутствует системообразующий элемент – цель. Но, как точно заметил А. С. Макаренко, «педагогика есть наука целесообразная» [1]. В работе [3] показано, что современной общей тенденцией постановки образовательных целей является их конкретизация, и приводятся основные направления конкретизации образовательных целей. В той же работе отмечается, что, когда в педагогических исследованиях, программах формируются образовательные цели, «можно выделить следующие основные направления конкретизации образовательных целей:

1. Характеристика *образовательных условий*: каким образом воздействовать на учащихся и какие условия для них обеспечить.

2. Характеристика *внутренних, процессуальных параметров*, – способностей и возможностей учащихся: какие способности и возможности следует формировать.

3. Характеристика *образовательных результатов*: каких результатов будут способны достичь учащиеся в результате образовательного процесса» [3].

Через характеристики *образовательных условий* суть направлений конкретизации образовательных целей можно представить следующим образом. «Стратегическая цель реформирования высшего образования на современном этапе – превращение его в динамичную, инновационно-восприимчивую, разветвленную научно-образовательную систему, действующую на основе сочетания принципов демократичности и элитарности, нормативной государственной поддержки и самофинансирования, государственного регулирования и саморегулирования, многосубъектности в целях обеспечения подготовки специалистов в вузах в соответствии с потребностями личности обучающегося, рыночно ориентированной экономики и государства на уровне мировых квалификационных требований» [4].

Через характеристики *внутренних процессуальных параметров* суть направления конкретизации образовательных целей раскрывается следующим образом. В концепции модернизации образования в Российской Федерации основная цель профессионального образования определена как «подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетент-

© Ю. Н. Дулин, 2006

ного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности; удовлетворению потребностей личности в получении соответствующего образования [5].

Направление конкретизации образовательных целей через характеристики *образовательных результатов* находится в стадии становления. Прежде всего, следует отметить сам факт постановки проблемы результативности образования. «Традиционно под образованием понимался процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений, навыков. Основным путем получения образования считается обучение в системе различных учебных заведений. Позднее содержание образования стали рассматривать более широко – как изучаемый социальный опыт, включающий не только знания, умения, навыки, но также опыт творческой деятельности и систему ценностей. Но и в этом случае под образованием понимался процесс и результат передачи учащимся определенной информации. Такой взгляд на образование ведет к тому, что основным показателем результативности образования считается объем усвоенной информации. До сих пор нередко исходят из того, что главным итогом обучения должны быть полные, глубокие и прочные знания учащихся. Между тем знания являются не целью, а средством, которое используется при решении значимых для личности и общества проблем. Если исходить из того, что знания являются средством решения проблем, то образование следует рассматривать как специально организованный процесс, позволяющий человеку решить социальные и личностные проблемы на основе использования достижений науки, культуры. Индивидуально-личностным результатом является образованность личности, такое ее качество, которое заключается в способности решать проблемы в различных сферах и видах деятельности» [6].

Результатом образования в современных условиях следует признать *индивидуальную способность решения профессиональных проблем, задач,* ситуаций которая формируется (развивается, складывается, «становится») у обучаемого. Сегодня результатом следует признавать не способность к репродукции готового содержания, но способность к продуктивному действию. Под продуктивным действием в современной психологии понимают такое, при котором «действие меняет саму ситуацию действования» (Б. Д. Эльконин, 1994). Это означает существенный сдвиг в сторону формирования способностей к получению информации, ее анализу, сопоставлению и т.д. Следовательно, основным направлением должно стать формирование (развитие) способностей к анализу, планированию, рефлексии, действию, обеспечивающих принятие решений по профессиональным проблемам, задачам и ситуациям.

Сегодня при быстром изменении условий профессиональной успешности индивида и общества меняются и требования к результатам образования и репродуктивной модели, определяя переход к продуктивной модели. В современных условиях для создания продуктивной модели необходимо задать, во-первых, представление о результате образования и о результативности работы системы образования, сформулировать требования к результату, отличные от требований к процессу обучения; во-вторых, соотношение условий обучения и результата.

Цель профессиональной подготовки можно выразить в терминах подготовки к определенной жизнедеятельности, располагающей относительно точно очерченным кругом знаний и умений, уровнем развития мастерства и объектов, на которых оно проявляется. Под заданный уровень необходимой будущей профессиональной квалификации выпускника есть возможность разработать требования к качествам его личности на любом уровне обобщения и конкретизации: квалификационную характеристику, профессиограмму или модель личности специалиста. Для подготовки конкурентоспособного менеджера в соответствии разработанной моделью в терминах профессиональной подготовки используем компетностный подход. Так, компетностный подход в педагогическом образовании предусматривает, что «цель профессиональной подготовки задается как ожидаемый результат – становление профессиональной компетентности» [1]. С другой стороны, для создания продуктивной модели необходимо учесть, что «способ постановки целей, который предлагает педагогическая технология, отличается повышенной инструментальностью. Он состоит в том, что

цели обучения формулируются через результаты обучения, выраженные в действиях учащихся. Эта плодотворная идея сталкивается со значительными трудностями. Каким образом перевести результаты обучения на язык действий? Как добиться однозначности этого перевода?» [3]. Для разрешения данных трудностей и создания продуктивной модели перевода задаваемого образовательного результата в систему действий существует гипотеза исследования, основанная на методологии системного анализа, методики концепции, учитывающей среду и целеполагание. Задаваемый образовательный результат формулируем как «цель-идеал» и для структуризации цели-идеала используем целевой (целенаправленный) подход. Структуризацию цели-идеала задаваемого образовательного результата или декомпозицию проводим сверху вниз, создавая таким образом модель, обеспечивающую достижение цели, перечень составных элементов и связей между ними.

Созданный в нашем исследовании образ конкурентоспособного менеджера, профессионально подготовленного и владеющего определенным набором компетентностей, опережающих общественное развитие, способного успешно действовать и адаптироваться в современной окружающей социально-экономической среде, задается как ожидаемый результат – «цель-идеал», переведенный в действие. Заданная цель как образовательный результат разлагается на первом уровне на две ветви целей, одна ветвь – цель владельца результата обучения и другая ветвь – цель владельца образовательных условий (рис. 1).

Владельцем результата образования является обучающийся, и обучение он проходит добровольно. Первая ветвь декомпозиции представляет собой перевод заданной цели и результата в личные образовательные цели самого обучающегося. Тогда результатом обучения самого обучаемого является не только приобретение необходимых компетентностей и потенциальных теоретических возможностей, а внутренняя удовлетворенность от владения профессиональными и социальными компетентностями, позволяющая успешно действовать и адаптироваться в окружающей среде. Это соответствует востребованному результату образования – способности к продуктивному действию, наполняет профессиональную подготовку внутренним смыслом и обеспечивает внутреннюю мотивацию обучаемого по освоению профессии. Удовлетворенность обучающегося от приобретения необходимых компетентностей рассматривается нами как один из ключевых факторов обеспечения внутренней мотивации освоения профессии менеджера. Декомпозиция цели владельца результата представлена на рисунке 2.

Удовлетворенность обучаемого складывается:

– из приобретения профессии, к которой он стремится, – профессии менеджера и именно в том вузе, диплом которого котируется у всех участников рынка труда;

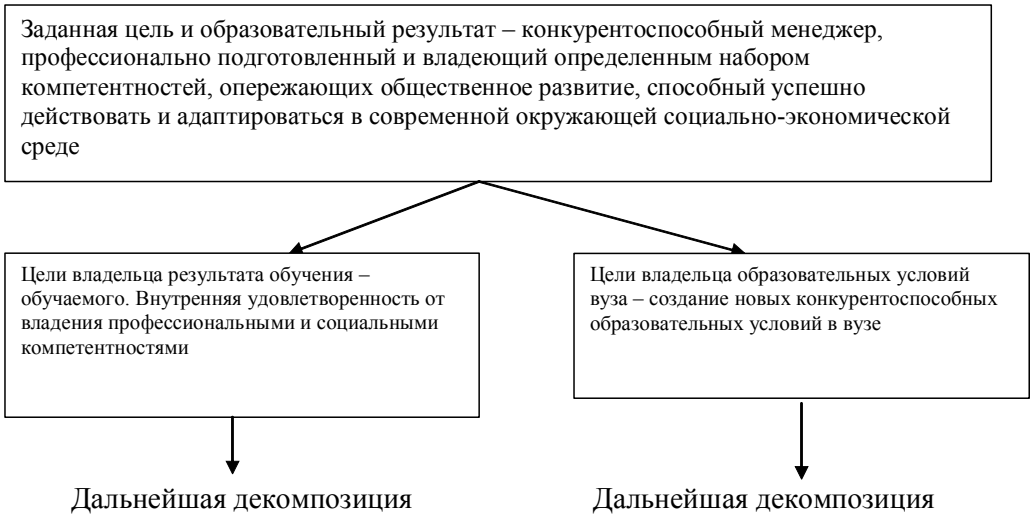

Рис. 1. Концептуальная модель структуризации заданной цели – образовательного результата

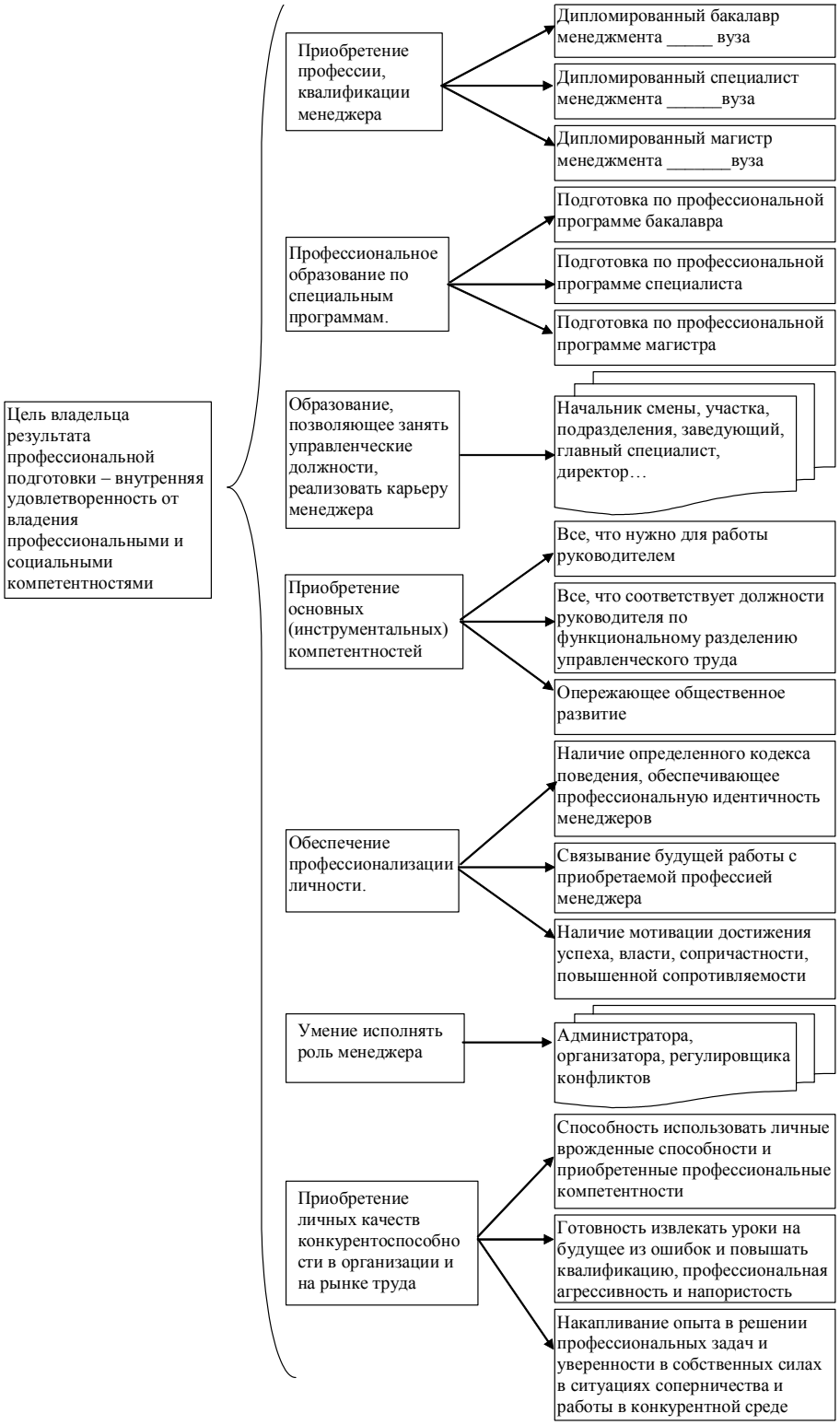

Рис. 2. Принципиальная схема декомпозиции (дерево) образовательных результатов обучающихся менеджменту

– обучения по тем профессиональным программам, которые позволяют получить востребованную обучаемым квалификацию менеджера;

– образование, которое изначально и целенаправленно готовит обучаемого для работы на управленческих должностях, успешной реализацию карьеры;

– обучения тем инструментальным компетентностям, которые необходимы менеджеру для ежедневного решения профессиональных задач и проблем на рабочем месте, которые определяются содержанием работы на руководящих должностях, содержатся в должностных инструкциях и других корпоративных документах;

– образования, которое обеспечивает профессионализацию личности обучаемого, в частности приобретение определенного кодекса поведения, обеспечивающего профессиональную идентичность менеджера; обучения, обеспечивающего наличие мотивации достижения успеха, власти, сопричастности, повышенной сопротивляемости к внешним обстоятельствам;

– Обучения исполнению различных ролей менеджера, которые не формируются в каких-либо должностных инструкциях руководителей, но исполнение которых составляет большой удельный вес в работе любого руководителя;

– образования, способствующего приобретению тех личных качеств,

которые способствуют развитию конкурентоспособности менеджера.

Удовлетворенность обучающегося рассматривается нами как один из ключевых критериев эффективной подготовки менеджеров. Данные об удовлетворенности – это информация не только о силе привязанности обучающегося к своему учебному заведению, но также показатель системы его стимулирования. Так, если добросовестный обучающийся должен быть удовлетворен образовательными условиями и ходом подготовки, то недобросовестный обучающийся, наоборот, должен быть не удовлетворен этими условиями. Если недобросовестный обучающийся удовлетворен образовательными условиями, ходом подготовки и не собирается покидать данное образовательное учреждение, то это уже проблема для руководителей учреждения. Дальнейшая декомпозиция целей проводится при определении содержания обучения.

Владельцем образовательных условий является образовательная организация, и вторая ветвь декомпозиции представляет собой перевод заданной цели и образовательного результата в цели создания образовательных условий образовательной организацией. Основой для выделения такого фактора является компетентностный (проблемный) подход. «Такой подход ориентирует на использование реальных возможностей образования в реализации социальных целей: управлять формированием личностных качеств нельзя; можно управлять деятельностью, которая способствует развитию определенных личностных качеств» [7]. Без соответствующих образовательных условий подготовить конкурентоспособного специалиста невозможно. Гипотезой исследования является следующая: для достижения заданного образовательного результата в образовательной организации необходимы те новые (другие) образовательные условия, которые бы обеспечивали обучение компетентностям, определенным в «цели-идеале». Поскольку владельцем образовательных условий является образовательная организация, то и для создания таких образовательных условий деятельность самой образовательной организации должна быть направлена на поддержание своей конкурентоспособности. Образовательная организация, действующая в рыночных условиях, для обеспечения своей конкурентоспособности должна действовать как открытая организация (тем более конкурентоспособная, чем более она контролирует свою окружающую среду) – ставить перед собой и достигать стратегические цели как обеспечивающие конкурентоспособность в длительной перспективе. Для того чтобы конкретизировать и перевести образовательную цель, представленную в форме результата – подготовка конкурентоспособного менеджера, в характеристики образовательных условий используем следующую методологию, которая включает в себя процедуру уточняющего прояснения и достраивания образовательных целей. В ходе такого прояснения основное содержание цели не меняется, но достраивается по недостающим параметрам. Таким образом, процедура носит прояснительно-преобразующий характер. В ходе такой процедуры достигается более полное понимание образовательных условий как средств достижения главной цели. На возможность такого подхода когда «можно выстроить своеобразную лестницу уточнения целей: от общих требований социума к задачам данного

Рис. 3. Принципиальная схема декомпозиции (дерево) целей создания конкурентоспособных образовательных условий образовательной организацией во внешней среде

учебного заведения и далее – к общим целям совокупности учебных программ и конкретного курса» указывается в той же работе [3]. На возможность применения такого подхода указывается и в работе Г. А. Бордовского, А. А. Нестерова, С. Ю. Трапицына, Ю. Г. Татура: «Одна из причин существующих в профессиональном образовании недостатков состоит в отсутствии единства в определении понятия качества результатов образования и несогласованности подходов к его оценке на федеральном, региональном, отраслевом и вузовском уровнях. Устранение данного несоответствия в определенной мере может быть достигнуто за счет согласования на

концептуальном уровне всего спектра моделей, описывающих качество результатов образования» [8]. В данной же работе предложена и схема согласования всего спектра моделей, описывающих качество результатов образования, которая включает в себя модель кандидата, модель обучаемого, модель выпускника, модель специалиста, а также образовательные стандарты, квалификационные требования, учебные планы и программы. Вместе с тем, по нашему мнению, предложенная схема описывает согласование результатов образования механистически – все, какие есть, квалификационные требования к выпускнику образовательной организации, учебные планы и программы, главное, чтобы они были согласованы между собой. Для определения целей, обеспечивающих приобретение и поддержку конкурентоспособности организации, используем подход стратегического менеджмента к стратегическим целям. В перечне стратегических целей, которые обеспечивают конкурентоспособность организации в длительной перспективе и которые должна преследовать организация, нет однозначности, приводятся только рекомендации, например [9]. На рисунке 3 сформируем цели, обеспечивающие конкурентоспособность образовательной организации и образовательных условий во внешней среде и достижения образовательного результата.

Для обеспечения конкурентоспособности образовательная организация, действующая на рынке образовательных услуг, должна действовать как открытая и руководство этой организации должно формировать стратегические цели исходя из пространств, представленных на рисунке 3. Цели владельца образовательных условий декомпозируем на следующие стратегические цели пространства:

1. Позиция на рынке образовательных услуг.
2. Инновации как новые способы оказывать и менять образовательные услуги на рынке.
3. Необходимые ресурсы.
4. Производительность.
5. Доходность и прибыльность.
6. Управление учреждением.
7. Персонал.
8. Социальная ответственность.

В свою очередь каждая из приведенных целей проходит дальнейшую декомпозицию, значительно расширяя перечень тех необходимых конкурентных образовательных условий, которые должны присутствовать в образовательном учреждении.

Декомпозиция цели «Позиция на рынке образовательных услуг» производится на две: способность позиционирования разнообразия образовательных услуг подготовки менеджеров по отношению к конкурентам; желаемая доля рынка, принадлежащая образовательной организации по подготовке менеджеров, с которой вынуждены считаться конкуренты. Чем большая доля рынка принадлежит образовательной организации в подготовке специалистов, тем более прочные ее конкурентные позиции.

Декомпозиция цели «Инновации как новые способы оказывать и менять образовательные услуги в постоянно меняющихся условиях» проводится на несколько целей. Это прежде всего сама способность реагировать на новые потребности потребителей образовательных услуг и создавать новые образовательные услуги, новые учебные программы и т. д.

Декомпозиция цели «Необходимые ресурсы» проводится на несколько целей. Это цели обеспеченности необходимыми ресурсами для нормального функционирования образовательной организации, укомплектованности преподавателями, наличия перечня организаций, с которыми установлены деловые отношения по прохождению практик и трудоустройству выпускников.

Декомпозиция цели «Производительность» представлена многими целями. Обеспечение необходимых пропорций между имеющимися ресурсами и эффективностью их использования является одним из ключевых моментов выживания в рыночных условиях любой организации. Это цели результативного использования ресурсов образовательной организации – площадей, оборудования, и т.п., для того чтобы создать условие постоянного обновления образовательных условий для обучающихся. Вместе с тем это также цель освоения обучаемыми образовательных программ и достижения образовательных результатов в установленные сроки.

Декомпозиция цели «Доходность и прибыльность» представлена несколькими целями. Данная цель предполагает умение зарабатывать и получать прибыль на рынке образовательных и сопутствующих услуг, в том числе через участие в значимых проектах и конкурсах различных организаций.

Декомпозиция цели «Управление образовательной организацией» представлена одной но

Рис. 4. Принципиальная схема декомпозиции целей

сложной целью – наличие структуры управления способной наладить работу образовательной организации в условиях рынка и реализовать стратегию стабильного развития. Необходима управленческая структура, приспособленная к работе в условиях рынка. Речь идет не только о службе маркетинга, которая действует во многих образовательных организациях. Необходимы службы, способные разработать эффективную стратегию поведения организации на рынке, обеспечить качество образования, управления персоналом, обоснованную логистику получения профессионального образования и достижения образовательного результата обучаемым, эффективное управление затратами организации. Наличие такой структуры управления представляет мечту практически всех коммерческих организаций, поскольку это важнейший фактор обеспечения конкурентоспособности организации.

Декомпозицию цели «Персонал» представляем одной сложной целью. Обычно при установлении таких целей имеют в виду качественное выполнение трудовых функций и ответственное отношение к работе [9]. В нашем исследовании мы считаем, что для создания конкурентоспособных образовательных условий учебному учреждению цель должна быть сформулирована как привлечение конкурентоспособного персонала, обеспе-

чивающего необходимое отношение к выполнению трудовых функций как среди преподавателей, так и среди обслуживающего персонала.

Декомпозиция цели «Социальная ответственность» представлена многими целями. При постановке таких целей обычно имеют в виду наличие социально ответственного поведения перед обучающимися, перед персоналом учреждения, перед партнерами учреждения. В нашем исследовании целями являются: имидж вуза как социально-ответственной организации, соблюдающей государственные образовательные стандарты, требования и условия получения образования, диплом которого является значимым для обучающегося и признается таким всеми участниками рынка.

Представленные в таком виде цели образовательной организации по обеспечению конкурентоспособных образовательных условий во внешней среде не только переводят образовательную цель в образовательные условия, но резко расширяют круг значимых образовательных условий и уже имеют характер действий. Достижение главной образовательной цели – способности подготовить конкурентоспособного менеджера – не является одноразовым действием, а требует реализации приведенных конкретных образовательных условий обучающей организацией.

Для обеспечения гармонизации конкурентоспособных образовательных условий образовательной организации такие изменения должны произойти и во внутренней среде этой организации. Сформированная в нашем исследовании общая концептуальная модель внутренней среды образовательной организации включает в себя составляющие: обучающихся, образовательные программы (содержание, образовательные технологии и потенциал преподавательских кадров), оценку результатов полученного образования. Для того чтобы конкретизировать и перевести образовательную цель, представленную в форме результата, в характеристики образовательных условий, используем ту же методологию – процедуру уточняющего прояснения и достраивания образовательных целей.

На рисунке 4 сформируем цели образовательных условий образовательной организации во внутренней среде, обеспечивающие достижение конкурентоспособности и достижение образовательного результата. Цели владельца образовательных условий во внутренней среде декомпозируем на следующие цели: цели к условиям деятельности обучающихся, цели к разнообразию и перечню разработанных образовательных программ в соответствии с выбранной стратегией, цели к условиям, способствующим освоению содержания образовательных программ, цели к условиям использования образовательных технологий, цели к условиям деятельности преподавателей, цели к оценке полученных образовательных результатов. В свою очередь каждая из приведенных целей подлежит дальнейшей декомпозиции, расширяя перечень образовательных условий.

Декомпозиция «Цели к условиям деятельности обучающихся» произведена на несколько целей. Основной момент в данных целях – это условия активной позиции в освоении профессиональных учебных программ, в учебных занятиях по решению профессиональных задач, в деятельности по профессионализации своей личности.

Декомпозиция «Цели к разнообразию и перечню образовательных программ в соответствии с выбранной стратегией» представлены целями, которые требуют наличия всего спектра обучающих (образовательных) программ подготовки менеджеров. Обучающийся, пожелавший приобрести профессию менеджера, пожелавший повысить свою квалификацию или освоить какую-либо профессиональную компетентность, должен найти в данной образовательной организации все интересующие его образовательные программы. Разнообразие таких обучающих программ должно быть велико и они должны заполнять конкурентоспособные ниши на рынке образовательных услуг.

Декомпозиция «Цели к условиям способствующим освоению содержания образовательных программ», демонстрирует цели создания образовательных условий, при которых обучающийся вынужден был бы находиться в активной позиции – в учебных ситуациях, требующих решения профессиональных задач и принятия управленческих решений.

Декомпозиция «Цели к условиям использования образовательных технологий» представлена целью использования тех педагогических технологий обучения, которые четко ориентированы на достижение образовательного результата.

Декомпозиция «Цели к условиям деятельности преподавателей» представлена целями кон-

курентоспособной организации работы преподавателей: организации учебной деятельности в соответствии с разработанными профессиональными учебными программами; целями деятельности для организации учебных ситуаций по решению обучаемыми профессиональных задач; целями организации обучающихся в освоении профессиональной деятельности.

Декомпозиция «Цели к оценке полученных образовательных результатов» представлена целями организации новой оценки профессиональной квалификационной подготовленности обучающихся по утвержденным контрольно-экзаменационным заданиям.

В результате проведенного исследования целей профессиональной подготовки менеджеров исходя из заданного образовательного результата:

– спроектирована педагогическая модель профессиональной подготовки менеджера как средство достижения заранее заданного образовательного результата, «цели-идеала» – становление профессиональной компетентности конкурентоспособного менеджера;

– спроектированная педагогическая модель предусматривает достижение главного образовательного результата и становление профессиональных компетентностей менеджера путем разворота главного образовательного результата в две ветви образовательных целей результатов: а) образовательные цели самого обучаемого как способность к продуктивному действию, что наполняет профессиональную подготовку внутренним смыслом и обеспечивает внутреннюю мотивацию и удовлетворенность обучаемого при освоении профессии менеджера; б) цели создания образовательных условий профессиональной подготовки менеджеров в самой образовательной организации;

– подтверждена гипотеза возможности проектирования педагогической модели достижения заранее созданного сложного образовательного результата освоения профессиональных компетентностей менеджера новой формации на основе на использования методологии системного анализа, целевого подхода структуризации «цели-идеала», методологии стратегического менеджмента, процедуры уточняющего прояснения и достраивания образовательных целей;

– сформированные в созданной педагогической модели образовательные цели представляют начальный уровень элементов и структуры данной модели.

Дальнейшая декомпозиция образовательных целей должна обеспечить разворот этих целей в формирование содержания, средств и технологии профессиональной подготовки конкурентоспособных менеджеров.

Библиографический список

1. Компетентностный подход в педагогическом образовании / Под ред. В. А. Козырева, Н. Ф. Радионовой, А. П. Тряпицыной. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2005.

2. *Селезнева Н. А*. Качество высшего образования как объект системного исследования. – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2002.

3. *Кларин М. В.* Инновации в обучении. – М.: Наука, 1997.

4. Управление организацией: энциклопед. словарь. – М.: ИНФРА–М, 2001. – С. 1692.

5. Конкурентоспособность выпускника педагогического университета / И. Б. Готская, С. А. Потачев, А. П. Тряпицына. – СПб.: Изд- во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002.

6. *Загузов Н. И., Писврева С. А., Тряпицына А. П.* Современные диссертационные исследования по педагогике. –М.: ИРПО, 2003.

7. *Лебедев О. Е., Неупокоева Н. И.* Цели и результаты школьного образования. – СПб.: СПГУПМ, 2001.

8. *Бордовский Г. А., Нестеров А. А., Трапицын С. Ю.* Управление качеством образовательного процесса. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2001.

9. *Ильин А. И.* Планирование на предприятии. – Минск: Нов. знание, 2004.

МОЛОДО – НЕ ЗЕЛЕНО

Ю. П. Красовская

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОШИБКИ, ВЫЗВАННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЕМ ОБОСОБЛЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ (на примере итоговых сочинений учащихся 11 классов)

Преамбула. *В данной статье рассматриваются новые подходы к классификации ошибок, связанных с употреблением обособленных обстоятельств, что позволяет выявить и систематизировать не только широкий спектр отклонений от грамматической нормы, но и впервые в методической практике выделить основные виды функциональных нарушений в речи учащихся. Подобная расширенная классификация поможет определить новые подходы к изучению синтаксиса и пунктуации, организовать пропедевтическую работу по повышению уровня коммуникативной компетенции школьников.*

Развитие речевой культуры учащихся предполагает ознакомление с нормами русского литературного языка, что в свою очередь связано с целенаправленной деятельностью по предупреждению и исправлению различного рода грамматических и функциональных нарушений, особенно в речи старшеклассников, так как они завершают обучение в средней (полной) школе. Именно поэтому необходимо ориентироваться на подробную классификацию ошибок, которая поможет наметить основные подходы к изучению синтаксиса и пунктуации в школе на современном этапе с целью повышения коммуникативной компетенции учащихся.

В настоящее время в методике выделяется несколько подходов к проблеме дифференциации ошибок: *структурно-грамматический* (Д. Э. Розенталь [5]), *нормативный* (С. Н. Цейтлин [7]), *коммуникативный* (В. И. Капинос [4]) и *функциональный* (С. А. Арефьева [1]). Однако в работах вышеперечисленных авторов предлагается неполный перечень грамматических нарушений, связанных с употреблением обособленных обстоятельств, и не выделяются виды функциональных отклонений применительно к данной синтаксической конструкции.

Несколько иной взгляд на классификацию ошибок представлен А. В. Бариновой в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи», где отражены грамматико-морфологические, грамматико-синтаксические и грамматико-стилистические разновидности нарушений в связных высказываниях [2]. Автор статьи отмечает, что в последнее время предлагается новая типология ошибок: структурно-языковые, коммуникативно-прогматические, этико-речевые» [2, с. 579–580]. Однако данная классификация не получила широкого распространения.

Рассмотренные нами подходы к систематизации речевых нарушений не противоречат друг другу коренным образом. Поэтому, разрабатывая многоаспектную классификацию ошибок, возникающих при употреблении обособленных обстоятельств, необходимо опираться на все достижения современной методики в данной области. При этом следует учитывать, что функциональные отклонения в области употребления обособленных членов предложения нигде подробно не описаны.

В целях выявления специфики функциональных нарушений нами были проанализированы сочинения учащихся 11 классов г. Костромы и Костромской области. В 673 работах было обнаружено 357 ошибок, связанных с употреблением обособленных членов предложения, это составляет 53 % от общего количества речевых нарушений. Наиболее частотными и разнообразными являются грамматические ошибки (55,3 % от общего количества грамматических отклонений), причем их спектр гораздо шире, нежели описанные в методической литературе случаи. Именно поэтому они стали предметом нашего пристального рассмотрения в данной статье.

На основе полученных данных мы предлагаем дополнить классификацию грамматических ошибок расширенным перечнем синтаксических нарушений, выделив различные виды незавершенности предложений с обособлением, случаи несочетаемости двух деепричастий и ненормативного соединения однородных обстоятельств,

© Ю. П. Красовская, 2006

Таблица 1

Морфологические ошибки

Вид ошибки	Пример	Процент (от общего количества грамматических ошибок)
Использование суффикса *-в* вместо *-а* (*-я*) при образовании деепричастий несовершенного вида	Держав рану рукой, он сел на землю и стиснул зубы от боли. Люди, кричав от боли, мучались в лазарете	1,5 %
Использование суффиксов *-а* (*-я*) вместо *-в* при образовании деепричастий совершенного вида	Известный путешественник объездил весь свет, побывая чуть ли не на всех островах. Суриков не знал, как выглядит казачья шапка, и тогда мать решила объяснить ему, нарисуя эту шапку	2,6 %
Использование суффиксов *-вши*, *-ши* при образовании деепричастий от невозвратных глаголов	Приехавши к папуасам, он стал их изучать. Мы, дочитавши текст до этого места, невольно задумываемся	1,5 %
Заполнение «пустых клеток»	Талант мог не проявляться раньше, ждя своего часа. Эта история учит нас внимательнее относиться к людям, не судив о человеке по внешности	4,6 %
Отбрасывание постфикса *-ся*	«Это целая гора!» – ужасая, ответила я	0,5 %
Использование для образования деепричастий основы глагола с неуместной приставкой	Люди, переступая закон, делают жизнь свою легче, а России – труднее. Оба пытаются найти себя, путешествуя и сменяя обстановку	3 %
Нарушение временного плана	Вернувшись, мы видим совсем другого героя. Я, прочитав этот текст, частично поменяю мировоззрение	2 %
Нарушение видовой соотнесенности	Однажды, приехав в родные края, все дети собирались там	1,5 %

которые проявляются на уровне связного развернутого высказывания.

Грамматические ошибки

Среди грамматических ошибок (см. табл. 1, 2), возникающих при употреблении обособленных обстоятельств, выраженных деепричастиями и деепричастными оборотами, распространены синтаксические нарушения. Больше всего затруднений вызывает соотношение обособленного обстоятельства с подлежащим. В связи с этим необходимо обратить особое внимание при изучении темы «Обособленные обстоятельства» на функционирование данных конструкций в тексте, на особенности их включения в контекст.

Появление подобных нарушений вызвано пробелами в знаниях учащихся, слабой сформированностью практических умений, связанных с построением и осмыслением законченного высказывания в определенном стиле и жанре. Поэтому мы выделяем не только грамматические, но и функциональные ошибки, что позволит продумать основные подходы к изучению обособленных обстоятельств в школе с опорой на конкретные коммуникативные ситуации.

Функциональные ошибки

Под функциональными ошибками (см. табл. 3, 4) мы понимаем нарушения, проявляющиеся при употреблении данных конструкций в рамках текста определенной стилистической принадлежности.

В целом анализ сочинений учащихся 11 классов показал, что у школьников по-разному сформировано умение употреблять обособленные обстоятельства в тексте. Количество ошибок, вызванных использованием данного вида синтаксических конструкций, достаточно велико. В целях повышения общей речевой культуры выпускников нами предложена дополненная клас-

Таблица 2

Синтаксические ошибки

Вид ошибки	Примеры	Процент (от общего количества грамматических ошибок)
Употребление деепричастных оборотов, не соотнесенных по смыслу с подлежащим	Прочитав текст К. Паустовского, сразу складывается впечатление о том, что автор пытается до нас донести экологическую проблему. Случайность помогает добиться цели, совершая важные открытия	16,9 %
Включение подлежащего в середину деепричастного оборота	Не подсчитав люди все потери, применяют химические вещества	0,5 %
Включение в состав обособленного оборота союзов	Он шел, и перебирая пальцами по клетке. Он посмотрел вокруг, когда глубоко вдохнув воздух, и подумал о будущем	2 %
Нарушение управления внутри обособленного оборота	Он мужественно держался, когда другие не выдержали и побежали спасаться, оставив своих выводков. Следуя из того, что текст рассчитан на массового читателя, можно определить, что это публицистический стиль	3 %
Нарушения в выборе определяемого слова	Прочитав текст, я сильно озадачен некоторыми вопросами	1 %
Незавершенность предложения: – отсутствие подлежащего, сказуемого или всей грамматической основы;	Но мы, не замечая боли. И сразу в лес, собирая их в большом количестве	4,6 %
– незавершенность оборота;	Мы, задумавшись о судьбе и судьбе других людей, многое можем решить. Император, посетив, принял решение выделить средства.	5,1 %
– нарушение границ предложения;	Этот рассказ Носова очень нужен людям, прочитав его, люди понимают, что нужно относиться друг к другу добрей.	1,5 %
– разрыв предложения;	Текст построен на противоречиях, таким образом, рассуждая, отстаивает свою точку зрения.	0,5 %
– смысловая и грамматическая незавершенность предложения с обособленным оборотом	Лицо его обращено к людям. Как бы приветствуя «племя младое». Используя в своем тексте такие средства выразительности, как сравнительный оборот. Что он никогда не полежит под раскидистой сосной, глядя на небо.	1,5 %
Сочетание двух деепричастий	Он познает муки любви, сидя запершись у себя в кабинете	0,5 %
Нарушение грамматической связи в ряду однородных обособленных обстоятельств	Горький читал письма внимательно, исправляя ошибки и ставил пропущенные знаки препинания красным карандашом. Спал он мало, большую часть работая и ненавидя ленивых людей, имея на это полное право	1 %

Таблица 3

Сочинение в научно-учебном стиле

Вид ошибки	Примеры	Процент (от общего количества функциональных ошибок)
Нарушение фактической точности	Используя публицистический стиль, автор продвинул науку вперед. Развивая свою мысль, автор ее не закончил	44,4 %
Нарушение понятийной точности	Улавливая созвучие мыслей, Тагер делает вывод. Обращая внимание на авторские нахождения, текст можно оценить высоко	22,2 %
Снижение стиля	В данном случае автор решает проблемы, выпятив один вопрос. Выплывая на поверхность, вопрос обсуждается	22,2 %
Однообразие конструкций	Мы, увидев этот текст, осознаем, что проблема актуальна. Увидев это, начинаем задумываться	11,2 %

сификация грамматических и функциональных нарушений, возникающих в письменных работах школьников при употреблении обособленных обстоятельств, которая позволяет определить новые методические подходы к изучению данной темы, сократить количество ошибок, проявляющихся на уровне связного высказывания. При этом ведущим, на наш взгляд, должен стать функциональный подход к изучению синтаксиса, основы которого разработаны А. Ю. Купаловой [3], В. В. Тиховой [6] и др.

Библиографический список

1. *Арефьева С. А.* К вопросу о стилистических ошибках в письменной речи учащихся // Рус. язык в школе. – 2000. – № 2. – С. 19–28.

Таблица 4

Сочинения в публицистическом стиле

Вид ошибки	Примеры	Процент (от общего количества функциональных ошибок)
Невыразительность	Позицию автора я разделяю, так как люди, идя по лесу, проходят мимо грибов. Прочитав рассуждение С. Залыгина, задаешь вопросы	41,6 %
Снижение стиля	Если, проходя мимо поганых грибов, люди могут их пнуть, то и человека они могут толкнуть	22 %
Сухость речи	Прочитав рассказ, люди многое понимают. Подойдя к концу текста, мы все узнаем	20,8 %
Чрезмерная стандартизация оборотов	Заключив контракт со своей совестью, люди живут спокойно	5,2 %
Высокопарность	Сердце, дрогнув от боли, при виде такого остановится	6,5 %
Однообразие конструкций	Тимофеев, приведя аргументы, приходит к выводу, что надо жить без призывов. Он, приведя аргументы, хочет излечить болезнь пренебрежения к человеку	3,9%

2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 840 с.

3. *Купалова А. Ю.* Основы функционального подхода к изучению синтаксиса русского (родного) языка в школе / Дис. … д-ра пед. наук в форме научного доклада. – М., 1991. – 55 с.

4. Развитие речи: теория и практика обучения: 5–7 кл.: Книга для учителя / В. И. Капинос, Н. Н. Сергеева, М. С. Соловейчик. – М.: Линка-Пресс, 1994. – 196 с.

5. *Розенталь Д. Э.* Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. – М.: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2004. – 384 с.

6. *Тихова В. В.* Функциональный подход к изучению главных членов предложения / Дис. … канд. пед. наук. – М., 1991. – 301 с.

7. *Цейтлин С. Н.* Речевые ошибки и их предупреждение. – М.: Просвещение, 1982. – 143 с.

Г. Д. Неганова

ТВОРЧЕСТВО Е. ЧЕСТНЯКОВА И ХРИСТИАНСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Преамбула. *Художественный мир, созданный Е. Честняковым, многомерен и отличается особой семантической емкостью. Чтобы понять некоторые конкретные сочинения художника, следует учитывать тот содержательный подтекст, который обусловлен интертекстуальными контактами, соединяющими их с претекстами, в первую очередь Новым Заветом. В статье рассматривается интертекстуальность как внетекстовой фактор смыслообразования в словесном творчестве Е. Честнякова.*

Наиболее важной и содержательной литературной традицией, с которой пересекается творчество Е. Честнякова – самобытного художника и писателя, является христианская словесность, в частности Священное Писание. При сравнении честняковских сочинений с Новым Заветом нами выявлены как почти дословная цитация евангельских претекстов, так и косвенные созвучия с ними. Вне сомнения, это видел и читатель начала XX века, хорошо знавший Новый Завет, а потому без труда мог определить семантику оценок, присутствующих в текстах Е. Честнякова, и направление, в котором развивается художественный смысл.

Евангельский претекст, судя по опубликованному наследию, имел высокий удельный вес в художественном сознании Е. Честнякова. Об этом свидетельствуют не только произведения автора теории универсальной культуры, но и отдельные фрагменты его записных книжек. Так, например, среди записей Е. Честнякова о его жизни в Петербурге есть следующий набросок: «Направит к Анне Калиаф, \ Пошлет к Давиду Голиаф. \ Или Пилат умоет руки. \ “Его распни”, – несутся звуки…» [3, с. 554]. В каждой строке «читается» образ, за которым «стоит» определенный библейский сюжет. Анна и Каифа – первосвященники, подготовившие обвинение Иисуса. Известный исследователь новозаветной истории Ф. Фаррар характеризовал Анну как интригана, изворотливого, «хитрого, тираничного саддукея, далеко не почтенного старика, несмотря на его семьдесят лет, но человека, исполненного змеиной злобы и мелочности» [8, с. 395]. После проведенного дознания Анна направил Иисуса на второй допрос к своему зятю Каифе, который также был «пронырливым и бессовестным саддукеем, но с большею силой характера и воли» [там же, с. 399]. На основании ложных, выдуманных им показаний члены синедриона согласились с тем, что Иисуса следует казнить. Пилат, несмотря на силу своей власти, не смог противостоять первосвященникам. С одним из наиболее часто изображаемых в искусстве евангельских сюжетов – Пилат публично умывает руки в знак того, что он не признает себя виновным в крови праведника, – корреспондирует третья строка. Четвертая строка отсылает к заключительному этапу суда над Иисусом. Сравним ее с Новым Заветом: «Но они еще сильнее кричали: да будет распят» (От Матфея); «Они опять закричали: распни Его» (От Марка); «Но они кричали: распни, распни Его!» (От Луки); «Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни Его!» (От Иоанна) [1, с. 1051, 1078, 1123, 1156].

Вместе с тем в рассматриваемом четверостишии Е. Честнякова нельзя не обратить внима-

 © Г. Д. Неганова, 2006

ния на нарушение последовательности евангельских событий. Новый Завет определяет следующую хронологию: после взятия под стражу и допроса Анна посылает Иисуса к Каиафе; Пилат «умыл руки перед народом» только после того, как толпа трижды потребовала распятия Христа [1, с. 1051]. У Е. Честнякова же время в каждом сюжете словно движется вспять. Художник будто указывает вектор, по которому следует двигаться, чтобы добраться до смысла: от следствия к причине, а если продолжить далее, то к первоистоку.

Как известно, движение является сущностью пространства и времени, тесно связанных с информацией. Можно предположить, что в приведенном выше наброске при кодировании сохранился смысл информации в отношении библейских символов и изменился в отношении современных Е. Честнякову явлений действительности: используя библейские образы, художник описывает свои хождения к «жрецам искусства» – петербургским «Аннам» и «Каиафам».

Интертекстуальная связь с Новым Заветом вносит в предлагаемые для рассмотрения тексты Е. Честнякова дополнительные содержательные оттенки, выявляет их смысловое начало и дает возможность адекватно понять их. На нескольких примерах попробуем определить, какое значение новозаветный претекст вносит в смысловой подтекст стихотворных произведений художника.

Евангелисты повествуют, что Иисус, рассказав притчу о богаче, заключил, что не следует заботиться о еде и одежде: есть иное содержание жизни и, соответственно, иные ценности. «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную…» – поучал Иисус, прежде насытив народ пятью хлебами [1, с. 1136]. Е. Честняков, в соответствии с убеждениями или в силу сложившихся обстоятельств, жил согласно евангельскому постулату «душа больше пищи, а тело – одежды» [1, с. 1105], радея в первую очередь о пище духовной. «Скиталец скорбный», «в рубище и голодный», он молит о хлебе «для чувств своих» [4, с. 64, 75, 55]. Художник уверен: «Здесь вопрос не только хлебный: / Ведь душе в грязи не жить»; его муза «Ищет взорами по миру, / Где источник вод живых» [4, с. 158]. Выделенные нами евангельские символы духовной пищи – хлеб и живая вода – обнаруживаются как в изобразительном, так и словесном творчестве Е. Честнякова.

Хлеб – символ Нового Завета. Иисус называл себя хлебом жизни: «Я – хлеб живый, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» [1, с. 1137]. Однако человек не может обходиться без еды. Хлеб требуется для физического существования – это пища, пропитание: «Нам нужен лишь телесный хлеб!» [3, с. 633]; «Им нужны и хлеб, и мыло…»; «Не до сада тут с нуждой: / Хоть бы хлебец был с водой…»; «Не нищий: жил своим трудом, / А пища – соль и хлеб с водой» [4, с. 183, 103, 85].

Современный исследователь Ю. С. Степанов в книге «Константы: словарь русской культуры» отмечает, что «хлеб у русских – больше, чем пропитание, он – символ пропитания» [7, с. 285]. Слово «хлеб» входит в состав фразеологического оборота «хлеб насущный», который толкуется как «необходимые средства для жизни, для существования» и «самое важное, существенное, жизненно необходимое» [9, с. 506]. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» – это строка из молитвы «Отче наш». Обращаясь к Богу, просят, в первую очередь, пищи не для тела, а для души: «без хлеба насущного» «небесная» часть человека умрет с голода.

У Е. Честнякова «хлеб» – слово многозначное. Проиллюстрируем примером из фрагмента неоконченной поэмы «Пушкин и Назар» [4, с. 165–172]. Назар – крестьянский поэт, случайный попутчик Пушкина. Разговор заходит о хлебе – и сразу же не в своем исконном значении. Назар говорит, что хочет «жить своим трудом, / А не на хлебе даровом». Фразеологизм «даровой хлеб» означает «жить за чужой счет». Назар рассказывает о себе как поэте:

Ищу давно Парнас душой –
И вот я странствовать пошел,
Искать и Истину, и Вест,
И хлеб, и ярмарку невест.

Судя по контексту, «хлеб» здесь имеет отношение к поэтической музе. И лишь в вопросе Пушкина «Как? Ищешь хлеб, крестьянин ты?», наконец, это слово означает конкретный продукт питания (хотя может быть существительным собирательным со значением «продукты питания»). Следующий вопрос великого поэта – игра слов:

Ходок за хлебом ты от сел,
А хлеб духовный ты нашел?

И только после этого мы узнаем, что Назар ищет духовный хлеб, под которым понимает

не просто искусство, а искусство как «тяжкий крест».

В задачи настоящей статьи не входит выяснение понимания искусства Е. Честняковым, однако, отметим, что для художника оно является не просто смыслом жизни, а самой жизнью – это его «крест» (у В. Даля слово «крест» имеет также значение «судьба» [2, II, с. 190]). Здесь можно увидеть еще один смысл. Е. Честняков, определяя «искусство», «тяжкий крест», «духовный хлеб» в качестве синонимов, подводит читателя к предположению, что духовная пища достается так же тяжело, как возделывание хлебного поля и уборка урожая – крестьянину.

В жизни поколения Е. Честнякова было немало войн – от русско-японской до Великой Отечественной. В начале Первой мировой войны художник пишет воззвание к людям планеты. Осуждение войны, миротворческий порыв Е. Честнякова можно объяснить разными причинами, но в конечном счете все они восходят к евангельской заповеди «Блаженны миротворцы».

В Нагорной проповеди Иисус обращается к ученикам: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас…» [1, с. 1016]. Е. Честняков развивает эту тему в стихотворении «…И помрачненное чело мое…» [4, с. 164]:

– Что делать мне? – Врагов прости:
Иного нет тебе пути.
– Но как просить, коль он –подлец?
– Пускай рассудит вас Творец…
Твой меч опять вложи в ножны:
Мечом бороться не должны.
Его поднявший сам же гибнет:
Враждой вражду себе воздвигнет.

В этих строчках почти дословно приведены слова Иисуса, обращенные к вставшему на его защиту Петру: «…вложи меч в ножны…», «…ибо все, взявшее меч, мечом погибнут…» [1, с. 1155, 1049]. Иисус предвещал своим ученикам об ожидающих их предательствах и гонениях и учил: «Терпением вашим спасайте ваши души» [1, с. 1119]. Почти то же «голос Божий говорил» герою стихотворения Е. Честнякова:

Твой меч – терпенье без конца.
Идет – от Господа Творца.

Е. Честняков считал, что ссоры между людьми, войны между народами и государствами возникают из-за того, что человечество не научилось (или не желает) жить по-христиански:

Угрозою мечей хотят
противника сломить,
Но не желают ближним
ног умыть [4, с. 124].

В этой части стихотворения «О равенстве» Е. Честнякова читается несколько смыслов, отсылающих нас к Новому Завету. В контексте первых двух строк угадываются события в Гефсиманском саду, связанные с взятием Иисуса под стражу, когда один из его учеников ранил раба первосвященника. Зная, что оружием можно запугать, но не убедить противника, Иисус остановил защитника: «…возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут…» [1, с. 1049]. Вторые две строки – это, вне сомнения, также евангельская реминисценция.

После утомительного путешествия из Вифании в Иерусалим Иисусом была устроена Тайная вечеря. Согласно обычаю, входя в дом, гости должны были освежиться омовением ног. Однако ни один из учеников не желал этого делать, чтобы не унизиться, поскольку это служение обыкновенно справляли рабы. Тогда, рассказывается в евангелии от Иоанна, Иисус, сняв с себя верхнюю одежду и перепоясавшись полотенцем, налил воды в умывальницу и стал омывать ноги своим ученикам и отирать полотенцем; затем сказал: «Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу» [1, с. 1149]. К этой же евангельской сцене ведут строки из стихотворения «Война и мир»: «Где источник тот целебный, / Чтобы грязь с себя отмыть?» [3, с. 158]. Смысл омовения в первом стихотворении состоит в том, что Иисус показал пример самоотвержения – забвения себя, своих нужд во имя высокой идеи; во втором – что смыта пыль дневных грехов, приставшая к ногам учеников. Война несет потоки грязи – грехов; водой из умывальницы очиститься невозможно; «чтобы грязь с себя отмыть», нужны «горы струй воды живой».

Мифологема «живая вода» ведет нас еще к одному евангельскому сюжету – беседе с самарянкой. Путь Иисуса из Иудеи, где он получил крещение от Иоанна Крестителя, пролегал через Сихарь – город в Самарии. Здесь, утомленный путешествием и полуденным зноем, Иисус остановился отдохнуть у колодца, но достать воды было нечем, потому он попросил на-

питься у женщины, пришедшей к источнику. При этом Иисус сказал, что если бы она сама просила у него, он дал бы ей живой воды. Поскольку женщина не поняла, о какой воде идет речь, разъяснил: «…всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» [1, с. 1131]. Таким образом, в новозаветном претексте живая вода – божественная Истина, и она утоляет жажду духовную.

Этот же евангельский мотив лежит в основе стихотворения «За Живой Водой» [4, с. 66]. Лирический герой отправляется в дальний путь на поиски живой воды. Собеседники отговаривают его и приглашают присоединиться к пирующему застолью. Таким образом, выстраивается антитеза – противопоставление двух миров, небесного и земного. Узкий земной мирок ограничен очагом, вокруг которого, бражничая, люди проводят свою жизнь. Мир, к которому стремится герой стихотворения, безграничен и всеобъемлющ, наполнен небесной красотой. «Очагу» противопоставлены «неба горизонт» и «солнышка восход», содержимому ендовы – «моря живой воды». Да и сами участники разговора несхожи между собой: не присевший даже на минутку «быстрая нога» со своей мечтой «до Солнышка дойти» – и не прервавшие застолья «милые друзья», все интересы которых – в содержимом ендовы.

В стихотворении «Война и мир» [4, с. 157–159] рассматриваемая мифологема имеет еще один смысл. Здесь «живая вода» является символом мира; кровь, слезы и грязь – символами войны. «Стал военным белый свет», и ручьи слез и крови загрязнили источники живой воды: «По земле ручьями льется / Грязь и слезы наших дней». Живая вода смывает грязь войны, исцеляет душу.

Одна из самых любимых художниками евангельских притч – о блудном сыне. В стихотворении «Осень, сент. 1924 г.» Е. Честнякова мотив притчи о блудном сыне помещен в социокультурное пространство русской деревни с разрушенным в результате войн, революций и неумелого управления хозяйством [4, с. 131–134]. В начальных строфах проводятся своеобразные временные границы в жизни народа: «до войны» и «как стали воевать», «после февраля» и «октябрь суровый». Наступило мирное время, но улучшений нет. Автор опасается, что если не будет изменений в управлении государством, если народ будет оставаться «стадом»,

То в длину и ширину
Размотаем всю страну…

Крестьянское хозяйство, деревня, в целом Россия в разрухе, многие люди бежали в поисках лучшей жизни. Нет былого надежного отчего дома с обильным столом, некуда возвращаться сыновьям. «Старопрежнее» благополучие придет, считает автор, если люди «на дело встанут» всем миром и у власти будут не «краснобаи», а рачительные хозяева. Только тогда, когда в отчем доме наступит благоденствие, вернется блудный сын:

И с раскаянным лицом
Встанет сын перед отцом,
И, трясясь, как лист осин,
Отрезвится блудный сын;
Вылезет из старых дыр,
Возвратится к людям в мир…

Здесь Е. Честняков не указывает, где жил блудный сын до своего возвращения к отцу. Поскольку возвратится он «к людям в мир», то естественно предположить, что до того пребывает там, где нет людей. Из стихотворения следует, что мир блудного сына – «старые дыры», из которых он «вылезает».

В современном русском языке дыра – это «щель, пролом, пустота в чем-либо», «разорванное место, прореха на одежде, обуви» [6, I, с. 459]. В словаре В. Даля дыра – сквозное отверстие, яма. Пословицы, включенные в словарную статью, почти все связаны с темами бедности-нужды (*Хвать в карман – ан дыра в горсти! Наше дело наживное – по дыре в кармане; Кафтан-то новый, да дыры стары* и др.) и пьянства (*Дыру в глотке ничем не зачинишь; У него дыра насквозь прошла, сколько ни лей, не наполнишь; Кабы не дырка во рту, так бы в золоте ходил; Кабы не дыра во рту – жил бы жил, ни о чем не тужил!* и др.) [2, I, с. 507].

Можно предположить, что мир «рваных дыр» блудного сына связан как с нуждой (эпитет «рваный», что означает «прорванный в разных местах, с дырами», усиливает определяемое слово, которое ассоциируется с бедностью, нищетой), так и с пьянством (здесь нам помогает глагол «отрезвится»). Пьянство и нужда – следствия безбожного и бездуховного существования человека.

Если евангельская притча о блудном сыне показывает отцовскую любовь, то Е. Честняков, используя символы этой притчи, изображает

окружающую действительность, в которой не оказывается места любви. В отличие от притчи, в стихотворении художника нет иносказания, назидания и поучения, а звучит однозначный призыв и дается готовый рецепт, что делать в предлагаемой жизнью ситуации, при этом в решении проблемы Е. Честняков опирается на слово Иисуса.

Евангельские сюжеты художник соотносит и с обстоятельствами собственной жизни. Так, в стихотворении «Довольно угождать толпе…» [4, с. 138–139] отражается смысл наставлений о слепых фарисеях и слепой толпе, пророчество Исайи о слепых глазах, о божественном свете. Е. Честняков рассуждает о своих взаимоотношениях с земляками, не понимающими его идеи и осуждающими его образ жизни. В тексте, состоящем из пяти предложений (18 строчек), автор, преднамеренно отказываясь от синонимов, трижды употребляет слово «толпа»: 1) толпа принимает только тех, кто ей «угождает»; 2) толпа «покорна похоти веленьям», то есть в ней нет «небесной» составляющей; 3) чтобы противостоять толпе, «нужно смелым быть» и сильным; чтобы повести за собой – стать «светочем». Такое представление толпы дает автору право назвать ее слепой.

Характеристика толпы, данная Е. Честняковым, соответствует той оценке, которую ей дал Иисус. Проповеди мессии собирали толпы людей, которые ходили за ним, внимая каждому слову учителя, загораясь его идеями. Но этот же народ кричал: «…смерть Ему!»; «…распни, распни Его!» [1, с. 1156]. Е. Честнякову казалось, что со времен Иисуса сущность толпы не изменилась:

И кажется порой:
что раньше, так и ныне,
На то похоже, как народ
шумел в Ерусалиме [3, с. 645].

Все так же «“Распни!” – лучшим каждый день / Кричат книжники и чернь» [3, с. 632].

Иисус видел, что свет, исходящий из толпы и не освещающий ее, есть тьма [1, с. 1103]. Толпа безрассудно покорна своим вождям, которые могут не видеть истины и вести вверившихся им к гибели. На такую толпу можно воздействовать, используя ее непреодолимое стремление к подражанию. Но воздействовать может только человек, увлекающий толпу идеями, примером, который может быть как положительным, так и отрицательным.

Как и в Новом Завете, у Е. Честнякова представлены две оппозиции: 1) пророки и лжепророки («вожди слепые»): «…Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле…» – пророчествовал Иисус; 2) пророк (у Е. Честнякова – «светоч»; слово *светоч* Словарь русского языка толкует так: «о том, кто (или что) является носителем передового и лучшего в какой-либо области» [6, IV, с. 48]; словарь С. И. Ожегова – «о том, кто несет просвещение, истину, свободу (высок.)» [5, с. 647]; в словаре В. И. Даля *светоч означает*ет большую свечку, факел; образовано от слова *свет*, одно из толкований которого – «истина, или правое ученье, наука, просвещение. *Свет веры, – истины*, Евангелие. *Свет разума*, ученье или наука» [2, IV, с. 156–157] и толпа. Евангельская притча о слепых фарисеях заканчивается следующим поучением: «…они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» [1, с. 1031]. Е. Честняков завершает стихотворение о толпе, почти дословно повторяя слова Иисуса:

Беда без светоча всегда.
Давно уж сказано: «Когда
Слепых слепые поведут,
То вместе в яму упадут».

Эта тема продолжена в других произведениях художника. В стихотворении «Свет души» [4, с. 93–96] в образе спящего народа преломляется мотив «слепая толпа»: «Но не проснувшиеся, – те, / Что так привыкли в темноте, – / Меня не устают бранить, / Чтобы фонарь мой очернить…» Слова «темнота», «тьма» и «невежество» автор употребляет как синонимы. Являясь антонимом «вежества», учености, образованности, невежество несовместимо с человеческими добродетелями – мудростью и знанием. «Научитесь, неразумные, благоразумию, и глупые – разуму. <…> …лучше знание, чеи отборное золото; потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею», – читаем в Притчах Соломона [1, с. 601].

Иносказательное изображение жизни народа, пребывающего в невежестве, дано в стихотворении «Колода» [4, с. 123]. Колода («короткое толстое лежачее бревно» [2, II, с. 74]) – найденный Е. Честняковым оригинальный образ невежества:

Вот, как в пеньках, среди народа
Лежит невежества колода.
Криво жизнь давно бежит,
А колода все лежит!..

Люди смирились со своим невежеством, привыкли к нему и не стремятся к знанию, требующему много сил и терпения.

Е. Честняков отмечал бездуховность и российской столицы. В его стихотворениях Петербург вряд ли случайно предстает то Римом, то Вавилоном, то Иерусалимом – городами-столицами, которые отпали от Бога и были разрушены. «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!» – восклицал Иисус, обращаясь к не принявшему его жестокому городу и предсказывая его разрушение: «…видишь сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне» [1, с. 1043, 1073].

Петербург у Е. Честнякова – город, не имеющий божественной благодати, развращающий людей, покупающий у них «и тело, и душу» [4, с. 114]: «Этот город выпытывает… и отбирает… И держит, как в клещах… Он разрушает начинания, сводит с ума и лишает здоровья, нужного для жизни…» [3, с. 455]. Так же явно у художника просматривается параллель между культурной элитой Петербурга и первосвященниками Иерусалима.

Страшитесь, искусства, науки жрецы:
На гибнущих жертвах – святые венцы…
Не ваш ли союзник – обман и булат?
Ведь крови невинной не смыл и Пилат… [4, с. 114].

Рассматривая тексты Е. Честнякова, мы убедились, что для них наиболее предпочтительным источником оказывается Новый Завет. Все иные возможные источники вторичны и указывают лишь на потенциальные смыслы, окружающие текст. Обнаруживаемые в Новом Завете параллели к сочинениям Е. Честнякова углубляют семантический подтекст последних в сторону уточнения смысла. При этом привносимая евангельскими мотивами содержательная сторона поддерживается внутритекстовыми элементами – по сути, в ней нет того, что так или иначе не было бы выражено в тексте. Выявленные интертекстуальные связи показывают, что основным является смысл, данный именно евангельским претекстом, помогают разгадать код, которым пользовался автор, и выделить доминирующие оттенки в полисемичности художественной идеи.

Библиографический список

1. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во москов. патриархии, 1990. – 1376 с.

2. *Даль В. И.* Толковый словать живого великорусского языка: в 4 т. – СПБ.: ТОО «Динамит», 1996.

3. *Ефим Честняков.* О живой воде и своей судьбе: [На правах рукописи] / Е. Честняков; сост. и коммент. В. Г. Поварова. – Кострома, 1995. – 675 с.

4. *Ефим Честняков.* Поэзия / Е. Честняков; Сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. – М.: Изд. Дом «Компьютерный аудит», 1999. –336 с.

5. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под общ. ред. С. П. Обнорского. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1953. – 848 с.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

7. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академ. Проект, 2001. – 990 с.

8. *Фаррар Ф.* Жизнь иисуса Христа / Ф. Фаррар; пер. с англ. Ф. Матвеева. – М.: Прометей, 1991. – 464 с.

9. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

Д. В. Морозов

ИРОНИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ДАР»

Преамбула. *Роман «Дар» В. Набокова – одно из этапных произведений в творчестве писателя русского периода. Центральной смысловой доминантой «Дара» является своеобразная биография Н. Г. Чернышевского, написанная героем романа, прозаиком Годуновым-Чердынцевым, в ироническом ключе. Цель статьи: описать структуру особого художественного пространства-времени этой биографии, что позволит уточнить представление об особенностях творческого метода Набокова и, в конечном счете, поможет понять его мировоззрение.*

Владимир Владимирович Набоков – крупнейший представитель литературы русского Зарубежья первой волны из числа его молодых представителей. Долгое время имя этого поэта, прозаика, драматурга, критика и литературоведа было закрыто от отечественного читателя бесконечными идеологическими препонами и лишь в последние пятнадцать лет наследие писателя стало издаваться в России. Стали появляться, преимущественно в «толстых» литературных и литературоведческих журналах, статьи исследователей, посвященные различным аспектам набоковского творчества. Например, работы Филевского [7], Липовецкого [3], Паперно [6], Кузнецова [2] и других.

Большая часть этих статей носила ознакомительный характер. И лишь позднее были опубликованы работы, направленные на углубленное изучение набоковского творчества: книга Н. А. Анастасьева «Феномен Набокова» [1] и еще большее по объему исследование Бориса Носика «Мир и дар Набокова: Первая русская биография писателя» [5]. В этих монографиях осуществляется попытка сконцентрировать разнообразный материал о писателе, реконструируется его биография и обзорно рассматривается творчество.

Роман Владимира Набокова «Дар» относится к числу тех произведений, которые написаны уже зрелым художником: со сложившимся мировоззрением и вполне определенной творческой манерой. До сих пор хронотоп (термин М. М. Бахтина) «Дара» не становился предметом специального исследования. А между тем изучение художественного пространства-времени этого романа дает возможность сделать выводы об основных мировоззренческих категориях писателя. Эти категории наиболее последовательно реализуются в биографии Чернышевского, являющейся одной из центральных частей произведения.

Жизнь Чернышевского описывает главный герой «Дара» Федор Константинович Годунов-Чердынцев, молодой писатель, чьи представления о Н. Г. Чернышевском, по сути, являются набоковскими.

Хронотоп биографии Чернышевского глубоко ироничен и основной причиной того, что данный хронотоп логично было бы назвать ироническим, является то, что Чернышевский, как это хочет показать Годунов-Чердынцев, не знает окружающего мира, реальности. И мир мстит ему, ставя в нелепые, смешные и грустные положения. В итоге Чернышевский становится объектом иронии, даже сарказма. Скажем, Годунов-Чердынцев со злорадством описывает такой случай: «Мы присутствуем при том, как изобретательный Николай Гаврилович замышляет штопание своих старых панталон: ниток черных не оказалось, потому он какие нашлись, принялся макать в чернила, тут же лежал сборник немецких стихов, открытый на начале «Вильгельма Теля». Вследствие того, что он махал нитками (чтобы высохли), на эту страницу упало несколько чернильных капель; книга же была чужая. Найдя в бумажном мешочке за окном лимон, он попытался кляксы вывести, но только испачкал лимон, да подоконник, где оставил зловредные нитки… Тогда он обратился к помощи ножа и стал скоблить (эта книжка с продырявленными стихами находится в Лейпцигской университетской библиотеке)» [4, с. 202]. Оторванность Чернышевского от мира природы Федор Константинович подчеркивает следующим замечанием: «…чернила, в сущности, были природной стихией Чернышевского, который буквально, буквально купался в них…» [4, с. 202]. И совсем уже с издевкой Годунов-Чердынцев пишет о полном разладе отношений Чернышевского с вещественным миром: «Бил стаканы, все пачкал, все портил: любовь к вещественности без взаимно-

 © Д. В. Морозов, 2006

сти…» [4, с. 202]. Время, по мысли Набокова, тоже мстит Чернышевскому, смеется над ним. Автор эссе описывает это так: «<…>высчитывая даты, судьи нашли в "Что делать" предсказание даты покушения на царя. И точно: Рахметов, уезжая за границу, "высказал, между прочим, что года через три он возвратится в Россию, потому что в России не теперь, а – тогда, года через три <…>, нужно ему быть". Между тем последняя часть романа подписана 4-ым апреля 63 года, а ровно день в день три года спустя и произошло покушение. Так даже цифры, золотые рыбки Чернышевского, подвели его» [4, с. 253]. Вообще, нужно сказать, что временной поток в ироническом хронотопе течет плавно, без скачков, резких ускорений – вплоть до отправления Чернышевского на каторгу. В описании жизни Чернышевского много дат: «Духов день (28 мая 1862 г.)» [4, с. 202], и даже «4-го мая 64 г. приговор был объявлен Чернышевскому, а 19-го, часов в 8 утра, на Мытнинской площади, он был казнен…» [4, с. 202]. Плавность временного потока и обилие точных дат определяется тем, что Годунов-Чердынцев хочет, чтобы его произведение было максимально жизнеподобно, имело документальную точность. Но, словно в насмешку над Чернышевским, столь же скрупулезно записанная дата смерти Чернышевского предшествует дате рождения, причем на последней странице этой странной биографии. Перевернутость времени контрастирует с вполне четкой структурой пространства иронического хронотопа. Так, пространственная сетка в ироническом хронотопе состоит из населенных пунктов, передвижение через которые и составило жизнь Чернышевского. Причем каждая пространственная точка связана с определенной временной вехой, событием, знаменующим развитие жизни и личности главного героя: Саратов (рождение) – Петербург (учеба) – Саратов (женитьба и преподавательская деятельность) – снова Петербург (опять учительство и журнальная деятельность, написание знаменитой книги «Что делать?», процесс, «казнь») – Сибирь (каторга) – Астрахань (перевод «Всеобщей истории Георга Вебера») – Саратов (смерть). Таким образом, пространственная сетка образует круг, и еще одна жизнь своим коротким циклом включается в первобытное время, так прекрасно изображенное в экзотическом хронотопе.

Среди пространственных точек, описанных в рамках иронического хронотопа, одна привлекает особое внимание – это Сибирь, место ссылки Чернышевского, после которой, по сути, его творчество прекратилось. «Двадцать пять бессмысленных лет» [4, с. 252] – так называет автор это время в жизни Николая Гавриловича.

Чернышевский, оказавшись в ссылке в Вилюйске, будучи замкнутым, в одной точке пространства, попадает в своеобразную временную петлю, то есть годы, дни проходят одинаково и, по сути, жизнь останавливается . Пространство, окружающее Чернышевского в Вилюйске, иронически мстит герою за то, что тот пытается применять в глуши, в Сибири, те же интеллектуальные схемы, которые были бы уместны в Петербурге. Так, Годунов-Чердынцев пишет следующее: «Удовольствие, которое он (т.е. Чернышевский. – *Д.М.*) в юности испытывал от стройного распределения петербургских вод, получило теперь позднее эхо: от нечего делать он выкапывал каналы, – и чуть не затопил одну из излюбленных вилюйцами дорог» [4, с. 259]. Различные художественные детали, характеризующие «давление» пространства Сибири, Набоков нагнетает в описании Вилюйска (устами одного из своих героев – критика Страннолюбского): «Убранный Богом в долгий ящик Азии, – говорит Страннолюбский, – в глубину Якутской области, далеко на Северо-Востоке, Вилюйск представлял собой поселок, стоявший на огромной куче песку, нанесенного рекой и окруженного бесконечным моховым болотом, покрытым почти сплошь таежником» [4, с. 257]. Нагромождение эпитетов и определений «долгий», «в глубину», «далеко», совмещение литоты («поселок на куче песку») и гиперболы («огромной куче песку») создает ощущение точки посреди огромной пустыни мироздания. Но это точка не только пространства, это точка и во времени, в жизни. Здесь ничего не меняется, и все попытки Чернышевского что-либо сделать не приводят ни к чему: «Деятельность, толковость свелись к тому, что он водоносцу советовал коромыслом заменить волосяную дужку, резавшую ладони; но якут не изменил рутине» [4, с. 259]. Или: «Он писал много, но почти все сжигал. Сообщал родным, что результаты его «ученых занятий» несомненно, будут приняты с сочувствием; труды эти – пепел, мираж» [4, с. 259]. Точка пространства превратилась в остановку, в точку во времени. Недаром автор так говорит о страшном сроке

каторги Чернышевского: «в течение тех двадцати лет, за которые он сточился сам» [4, с. 258].

Поток времени стал однообразным, так как герой занимал одну единственную позицию в пространстве. Судя по всему, по мысли Набокова, Чернышевский мог бы разнообразить свое время, насытить его – будь он естествоиспытателем, биологом, исследователем. Но вместо этого Чернышевский пытался бесплодно применять свои отвлеченные, интеллектуальные схемы, не зная и не пытаясь познать мир, в котором оказался не по своей воле. По версии автора, Чернышевский вел себя так: «В теплые летние дни он часами бывало, стоял, закатав панталоны, в мелкой речке, что вряд ли было полезно, или <…> со своей плетеной корзиной для грибов гулял по лесным тропинкам, никогда в глушь не углубляясь. Забывал сигарочницу под лиственницей, которую не скоро научился отличать от сосны» [4, с. 258].

Таким образом, трагедию Чернышевского на каторге Набоков видит в схематизме мышления, причем мышления, склонного к абстракциям, не соотносимого с окружающей действительностью, кроме того, помноженного на отсутствие подлинного интереса к миру. С другой стороны сам мир, окружающий Чернышевского, слишком враждебен, суров. Злая воля сильных мира сего не давала Чернышевскому двигаться, а значит, и развиваться. Незнание Чернышевским реального мира противопоставляется любви Федора Константиновича к природе, лесу, солнцу и жизни в ее непосредственных проявлениях. Кроме того, обозначен явный контраст Чернышевского с отцом Федора Константиновича, который чувствует себя в природной стихии абсолютно свободно, более того, стремится туда из уютного кабинета.

Таким образом, Набоков в своем романе «Дар» показывает зависимость человека от пространства-времени, его окружающего, зависимость, подчас трагическую. В ироническом хронотопе, очевидно, присутствует потустороннее. На этот раз оно реализуется в образе Рока, судьбы. Необходимо сказать, что эта тема заключена в подтексте многих набоковских произведений, как крупной («Защита Лужина», «Король, дама, валет»), так и малой формы («Катастрофа», «Случай», «Картофельный Эльф»). Судьба, в случае с Чернышевским, является той силой, той субстанцией, которая не подвластна человеческому воображению и произволу, а уж тем более, законом рационального, которым пытался подчинить свою жизнь Николай Гаврилович. Вот как об этом говорит писатель: «Этические построения Чернышевского – своего рода попытка построить все тот же перпетуум-мобиле, где двигатель-материя движет другую материю. Нам очень хочется, чтоб это вертелось эгоизм – альтруизм – эгоизм – альтруизм…, но от трения останавливается колесо. Что делать? Жить, читать, думать. Что делать? Работать над своим развитием, чтобы достигнуть цели жизни: счастья. Что делать? (Но судьба самого автора, вместо дельного знака вопроса, поставила насмешливый (снова смех времени над Чернышевским! – *Д.М.*) восклицательный знак)» [4, с. 252].

Итак, иронический хронотоп предстает перед нами как сложная структура, организованная по принципу бинарности. Главная особенность его заключается в том, что при всей жизнеподобности этого хронотопа (четкие даты, указания на местожительство), возникает чувство перевернутости, зазеркальности изображенного мира. Очевидно, такая особенность определяется эстетическими установками самого Набокова, который показывает, как пространство (предметный мир) и время (судьба) мстят нерасторопному герою. По глубинной, зашифрованной мысли Годунова-Чердынцева, выражающего точку зрения автора романа «Дар», Чернышевский прожил не свою жизнь, постоянно пытаясь себя и все вокруг себя переделать, руководствуясь схемами преобразования действительности на неких рациональных основаниях. Потому-то не случайно последними словами материалиста Чернышевского оказываются слова о Боге: «Последними его словами (в 3 часа утра, 16-го) было: «Странное дело: в этой книге ни разу не упоминается о Боге». Жаль, что мы не знаем, какую именно книгу он про себя читал» [4, с. 268]. В этой фразе подразумевается, видимо, вполне очевидный ответ – книгу собственной жизни.

Библиографический список

1. *Анастасьев Н. А.* Феномен Набокова. – М.: Советский писатель, 1992. – 316 с.

2. *Кузнецов П.* Утопия одиночества: Владимир Набоков и метафизика // Новый мир. – 1992. – №10. – С. 243–250.

3. *Липовецкий М.* Эпилог русского модернизма: (Художественная философия творчества

в «Даре» Набокова) // Вопросы литературы. – 1994. – Вып. 3. – С. 72–95.

4. *Набоков В. В.* Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 3. – 480 с.

5. *Носик Б.* Мир и дар Набокова: Первая русская биография писателя. – М.: Пенаты, 1995. – 550 с.

6. *Паперно И.* Как сделан «Дар» Набокова // Новое литературное обозрение. – 1993. – №5. – С. 138–155.

7. *Филевский Б.* В поисках Набокова // Октябрь. – 1992. – №2. – С. 202–204.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

А. Г. Кирпичник

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. Н. ЛУТОШКИНА

Имя Анатолия Николаевича Лутошкина, кандидата психологических наук, доцента, лауреата премии Ленинского комсомола, хорошо известно в Костромском госуниверситете. Здесь, тогда еще в педагогическом институте, он работал с 1972 по 1979 год. Был деканом историко-педагогического факультета, старшим научным сотрудником кафедры психологии, заведующим кафедрой теории и методики пионерской и комсомольской работы. С 1995 года в университете присуждается научная премия имени А. Н. Лутошкина.

Старшее поколение преподавателей, многие выпускники вуза, руководители и учителя школ области, учащиеся, выросшие в солидных людей, помнят, как в 1973 году Анатолий Николаевич совместно с профессором Л. И. Уманским инициировал создание и до 1979 года осуществлял научное и практическое руководство деятельностью Костромского областного лагеря школьного комсомольского актива «Комсорг». С первой же смены лагерь стал научно-исследовательской и научно-методической лабораторией, в которой наряду с костромичами проводили эмпирические исследования ученые НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (А. В. Петровский, В. А. Петровский, А. С. Морозов, Р. С. Немов, А. И. Папкин, Н. М. Швалева), НИИ общих проблем воспитания АПН СССР (Л. И. Новикова, А. В. Мудрик, Н. Л. Селиванова, Ю. С. Мануйлов, В. В. Полукаров), кафедры социальной психологии МГУ (О. В. Соловьева, Е. М. Дубовская, Е. П. Авдуевская).

А. Н. Лутошкину и Л. И. Уманскому принадлежала инициатива и значительная организаторская роль в проведении в 1978 году в Костроме первого Всесоюзного симпозиума по проблемам социальной психологии. Широко известны подготовленные и изданные в костромской период жизни Анатолия Николаевича его наиболее известные книги: «Психология и педагогика работы комсорга» (в соавторстве с Л. И. Уманским) (1975, 1984) [переведена на болгарский язык и издана в Болгарии в 1978 и 1982 гг.]; «Классному руководителю о комсомольской работе в школе» (1975) [переведена и издана на молдавском языке в 1977 г. в Кишиневе, на латышском в том же году в Риге]; «Как вести за собой: Старшеклассникам об основах организаторской работы» (1978, 1981, 1986) [переведена и издана на татарском языке в 1980 г. в Казани, на киргизском в 1980-м в г. Фрунзе, на литовском в 1982-м в Каунасе, на латышском в 1984-м в Риге]; «Эмоциональная жизнь детского коллектива» (1978); подготовленная на основе текста его докторской диссертации монография «Эмоциональные потенциалы коллектива» (1988).

Свидетельством непреходящего признания А. Н. Лутошкина во многих уголках нашей страны стала состоявшаяся 3–5 марта 2005 года в Костромском государственном университете имени Н. А. Некрасова научно-практическая конференция, посвященная 70-летию со дня его рождения. На нее было представлено 158 текстов докладов 176 авторов (в том числе 21 доктора и 66 кандидатов наук) из 33 регионов России и Казахстана.

Научные идеи Анатолия Николаевича Лутошкина, как и его научная биография, тесно связаны с потребностями и запросами практики. Острота их ощущения была ему присуща в силу ярко выраженной индивидуальной чувствительности, предшествующего практического опыта, постоянной вовлеченности в разномасштабную деятельность многих воспитательных организаций, профессиональной работы по подготовке педагогических кадров, организаторов и руководителей детских и юношеских формирований. В научном познании он видел ключ к эффективному решению многих практических задач, в практике он находил проблемное поле, требующее конкретно-исследовательского подхода и теоретического осмысления.

В науку Анатолий Николаевич входил с размышлениями о том, что было необходимо в то

© А. Г. Кирпичник, 2006

время практике детских организаций. О том, что казалось известным, зафиксированным в нормативных документах как один из основных принципов деятельности Всесоюзной пионерской организации, но никем четко не определенным. С размышлениями о явлении «романтика». В материалах III межрегиональной конференции по проблемам детского движения, которая в 1966 году проходила в Костроме, опубликована одна из первых его научных статей «К некоторым проблемам пионерской романтики». В изложении понимания этого явления можно обнаружить старт к основному научному интересу А. Н. Лутошкина. Думаю, что данное им определение не потеряло значения и для нынешних организаторов детских объединений. Пионерская романтика, по Лутошкину, «неотъемлемое и специфическое свойство особой организации деятельности детей, характеризующееся эмоциональной заразительностью, общими переживаниями, динамичностью, создающее эмоциональное, возвышенное отношение к явлениям и событиям окружающей жизни, вызывающее глубокий интерес к будничным делам, к своей деятельности и деятельности взрослых» [2, с. 7].

В годы жизни А. Н. Лутошкина немало психологов считали его педагогом, а в среде педагогов он воспринимался как психолог. Если судить по отдельным книгам, даже скорее по их названиям, то такое разделение, может быть, и правильно. Но внимательное их прочтение вряд ли позволит разделить автора по видам специальностей. Помнится, в пору, когда социальная психология воспринималась руководством некоторых педагогических НИИ как нечто недостойное внимания, выслушав доклад Лутошкина перед сотрудниками академического института, доктор педагогических наук, руководитель отдела педагогики пионерской и комсомольской работы в школе Б. Е. Ширвиндт высказал мнение, что такая социальная психология педагогике нужна. Наверное, не только Борису Евгеньевичу, но и многим другим заботящимся о чистоте педагогики авторитетам Анатолий Николаевич помог изменить отношение к социальной психологии.

Общая оценка научной, педагогической и сугубо практической деятельности А. Н. Лутошкина может быть определена как созидание междисциплинарной области знания и обеспечения основными ее положениями практики, несколько позже названной социальным воспитанием. Немало исследователей двигались в том же направлении. Прежде всего, следует назвать А. В. Мудрика, интегрировавшего в своих педагогических трудах данные многих наук и в 1990-е годы сосредоточившегося на формировании социальной педагогики как самостоятельной отрасли педагогической науки. В какой-то мере характер работ Лутошкина сродни идее С. Д. Полякова, назвавшего свою книгу «Психопедагогика». У Анатолия Николаевича такого точного указания на то, что он создает, не оформлено. Да и не думал он об этом специально.

Если попытаться представить структурно созданное А. Н. Лутошкиным и найти более-менее близкий эквивалент среди его печатных работ, то ближе всего будет совместная с Л. И. Уманским книга «Психология и педагогика работы комсорга». В ней, как в своеобразном проекте, обрисованы основные направления его научной и научно-методической работы, личной педагогической деятельности на историко-педагогическом факультете и в лагере «Комсорг».

Первый раздел в ней «Организатор и психология». Безусловен приоритет в разработке этого направления его соавтора и научного руководителя. Однако мы находим именно у А. Н. Лутошкина блестящую популяризацию исследований своего учителя в «Как вести за собой» и некоторых других изданиях. К тому же организатор у Лутошкина, как и у Л. И. Уманского, не только комсомольский вожак. Это и учитель, воспитатель, вожатый, руководитель учреждения и т. п. «У педагога и у организатора очень много общего, – прямо пишет в книге «Как вести за собой» Анатолий Николаевич. – Хороший педагог обязательно должен быть организатором. Способный организатор не может не быть педагогом. Ему приходится воспитывать других, передавать им знания организаторской, общественной работы, самому быть примером организованности, подготовленности, дисциплинированности» [1, с. 15].

Организаторская деятельность, при всей ее значимости, по мнению Л. И. Уманского и А. Н. Лутошкина, имеет вторичный характер. Ее главное назначение – обеспечить эффективность целевой деятельности. А если рассматривать индивидуальные особенности организаторов, то исследования Льва Ильича обнаружили различия в способностях организаторов по видам целевой деятельности. Эти научные данные противоре-

чат ставшим весьма модными в наше время представлениям об универсальности менеджеров и необязательности их познаний в том виде целевой деятельности, которой они берутся управлять.

В 1966 году начинающий свой путь в науку А. Н. Лутошкин приходит в научный коллектив, возглавляемый Л. И. Уманским в Курском государственном педагогическом институте. В этот период здесь формируется концепция, вошедшая в историю отечественной социальной психологии под названием «параметрическая». Ее суть состояла в том, что психология контактной группы как целого может быть представлена подструктурами направленности, организованности, подготовленности, интеллектуального, эмоционального и волевого единства. Описывались взаимосвязи подструктур, они же характеризовались как параметры оценки поэтапного развития группы, высший уровень социально-психологической зрелости, которой обозначался понятием «коллектив».

Анатолию Николаевичу принадлежит по праву соавторство в коллективной разработке этой плодотворной научной концепции, получившей высокую оценку специалистов. Почти во всех публикациях 60-х – начала 70-х гг. прошлого века, содержащих обоснование ее основных положений, присутствует среди авторов (Л. И. Уманский, А. С. Чернышев, А. С. Крикунов, И. С. Полонский и др.) его фамилия. И хотя основным предметом интереса А. Н. Лутошкина была одна составляющая, его внимание никогда не уходило от целого. Психология группы представлялась системой, в которой каждый элемент зависел от целого, а целое, в свою очередь, зависело от элементов.

Общая концептуальная основа, рожденная коллективными усилиями и в целом, разделяемая каждым из ее соавторов, позже получила развитие в трех основных направлениях. Руководитель научной школы Л. И. Уманский дополняет подструктуры общими качествами, вследствие чего параметрическое представление становится структурно-функциональным.

А. С. Чернышев, продолжатель курской ветви школы Л. И. Уманского, применяет факторный анализ и обосновывает организованность как системообразующее свойство, обеспечивающее группе способность быть субъектом деятельности.

А. Н. Лутошкин избирает такую форму продолжения научного поиска, как «исследование поведения». Этот подход позволяет ему несколько с иных позиций уточнить место и функции ранее описанных подструктур и выразить сложный «узор» их связей и отношений тремя интегративными характеристиками: сплоченностью группы, психологическим климатом, активностью. В конечном счете, взаимосвязанные в интегративных характеристиках подструктуры объединяются и проявляются в групповой деятельности. Обозначенная схема, как писал ее автор, «открывает возможности для изучения особенностей развития группы как целого, появления новых свойств и качеств, тех путей, по которым происходит передача свойств целого его частям и наоборот» [3, с. 30].

Системно анализируя психологию группы, исследуя групповое поведение, А. Н. Лутошкин открывает в групповой жизнедеятельности актуальную и потенциальную сферы. «Потенциальная сфера – своеобразная кладовая жизненных ресурсов коллектива, без которых невозможно его развитие, продвижение вперед по лестнице социальной зрелости. Потенциалы коллектива – его возможности в настоящем и будущем… Актуальная сфера – непосредственная деятельность коллектива, взаимодействие и взаимоотношения его членов, проявление поведенческой активности. В актуальной сфере проявляются все потенциальные возможности коллектива… Вместе с тем актуальная сфера коллектива обладает способностью пополнять запасы энергии, накапливать ресурсы для будущей деятельности» [5, с. 9–10].

К сожалению, в опубликованной А. Н. Лутошкиным в 1977 году работе «Эмоциональная жизнь детского коллектива» авторская концепция, придающая большую психологичность представлениям о психологии группы, не была замечена исследователями групп и коллективов и не оценена по достоинству (в том числе коллегами и последователями). Позднее Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская, характеризуя в известной монографии «Психология малой группы» исследовательский подход, созданный Л. И. Уманским (параметрическую концепцию групповой активности), отметили: «Наиболее значительные исследования, выполненные в рамках этой концепции, касаются организационных, эмоциональных и динамических характеристик группы» [6, с. 31]. Организационных – это исследования А. С. Чернышева. Эмоциональных – исследования

А. Н. Лутошкина, начатые в Курске и плодотворно развитые в Костроме.

Коллективные эмоции занимали приоритетное положение в научных изысканиях и педагогической практике А. Н. Лутошкина. Он отдавал себе отчет в том, что «эмоциональные состояния в коллективе – область труднодоступная для исследования». Немногие из отечественных социальных психологов второй половины XX века брались за эту область. При этом значимость этой области в практике, особенно воспитательной, неоценима. «Почему же тогда в современных учебниках педагогики, в многочисленных методических пособиях для учителей по работе с коллективом мы не находим сведений о законах жизни эмоций в сообществах детей, достаточно аргументированных рекомендаций, конкретных приемов управления эмоциональными состояниями детского коллектива?» [5, с. 8]. Ставя и отвечая на этот вопрос, Лутошкин разрабатывает целостную характеристику эмоциональной жизни человеческой общности.

Эмоциональная сфера в его представлении вплетена в общую ткань жизнедеятельности группы. Являясь значимой частью общих потенциалов коллектива, она не может рассматриваться вне связи, прежде всего, с такими его потенциалами, как нравственные нормы, сложившееся общественное мнение, организованность, уровень сплоченности, отлаженная система управления и др. У групповой эмоциональной коммуникативности в общей системе свое место и свои функции: самонастраивания группы, выработки адаптационных и компенсаторных механизмов поведения, «генерирование» эмоциональной энергии и создание тем самым эмоциональных потенциалов коллектива.

Эмоциональные феномены коллектива у А. Н. Лутошкина дифференцированы и иерархизированы. «Хранителем» эмоциональных потенциалов он называет психологический климат коллектива, а его «полномочными представителями» в актуальной сфере – ситуативные эмоциональные состояния. Между ними находится место еще одному явлению – психологической атмосфере общности.

Сами эти понятия не были изобретением Анатолия Николаевича. В 1970-е годы немало исследователей занимались их изучением как в теоретическом, так и в практико-прикладном плане. Институт психологии Академии наук СССР в 1979 году издал коллективную монографию в издательстве «Наука» под названием «Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения». В ее состав вошла и статья А. Н. Лутошкина.

При этом только у Анатолия Николаевича мы находим четкое определение взаимосвязи эмоциональных явлений в коллективе, представление о психологическом климате как взаимодействии двух переменных: настроения и активности. Предложенная им модель «климата» включает в себя пять «климатических зон»: 1) радостного, мажорного настроения; 2) неудовлетворенности, тревожности; 3) спокойного, уравновешенного тона; 4) благодушия, умиротворения; 5) пессимистического настроения, уныния.

Модель Лутошкина наглядна. Она выражается в виде «климатического круга», нанесение диагностических данных на который образует своеобразное «облако». В этом «облаке» – зримая характеристика в обобщенном виде психологической атмосферы коллектива – разлитого эмоционального состояния за сравнительно небольшой отрезок времени. Информативность подобного представления несомненна. Остается лишь сопоставить эмоциональную характеристику с содержанием жизнедеятельности человеческой общности в соответствующий период, чтобы сделать необходимые выводы.

В наше время, когда период увлеченности индивидуализмом и веры в его несокрушимую побудительную силу начинает несколько спадать в связи с проявлением интереса к корпоративности, есть смысл обратиться к столь изящному инструменту оценки состояния «совокупного персонала» организации.

Интегральные характеристики эмоциональной жизни коллектива у Лутошкина начинаются с эмоциональных состояний отдельного человека и самочувствия личности в коллективе. В своих исследованиях Анатолий Николаевич обнаруживает и описывает различия в сумме индивидуальных эмоциональных состояний и эмоциональных состояний коллектива в целом. Понятие «ощущение коллектива», найденное им в работах А. С. Макаренко, наполняется эмпирическим смыслом и возможностью его диагностирования.

До А. Н. Лутошкина и в годы его творческой деятельности на страницах и научных и популярных изданий активно обсуждалась и привлекала внимание тема ритмов в жизни человека,

в том числе и эмоциональных ритмов. Исследовательская практика Анатолия Николаевича подвела его к эмпирическому обоснованию «маятникового эффекта» в коллективных эмоциях, определению особенностей его детерминации. Полученное знание успешно использовалось в практике, особенно в практике лагеря «Комсорг». Разработка плана работы на очередную лагерную смену сопровождалась разработкой эмоциональной «партитуры» смены. А прогноз эмоциональных состояний на предстоящий день позволял производить коррективы в намеченных воспитательных действиях.

Говоря о научно-исследовательской стороне деятельности А. Н. Лутошкина, нельзя не отметить его изобретательность в методах изучения социально-психологических и педагогических феноменов, в самом подходе к постановке экспериментов. Главная особенность его методик – их как бы двойное назначение. С одной стороны, это инструменты получения нового знания, а с другой – методы практической жизни и повседневной деятельности. Таковы широко известные методики цветописи и коллективной самоаттестации, мастерски организованные экспериментальные ситуации. Вряд ли подозревали студенты-пятикурсники, разделенные на творческие группы, что они, одновременно с демонстрацией приобретенных организаторских знаний и умений в подготовке и проведении факультетских мероприятий, проявляют динамический стиль группы, который изучается в научных целях. Наверняка не подозревали посаженные в зрительный зал для просмотра свежих серий «Ну, погоди!» подростки, что происходит экспериментальное изучение их поведения в ситуации эмоционального диссонанса.

Методическая стратегия исследований А. Н. Лутошкина может служить примером не просто подбора подходящих средств, а специальной разработки их адекватно предмету и целям изучения. К тому же он как бы призывает исследователей быть более внимательными к естественным жизненным ситуациям, а не увлекаться лишь опросами, а то и «лобовыми» вопросами псевдоанкет. Вспомним в связи с этим его предложение приглядеться к тому, как рассаживается группа ребят для фотографирования по призыву «кто с кем хочет». Не напоминает ли это процедуру социометрического исследования, но проведенную в живой и естественной форме?

Немало внимания во всех работах А. Н. Лутошкина уделено методике и, в современном звучании, технологии воспитательной и организаторской деятельности. Этот раздел знания о социальном воспитании он значительно обогатил инструментовкой групповой самоаттестации с символическими обозначениями уровней социально-психологической зрелости ученической общности (песчаная россыпь, мягкая глина, мерцающий маяк, алый парус, горящий факел), приемами актуализации эмоциональных состояний, своеобразной подачей правил организаторской работы и стилей организатора (разящие стрелы, возвращающийся бумеранг, снующий челнок, плывущий плот), подсказками об учете психодинамических особенностей людей при формировании рабочих и творческих групп и многим другим.

Особенно ценны идеи и рекомендации Лутошкина по управлению психическими состояниями и использованием эмоционального фактора в педагогической и организаторской деятельности. Трудно удержаться от желания вспомнить пример из публикаций Анатолия Николаевича, известный как «развалка».

«Несколько лет подряд двор педагогического института «украшало» полуразвалившееся двухэтажное строение, нареченное попросту «развалкой». Из года в год регулярно по графику, составленному деканатом, студенты выходили расчищать двор. Кирпич туда, кирпич сюда, а «развалка» на месте. Стали даже сомневаться, можно ли вообще ее уничтожить. Так и стояла она как памятник общему долготерпению.

И вдруг предложение: «Если завтра к вечеру будут приготовлены ломы, лопаты и носилки, то наутро на месте развалки будет альпийская лужайка».

На следующий день у входа в институт появилось живописное объявление. Оно приглашало «всех, кроме нытиков, скептиков и хлюпиков… в новый клуб-кафе под открытым небом!». Приглашало сегодня вечером «встретиться… с собственной волей». В программе был обещан и штурм «замка», и пир с медом и блинами, и бивачные костры, и половецкие танцы, и многое другое. Интриговали и часы работы клуба-кафе: с 23-х и до восхода солнца…

Не было никаких дополнительных оповещений и приказов. На этом ночном субботнике было все, что обещала программа. Утром «развалки» как не бывало! Зато было всеобщее ра-

достное изумление по поводу неслыханного энтузиазма двух сотен полуночников, «убивших» субботу и заявивших потом, что «вот это было да!» [7, с. 77].

Следует отметить также значимый вклад А. Н. Лутошкина в реализацию идеи содружества воспитателей и воспитуемых в организации совместной жизнедеятельности, дающей педагогический эффект. Именно для этого написана его наиболее известная, изданная трижды «Просвещением» (общий тираж 350 тысяч), переведенная на ряд языков книга «Как вести за собой», адресованная старшеклассникам.

В практической деятельности Анатолия Николаевича реализовывалось, экспериментировалось, проверялось, внедрялось, закреплялось и распространялось многое из успевшего попасть в его книги и немало того, что осталось лишь в воспоминаниях его коллег и учеников. Кажется, все известно о его взглядах на проблемы детских и юношеских организаций. Об этом написано во многих книгах и конкретно в главе учебника «Теория и методика пионерской и комсомольской работы в школе», в пособии «Классному руководителю о комсомольской работе в школе». Но, может быть, в сегодняшних дискуссиях об общественных формированиях детей полезно поразмышлять над его формулой, не вошедшей в опубликованное: «организация в коллективе, коллектив в организации».

Организуя сегодня повсеместно психологические службы, ставя перед ними задачу откликаться на запрос клиента, не стоит ли учесть опыт активного участия психологов в проектировании воспитательного процесса, в прогнозировании коллективных реакций, осуществлявшегося еще «службой настроения» лагеря «Комсорг» в 1970-е годы? В монографии «Эмоциональные потенциалы коллектива» немало идей и об этом и о других аспектах деятельности психологической службы.

Психология и педагогика (именно так, вместе) социального воспитания А. Н. Лутошкина в своих основных положениях, в результатах экспериментальных исследований, в крупицах сохраненного опыта не потеряла актуальности. Она содержит немалый потенциал как для исследователей, и психологов и педагогов, так и для современной практики всех типов учреждений образования и молодежной сферы, детских учреждений социальной защиты населения, детских и молодежных общественных объединений, загородных оздоровительных центров для детей и юношества.

Издания к 70-летию со дня рождения А. Н. Лутошкина

Психология и педагогика социального воспитания: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Н. Лутошкина / ред. и сост. А. Г. Кирпичник. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005. – 524 с.

Анатолий Николаевич Лутошкин: (его жизнь, работа, идеи в воспоминаниях коллег, друзей, учеников) / сост. и ред. А. Г. Кирпичник. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005. – 108 с.

Как надо вести за собой: К 70-летию А. Н. Лутошкина [Электрон. ресурс] / сост. А. Р. Наумов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005.

Библиографический список

1. *Лутошкин А. Н.* Как вести за собой. Старшеклассникам об основах организаторской работы / Ред. Б. З. Вульфов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 208 с.

2. *Лутошкин А. Н.* К некоторым проблемам пионерской романтики // Проблемы психологии детского коммунистического движения: Тезисы докладов: Материалы для обсуждения. – Кострома, 1966. – Вып. 2. – С. 3–11.

3. *Лутошкин А. Н.* Системная модель коллектива и некоторые принципы исследования групповых эмоциональных потенциалов // Костром. гос. пед. ин-т им. Н. А. Некрасова. Социально-психологические проблемы личности и коллектива: Республиканский сб. тр. – Ярославль, 1977. – Вып. 48. – С. 20–37.

4. *Лутошкин А. Н.* Эмоциональные потенциалы коллектива / науч. ред. Р. С. Немов. – М.: Педагогика, 1988. – 128 с.

5. *Лутошкин А. Н.* Эмоциональная жизнь детского коллектива. – М.: Знание, 1978. – 48 с.

6. *Кричевский Р. Л.* Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты / Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 207 с.

7. *Уманский Л. И.* Психология и педагогика работы комсорга / Л. И. Уманский, А. Н. Лутошкин. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 208 с.

В. В. Чекмарев

ЧЕЛОВЕК КАК ИНСТИТУТ (О КНИГЕ М. И. СКАРЖИНСКОГО «ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ»*)

Жизнь Матвея Исааковича Скаржинского едва ли не равна веку, конгениальна этому веку. Она соотносима с временем, но соотносима особым способом: новое в экономической науке (а требовались тусклые идеологические банальности в безликом хоре улюлюкающих подпевал директивным установкам начальников от науки), живая мысль посреди мертвечины, выдающей себя за истинный марксизм, человеческий жест – в противовес машинной жестикуляции косноязычных манекенов, отважный поступок в защиту одного – наперекор ведомственной травле, а может быть, и физической погибели этого *одного*.

И все же – не сумрачно и не хмуро, а жизнетворяще и весело. Человек веселого мужества. Его жизнь можно представить как две жизни: жизнь гражданина и жизнь в науке.

Жизнь в науке – энциклопедически универсальная, многогранная, по-скаржински всеохватная, праздничная, радостная.

Что в этой, второй жизни видится нам, его ученикам и продолжателям?

Осмысление и поиск решения проблемы инженерного труда; развернутые вопросы организации производства и управления; привлечение внимания к экономическому образованию школьников, студентов, преподавателей; решение задач экономики образования; постановка проблемы новой политэкономии; развитие институциональной теории; создание теории стадийного движения факторов производства и концепция трудового потенциала разноуровневых субъектов экономического производства – все это области экономического знания, в которых Матвей Исаакович является своим – компетентным, пытливым, вовлекающим в свой продуктивный поиск новых учеников, становящихся впоследствии кто верным адептом, а кто оппонентом и полемистом… Грустно? Но М. И. Скаржинский умеет радоваться и этому, доверяя нужной мысли в ее несовпадении со своей собственной.

Так длятся многие годы эти две, казалось бы, разные жизни. Две в одной? А может быть, и не две вовсе, а одна? Но особая, ни на чью другую не похожая, как, впрочем, ни на кого не похож ее субъект и творец, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный гражданин Костромской области, доктор экономических наук, профессор М. И. Скаржинский.

Наука для М. И. Скаржинского является безусловным критерием осмысленности жизни. В его публикациях – стремление отстоять ее высший смысл и человеческое предназначение. Отсюда его поддержка новых направлений, идущих в русле мировой научной мысли. И здесь он своими трудами выразительно демонстрирует насущные потребности нашего времени.

Бывают лишние для своего времени ученые, как бы неуместные. М. И. Скаржинский, наоборот, очень уместный своему времени ученый. Пишет, что считает нужным, говорит – без шпаргалок.

Мысль и действия, истина и поступок. Осмысленное действие, а мысль – пригодная в дело. («Поступающее мышление» по М. Бахтину.) Это и есть российский ученый-экономист.

Научные идеи могут быть со временем скорректированы, трансформированы, а то и вовсе отвергнуты. Вот и Вам, уважаемый читатель, предстоит оценить истиннолюбие Матвея Исааковича Скаржинского. Читайте, размышляйте, развивайте сформулированные научные начала.

Книга, которая вышла в Костромском государственном университет им. Н. А. Некрасова, надеюсь, поможет каждому и в саморазвитии.

* *Скаржинский М. И.* Избранные труды. – Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005. – 725 с.

© В. В. Чекмарев, 2006

ЧТО. ГДЕ. КОГДА.

М. А. Фокина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ ЛИНГВИСТОВ В КОСТРОМЕ

На филологическом факультете КГУ им. Н. А. Некрасова 17–19 марта 2006 года состоялась международная научно-практическая конференция «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты)». Соучредителями конференции выступили Международный комитет славистов, Администрация Костромской области и Костромской госуниверситет. Целью представительного научного собрания явилась интеграция лингвистических исследований в области семантики языковых единиц в аспекте культуры; было также представлено обобщение опыта практического использования научных результатов в сфере культуры и образования на международном, общенациональном и региональном уровнях; осуществлен анализ перспектив дальнейшего научно-профессионального сотрудничества и межкультурного взаимодействия. В работе конференции приняли участие более 100 исследователей из различных регионов России (Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Тулы, Орла, Белгорода, Воронежа, Смоленска, Кургана, Челябинска, Омска, Иванова, Шуи, Владимира, Ярославля, Кирова, Нижнего Новгорода и др.), а также зарубежные гости из Германии, Чехии, Польши, Хорватии, Черногории, Китая, Монголии, Таиланда.

Торжественное открытие конференции началось выступлением университетского хора «Глория», лауреата всероссийских и международных творческих фестивалей (художественный руководитель и дирижер – М. Жулябина). С приветственным словом научному форуму обратились заместитель начальника Департамента образования и науки Костромской области А. Ф. Драничников, ректор КГУ им. Н. А. Некрасова профессор Н. М. Рассадин, председатель фразеологической комиссии Международного комитета славистов профессор В. М. Мокиенко (СПбГУ). Выступающие отметили, что перспективным направлением в работе конференции является исследование языковых особенностей в региональном аспекте, что позволяет увидеть неповторимую специфику народной диалектной речи. Также заслуживает внимания обращение участников конференции к проблемам межкультурной коммуникации, процессам межнационального общения. Такая широкая научная интеграция локальных и глобальных подходов к изучению языковых явлений отражает глубину мышления и высокий исследовательский потенциал ученых, собравшихся в Костромском госуниверситете.

На пленарном заседании были представлены результаты фундаментальных теоретических исследований ученых в области современной семантики, лингвистической когнитивистики и лингвокультурологии. Профессор Н. Ф. Алефиренко (Белгород) глубоко и многосторонне осветил аспекты фразеологического значения в свете когнитивной семасиологии; профессор Л. К. Байрамова и доцент Г. А. Багаутдинова (Казань) охарактеризовали проблемы аксиологической фразеологии на материале русско-татарских языковых соответствий и различий; профессор А. М. Мелерович (Кострома) и профессор В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург) обосновали принципы семантизации межъязыковых фразеологических коррелятов в двуязычных фразеологических словарях; особенности межкультурной коммуникации нашли отражение в докладе профессора А. А. Хуснутдинова (Иваново) и, Ц. Цэрэндорж и Чжу Сяо Дуна – ученых из Монголия и Китай «Фразеология языка и его носителей».

В завершение пленарного заседания известный книгоиздатель А. А. Шумейко (Москва), старший научный сотрудник ИРЯ РАН, представил новые лингвистические словари. В рамках конференции состоялась презентация юбилейного сборника научных трудов «Слово в словаре и дискурсе» (Москва, 2006), выпущенного к 50-летию доктора Харри Вальтера, ученого-русиста, члена фразеологической комиссии Международного комитета славистов, профессора Грайфсвальдского университета им. Э. М. Арндта (Германия), который выступил в Костроме с научным докладом «Принципы составления рус-

© М. А. Фокина, 2006

ско-немецкого словаря пословиц». Научному собранию был представлен также словарь диалектной лексики «Живое костромское слово» (Кострома, 2006). Составитель словаря профессор Н. С. Ганцовская рассказала об особенностях говоров Ножкинского сельсовета Чухломского района Костромской области.

На конференции была организована работа семи научных секций, где обсуждались семантические и прагматические аспекты изучения единиц языковой номинации, культурно значимой фразеологии и лексики в ментальных пространствах текста и дискурса, проблемы фразеографии и лексикографии, диалектологии и лингвокраеведения, а также методики преподавания языка в вузе и школе. Состоялись выступления в прениях, обмен мнениями, научные дискуссии. Большой интерес вызвали доклады проф. Г. А. Лилич «Русские антибиблеизмы» (СПбГУ); проф. Л. П. Гашевой «Процессы неологизации в поэтическом аспекте» (Челябинск); проф. И. А. Едошиной «“Кузнечик аканфовый”, или жизнь слова во времени культуры» (Кострома); проф. Ж. Финк «Кто на самом деле Снежная Королева?» (Загреб, Хорватия); проф. В. Т. Бондаренко «О деде Пехто и еще кое о ком (фразеология и дискурс)» (Тула); доц. Л. Ю. Зориной «Один из источников изучения вологодских говоров (на материалах книги Д. Т. Тутунджан “Разговоры”)» (Вологда); доц. А. В. Невского «Некоторые проблемы визуализации в коммуникативном пространстве СМИ» (Кострома) и др.

Региональный аспект исследования был широко представлен в выступлениях ученых на секции «Диалектология и краеведение»: проф. Л. А. Ивашко (Санкт-Петербург) привела оригинальные факты из истории фразеологической синонимии русских говоров; проф. Т. В. Бахвалова (Орел) представила словарь орловских говоров как источник ареального изучения диалектной лексики Орловского края; доц. Т. Е. Никулина (Кострома), характеризуя источники для Костромского областного словаря, рассказала о народно-разговорной лексике в фольклорных произведениях Шарьинского района.

Коммуникативно-прагматическая специфика изучения языковых единиц была представлена в докладах методической секции: проф. А. Ю. Купалова (Москва) раскрыла семантический аспект функционального подхода к изучению синтаксиса в школе; проф. Л. Г. Антонова (Ярославль) охарактеризовала медиа-образованность современного старшеклассника; доц. В. В. Тихова (Кострома) проанализировала фатическую речь как дидактическую единицу при обучении рецензированию.

В рамках конференции состоялся методический семинар «Международные проекты и национально-региональные лингвистические программы в школьном и вузовском преподавании». Участниками семинара явились лучшие педагоги школ Костромской области. Ю. Б. Шанина, учитель школы № 5 г. Костромы, рассказала об использовании информационно-коммуникативных технологий в обучении русскому языку. А. В. Сенцова, учитель Чернопенской школы Костромского района, представила творческую мастерскую как инновационный жанр урока русского языка. Моделирование фрагментов урока с участием школьников продемонстрировала на занятии мастер-класса «Технология обучения грамотности Ю. А. Поташкиной» учитель школы № 35 г. Костромы А. Г. Шахова. Н. Н. Левданская, учитель Караваевской школы Костромского района, выступила с докладом «Итоговый экзамен по русскому языку: мировой и республиканский опыт в сельской школе». Методический семинар имел выраженную практическую направленность, позволил педагогам обобщить опыт использования новых теоретических исследований в школьном и вузовском преподавании русского языка. Заинтересованное общение ученых-методистов и учителей-практиков способствовало интеграции современных достижений в образовательном процессе.

Гости Костромы приняли активное участие в культурной программе конференции, побывали в Ипатьевском монастыре, Богоявленско-Анастасиином кафедральном соборе, посетили драмтеатр им. А. Н. Островского и выставки в областном художественном музее.

По итогам работы конференции научное собрание приняло ряд перспективных решений. В Москве будет издан сборник докладов в издательстве русских словарей (проект А. А. Шумейко). Обобщив опыт проведения двух конференций по проблемам лингвистической семантики (первая состоялась в КГУ в 2004 году), ученые предложили сделать конференцию традиционной и собираться на филологическом факультете Костромского госуниверситета 1 раз в два года. Следующий научный форум состоится в Костроме в марте 2008 года.

Учитывая высокий исследовательский потенциал костромской научной школы языковедов (руководители – проф. А. М. Мелерович, проф. Н. С. Ганцовская), присутствующие на конференции представители Международного комитета славистов (В. М. Мокиенко, Х. Вальтер, Ж. Финк) включили проф. А. М. Мелерович в состав Фразеологической комиссии. Свидетельством усиления международных научных контактов стало приглашение костромских коллег на конференцию «Славянская фразеология и прагматика», которая состоится 17–19 сентября 2006 года в Хорватии на острове Раб.

В целом конференция прошла успешно, была четко организована ее работа, содержательная сторона научного собрания полно отразила новые тенденции современной лингвистики. Осмысление результатов конференции позволило наметить перспективы будущих исследовательских проектов, интенсифицировать научный поиск, опираясь на партнерское взаимодействие отечественных и зарубежных коллег.

В. М. Баженов

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

На базе индустриально-педагогического факультета Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова 24 марта прошла VII межвузовская научно-практическая конференция по проблемам развития технологического образования в Российской Федерации. На конференции обсуждались вопросы, связанные с проблемами качества подготовки учителя технологии и предпринимательства, формированием его технологической культуры в условиях профилизации общеобразовательной школы, формированием технологического мировоззрения учащихся, развитием профильного обучения по технологическому направлению.

В конференции приняли участие ученые из Москвы, Костромы, Ярославля, Шуи. С приветственным словом к участникам конференции обратился проректор по научной работе Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова проф. А. Г. Кирпичник. В своем выступлении он указал на важность формирования технологической культуры молодежи, в том числе будущего специалиста, в современном информационно-технологическом обществе.

Заведующий кафедрой технологии КГУ им. Н. А. Некрасова, канд. пед. наук, доцент В. М. Баженов свой доклад посвятил вопросам, связанным с теоретико-методологическими подходами к формированию технологической культуры будущего учителя технологии и предпринимательства. При этом он отметил, что связующим звеном в процессе формирования технологической культуры является интегративно-культурологический подход, под которым он понимает синтез таких подходов, как культурологический, аксиологический, системный, задачный, этнодидактичекий, контекстный и др. Проектированию содержания образовательной области «Технология» посвятил свое выступление профессор Шуйского государственного педагогического университета Е. М. Муравьев. Теоретические подходы к реализации технологического образования в условиях профилизации общеобразовательной школы рассмотрел зав. кафедрой экономики и технологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского проф. Л. Н. Серебреннико.

На круглых столах обсуждались вопросы, связанные с подготовкой учителей технологии и предпринимательства, с направлениями реализации профильного и предпрофильного обучения в общеобразовательной школе.

Проведение конференции позволило ее участникам обменяться опытом научной и практической работы. В рамках конференции проведено два «круглых стола» по теории и методике технологического образования учителей технического и обслуживающего труда, технологической подготовки учащихся общеобразовательных учреждений. Участники конференции единогласно поддерживают решения международных конференций по проблемам технологического образования в школе и вузе, состоявшихся на базе Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского 13–15 декабря

© В. М. Баженов, 2006

2005 г. и Московского педагогического государственного университета 30–31 января 2006 г. и на региональном уровне акцентируют внимание на следующих положениях.

Конференция констатирует:

1. В условиях развития информационно-технологического общества повышается роль технологического образования молодежи как стратегического фактора подъема экономики и гармонизации отношений между человеком, природой и техносферой. Технологизация является одной из ведущих тенденций современного мирового образовательного процесса, позволяющего России более успешно войти в Европейское образовательное пространство в контексте Болонских соглашений.

2. Целью технологического образования является творческое овладение обучающимися технологической культурой, достигнутым уровнем преобразовательной деятельности человека и обществом в целом, формирование у молодежи готовности к успешной профессиональной деятельности в одной из сфер общественного производства.

Конференция рекомендует:

1. Основной задачей считать перевод технологического образования учителей и школьников в новое качество путем обновления учебных программ, расширения технологических курсов.

2. Активно включиться в разработку электронных учебно-методических комплексов, электронных учебных пособий и других образовательных ресурсов по технологии.

3. Шире внедрять в учебный процесс активные развивающие формы, методы и средства обучения: творческие проекты с разработкой электронной презентации, деловые игры, олимпиады, конкурсы; осуществлять более широкую и тесную интеграцию технологии с другими общеобразовательными предметами.

4. Активнее разрабатывать и внедрять краткосрочные технологические курсы для учащихся 9 классов как компонента их предпрофильной подготовки с повсеместным внедрением курсов по профессиональному самоопределению с выполнением и защитой творческого проекта «Мой выбор».

5. Содействовать созданию технологических профилей для обучения старшеклассников с осуществлением их первоначальной профессиональной подготовки.

Конференция обращается:

1. К Министерству образования и науки Российской Федерации:

– считать образовательную область «Технология» одной из основных школьных дисциплин и сохранить ее изучение на уровне базисного учебного плана 1998 г., обеспечивая тем самым непрерывность технологической подготовки школьников с 5 по 11 класс в объеме не менее двух часов в неделю; сохранить графическую подготовку в объеме 1 часа в неделю дополнительно в 9 классе;

– для предпрофильной подготовки выделить часы из школьного компонента, поскольку именно эта подготовка должна опираться на региональные особенности;

– при создании профильной школы обратить особое внимание на реализацию технологических профилей;

– ввести технологию в состав ЕГЭ, провести разработку ЕГЭ по технологии и эксперимент по его использованию в школе;

– ввести технологию в качестве вступительного экзамена на специальность «Технология и предпринимательство» педвузов.

2. К региональным и муниципальным органам управления образования:

– обратить особое внимание на важность технологически подготовки сельских школьников как одного из существенных условий самореализации молодежи в аграрном секторе производства с целью обеспечения трудовыми кадрами экономического развития региона и страны в целом;

– сохранить и расширить сеть межшкольных учебных комбинатов как важного средства технологической предпрофильной и профильной подготовки школьников;

– оказать финансовую поддержку разработке учебно-методических пособий, дидактических материалов средств по технологической подготовке молодежи в системе непрерывного начального профессионального и общего образования;

– обеспечить приоритетное финансирование образовательных учреждений, участвующих в опытно-экспериментальной работе по реализации технологических профилей и создание условий для более широкого введения в учебный процесс образовательной области «Технология» творческих проектов с экологическим содержанием.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Марина Андреевна, декан художественно-графического факультета, проф. каф. теории и методики преподавания ИЗО, черчения и ДПИ КГУ им. Н. А. Некрасова.

АННИН Анатолий Геннадьевич, канд. истор. наук, доц., докторант Ивановского гос. ун-та.

БАБАЕВ Дмитрий Брониславович, канд. экон. наук, доц. каф. экономической теории и социологии Ивановского гос. хим.-техн. ун-та.

БАЖЕНОВ Валерий Михайлович, канд. пед. наук, доц., зав. каф. технологии КГУ им. Н. А. Некрасова.

БАСОВ Николай Федорович, д-р пед. наук, проф., зав. каф. социальной работы КГУ им. Н. А. Некрасова.

БРАГИНА Зинаида Васильевна, д-р техн. наук, проф., директор института экономики КГУ им. Н. А. Некрасова.

ВОЛКОВА Елена Юрьевна, канд. истор. наук, доц. каф. отечественной истории Костромского гос. технол. ун-та.

ГЕВОРКЯН Эдвард Вигенович, д-р физ-мат. наук, проф. каф. общей физики Московского областного гос. ун-та.

ДУЛИН Юрий Николаевич, канд. экон. наук, доц. РГПУ им. Герцена.

КАЛМЫКОВ Владимир Викторович, канд. истор. наук, доцент.

КАРАВАЙКОВ Владимир Михайлович, д-р техн. наук, проф. Костромского гос. технол. ун-та, директор регионального центра энергосбережения.

КАРАВАЙКОВА Елена Владимировна, ст. преподаватель каф. гражданского права и процесса Костромского гос. техн. ун-та.

КИРЕЕВА Светлана Александровна, канд. юрид. наук, доцент каф. теории и истории государства и права Астраханского гос. техн. ун-та.

КИРПИЧНИК Анатолий Григорьевич, канд. психол. наук, проф., зав. каф. социальной психологии, проректор по НИР КГУ им. Н. А. Некрасова.

КОЖУРИН Сергей Иванович, канд. техн. наук, доц. каф. лесоинженерного дела Костромского гос. технол. ун-та.

КОПТЕЛОВА Наталия Геннадьевна, канд. филол. наук, доц., докторант каф. литературы КГУ им. Н.А. Некрасова.

КРАСОВСКАЯ Юлия Павловна, аспирант, ассистент каф. русского языка КГУ им. Н. А. Некрасова.

КУЛИКОВ Андрей Владимирович, канд. техн. наук, доц. каф. математики Костромского гос. технол. ун-та.

КУПРИЯНОВ Борис Викторович, канд. пед. наук, доц. каф. социальной работы КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЛАРИОНОВ Алексей Николаевич, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. общей физики Воронежского гос. ун-та.

МАШКОВ Сергей Владимирович, аспирант каф. менеджмента КГУ им. Н. А. Некрасова.

МЕЛИХОВ Юрий Филиппович, канд. физ.-мат. наук, проф. каф. общетехнических дисциплин, проректор по научной работе Курского гос. ун-та.

МЕЛЬНИКОВ Максим Викторович, канд. ист. наук, доц. каф. гуманитарных наук Ковровской гос. технол. академии.

МОРОЗОВ Дмитрий Викторович, аспирант кафедры литературы КГУ им. Н. А. Некрасова.

НАУМОВ Александр Рудольфович, канд. хим. наук, нач. управления научно-исследовательской деятельности КГУ им. Н. А. Некрасова.

НЕГАНОВА Галина Дмитриевна, соискатель каф. культурологи КГУ им. Н. А. Некрасова.

ОСМАНОВ Али Ибрагимович, канд. истор. наук, начальник организационно-методического отдела УМО по направлениям педагогического образования, доцент кафедры истории РГПУ им. А. И. Герцена.

ПЯТНИЦКИЙ Дмитрий Витольдович, канд. техн. наук, доц. Ивановской гос. текстильной академии.

РАССАДИН Николай Михайлович, канд. пед. наук, проф., ректор КГУ им. Н. А. Некрасова.

РОММ Татьяна Александровна, канд. пед. наук, доц., зав. каф. педагогики и психологии Новосибирского гос. пед. ун-та.

РЯЗАНОВА Нина Владимировна, канд. техн. наук, доц. каф. деталей машин и прикладной механики Оренбургского гос. ун-та.

САВЕЛЬЕВА Ирина Евгеньевна, канд. мед. наук, ассистент каф. восстановительной медицины, психиатрии, психотерапии, наркологии и детской наркологии ФДППО Ивановской гос. мед. академии.

СЕКОВАНОВ Валерий Сергеевич, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. информатики и вычислительной математики КГУ им. Н.А. Некрасова.

СЕМЕНОВ Владимир Анатольевич, канд. филос. наук, доц. каф. политологии РГПУ им. А. И. Герцена.

СКОРОБОГАТЬКО А. В., канд. филос. наук, доц. каф. политологии РГПУ им. А. И. Герцена.

ТИМОНИН Андрей Иванович, канд. пед. наук, проф., директор Института педагогики и психологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ТИНЯКОВ Олег Алексеевич, ассистент каф. общетехнических дисциплин Курского гос. ун-та.

ТИХОВА Валентина Викторовна, канд. пед. наук, доц., докторант каф. русского языка КГУ им. Н. А. Некрасова.

ФОКИНА Мадина Александровна, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка КГУ им. Н. А. Некрасова.

ЦУРИКОВ Владимир Иванович, канд. физ.-мат. наук, докторант каф. экономической теории КГУ им. Н. А. Некрасова.

ЧЕКМАРЕВ Василий Владимирович, д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономической теории КГУ им. Н. А. Некрасова.

ШАЛУМОВ Михаил Славович, д-р юрид. наук, судья Костромского областного суда, проф. каф. права КГУ им. Н. А. Некрасова.

ШЕВЕЛЕВ Александр Николаевич, канд. пед. наук, доц. каф. истории педагогики, проректор по научной работе Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования.

ШЕМЕТ Ирина Сергеевна, канд. психол. наук, доц. каф. социальной психологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ШУБИНА Эльвира Леонидовна, канд. филол. наук, докторант филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Журнал «Вестник КГУ» публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Размер статей не должен превышать 10 страниц текста, включая библиографию и подписи под рисунками. Количество рисунков не должно превышать 6, в кратких сообщениях – 2.

Статьи, заказываемые редколлегией для обзора работ в одной из научных областей, могут иметь объем до 1 п.л.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в 1 экземпляре с дискетой (формат MS Word, рисунки в формате (*.bmp), (*.tif), (*.jpg), (*.psd), (*.pcx)). Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: кегль 14 через 1,5 интервала; поля 25 мм со всех сторон.

Материал должен быть тщательно отредактирован.

2. Построение статьи:

2.1. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима). Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, должность).

2.2. Преамбула, объясняющая цель работы, актуальность проблемы.

2.3. Выводы.

2.4. Литературные ссылки.

3. Все страницы рукописи должны иметь сплошную нумерацию.

В тексте статьи необходимо дать ссылки на все рисунки и таблицы, которые, в свою очередь, должны быть озаглавлены.

Единицы измерения даются в соответствии с международной системой единиц (СИ).

Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками.

Порядок оформления ссылок:

– Статья в журнале: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. От–до.

– Статья в сборнике трудов: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Город, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.)

– Монография или книга: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (или число страниц в книге __с.).

– Авторские свидетельства и патенты: А. с. номер. Название.

– Автореферат: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

4. Работы, опубликованные в других изданиях, не принимаются.

Статьи следует направлять по адресу:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14, Костромской государственный университет, корпус «В», кабинет 1.

vestnik@ksu.kostroma.net

Не принятые к публикации статьи возвращаются.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 05.05.2006
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 18,5
Тираж 1000 экз.
Изд. № 87

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(0942) 31-65-61**, факс: **(0942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.kostroma.net**

Цена свободная